

ISSN: 2616-8162

**Вестник
Донецкого
национального
университета**

**НАУЧНЫЙ
ЖУРНАЛ**
*Основан
в 1997 году*

Серия Д
**Филология
и психология**

4/2024

Редакционная коллегия журнала «Вестник Донецкого национального университета.

Серия Д: Филология и психология»

Ответственный редактор – д-р филол. наук, проф. **В.И. Теркулов**

Заместитель ответственного редактора – д-р филол. наук, проф. **О.Л. Бессонова**

Ответственный секретарь – канд. психол. наук, доц. **С.А. Вильдгрубе**

Члены редколлегии: д-р наук по соц.ком., проф. **И.М. Артамонова**, д-р филол. наук, проф. **Ш.Р. Басыров**, канд. психол. наук, доц. **А.В. Гордеева**, д-р филол. наук, проф. **А.В. Домашенко**, д-р психол. наук, проф. **С.Т. Джанерьян** (Южный федеральный университет), д-р филол. наук **А.И. Иваницкий** (Российский государственный гуманитарный университет), д-р филол. наук, проф. **В.Д. Калиущенко**, д-р филол. наук, проф. **А.А. Кораблев**, д-р филол. наук, доц. **А.А. Кудряшова** (Московский центр качества образования), д-р психол. наук, проф. **В.А. Лабунская** (Южный федеральный университет), д-р филол. наук, доц. **М.Ч. Ларионова** (Южный научный центр РАН), д-р психол. наук, доц. **Е.Г. Максименко**, д-р филол. наук, проф. **Г.Н. Манаенко** (Северо-Кавказский федеральный университет), канд. филол. наук **М.Н. Панчехина**, д-р филол. наук, проф. **М.Л. Ремнёва** (Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова), д-р психол. наук, доц. **Е.Н. Рядинская** (Донбасская аграрная академия), д-р психол. наук, проф. **С.В. Сарычев** (Курский государственный университет), д-р психол. наук, проф. **А.В. Сидоренков** (Южный федеральный университет), д-р филол. наук, проф. **Г.Г. Слышкин** (Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ), д-р филол. наук, доц. **Л.В. Соснина** (Донецкий национальный технический университет), д-р филол. наук, проф. **В.И. Супрун** (Волгоградский государственный социально-педагогический университет), д-р филол. наук, проф. **В.В. Тулупов** (Воронежский государственный университет), д-р филол. наук **Н.В. Усова**, д-р филол. наук, проф. **Н.В. Уфимцева** (Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова), д-р филол. наук, доц. **Е.В. Филатова**, д-р филол. наук, доц. **Л.Н. Ягупова**, канд. психол. наук, доц. **М.И. Яновский**.

Editorial Board of journal “Bulletin of Donetsk National University

Series D: Philology and Psychology”

Editor-in-Chief – Doctor of Philology, Prof. **V.I. Terkulov**

Deputy Editor-in-chief – Doctor of Philology, Prof. **O.L. Byessonova**

Executive Secretary – Candidate of Psychology, Associate Prof. **S.A. Vildgrube**

Members of the Editorial Board: Doctor of Social Communications, Prof. **I.M. Artamonova**, Doctor of Philology, Prof. **Sh.R. Basyrov**, Candidate of Psychology, Associate Prof. **A.V. Gordeeva**, Doctor of Psychology, Prof. **S.T. Dzhanyan** (Southern Federal University), Doctor of Philology, Prof. **V.A. Domaščenko**, Doctor of Philology **A.V. Ivanitskiy** (Russian State University for the Humanities), Doctor of Philology, Prof. **V.D. Kaliuščenko**, Doctor of Philology, Prof. **A.A. Korablev**, Doctor of Philology, Associate Prof. **A.A. Kudryashova** (Moscow Center for the Quality of Education), Doctor of Psychology, Prof. **A.V. Labunskaya** (Southern Federal University), Doctor of Philology, Associate Prof. **M.Ch. Larionova** (Southern Scientific Center of the RAS), Doctor of Psychology, Associate Prof. **Ye.G. Maksimenko**, Doctor of Philology, Prof. **G.N. Manaenko** (North Caucasian Federal University), Candidate of Philology **M.N. Panchehina**, Doctor of Philology, Prof. **M.L. Remnyova** (Moscow State University), Doctor of Psychology, Associate Prof. **Ye.N. Ryadinskaya** (Donbass Agrarian Academy), Doctor of Psychology, Prof. **S.V. Sarychev** (Kursk State University), Doctor of Psychology, Prof. **A.V. Sidorenkov** (Southern Federal University), Doctor of Philology, Prof. **G.G. Slyshkin** (Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration), Doctor of Philology, Associate Prof. **L.V. Sosnina** (Donetsk National Technical University), Doctor of Philology, Prof. **V.I. Suprun** (Volgograd State Socio-Pedagogical University), Doctor of Philology, Prof. **V.V. Tulupov** (Voronezh State University), Doctor of Philology, Prof. **N.V. Ufimtseva** (Moscow State University), Doctor of Philology **N.V. Usova**, Doctor of Philology, Associate Prof. **E.V. Filatova**, Doctor of Philology, Associate Prof. **L.N. Yagupova**, Candidate of Psychology, Associate Prof. **M.I. Yanovsky**.

Научный журнал «Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология» включён в базу РИНЦ (договор 264-06/2018), с 20.02.24 включён в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, соискание учёной степени доктора наук по следующим группам научных специальностей: 5.9. Филология; 5.3. Психология.

Адрес редакции: ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», ул. Университетская, 24, 283001, г. Донецк, **Тел:** +7 (856) 302-92-33.

E-mail: vi.terkulov@mail.ru, s.vildgrube@mail.ru.

URL: <http://donnu.ru/vestnikD>.

Печатается по решению Учёного совета ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет».
Протокол 11 от 01.10.2024.

© ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», 2024

**Вестник
Донецкого
национального
университета**

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ОСНОВАН В 1997 ГОДУ

**Серия Д: Филология и
психология**

№ 4/2024

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Филология

- Джелалова Л. А.* Русские пословицы в пространстве индивидуальной коммуникативной модели [A=B] 5
- Калинкин В. М.* «Драматические исследования» А.С. Пушкина в свете задач поэтонимографии 18
- Прокурова Н. С., Паненко Е. А.* Живой портрет каторги на страницах книги В.М. Дорошевича «Сахалин. Каторга и преступления» (к 160-летию со дня рождения писателя) 28
- Соснина Л. В.* Идиоматичность имен прилагательных 40
- Москаленко О. А., Глухов Н. М.* Воссоздание образа родины в переводах лирики В. Высоцкого и рэп-исполнителя «Хаски» на английский язык 51
- Мызникова Я. В.* Наименования одежды и обуви в русских говорах Симбирского Поволжья: этнолингвистический и ареальный аспекты 61
- Назар Р. Н.* Аббревиация как способ словообразования военной терминологии в реалиях современного Донбасса (на материале текстов СМИ) 76
- Рязанова В. А.* Материал «Толкового словаря сложносокращённых слов русского языка» в прескриптивном аспекте 89
- Криволап С. С.* Фразеологические единицы с сакральными компонентами *бог, рай, душа, черт* в творчестве Александра Твардовского (на материале ранней и военной поэзии) 99
- Кривченко Е. А.* Косвенные речевые акты в речевой агрессии (на материале произведений В. В. Вересаева «Записки врача» и Д. А. Правдина «Записки районного хирурга») 111
- Смирнова И. В.* Мошеннический дискурс: стратегия «апелляции к жалости» 123
- Сорокин А. А.* Ассоциирование патриотизма и моды как 133

контрпродуктивная медийная стратегия

Хейдарри А., Хоссейни А. Словообразование как способ терминообразования (на материале военных и военно-технических терминологии в русском, английском и персидском языках) 148

Чекина А.А. Этикет народной речи: диалоговая форма 160

Психология

Кудряшова А.А. Проблема помощи семье в арт-терапии 170

Рядинская Е.Н., Волобуев В.В., Вялышева М.О. Интернет-аддикция подростков в современном цифровом мире: теоретический анализ 180

Куликова Т.И. Личностные характеристики коммуникативного поведения подростков со склонностью к агрессии 190

Рогозина М.Ю., Першина М.В. Личностные и ситуативные детерминанты экономического патриотизма российского потребителя 201

Правила для авторов 212

Bulletin of Donetsk National University

SCIENTIFIC JOURNAL

FOUNDED IN 1997

**Series D: Philology and
Psychology**

No 4/2024

CONTENTS

Philology

<i>Dzhelalova L.A.</i> Russian proverbs in the space of an individual communication model [A=B]	5
<i>Kalinkin V.M.</i> «Dramatic studies» by A.S. Pushkin in light of objectives of poetonymography	18
<i>Prokurova N.S., Panenko E.A.</i> Living portrait of servitude in “Sakhalin. Hard Labour. Criminals” by V.M. Doroshevich (to writer’s 160 th anniversary)	28
<i>Sosnina L.V.</i> Idiomaticity of adjectives	40
<i>Moskalenko O.A., Glukhov N.M.</i> Image of Motherland in Translations of Lyrics by V. Vysotsky and Husky into English	51
<i>Myznikova Y.V.</i> Names of clothes and footwear in Russian dialects of the Simbirsk Volga region: ethnolinguistic and areal aspects	61
<i>Nazar R.N.</i> Abbreviation as way of forming military terminology in realia of modern Donbass (based on media texts)	76
<i>Ryazanova V.A.</i> Material of "Explanatory Dictionary of Compound Abbreviated Words of the Russian Language" in prescriptive aspect	89
<i>Krivolap S.S.</i> Phraseological units with sacred components <i>God, paradise, soul, devil</i> in works by Alexander Tvardovsky (based on early and military poetry)	99
<i>Krivchenko E.A.</i> Indirect speech acts in speech aggression (based on «Notes of a doctor» by V. V. Veresaev and «Notes of a district surgeon» by D. A. Pravdin)	111
<i>Smirnova I.V.</i> The fraudulent discourse: strategy of appeal to pity	123
<i>Sorokin A.A.</i> Associating patriotism and fashion as counterproductive media strategy	133
<i>Heydari A., Hosseini A.</i> Military and military technical terminology in Russian, English and Persian languages)	148

Chekina A.A. Folk speech etiquette: dialogue form 160

Psychology

Kudryashova A.A. To problem of helping families in art-therapy 170

Ryadinskaya Ye.N., Volobuev V.V., Vyalysheva M.O.
Internet addiction of adolescents in today's digital world: theoretical analysis 180

Kulikova T.I. Personality characteristics of communicative behaviour of adolescents with tendency to aggression 190

Rogozina M.Y., Pershina M.V. Personal and situational determinants of Russian consumer's economic patriotism 201

Guidelines for authors 212

ФИЛОЛОГИЯ

Научная статья
УДК 811.161.1
DOI: 10.5281/zenodo.13995275

РУССКИЕ ПОСЛОВИЦЫ В ПРОСТРАНСТВЕ ИНДИВИДУАЛЬНОЙ КОММУНИКАТИВНОЙ МОДЕЛИ [A=B]

© 2024 Л.А. Джелалова

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет технологии и управления им. К.Г. Разумовского (Первый казачий университет)»
ORCID 0000-0001-6184-9639

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru>

Статья посвящена вопросам русской паремиологии – исследованию пословиц посредством коммуникативно-прагматического анализа – использования высказываний в речевом общении в рамках индивидуальной коммуникативной модели [A=B]. Цель – согласно коммуникативным и прагматическим свойствам русских пословиц, выявленным нами в процессе исследования, рассмотреть возможности их применения участниками коммуникации в качестве аргумента и контраргумента ситуации, предполагающей сотрудничество, направленное на обоюдный учет интересов. Применение коммуникативно-прагматического анализа позволит выявить границы возможного использования изречений (группы изречений) в определенной ситуации общения; определить, какое положительное воздействие может оказать изречение на слушающего при смене коммуникативных ролей в эмоционально стабильной обстановке; выявить свойства пословиц, в том числе проявляющиеся во взаимодействии партнеров в процессе обмена мыслями, чувствами, оценкой. Такое видение научной проблемы позволяет свести к минимуму ошибки в понимании изречений, а значит, и в их применении; правильно оценить ситуацию действия и даже спрогнозировать результат, расширив границы конкретного коммуникативного события в межсубъектном диалоге, коммуникативным элементом которого может стать как пословица-аргумент, так и контраргумент.

Ключевые слова: пословица, модель, коммуниканты, субъект, говорящий, отвечающий, диалог, ситуация общения, коммуникативное намерение, тактика, стратегия.

Для цитирования: Джелалова Л.А. Русские пословицы в пространстве индивидуальной коммуникативной модели [A=B] / Л.А. Джелалова // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. – 2024. – № 4. – С. 5–17. – <https://doi.org/10.5281/zenodo.13995275>.

Введение

Обращение к прошлому, сложившемуся веками стереотипу человеческих взаимоотношений, заложенному особенно ярко в паремиологических текстах, как никогда актуально в наше время. Актуальность обращения именно к пословицам заключается в том, что они [пословицы] более чем, например, фразеологизмы или поговорки, требующие для полного понимания их смысла и значения вкрапления в текст, уже являются этим текстом. Причем текстом проверенным временем и принятым в обществе вне своего исторического периода.

Пословицы созданы человеком и для человека, а потому – это не только «умственные богатства народа» [18, с. 4], его «культурная память» [7, с. 217–219; 6, с. 268], «произведения родного слова, выражающие народный быт, здравый смысл и нравственные интересы» [1, т. 1, с. 80], «народная истина» [4, с. 1–14], но и «своеобразные аксиоматические формулы бытового мировосприятия и поведения русского человека» [2, с. 59; 12, с. 195]. «В силу своей функциональной направленности» [8, с. 82] пословица обладает уникальной способностью «интерпретировать, подвергать оценке, субъективному толкованию окружающую действительность» [8, там же], в центре которой человек-носитель разнообразных положительных и отрицательных качеств» [15, с. 1] без прикрас.

Сформированные в виде универсальных констатирующих суждений и умозаключений пословицы как «разговорные формулы» [10, с. 3] представляют собой «устойчивые, лаконичные, ритмически организованные изречения, несущие поучительный или назидательный смысл и обладающие буквальным и переносным (только переносным) смыслом» [10, с. 3]. «Указывая на общепринятое отношение к чему-либо для любого времени и человека» [12, с. 195], именно пословицы представляют собой мини-тексты. Эти тексты, с одной стороны, могут реализоваться независимо от дискурса, а с другой стороны, играть роль дискурсивных единиц, а потому по праву занимать особое место в диалогическом общении в качестве весомых аргументов, служащих «хорошей, убедительной поддержкой» [12, с. 197; 2, с. 60]. Данная способность пословицы позволяет нам говорить о ней как об уникальном коммуникативном инструменте, или коммуникативной составляющей, используемой говорящим в качестве аргумента и отвечающим в качестве контраргумента в рамках субъектно-субъектных отношений и являющейся средством достижения цели. Под коммуникативной составляющей мы будем понимать изречения, служащие носителями информации и способствующие, согласно конкретной ситуации общения и намерения партнеров, получению желаемого результата всеми участниками общения.

В нашей статье речь пойдет о пословицах-аргументах и контраргументах индивидуальной коммуникативной модели [A=B] (далее – ИКМ [A=B]), где А – коммуникатор, или субъект общения – говорящий – вероятностный инициатор общения и лицо на начальном этапе передающее информацию; В – перцепиент, или партнер – отвечающий – лицо, которое в начале общения принимает и осмысливает информацию, а при неоднократной смене коммуникативных ролей в процессе общения может брать инициативу на себя и по возможности изменить коммуникативную ситуацию в свою пользу, но с учетом интересов собеседника; знак = – степень коммуникативного намерения. Под степенью коммуникативного намерения мы будем понимать вероятностный прогноз предполагаемого исхода общения. Согласно заявленной модели, вероятностный прогноз определяет коммуникативное намерение участников общения, которое включает выбор партнерами коммуникативной стратегии. Цель стратегии – получение желаемого результата через изменение ситуации в свою пользу. Способы достижения поставленной цели осуществляются посредством правильно выбранных коммуникативных тактик.

Отсюда названная нами коммуникативная модель [A=B] включает в себя:

- 1) цель, ведущую к положительному результату всех участников коммуникативного процесса;
- 2) разработку стратегий и тактик общения с учетом времени, места, возраста и эмоционального состояния партнеров;

3) выбор языковых средств (пословиц-аргументов и пословиц-контраргументов) для конкретного коммуникативного события.

Перейдем к описанию заявленной нами коммуникативной модели.

Общая характеристика коммуникативного пространства индивидуальной коммуникативной модели [А=В]

Индивидуальная коммуникативная модель [А=В] сложно устроена и представляет собой сочетание двух характеристик: а) оценки качества одного какого-либо субъекта или объекта безотносительно к кому-либо, т.е. внутри его собственного смыслового и коммуникативного пространства [Я=Я]: <ТЫ> *Голым родился, голым и умрет*; <ТЫ / ТЕБЯ> *Шуба овечья, да душа человекья* [13; 14]; б) оценки качества физически разных и вполне самостоятельных субъектов, отличающихся друг от друга по степени качества, т.е. на пересечении их смысловых пространств [Я=ТЫ / ОН=ОНИ]: *Люди солгали, да и мы правды не сказали* [13, 14], смысл: «если какой-либо субъект (МЫ) зависит от другой главенствующего субъекта (ЛЮДИ), обладающего каким-либо качеством действия (СОЛГАЛИ), то и зависимый субъект (МЫ) будет обладать подобным качеством действия (ПРАВДЫ НЕ СКАЗАЛИ)».

Субъекты коммуникации заявленной нами модели ИКМ [А=В]: говорящий (отвечающий) и слушающий могут одновременно выступать в разных качествах: занимать доминирующую позицию над собеседником, а также быть в качестве партнера-исполнителя, но без большого ущерба для себя и по доброй воле. Отсюда действия партнеров будут основаны на намерении одновременно получить желаемый результат: преследовать общую цель и планировать друг для друга взаимовыгодные условия.

Пословицы, используемые говорящим или отвечающим (лицом, получившим главенствующий статус благодаря смене коммуникативных ролей), должны представлять собой высказывания, побуждающие партнеров к взаимовыгодным действиям. На этом основании изречения, используемые отвечающим в качестве аргумента / контраргумента, должны представлять собой высказывания, побуждающие партнера к взаимовыгодным действиям, а потому материалом данной коммуникативной модели могут быть пословицы следующих прагматических типов: **изречения-приказы** (*Режь да ешь, ломай да и нам давай!* [13; 14]); **распоряжения** (*Нет отца, так зови по матери* [13; 14]); **запрещения** (*Другу не дружи, а недругу не мсти*); **предостережения** (*Не будь в осень тороват, будь к весне богат* [13; 14]); **выражения-описания или утверждения** (*Ты барин, да и я не татарин* [13; 14]); **изречения, констатирующие факты реальной действительности или факт/данность** (*Алмаз алмазом режется, а плут плутом губится* [13; 14]).

Прагматические показатели в пословицах коммуникативного пространства индивидуальной коммуникативной модели [А=В]

Пословицы, являясь прагматически ориентированными высказываниями, могут представлять собой механизм ориентирования в действительности и через скрытый подтекст передавать говорящему (отвечающему) / слушающему свое мнение, обозначив цели коммуникативного акта и пытаясь, используя необходимые для ее реализации коммуникативные ходы и тактики, добиваться желаемого результата.

Большая часть пословиц представленной нами модели предполагает положительную мотивировку событий даже при желании одной из сторон в определенный момент заблокировать говорящего с целью частичной реализации своих

планов и получения равного успеха. На этом основании статусно-ролевые возможности, реализованные в пословицах модели [А=В], могут быть следующими:

- пословицы, направленные на реализацию потребностей говорящего (в некоторых случаях – не исключая его обязанность) намеренно изменить ситуацию в пользу стороны – участника общения с целью создания благоприятной атмосферы, учитывая при этом и свои интересы.

Коммуникативные намерения: создать новое, более благоприятное положение для говорящего путем изменения положения слушающего.

Эффективность применения зависит от обоюдных желаний партнеров: оказать помощь (говорящий), получить помощь (слушающий) – РА «совет» с элементами предупреждения, убеждения, а в исключительных случаях и угрозы.

Прагматические функции: моделирующая, поучительная, или убеждающая [9, с. 90].

Примеры: *Будь без хвоста, да не кажись кургуз* (т.е. неуклюж, неладен, неловок – прим наше, Л.Д.) [13; 14], **значение:** «не внешние данные приводят к положительному результату, а действия, ведущие к нему»; **применение:** «пословица может быть использована партнерами в качестве аргумента / контраргумента в ситуации, когда нужно убедить одного из участников общения в том, что он обладает нужными для достижения цели возможностями». *Не смотри начала, смотри конца* [13; 14], **значение:** «не всегда плохое или хорошее начало какого-либо действия приводит к такому же его окончанию»; **применение:** «пословица может быть использована партнерами в качестве аргумента / контраргумента в ситуации, когда нужно убедить одного из них в превосходстве результата действия над его началом: способности изменить положение дел». *Спорить спорь, а браниться грех* [13; 14], **значение:** «отстаивай свою точку зрения, убеждая партнера, но не выходи за рамки приличия»; **применение:** «пословица может быть использована партнерами в качестве аргумента / контраргумента в ситуации, когда нужно убедить партнера в необходимости быть сдержанным и контролировать каждый свой шаг».

- изречения, не только позволяющие смягчить боль, разочарование, неудачу лицу, испытывающему эмоциональный стресс, но и вселяющие надежду на возможность получить положительный результат в будущем, например, через терпение, упорство, сравнение, приоритетность и т.д. – РА «утешение».

Коммуникативные намерения: путем изменения эмоционального статуса слушающего в сложившейся ситуации добиться говорящим положительного результата и реализовать свои намерения.

Эффективность применения: слушающий находится в критической ситуации и готов не только принять помощь говорящего, но и согласиться с его точкой зрения.

Прагматические функции: прогностическая и магическая [9, там же]

Примеры: *Оттерпимся – и мы людьми будем*, **значение:** «в жизни всегда есть место и взлету, и падению, сменяющим друг друга, нужно только верить и ждать – не опускать руки перед каждой неудачей и не отступать от намеченной цели»; **применение:** «пословица может быть использована партнерами в качестве аргумента / контраргумента в ситуации, когда нужно смягчить стресс партнера в связи с длящимся негативным эмоциональным состоянием, вызванным в том числе и чередой отрицательных результатов». *Плачь не плачь, а делать надо*, **значение:** «как бы мы ни откладывали свои дела на потом, все равно не избежать их выполнения»; **применение:** «пословица может быть использована партнерами в качестве аргумента / контраргумента в ситуации, когда нужно убедить партнера в том, что отсрочка только

оттягивает действия, а не исключает их полностью». *После стрижки господь на овцу теплом пахнет*, **значение:** «даже в самой тяжелой ситуации поддержка обязательно будет»; **применение:** «пословица может быть использована партнерами в качестве аргумента / контраргумента в ситуации, когда нужно убедить партнера в том, что безвыходных положений не бывает, всегда найдется тот, кто в трудную минуту окажет помощь». *Не поймал карася – поймаешь щуку*, **значение:** «не всегда неудача ведет к отрицательному результату, бывает и наоборот»; **применение:** «пословица может быть использована партнерами в качестве аргумента / контраргумента в ситуации, когда нужно убедить одного из них в том, что не средства ведут к положительному результату, а сам результат, рамки которого обозначены целью»;

- выражения, представляющие собой высказанное говорящим (отвечающим) перспективное предложение (запрос, требование), обращенное к слушающему с целью создания для него в будущем нового, более благоприятного положения – РА «пожелание».

Коммуникативные намерения: предостеречь слушающего от поступков, которые в будущем могут привести его к нежелательному результату.

Эффективность применения: высказанное говорящим предложение (запрос, требование) выполнимо слушающим и не требует от него больших усилий.

Прагматические функции: моделирующая, поучительная и отчасти магическая.

Примеры: *Пусть бы не было муки в закроме, не переводился бы только печеный хлеб* [13; 14], **значение:** «не важно, как будет проходить процесс, но результат должен быть только положительным»; **применение:** «пословица может быть использована партнерами в качестве аргумента / контраргумента в ситуации, когда нужно убедить партнера в важности именно конечного действия, т.е. результата». *Взялся стадо пасти, так пасти и нашу корову* [13; 14], **значение:** «определив границы своей деятельности, нельзя отказываться от того, что входит в твои непосредственные обязанности»; **применение:** «пословица может быть использована партнерами в качестве аргумента / контраргумента в ситуации, когда нужно убедить партнера в важности не только принятого им решения, но и возможных последствий, связанных с ним». *В гроб смотрит, а деньги копит* [13; 14], **значение:** «не делай того, что не принесет в будущем тебе пользы»; **применение:** «пословица может быть использована партнерами в качестве аргумента / контраргумента в ситуации, когда нужно убедить партнера в необоснованности и бесполезности его действия». *Не будь в людях приметлив, а будь у себя приветлив* [13; 14], **значение:** «не яркость природы способствует положительной оценке, а умение быть самим собой»; **применение:** «пословица может быть использована партнерами в качестве аргумента / контраргумента в ситуации, когда нужно убедить партнера в важности истинных достоинств, а не позерства».

- пословицы, направленные на побуждение слушающего совершить в настоящем какое-либо действие, вселив надежду просящему на возможность получения положительного результата в будущем на взаимовыгодных условиях – РА «просьба»

Коммуникативные намерения: обратить внимание партнера на сложившуюся, чаще всего неблагоприятную, ситуацию и ее возможный положительный исход относительно просящей стороны или говорящего.

Эффективность применения: когда в конкретной ситуации предмет прошения выгоден одной стороне (говорящему) и не усугубляет положение другой (слушающего).

Прагматические функции: моделирующая, магическая, прагматическая [9, там же].

Примеры: *Не обидь меня по делу, а после – хоть все возьми* [13; 14], **значение:** «действуй честно, и тогда результат твоего действия будет неоспорим»; **применение:** «пословица может быть использована партнерами в качестве аргумента / контраргумента в ситуации, когда нужно убедить партнера в том, что с целью достижения желаемого нужно действовать открыто и честно». *Дай Бог нашему теляти волка поймати* [13; 14], **значение:** «когда нельзя получить желаемого результата, человек надеется на чудо»; **применение:** «пословица может быть использована партнерами в качестве аргумента / контраргумента в ситуации, когда нужно убедить партнера в положительном результате даже тогда, когда шансы невелики». *Найди ты пегого коня, да чтоб был весь одной масти* [13; 14], **значение:** «нельзя добиться результата там, где он изначально невозможен»; **применение:** «пословица может быть использована партнерами в качестве аргумента / контраргумента в ситуации, когда нужно убедить собеседника действовать там, где результат будет точно отрицательным».

- изречения, передающие реакцию говорящего на совершенное слушающим относительного для него действия в прошлом. Эти действия затронули чувство слушающего и принесли ему ущерб – РА «упрек».

Коммуникативные намерения: посредством пословиц-аргументов или пословиц-контраргументов помочь слушающему увидеть словесную модель той или иной жизненной ситуации, при которой его действия уже привели к отрицательному результату, а потому напрямую связаны со стремлением говорящего уйти от ответа и заблокировать контакт.

Эффективность применения: представленные говорящим / отвечающим аргументы / контраргументы должны указывать на недопустимость совершенных партнером действий в прошлом и признание им своих ошибок.

Прагматические функции: моделирующая, негативно-коммуникативная.

Примеры: *Чем чужое одонье утаптывать, свое бы хоть как-нибудь уложил* [13; 14], **значение:** «1. помогать можно и должно, но не в ущерб себе; 2. не нужно лезть в чужие дела, лучше со своими разобратся»; **применение:** «пословица может быть использована партнерами в качестве аргумента / контраргумента в ситуации, когда положительные действие собеседника относительно третьего лица приводят к негативным для него последствиям». *Не грози щуке морем, а нагому горем* [13; 14], **значение:** «нельзя напугать человека условиями, которые есть / стали для него привычными»; **применение:** «пословица может быть использована партнерами в качестве аргумента / контраргумента в ситуации, когда нужно убедить собеседника в бесполезности совершаемых им действий, которые без сомнения приведут к отрицательному результату». *Иди скоро – нагонишь горе; иди тихо – тебя нагонит лихо* [13; 14], **значение:** «действуй осмотрительно, чтобы не навредить в первую очередь себе»; **применение:** «пословица может быть использована партнерами в качестве аргумента / контраргумента в ситуации, когда нужно убедить одного из них в необходимости контролировать свои действия и поступать разумно».

Стратегии коммуникативного пространства индивидуальной коммуникативной модели [А=В]

Выбор в качестве аргумента или контраргумента наиболее эффективных пословиц позволяет добиться успеха. Причина заключается в том, что в любой без

исключения пословице заложено правило речевого поведения, фиксирующее коммуникативные стратегии и тактики. Под стратегией общения нами будет пониматься план действия каждого из участников коммуникации, заключающийся «в определении главного, основного направления их действия» [17, т. 14, с. 1005] «с целью достижения практических результатов» [16, с. 1277], к которым стремятся собеседники. На этом основании под коммуникативной стратегией мы будем понимать планирование процесса подготовки к действию партнера по общению с учетом ситуации общения и личности всех его участников. Надо отметить, что стратегия не дает гарантированного успеха, а только прогнозирует успех с определенной долей вероятности в конкретном случае. Прогнозируемый процесс определяется коммуникативной целью и коммуникативными намерениями, которые при помощи пословиц чаще всего формируются на предварительном этапе общения, но могут корректироваться на протяжении всего коммуникативного акта. При этом для достижения желаемого результата инициатор общения (говорящий, а при смене ролей – отвечающий) должен контролировать эмоциональное или интеллектуальное положение партнера, чтобы добиться желаемого результата и подвести своего оппонента к совершению какого-либо действия. Методы и приемы (инструменты речевых тактик), используемые говорящим / отвечающим в процессе «обработки» партнера, должны быть направлены на решение поставленных им сверхзадач:

- *установление контакта между говорящим (при смене коммуникативных ролей – отвечающим) и слушающим*: стратегии сотрудничества, партнерства, положительной самопрезентации;

- *привлечение внимания к определенному явлению или факту*: риторические и диалогические стратегии;

- *изменение уровня информирования коммуниканта, которому предназначено речевое высказывание, предполагающее изменение установок, взглядов, манеры поведения*: стратегии информирования, положительной презентации, формально-ролевые и компромиссные стратегии.

Перечисленные выше задачи, а также соответствующие им стратегии не стабильны и могут меняться в процессе общения при выяснении истинного положения вещей (спор, обмен мнениями по какому-либо вопросу) или же диалоге с ожиданием ответной реплики инициатора диалога при активности всех сторон общения.

Тактики коммуникативного пространства индивидуальной коммуникативной модели [А=В]

В отличие от стратегий, коммуникативные тактики представляют собой совокупность практических средств, способствующих движению коммуникативных целей, реализуемых в процессе речевого взаимодействия и коммуникативного намерения партнеров. Вслед за О.С. Иссерс под тактикой мы будем понимать действия, «способствующие реализации стратегий, связанных между собой родовидовыми отношениями» [5, с. 111]. На этом основании мы можем утверждать, что коммуникативные тактики обеспечивают гибкость стратегии и оперативное реагирование на ситуацию. Они имеют динамический характер, благодаря которому собеседники (в зависимости от ситуации и обстоятельств) в ходе диалога решают, какие тактики применить и какие языковые средства выбрать.

Коммуникативные тактики характеризуемой нами модели [А=В] претворяют стратегический план говорящего (отвечающего) в жизнь, осуществляя последовательность запланированных действий, тем самым обеспечивая успех

коммуникации. Это позволяет умело управлять не только актом общения, но и (при тщательном подборе аргументов и контраргументов) мнением своего собеседника. К такого рода тактикам относятся следующие тактики:

1) «устранения от контакта или его блокирования» (*Привет за привет и любовь за любовь, а завистливому – хрену да перцу, и то не с нашего стола* [13; 14] – РА «угроза»);

2) «коррекция модели мира собеседника» через: а) подстройку к эмоциональному состоянию партнера (*Плачь не плачь, а есть-пить надо; Несчастлив в игре, так счастлив в любви* [13; 14] – РА «утешение»); б) схожесть эмоционального состояния «друг (соратник) по несчастью» (невидимый партнеру упрек): *Все видят, как веселюсь, а никто не видит, как плачу* [13; 14] – РА «упрек с элементами обиды»; в) общность проблем: *Слышно, как песни поем; не слышно, как воем* [13; 14] – РА «упрек»; г) видимый партнеру упрек: *В слезах никто не видит; а песни всяк слышит* [13; 14] – РА «упрек»);

3) «контроль над темой» (*Не верит барин повару, сам идет по воду* [13; 14] – РА «упрек с элементами насмешки»);

4) «просьба-блокирование нежелательных умозаключений» (*Хлебом не корми, только с печи не гони!* [13; 14] – РА «просьба»);

5) «уклонение от выдачи полной информации» (*Не всяку правду муж жене сказывает, а и сказывает, так обманывает; Лучшие в утлой ладье по морю ездить, чем жене тайну поверить* [13; 14] – РА «совет»);

6) «обещание – поддержка добрых отношений» (*Другу не дружить, а недругу не мстить, чтоб души не сгубить* – РА «совет» и др.);

7) «передача контроля за инициативой партнеру» (<ТЫ> *Возьми на калачи, да только делом не волочи!* [13; 14] – РА «просьба») и др.

Тактики позволяют (это видно и из представленных выше примеров) контролировать и корректировать на определенном этапе общения и свои речевые действия, учитывая при этом правила поведения [6] и законы речевого общения [11], также способствующие положительному результату [3, с. 332], не исключая и эмоциональную составляющую аргумента / контраргумента. Так, для пословиц-аргументов и контраргументов, используемых говорящим (отвечающим) в процессе общения, характерны следующие законы общения [11], установки [6, с. 25–29] и передаваемые посредством пословиц эмоции.

К наиболее характерным законам общения, используемым коммуникантами при аргументации, можно отнести: «Законы речевого поглощения и усиления эмоции», в ситуации убеждения партнера по общению (*Русский ни с мечом, ни с калачом не шутит; Не играй, кошка, углем, лапу обожжешь!*); «Закон коммуникативных замечаний», в ситуации некорректного поведения слушающего в ходе общения (*Будь приветлив, да не будь изветлив!*). «Закон диссоциации "Я" и объекта критики», в ситуации, когда критика не воспринимается (*Кошку бьют, а невестке наветки дают* [13; 14]) или же воспринимается собеседником в полном объеме (*Овцу стригут, баран дрожит* [13; 14]) как предупреждение; «Закон притяжения критики», в ситуации когда собеседник по каким-либо причинам отличается от большинства, а поэтому подвергается критике (*Все люди как люди, только черт в колпаке* [13; 14]); «Закон возрастающего нетерпения слушателей» (*Лучше пропасть, чем терпеть злую напасть* [13; 14]). В этом случае контраргумент партнером может быть использован в ситуации личностно-ориентированного общения. Сюда же можно отнести и «Закон первичного отторжения новой идеи» (*Хоть на нож, так не хочу* [13; 14]), «Закон ритма общения»

(*Взялся за гуж, так будь дюж!* [13; 14]), «Закон детального обсуждения мелочей» (*Не говори правды в глаза, постыл не будешь* [13; 14]), «Закон зеркального развития общения» (*Всяк человек ложь – и я тож* [13; 14]), «Закон зависимости результата общения от объема коммуникативных усилий» (*Кто рано встает, тому Бог подает* [13; 14]), «Закон доверия к простым словам» (*Простое слово – аминь, а святые дела вершит* [13; 14]), «Закон речевого самовоздействия» (*Терпи, казак, атаманом будешь; Не боли, болячка, я – казачка* [13; 14]).

В отличие от законов речевого общения, нормы и установки, предложенные В.И. Карасиком, нельзя даже примерно распределить с учетом аргументации и контраргументами партнеров по общению. Они характерны как говорящему (отвечающему), так и слушающему. Это объясняется тем, что диалог партнеров в рамках заявленного нами коммуникативного пространства предполагает сотрудничество и чаще всего равенство сторон, что объясняет преобладание этических норм (критике подвергается тот, кто проявляет недостаток морального качества) над утилитарными (допускающими двустороннее измерение). Среди этических норм наиболее характерны *нормы взаимодействия*, стимулирующие желание партнеров помогать друг другу, не бросать в беде и не причинять вреда. Для этого следует хорошо трудиться, не терять времени и надеяться на лучшее – *нормы жизнеобеспечения*. В общении с партнером следует быть честным и думать об интересах других людей, доказывая свои действия не словом, а делом – *нормы контакта*; нести за каждое свое действие ответственность и уметь признавать и исправлять ошибки – *нормы ответственности*.

В связи с перечисленными нами особенностями, для коммуникативного пространства характерен также и определенный набор позитивных эмоций, предполагающих двустороннюю победу и бесконфликтность. Изречения, выступающие в качестве аргумента или контраргумента, передают в основном такие эмоции, как радость, равная надежде, вдохновению, воодушевлению, ликование. Например, *Петухи запели: жениться пора!* [13; 14] – радость: вдохновение / надежда. Партнер такое изречение воспринимает как положительный «сигнал» к действию, а говорящий ожидает от собеседника кардинальных перемен к лучшему в первую очередь для него самого. *Танцуй, душа, без кантуша, ищи пана без жупана* [13; 14] – радость: ликование. Это изречение эффективно при положительном исходе общения, достижении желаемого. Из негативных эмоций, испытываемых партнером в данном коммуникативном пространстве, можно выделить только печаль, огорчение, вызванное, скажем, невозможностью в полном объеме получить желаемое, или же как бы желание отстоять свою позицию перед собеседником. Например, *Тпру не едет, ну не везет* [13; 14] – печаль, сопряженная с огорчением или грустью в ситуации, когда стремление партнера не имеет положительного эффекта, а изменить ситуацию он, к сожалению, пока не находит положительного способа.

Морфологические показатели субъектов в пословицах коммуникативного пространства индивидуальной коммуникативной модели [А=В]

Два противоположных субъекта индивидуальной коммуникативной модели [А=В] в пословицах-аргументах и пословицах-контраргументах могут быть выражены следующими частями речи:

1) именами существительными с качественной оценкой субъектов, в том числе и через сопоставление одного субъекта с другим: молодость – старость: *Молодость не без глупости, старость не без дурости* [13; 14]; жених – невеста: *Жених да невеста*

парочка, что твой баран да ярочка и т. д. [13; 14]; горе – беда: *Горе – лоскутья, беда трепетки* [13; 14];

2) именами существительными, обозначающими принадлежность субъекта к какой-либо профессии, сословию (поп, дьякон, пономарь, портной, миряне) и т.д.: *Дьячок не служит, все о девушке тужит; пономарь не звонит, на нее же глядит; поп не венчает, за сына чаёт; Портной гадит, а утюг гладит; Поп сидя обедню служит, а миряне лежа Богу молятся* [13, 14] и т.д.;

3) собственными именами существительными, содержащими отрицательную коннотацию в самом имени: Фома и Ерема – *Фома не без ума, а Ерема не без промыслу* [13; 14] и т.д.;

4) субстантивированными именами прилагательными: упрямый – горбатый – *Упрямого вылечит дубина, а горбатого – могила*; умный – глупый – *Глупый-то свистнет, а умный-то смыслит*; бедный – богатый – *Богатый пузатеет, бедный тощает* [13; 14] и т.д.;

5) местоимениями, подчеркивающими индивидуальность субъекта через сравнение или противопоставление его с другим субъектом по качеству. Например, личными – *Всяк человек ложь – и я тож* [13; 14]; возвратными – *Взаимы брать – других учить; взаимы давать – себя казнить* [13; 14]; притяжательными – а) свой: *Свой своему лежа помогает* [13; 14]; б) мой, твой, наш, ваш: *Твоя владыка тебе, а моя – мне* [13; 14]; *Людской Семен, как лук зелен; а наши Семен в грязи завален* [13; 14]; определительными – *Не ровны и бары: иной Бога боится, и за него Бога молят* [13; 14]; *У всякой избушки свои поскипушки, а у иной и две* [13; 14]; вопросительными и относительными – *Каков поп, таков и приход* [13; 14];

б) количественными (*две, одна*), порядковыми (*первый, второй, третий*) и собирательными (*оба*) именами числительными: *Одна беда не беда, а две – не одна; Первый сын Богу, второй царю, третий себе на пропитание* [13; 14].

Заключение

Итак, членение коммуникативного пространства индивидуальной коммуникативной модели [A=B] зависит от роли субъектов коммуникации, участвующих в общении как непосредственно (говорящий / отвечающий), так и опосредованно (слушающий), и принципа их взаимоотношения друг с другом.

Рольевые установки субъектов направлены на определение занимаемой позиции каждого в совместной коммуникативной деятельности. Так, при желании говорящего получить запланированный результат слушающий может соответствовать плану говорящего полностью или же, выступая в роли отвечающего и руководствуясь своими намерениями, частично блокировать стремление говорящего в реализации его планов, отстаивая свои собственные интересы. Такое общение возможно при многократной смене коммуникативных ролей, позволяющих достичь желаемого результата каждому из партнеров без ущерба своим интересам, т.е. действуя на взаимовыгодных условиях. На этом основании мы можем говорить о пословицах в модели [A=B] как элементах дискурса, содержащих в основном гарантированное обещание, предполагающее согласие на аргумент говорящего или контраргумент отвечающего.

Отметим, что разным этапам общения присущи разного рода пословицы. Например, на подготовительном этапе эффективно использовать контактоустанавливающие пословицы (контактоустанавливающий аргумент говорящего – налаживание контакта: *Здравствуй, плешивый, не припали волос!* [13; 14]; а) контраргументы слушающего – блокировка общения: *Аль моя плешь наковальня, что*

в нее всяк толчет? Знай нас плешивых, объезжай шелудивых! [13; 14]; б) контраргументы слушающего – готовность к продолжению беседы: *На мерине лысина – не порок; на детине плешь – не укор* [13; 14]). Такого рода аргументы и контраргументы стимулируют интерес к субъекту / объекту и усиливают внимание слушающего к описываемой говорящим (отвечающим) ситуации.

На *основном этапе* (обсуждение вопросов и принятие решения) пословицы должны быть направлены на реализацию стратегических целей и тактических задач, причем ведущих к положительному результату партнеров по общению одновременно. На этом основании выбранные участниками общения пословицы в качестве аргумента и контраргумента должны не только отвечать интересам каждой стороны, но и мобилизовать партнеров на поиск компромиссных идей, подходов, т.е. вовлечь слушателя в созданную инициатором общения коммуникативную ситуацию соответственно определенной ему роли. Например, получателя информации и добровольного исполнителя, включая направление, стиль и методы при официальном, открытом, кооперативном общении. Данное общение содержит качественную оценку субъекта или его действия, но не вызывает открытой конфронтации со стороны партнера, причем открыто указывая на желание обеих сторон (*Та и молочная корова, которую волк съел* [13; 14] – контраргумент отвечающего при отрицательной оценке действия говорящего; *У широкой лапы и плечо широко* [13; 14] – контраргумент отвечающего при качественной оценке возможностей говорящего как положительная реакция на свершившееся событие; *Ты плутовать, я узловать (узловать, т.е. юлить – прим. Л.Д.)* [13; 14] – контраргумент отвечающего, подчеркивающий равенство сторон; *Лиса придет – курица раскудахчется* [13; 14] – контраргумент отвечающего на закономерность связи между возможными событиями как реакция на отрицательный результат, связанный с недалекостью партнера).

На *завершающем этапе* (выход из контакта) происходит подведение итогов общения обеими сторонами и стремление к *сотрудничеству сторон*, пословицы этого этапа призваны передать степень расположения сторон друг к другу (*Вам хорошо, а нам подавно* [13; 14] – аргумент говорящего, используемый в ситуации подведения итога свершившемуся событию). С этой точки зрения пословицы можно рассматривать как практические средства движения каждого из партнеров коммуникативной цели и реализации коммуникативного намерения, а потому мы можем с уверенностью говорить, что каждая пословица в коммуникативном пространстве может выступать как закон, как правило, пошагово моделирующий действия говорящего / слушающего / отвечающего, позволяя:

- 1) придать весомость высказыванию и повысить эффективность общения;
- 2) распознать и осознанно использовать заложенные в пословицах интенции;
- 3) сформировать говорящему (отвечающему) перспективную модель планируемого общения и варианты его корректировки, направленные на контроль, в том числе и за эмоциональной и интеллектуальной сферами собеседника, с наибольшей эффективностью обеспечивая развитие диалога в нужном для собеседников русле. Нарушение этой коммуникативной модели, имеющейся в пословице (согласно ситуации и целеполаганию основного субъекта коммуникации: говорящего, а за ним и отвечающего), ведет к нежелательному, порой отрицательному для говорящего / отвечающего / (реже) слушающего результату, который чаще всего можно избежать.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Буслаев Ф.И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства: в 2-х т. / Ф.И. Буслаев. – СПб. : Типография Товарищества «Общественная польза», 1861. – 533 с.

2. Ван Мен. Проблема перевода русских пословиц на китайский язык (на материале классических произведений) / Мен Ван // Вестник ВГУ. Серия : Лингвистика и международная коммуникация, 2020. №4. – С. 58–65.
3. Джелалова Л.А. Русские пословицы: структурно-семантический и коммуниативно-прагматический аспекты : дисс... д-ра филол. наук спец. 10.02.01 «Русский язык» / Л.А. Джелалова. – Волгоград, 2021. – 633 с.
4. Ермолов А.С. Народная сельскохозяйственная мудрость в пословицах, поговорках и приметах: в 4 т. Т. 1: Всенародный месяцеслов / А.С. Ермолов. – СПб.: тип. А.С. Суворина, 1901. – 691 с.
5. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи : Монография / О.С. Иссерс. – 5-изд. стер. – М. : ЛКИ, 2008. – 288 с.
6. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. – М. : Гнозис, 2004. – 390 с.
7. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. – Изд. 7-е. – М. : Изд-во ЛКИ, 2010. – 264 с.
8. Маслова В.А. Лингвокультурология / В.А. Маслова. – М. : Академия, 2001. – 208 с.
9. Пермяков Г.Л. Основы структурной паремиологии / Г.Л. Пермяков ; сост. и вступ. ст. Г.Л. Капчица. – М., 1988. – 235 с.
10. Петрова С.В. Психологические функции пословицы в жизни и деятельности личности / С.В. Петрова // Мир науки. Педагогика и психология. – 2020. – Т. 8. №3. – С. 1–16.
11. Стернин И.А. Законы общения: серия «Дидактический материал» / И.А. Стернин. – Воронеж, 1997. – 17 с.
12. Шаронов И.А. Прагматические значения пословиц в диалоге / И.А. Шаронов // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». – 2022. – Ч. 2. № 8. – С. 193–206.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

13. Даль В.И. Сборник пословиц русского народа: в 2 т. / В.И. Даль. – 2-е изд., стереотип. – СПб. М. : Издательский дом «Вульф», 1879. – 1323 с.
14. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 2 / В.И. Даль. 4-е изд., стереотип. М.: Рус. яз. Медиа, 2007. – 2714 с
15. Зимин В.И. Словарь-тезаурус русских пословиц, поговорок и метких выражений / В.И. Зимин. – М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2017. – 736 с.
16. Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 2000. – 1536 с.
17. Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. Т. 4, 11, 15 / под ред. В.И. Чернышева. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950–1965.
18. Снегирев И.М. Русские в своих пословицах. Рассуждения и исследования об отечественных пословицах и поговорках / И.М. Снегирев. – М.: Унив. типография, 1831–1834. Кн. 1–4. – 722 с.

REFERENCES

1. Buslaev F.I. (1861) Istoricheskie ocherki russkoy narodnoy slovesnosti i iskusstva: in 2 vols [Historical essays on Russian folk literature and art: in 2 volumes] (533 p.) St. Petersburg : Tipografiya Tovarishchestva «Obshchestvennaya pol'za» (In Russian)
2. Van Men (2020) Problema perevoda russkix poslovicz na kitajskij yazy`k (na materiale klassicheskix proizvedenij) [The problem of translating Russian proverbs into Chinese (based on the material of classical works) in Vestnik VGU. Seriya : Lingvistika i mezhdunarodnaya kommunikaciya [Bulletin of the VSU. Series : Linguistics and International Communication], 4 (pp. 58–65). (In Russian)
3. Dzhelalova L.A. (2021) Russkie posloviцы: strukturno-semanticheskij i kommunikativno-pragmaticheskij aspektu` : diss... d-ra filol. nauk [Russian proverbs: structural-semantic and communicative-pragmatic aspects : dissertation by Dr. Phil. 10.02.01 "Russian language"]. Volgograd (633 p.) (In Russian)
4. Ermolov A.S. (1901) Narodnaya sel'skokhozyaystvennaya mudrost' v poslovitsakh, pogovorkakh i primetakh: in 4 vols. Vol. 1: Vsenarodnyy mesyatseslov [Folk agricultural wisdom in proverbs, sayings and signs: in 4 vols.]. St. Petersburg : tip. A.S. Suvorina (691 p.) (In Russian)
5. Issers O.S. (2008) Kommunikativny`e strategii i taktiki russkoj rechi : Monografiya [Communicative strategies and tactics of Russian speech : monography] (p. 288) (In Russian)
6. Karasik V.I. (2004) Yazykovoy krug: lichnost', kontsepty, diskurs [Language circle: personality, concepts, discourse] (390 p.) Moscow : Gnozis (In Russian)
7. Karaulov Yu.N. (2010) Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost' [Russian language and linguistic personality] (264 p.), Moscow : Izd-vo LKI (In Russian)

8. Maslova V.A. (2001) Lingvokul'turologiya [Linguoculturology] (208 p.) Moscow : Akademiya (In Russian)
9. Permyakov G.L. (1988) Osnovy` strukturnoj paremiologii [Fundamentals of structural paremiology] (235 p.), Moscow (In Russian)
10. Petrova S.V. (2020) Psixologicheskie funkcii posloviy v zhizni i deyatel'nosti lichnosti [Psychological functions of a proverb in the life and activity of a person] in Mir nauki. Pedagogika i psixologiya [The world of science. Pedagogy and psychology] vol. 8, 3, 1–16 (In Russian)
11. Sternin I.A. (1997) Zakony obshcheniya: seriya «Didakticheskiy material» [Laws of communication: series "Didactic material"] (17 p.). Voronezh (In Russian)
12. Sharonov I.A. (2022) Pragmatische znacheniya posloviy v dialoge [Pragmatic meanings of proverbs in dialogue] in Vestnik RGGU. Seriya «Literaturovedenie. Yazy`koznanie. Kul`turologiya» [Bulletin of the Russian State University. The series "Literary criticism. Linguistics. Cultural studies"], 8, 193–206 (In Russian)

Поступила в редакцию 27.06.2024

RUSSIAN PROVERBS IN THE SPACE OF AN INDIVIDUAL COMMUNICATION MODEL [A=B]

L.A. Dzhelalova

The article deals with the study of proverbs by means of communicative-pragmatic analysis, i.e. the use of sayings in speech within the framework of an individual communicative model [A = B]. In line with the communicative and pragmatic features of the Russian proverbs identified by us in the course of the study, we set as an objective to consider the possibility of their application by the communicants as an argument and counterargument in a situation involving cooperation aimed at mutually taking into consideration the both parties' interests. The communicative-pragmatic analysis application will enable us to identify the boundaries of the possible use of statements (or groups of statements) in a certain communicative situation; to determine the positive effect a proverb can have on a listener, with communicative roles being changed in an emotionally stable environment; to identify the proverb features, including the ones that manifest themselves in the interlocutors' interaction while exchanging thoughts, feelings, and assessments. The suggested approach allows to minimize errors in understanding sayings, and therefore in their application; to correctly assess the situation of action and even to predict the result, expanding the boundaries of a specific communicative event in dialogue, the communicative element of which can be either a proverb-argument or a counter-argument.

Key words: proverb, model, communicants, agent, speaker, interlocutor, dialogue, communicative situation, communicative intention, tactic, strategy.

Джелалова Лариса Анатольевна.

Доктор филологических наук.

Московский государственный университет технологии и управления им. К.Г. Разумовского (ПКУ), Российская Федерация, г. Москва.

Профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин.

ORCID 0000-0001-6184-9639.

E-mail: dshelar@mail.ru.

Dzhelalova Larisa Anatol'evna.

Doctor of Philology.

Moscow State University of Technologies and Management named after K.G. Razumovskiy (FCU), Russian Federation, Moscow.

Professor at Department of Humanitarian and Socio-Economic Disciplines.

ORCID 0000-0001-6184-9639.

E-mail: dshelar@mail.ru.

Научная статья

УДК 81'373.2

DOI: 10.5281/zenodo.13995676

«ДРАМАТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ» А.С. ПУШКИНА В СВЕТЕ ЗАДАЧ ПОЭТОНИМОГРАФИИ

© 2024 В.М. Калинин

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донецкий государственный педагогический университет»

ORCID 0009-0003-9648-9401

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru>

Отдельные, изредка предпринимавшиеся опыты лексикографии проприальных единиц драматических произведений, не отражают в полной мере специфику функционирования поэтонимов в них и не выявляют существенных характеристик средств номинации персонажей. В подавляющем большинстве случаев на изучение поэтики собственных имён, функционирующих в драме, экстраполируют те же приёмы и способы анализа, что и на другие роды и жанры художественной литературы. В результате из поля зрения поэтономологов выпадают специфические свойства, определяющиеся диалогическим построением текстов и сужением средств выражения авторского присутствия в них. Развитие словарного дела в литературно-ономастических исследованиях привело к осознанию необходимости построения теории поэтономиграфии, отражающей ряд ранее не учитывавшихся ономастами особенностей поэтонимов художественных произведений, связанных с драматической формой, и потребовало принятия новых лексикографических решений. Трагедия «Борис Годунов», «Маленькие трагедии» и «драматические исследования» А.С. Пушкина представляют особый интерес для теории и практики поэтономиграфии не только потому, что являются первыми образцами новой драмы в русской литературе, но и по «техническим» особенностям текстов.

Ключевые слова: драма, заголовок, поэтоним, поэтономиграфия, А.С. Пушкин, «драматические исследования».

Для цитирования: Калинин В.М. «Драматические исследования» А.С. Пушкина в свете задач поэтономиграфии / В.М. Калинин // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. – 2024. – № 4 – С. 18–27. – <https://doi.org/10.5281/zenodo.13995676>.

Хотя отдельные соображения, касающиеся специфики собственных имен в драматических произведениях, особенностей и нюансов их функционирования ономастами, естественно, высказывались, однако всестороннего обсуждения и целостного представления в теоретических трудах пока не получили. В деле изучения поэтики собственных имен в драматических произведениях к онимии подходили, как кажется, с тех же позиций, что и к поэтономам любого другого литературного произведения. Во всяком случае, специфика скорее декларировалась, чем выявлялась на самом деле. Не исключено, что это оправдывалось характером онимного материала. Однако целый ряд особенностей пушкинского подхода к использованию собственных имен в драматических опытах потребовал переосмысления многих теоретических положений поэтономологии как научной дисциплины и поэтономиграфии как ее раздела.

Первым завершённым произведением и главным драматургическим подвигом А.С. Пушкина, как известно, стала трагедия «Борис Годунов». Первая проба Пушкина в области исторической трагедии на сюжет из русской истории – <<Вадим>>.

Материалы, касающиеся замысла трагедии традиционно условно названы редакторами (в угловых скобках) по имени главного героя. Работа над трагедией «Борис Годунов» была закончена осенью 1825 года в Михайловском. Поскольку рассмотрение истории создания произведения не является задачей публикации, повторим лишь общеизвестный и часто цитируемый (обычно, правда, в сокращённом виде) факт – восторженную оценку результата работы самим автором. В письме Вяземскому 7–9 ноября 1825 г. из Михайловского он написал: «Поздравляю тебя, моя радость съ романтической Трагедіею, въ ней-же первая персона Борисъ-Годуновъ! трагедія моя кончена, я перечель ее въ слухъ, одинъ, и билъ въ ладоши и кричалъ, ай-да Пушкинъ, ай-да сукинъ сынъ! – Юродивый мой, малой презабавной; на Марину у тебя <.....> – ибо она полька, и собою преизрядна – (въ родъ К. Орловой, сказывалъ это я тебѣ?). Прочіе также очень милы; кромѣ капитана Маржерета, который все по <.....> бранится; Цензура его не пропуститъ – Жуковский говорить что Царь меня проститъ за Трагедію – на врьдъ, мой милый. Хоть она и въ хорошемъ духѣ писана, да никакъ не могъ упрятать всѣхъ моихъ ушей подъ колпакъ юродиваго, торчать!» [14, с.167].

Судьба пушкинского драматургического наследия, высоко оценённого «лоцманом пушкинистики» С. М. Бонди, считавшим, что «число произведений, написанных Пушкиным для театра, невелико, но его драмы <...> принадлежат к самому значительному в его наследии», поистине драматична. К великому сожалению, ни одно драматическое произведение собственного сочинения Пушкину не довелось увидеть на театральной сцене. Не был он и на представлении «Моцарта и Сальери» дважды поставленного в 1832 г. в Петербурге. «Единственной проектировавшейся (курсив наш. – В.К.) после "Моцарта и Сальери" постановкой, была постановка "Скупого Рыцаря" в 1837 г.» [9, с. 383]. Да и опубликован при жизни поэта был лишь «Борис Годунов» [11], однако «Не воплощенный в течение ста лет на сцене "Борис Годунов", всё же – одна из высочайших точек русского драматического искусства, так же как "маленькие трагедии" – один из крупнейших показателей нашей драматической культуры» [9, с. 384].

В перечне текстов, представляющих драматическое наследие А. С. Пушкина, насчитывают 16 позиций: «Борис Годунов», «Перевод из Бонжура», «Вадим», «Гости съезжались на дачу», «И ты тут был», «Каменный гость», «Моцарт и Сальери», «Насилу выехать решились из Москвы», «От этих знатных господ», «Папесса Иоанна», «Пир во время чумы», «Русалка», «Сцены из рыцарских времён», «Скажи, ккой судьбой», «Скупой рыцарь», «Через неделю буду в Париже». Только три из перечисленных названий Пушкин "благословил". Этот факт свидетельствует о неусыпном внимании поэта к названиям своих произведений. Судьба каждого из заголовков наиболее полно представлена в «Комментариях» к седьмому (драматическому) тому ПСС 1935 года. Но для словаря собственных имён представление заголовков произведений, в том числе, истории их появления, – задача сложная, ибо требует такой минимизации материала, которая, с одной стороны будет состоять в краткости изложения, а с другой, в полноте фактически важных сведений.

Даже для решения технической задачи поэтонимогрaфии – создания адрес-шифров иллюстраций в словарных статьях – не последнее значение приобретает способ представления источников цитирования, заголовков произведений из драматического наследия Пушкина. Лучший, по нашему мнению, вариант – использование опыта «Словаря языка Пушкина». Следуя ему, заголовки драматических произведений Пушкина в адрес-шифрах словарных статей наших опытов переданы условными сокращениями (см. список в конце статьи). В практике поэтонимогрaфирования пушкинской драматургии мы использовали следующие правила:

Адрес даётся в обычных (круглых) скобках, курсивом.

Состав адреса: шифр произведения (см. табл. по *СЯП*), действие, сцена, явление, стих / страница¹, например: (*БГ. XIII*) следует читать: Борис Годунов, сцена 13. Стих указывается только в том случае, если оним в пределах сцены употреблён несколько раз. Например: (*МС. II, 24*). следует читать: Моцарт и Сальери, сцена 2, стих 24.

Драматические произведения Пушкина написаны стихами. Исключение – «Сцены из рыцарских времен» (кроме песни Франца в последнем явлении «Замок Ротенфельда»). При введении иллюстративного материала графическое оформление цитируемого первоисточника для экономии "пространства" словарной статьи, трансформируются в соответствии с изложенными ниже правилами.

1. Иллюстрация открывается идентификатором говорящего лица (врядку): Альбер. В некоторых случаях (преимущественно в отрывках, набросках и планах) идентификатор реплик в тексте *II*. не обозначен. Поэтому реконструируемый для удобства цитирования идентификатор реплик заключён в угловые скобки, например, <Гаспар Дик>, <Граф>.

2. Каждый стих заключается в слэш-скобки: *Альбер. / Что ж говорит бездельник Соломон? /*

3. Если реплика персонажа цитируется не с первого стиха, иллюстрация открывается знаком "разрыв" <...>, заключенным в слэш-скобки /<...>/: *Альбер. /<...>/ Какой удар! проклятый граф Делорж! /*

4. Если стих цитируется не с начала, иллюстрацию открывает знак <...> : *Альбер. /<...> как все дамы / Привстали с мест, когда сама Клотильда, / Закрыв лицо, невольно закричала, /*

5. Если стих цитируется не до конца, иллюстрацию закрывает знак <...> : *Альбер. /<...> / Когда Делорж копьём своим тяжелым / Пробил мне шлем <...> /*

6. Если конец иллюстрации не совпадает с концом реплики, а *стих не завершается конечным знаком* – точкой, наличие продолжения реплики в следующем стихе отмечается знаком <...>, заключенным в слэш-скобки: *Альбер. /<...> как все дамы / Привстали с мест, когда сама Клотильда, / Закрыв лицо, невольно закричала, /<...> /*

7. Заголовочное слово в иллюстрациях выделяется полужирным курсивом. Например, для статьи **КЛОТИЛЬДА** иллюстрация из предшествующего пункта (6) будет выглядеть следующим образом: *Альбер. /<...> как все дамы / Привстали с мест, когда сама **Клотильда**, / Закрыв лицо, невольно закричала, /<...> /*

8. Последовательность размещения иллюстративного материала определяется порядком появления его в тексте произведения.

9. После иллюстрации обозначается "адрес" онима в ней по следующим правилам: 1) адрес даётся в круглых скобках, курсивом; 2) порядок следования компонентов: а) шифр произведения (см. список); б) действие; в) сцена; г) стих; строка (для прозаических вставок). Например: (*БГ. XIII*) следует читать: «Борис Годунов», сцена 13.

10. Завершает описание онима перечень функций, расположенный за знаком **◆Ф.:** Правила описания: а) обозначаются функции всех употреблений имени в порядке появления его в тексте произведения; б) адрес-шифр конкретного употребления.

Ниже будут рассмотрены только несколько из множества существенных для принятия поэтонимографических решений и представляющих интерес для изучения

¹В связи с тем, что разметка, например, «Сцен из рыцарских времен» по стихам/строкам начинается на каждой странице, возникла необходимость указывать и страницу, и строку. Например, шифр, указывающий место размещения первого употребления имени *Франц* (*РВ. <I> 215, ст.1*) обозначает: Сцены из рыцарских времён, сцена 1, страница 215, строка 1.

драматургического мастерства Пушкина фактов и факторов, извлечённых из академического издания драматических текстов, других редакций, планов и вариантов [15].

Собственные имена в драме как традиционном жанре можно условно разделить на несколько групп. Наибольший интерес будет представлять группа «имена действующих лиц». Она может по-разному использоваться в тексте, иметь различное назначение и употребляться в разных его частях: 1) в перечне действующих лиц, открывающем пьесу (иногда с определенного рода пояснениями); 2) в авторских ремарках к действиям, сценам и т.д.; 3) в качестве указателей, представляющих реплики персонажей; 4) в речи действующих лиц в форме обращений, упоминаний, характеристик и т.п.). Если для драматургии в целом первая группа – перечень действующих лиц – облигаторна, то в творчестве А. С. Пушкина она фактически элиминирована. Списки действующих лиц во всех его опубликованных драматических произведениях отсутствуют. Исключение – одна из сохранившихся рукописей «Бориса Годунова», в которой такой список существует. Однако из окончательного варианта трагедии он был изъят.

Этот и некоторые другие факты относятся к числу свидетельств, позволяющих утверждать, что трагедия предназначалась прежде всего для чтения, о чем в десятой статье пушкинского цикла писал В.Г. Белинский: «Прежде всего скажем, что "Борис Годунов" Пушкина – совсем не драма, а разве эпическая поэма в разговорной форме» [2, с. 567]. Это порождает несколько частных вопросов: 1) что такое комментированный список действующих лиц в драматическом произведении? 2) в каком отношении пребывают основной текст и перечень персонажей? 3) как должна рассматривать означенный список поэтонимология? и т.д. Вопросы отнюдь не праздные хотя бы потому, что от ответа на них зависит понимание роли номинаций, идентифицирующих говорящий персонаж в структуре и поэтике драматического произведения.

В процессе развития теории поэтонимологии все очевидней становится важность еще одного момента – отношения между действующим лицом (персонажем) художественной реальности и действительностью бытия. В случае с «Борисом Годуновым» в указанные взаимоотношения включаются историческая действительность и жизненный контекст царя Бориса. Кроме того, существует еще один – карамзинский – жизненный и историографический контекст. И здесь во главу угла встает *поэтонимографический* вопрос о квалификации поэтонима в словарной статье. Не ответив на него, невозможно правильно обозначить объект описания в словарной статье. Уже цитировавшийся В.Г. Белинский, критикуя Пушкина, утверждает: «Пушкин рабски во всем последовал Карамзину, – и из его драмы вышло что-то похожее на мелодраму, а Годунов его вышел мелодраматическим злодеем, которого мучит совесть и который в своем злодействе нашел себе кару» [2, с. 570].<...> И вольно же было поэту делаться эхом историка, забыв, что их разделяет друг от друга целый век!...» [2, с. 574]. Далее на протяжении десятка страниц критик рассуждает о Годунове – исторической личности, о том, как историк Карамзин неверно понял, что представлял собой царь Борис и т.д. Экстраполируя на оценку ситуации мнение В.В. Виноградова о литературоведческих анализах Д.С. Лихачева, можно говорить, что критик «анализирует не изображающее предмет *слово*, но изображенный словом *предмет* – причем так, будто это не изображенный, а "натуральный" предмет» [7, с. 12]. Отсюда следует, что именем *Борис Годунов* у Пушкина обозначен не реальный исторический деятель, а действующее лицо трагедии.

Подробный анализ свойств всех персонажей трагедии и качеств имен, которыми они обозначены в трагедии, проведен автором статьи в готовящейся к изданию монографии «Имя в "драматических опытах" А.С. Пушкина» ("драматических" –

слово Пушкина. – В.К.). Здесь же отметим: несмотря на то, что в трагедии описаны события, имевшие место в действительности, а среди действующих лиц абсолютное большинство – личности исторические, трагедия А.С. Пушкина – в высшей степени художественное произведение. А все собственные имена в ней суть поэтонимы. Не вдаваясь в подробности частых недоразумений, касающихся квалификации исследователями объектов именования в драматических произведениях в целом и в «Борисе Годунове» в частности, основное внимание сосредоточим на заголовках, которые, по устоявшемуся уже мнению ономастов, являются собственными именами вне зависимости от количества лексических единиц, «задействованных» в них.

Важной группой собственных имен можно считать заголовок произведения и названия его частей, относительно которых в творчестве Пушкина существует множество мнений, предположений и исключительно подробных комментариев. Любое художественное произведение (в том числе и драматическое) начинается с имени. Даже «безымянные» лирические стихотворения, если не волею самого поэта, то усилиями редакторов, в оглавлениях получают имя, равное первому стиху. Впрочем, в поэтономологии вопрос о том, как квалифицировать название произведения, считать его в любом случае собственным именем или нет, остаётся открытым. Этот первый, возможно даже единственный в художественном произведении оним, в силу своих особенностей, обладает огромным суггестивным потенциалом.

Одним из первых ономастов, поднявших вопрос о названиях произведений художественной литературы был Ю.А. Карпенко, отметивший: «В художественном произведении (надо говорить, впрочем, шире – о всяком словесном произведении) обычно присутствует один совершенно особый тип собственных имён – заглавие. Заглавия произведений, а также их частей, глав, разделов, – это собственные имена, поскольку они называют единичные объекты. В общей группировке собственных имён заглавия можно отнести к хремотонимам, называниям отдельных предметов. Но это необычные хремотонимы. Из всей громадной массы собственных имён только заглавия материально однородны с обозначенными объектами: и объект, и его имя сделаны из слов. Словами же являются и все прочие собственные имена, но их носители состоят из других материй» [4, с. 21].

В седьмом томе полного собрания сочинений А. С. Пушкина [15] собраны все драматические произведения, как печатавшиеся им самим, так и оставшиеся в рукописях, а также их другие редакции, планы и варианты. Есть среди них как озаглавленные самим поэтом, так и сохранившиеся под прочно вошедшими в традицию условными редакторскими заглавиями.

Об одном из них – названии единственной большой трагедии А.С. Пушкина – стоит сказать особо. Сохранилось три варианта заглавия произведения. Поэт, высоко ценивший свой труд драматурга и считавший его «литературным подвигом», в постскрипуме к письму П.А. Вяземскому 13 июля 1825 г. торжествовал: «Передо мной моя трагедия. Не могу вытерпеть, чтоб не выписать ея заглавія: "Комедія о настоящей бѣдѣ Московскому Государству, Ц. Борисѣ и о Гришкѣ Отр. Писаль рабъ Божій Алекс. сынъ Сергѣевъ Пушкинъ в лѣто 7333, на городищѣ Вороничѣ". Каково?» [13, с. 141].

В автографе из собрания А.Ф. Онегина сохранился иной вариант названия: «Комедия о настоящей беде Московскому государству, о царе Борисе и о Гришке Отрепьеве – писано бысть Алексашкою Пушкиным в лето 7333 на городище Ворониче». [15, с. 284].

В этих «под старину» придумывавшихся заглавиях первой завершённой трагедии есть любопытная деталь. Два обозначения автора – *Александр сын Сергеев Пушкин* и *Алексашка Пушкин* – различны принципиально. Если первое в определенном смысле

«говорило» о пушкинском дворянстве, то второе имело характерную для челобитных (и подношений) самоуничижительную форму и в этом смысле как бы входило в противоречие с исполненным гордого достоинства замечанием Пушкина К. Ф. Рылееву: «Ты сердишься за то что я хваюсь 600 лѣт. дворянствомъ (NB. мое дворянство старѣе). Какъ-же ты не видишь, что духъ нашей словесности отчасти зависитъ отъ состоянія писателей? Мы не можемъ подносить нашихъ сочиненій Вельможамъ, ибо по своему рожденію почитаемъ себя равными имъ. Отсельъ гордость etc. (курсив мой. – В.К.)» [14, с.138].

В беловом автографе и писарской копии значится: *Комедия о царе Борисе и о Гришке Отрепьеве. 1825* [15, с.290]. В одном из автографов сохранилось указание на жанр: «*Драмматическая повесть*» Работавший с рукописями «Бориса Годунова» Г.О. Винокур указывает также, что в автографе из собрания А.Ф. Онегина «между заглавием и стилизованным означением автора, написано: "*Летопись о многих мятежах и пр.*"» [3, с. 397]. По нашему мнению, все в конце концов отброшенные варианты заглавия трагедии вместе с тем или иным вариантом называния автора представляют собой идеонимы-стилизации. В составе «Дел III Отделения собственной Его Императорского Величества канцелярии об Александре Сергеевиче Пушкине» имеется документ с названием «Замечания на Комедию о Царе Борисе и Гришке Отрепьеве». В нем есть и мнение относительно жанра произведения, и касающееся заглавия: «По названию *Комедия*, данному пиесе, не должно думать, что это комедия в таком роде, как называются драматические произведения, изображающие странности общества и характеров. Пушкин хотел подражать даже в заглавии старине. В начале Русского театра, в 1705 году, комедией называлось какое-нибудь происшествие историческое или выдуманное, представленное *в разговоре*. В списке таковых комедий, находившихся в посольском приказе 1709 года, мы находим заглавия: *Комедия о Франталасе царе Эпирском и о Мирандоле сыне его и о прочих; комедия о честном изменнике, в нейже первая персона Арцух (то есть Герцог) Фридерик фон Поплей; комедия о крепости Грубетона, в нейже первая персона Александр царь Македонский и тому подобное. В подражание сим названиям Пушкин назвал свое сочинение *Комедия о Царе Борисе и Гришке Отрепьеве*» [Цит. по: 3, с. 412]. Таким образом, на цензуру к царю трагедия поступила с названием, зафиксированным в писарской копии. С.А. Фомичёв, редактор отдельного издания трагедии (1996 г.), в предисловии к публикации предположил, что уступка ожидаемым цензурным придиркам, приведшая к перемене названия, является одним из свидетельств «режиссёрских» указаний Пушкина. В названии, представленном Вяземскому, «содержалась уместная стилизация "под старину", намечался подлинный масштаб всего действия пьесы ("о настоящей беде Московскому государству") и, наконец, акцентировалось смеховое начало произведения – не только в первом слове "комедия" (его можно было воспринимать и как родовое обозначение любого драматического представления), но и во всей огласовке первоначального названия» [8, с. 6].*

Появление третьего, окончательного названия и посвящения трагедии Н. М. Карамзину – отдельная история. Связана она, с тем несомненным влиянием труда историка на пушкинскую концепцию главного конфликта и сюжет трагедии Конспектируя X том «Истории Государства Российского», Пушкин с особым вниманием отнёсся к подробностям «убиения царевича Димитрия», поиску Годуновым исполнителей преступного замысла и результатам его. В тексте трагедии отголоском данной части конспекта «Истории...» стало упоминание Пименом имени Битяговского в монологе, произнесённом в келье Чудова монастыря. Значению этих деталей для

правильного представления информации о выборе заглавия трагедии несомненно, а её прообразами посвящена другая статья автора.

Характерной особенностью многословных онимов-заглавий является довольно быстрое возникновение в речи различного рода редуцированных («аллегривых») форм. Естественно, что первым «изобретателем» их становится сам автор. Здесь уместно процитировать замечание Г.О. Винокура, касающееся орфографических особенностей некоторых рукописей «Бориса Годунова»: «Любопытной особенностью рукописей Б.Г. является почти неизменное написание фамилии героя трагедии через "у" в первом слоге: "Гудунов", иногда даже "Гудонов". Написание "Гудунов" имеется во всех трех рукописях и встречается оно чаще, чем правильное. Так пишет фамилию своего героя Пушкин и в письмах» [3, с. 403]. Так или иначе, практически все формы редуцированных, метонимических именовании трагедии сложились еще до появления ее в печати, сохранив как право на существование, так и способность в «свернутом виде» представлять поэтический мир произведения. Естественным следствием интенсивного обмена мнениями по поводу трагедии в переписке с друзьями, в которой её ещё не утверждённое название постепенно сводилось к использованию аллегривых форм и следование традиции именования произведений по имени главного персонажа привели к тому, что трагедия в конечном итоге получила известное всем название «Борис Годунов». Задолго до опубликования трагедии «В октябрьской книжке "Соревнователя просвещения и благотворения" <1825 г.> появилась следующая заметка: "Автор многих прекрасных поэм А. С. Пушкин окончил романтическую трагедию "Борис Годунов"» [3, с. 403]. Были, однако, и другие варианты её именования. История каждого из них может стать содержанием группы словарных статей, располагать которые в составе словаря можно по-разному: следуя либо алфавитному принципу, сопровождая каждую статью отсылочной информацией, либо применить приём «гнездования».

Задержимся на названиях маленьких трагедий. Д.П. Якубовичем подробно исследована история выбора названия для маленькой трагедии «Скупой рыцарь» [10]. Она была опубликована самим Пушкиным в первом томе «Современника» за 1936 год под названием, содержащим подзаголовок-мистификацию «Скупой Рыцарь. (Сцены из Ченстоновой траги-комедии: «The coveteous Knighth»)». Подзаголовок в этой первой публикации трагедии содержал ошибки, несмотря на то что пушкинский текст в единственной сохранившейся рукописи трагедии был правильным – «The covetous Knight». Рукопись пьесы имела заглавие «Скупой», хотя уже 9 декабря 1830 г. в письме к П.А. Плетневу Пушкин употребил название «Скупой Рыцарь»: «Скажу тебе (за тайну) что я в Болдине писал, как давно уже не писал. Вот что я привез сюда: <...> Несколько драматических сцен, или маленьких трагедий, имянно: *Скупой Рыцарь, Моцарт и Сальери, Пир во время Чумы, и Д.<он> Жуан*» [12, т. XIII, с. 133].

Пьеса «Моцарт и Сальери» названа именами главных персонажей по давней традиции мировой литературы. Рукопись не сохранилась, но, как сообщали комментаторы академического тома «Драматических произведений», среди рукописей Болдинского периода находится лист-обложка с написанным на нем заглавием «Зависть». Обложка с текстом первоначального заглавия трагедии хранится в Пушкинском Доме. Окончательное название маленькой трагедии представляет собой имена двух главных действующих лиц трагедии, соединенные сочинительным союзом *и*. «Формула» достаточно распространенная в названиях драматических произведений, если иметь в виду драматические истории с парными персонажами в главных ролях. Даже в

сохранившемся перечне задуманных в 1827 году драматических произведений Пушкин назвал три таких заголовка: «Ромул и Рем», «Моцарт и Сальери», «Дмитрий и Марина».

Маленькая трагедия «Каменный Гость» в подробностях выбора названия остается загадкой, ибо рукопись ее не сохранилась, а наибольшее число комментариев ономастического характера касается решения А.С. Пушкина именовать героя своего произведения Дон Гуаном. Б.В. Томашевский, впрочем, высказал предположение, что на выбор названия пьесы могли повлиять названия пьесы Мольера и, возможно, «*El Combidado de Piedra*» Тирсо де Молина, которую в Италии называли «*Convitato di Pietra*», т.е. «Каменный Гость» [6, с. 553].

Автограф «Пира во время Чумы» утрачен. Существует предположение, что материалом для пьесы послужила упомянутая в полном названии «Пир во время Чумы (из Вильсоновой трагедии «*The City of the Plague*» поэма Джона Вильсона «Чумный город»)» [5].

Несколько слов о заголовках сцен и вводных ремарках. В трагедии «Борис Годунов» все сцены названы таким образом, что обозначают не только место, но иногда составляют своего рода хронотоп событий за счет дополнительных хронологических указаний. Важно отметить, что фиксация времени событий носила, как представляется, ещё и демонстративный характер, ибо поэт специально подчёркивал разрушение одного из постулатов классической драмы – единство времени. Так, одна из сцен «Кремлевские палаты» отнесена к 1598 года 20 февраля (1), а другая (4) временного указания не имеет. Заголовком «Царские палаты» обозначены сцены (7) и (10). Происходящая в том же месте сцена (20) названа «Москва. Царские палаты». Названия остальных сцен не повторяются: «Красная площадь» (2), «Девичье поле. Новодевичий монастырь» (3), «Ночь. Келья в Чудовом монастыре» (5), «Палаты патриарха» (6), «Корчма на литовской границе» (8), «Москва. Дом Шуйского» (9), «Краков. Дом Вишневецкого» (11), «Замок воеводы Мнишка в Санборе» (12), «Ночь. Сад. Фонтан» (13), «Граница Литовская» (14), «Царская Дума» (15), «Равнина близ Новгорода-Северского» (16), «Площадь перед собором в Москве» (17), «Севск» (18), «Лес» (19), «Ставка» (21), «Лобное место» (22), «Кремль. Дом Борисов. Стража у крыльца» (23). Хронологические указания: 1598 года 20 февраля (1 сцена), 1603 года (5 сцена), 1604 года, 16 октября (14 сцена), 1604 года, 21 декабря (16 сцена) могут быть отнесены к разряду ремарок вместе с другими, занимающими то же место в структуре вводной информации.

Определив различие драмы «по цели»: для театральной постановки или для обычного чтения, – отметим и то, что в этом типе литературных произведений собственные имена используются, условно говоря, по-разному – технически и художественно. С одной стороны, это необходимые, прежде всего, для театральных режиссеров, актеров и других профессионалов вспомогательные средства «постановочного» назначения, в которых важная роль отводится собственным именам, а с другой – поэтонимы, включенные автором в реплики диалогов или в монологи действующих лиц. Последние функционируют практически так же, как поэтонимы в любом другом художественном произведении, однако с существенным уточнением, – в прямой или косвенной речи персонажей.

В строгом смысле слова, исследователь поэтики собственных имен должен ограничиваться последним, опубликованным текстом драматического произведения. Однако такой подход имеет недостаток: за пределами внимания остаются и факторы, относящиеся к возникновению замысла, и «движущие силы», определившие в конечном итоге характер канонического текста.

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ ДРАМАТИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ПУШКИНА

<i>БГ</i>	– Борис Годунов
<i>Бн</i>	– Перевод из Бонжура
<i>Вт</i>	– Вадим (трагедия)
<i>Гос</i>	– Гости съезжались на дачу
<i>И ты</i>	– И ты тут был
<i>КГ</i>	– Каменный гость
<i>МС</i>	– Моцарт и Сальери
<i>Нс</i>	– Насилу выехать решились из Москвы
<i>От</i>	– От этих знатных господ
<i>ПИ</i>	– Папесса Иоанна
<i>ПЧ</i>	– Пир во время чумы
<i>Р</i>	– Русалка
<i>РВ</i>	– Сцены из рыцарских времён
<i>Ска</i>	– Скажи, какой судьбой
<i>СР</i>	– Скупой Рыцарь
<i>Чер</i>	– Через неделю буду в Париже

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев М.П. Комментарии / М.П. Алексеев, С.М. Бонди, Г.О. Винокур, Ю.Г. Оксман, А.Л. Слонимский, Б.В. Томашевский, Н.В. Яковлев, Д.П. Якубович // Пушкин А.С. Полное собрание сочинений. – Л. : Изд-во АН СССР, [1935]. Т. 7. Драматические произведения. – [1935]. – С. 365–700.
2. Белинский В.Г. Сочинения Александра Пушкина. Статья десятая «Борис Годунов» / В.Г. Белинский. Собрание сочинений в трёх томах. Том III. Статьи и рецензии 1843–1848. – М. : ОГИЗ, ГИХЛ, 1948. – С. 567–596.
3. Винокур Г.О. Борис Годунов (комментарий) / Г.О. Винокур // Пушкин А.С. Полное собрание сочинений. Том седьмой. Драматические произведения. – Л. : Издательство Академии наук СССР, 1935. – С. 385–505.
4. Карпенко Ю.А. Специфика имени собственного в художественной литературе / Ю.А. Карпенко // *Onomastica XXXI*, 1986 – С. 5–22.
5. Соколов Д. Находка рукописи А.С. Пушкина «Пир во время чумы» / Д. Соколов // Газета «Раннее Утро». – 21 января 1910 г. – № 16.
6. Томашевский Б.В. Каменный гость / Б.В. Томашевский // Пушкин А.С. Полное собрание сочинений. Том седьмой. Драматические произведения. – Л. : Издательство Академии наук СССР, 1935. – С. 547–578.
7. Федоров В.В. Поэтический мир и творческое бытие / В.В. Федоров. – Донецк: Кассиопея, 1998. – 77 с.
8. Фомичев С.А. Предисловие // Пушкин А.С. Борис Годунов. – СПб.: Гуманитарное агентство «Академический Проект», 1996. – С. 5–22.
9. Якубович Д.П. Введение. <Комментарий> / Д.П. Якубович // Пушкин. Полное собрание сочинений. Том седьмой. Драматические произведения. – Л. : Издательство Академии наук СССР, 1935. – С. 367–384.
10. Якубович Д.П. Скупой рыцарь. <Комментарий> / Д.П. Якубович // Пушкин. Полное собрание сочинений. Том седьмой. Драматические произведения. – Л.: Издательство Академии наук СССР, 1935. – С. 506–522.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ:

11. Борисъ Годуновъ Сочинение Александра Пушкина. Санкт-Петербургъ, въ типографіи департамента народнаго просвѣщенія / 1831. Шмуцтитул, титул, лист посвященія + 142 стр.
12. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений в 17 т. (Воспроизведение академического издания 1937–1959 гг.). – Т. XIII. Переписка 1815–1827. – М. : Воскресенье, 1996. – 684 с.
13. Пушкин А.С. Письма, 1815–1825 / Под ред. и с примечаниями. Б.Л. Модзалевского. – М.; Л. : Гос. изд-во, 1926. – Т. 1. – XLVIII, 539 с.
14. Пушкин А.С. Письмо князю Вяземскому П.А., [конец октября – начало ноября 1825 г. Михайловское] / Пушкин А.С. // Письма / Под ред. и с примеч. Б.Л. Модзалевского. – М.; Л.: Гос. изд-во. Т. 1. Письма, 1815–1825. – 1926. – С. 167–168.
15. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений / Гл. ред.: М. Горький, В.П. Волгин, Ю.Г. Оксман, Б.В. Томашевский, М.А. Цявловский. – [Л.]: Изд-во АН СССР, [1935]. – Т. 7.

REFERENCES

1. Alekseev M.P., Bondi S.M., Vinokur G.O., Oksman YU.G., Slonimskii A.L., Tomashevskii B.V., Yakovlev N.V., Yakubovich D.P. (1935). Kommentarii [Comments] in Pushkin A.S. Polnoe sobranie sochinenii. [Pushkin A.S. Complete works]. (pp. 365–700) (In Russian)
2. Belinskii V.G. (1948). Sochineniya Aleksandra Pushkina. Stat'ya desyataya "Boris Godunov" [The works of Alexander Pushkin] in Belinskii V.G. Sobranie sochinenii v trekh tomakh. [Belinsky V.G. Collected works in three volumes] (pp. 567–596). Moscow (In Russian)
3. Vinokur G.O. (1935) Boris Godunov (kommentarii) [Boris Godunov (comment)] in Pushkin A.S. Polnoe sobranie sochinenii [Pushkin A.S. Complete works]. (pp. 385–505) (In Russian)
4. Karpenko YU.A. (1986) Spetsifika imeni sobstvennogo v khudozhestvennoi literature [The specifics of a proper name in fiction] in Onomastica [Onomastica] (pp. 5–22) (In Russian)
5. Sokolov D. (1910) Nakhodka rukopisi A.S. Pushkina "Pir vo vremya chumy" [The discovery of A.S. Pushkin's manuscript "Feast during the Plague"] in Gazeta "Ranee Utro" [The newspaper "Early Morning"] (In Russian)
6. Tomashevskii B.V. (1935). Kamennyi gost' [The Stone Guest] in Pushkin A.S. Polnoe sobranie sochinenii [Pushkin A.S. Complete works] (pp. 547–578) (In Russian)
7. Fedorov V.V. (1998). Poeticheskii mir i tvorcheskoe bytie [The poetic world and creative being] (77 p.). Donetsk (In Russian)
8. Fomichev S.A. (1996) Predislovie [Preface] in Pushkin A.S. Boris Godunov. [Pushkin A. S. Boris Godunov]. (p. 5–22). SPb. (In Russian)
9. Yakubovich D.P. (1935). Vvedenie. <Kommentarii> [Comments] in Pushkin A.S. Polnoe sobranie sochinenii. [Pushkin A.S. Complete works]. (pp. 367–384) (In Russian)
10. Yakubovich D.P. (1935). Skupoi rytsar'. <Kommentarii> [Comments]. In Pushkin A.S. Polnoe sobranie sochinenii. [Pushkin A.S. Complete works]. (pp. 506–522) (In Russian)

Поступила в редакцию 11.08.2024 г.

**«DRAMATIC STUDIES» BY A.S. PUSHKIN IN LIGHT OF OBJECTIVES OF
POETONYMOGRAPHY**

V.M. Kalinkin

Occasional experiments in lexicography of proper names used in dramatic works do not fully reflect the specifics of functioning of poetonyms in them, and do not reveal the essential characteristics of means of nominating characters. In the vast majority of cases, the techniques and methods applied in the analysis of different genres of belles-lettres style, are extrapolated to the study of the poetics of proper names functioning in drama. As a result, poetonymologists fail to focus on specific features, determined by the texts dialogical nature and by a limited range of means of expressing the author's presence. The development of lexicography in literary and onomastic studies has increased the awareness of the need to build up a theory of poetonymography, which brings into the open a number of previously ignored features of poetonyms used in drama, and has given an impetus to new lexicographic decisions. The tragedy "Boris Godunov", "Little Tragedies", and "Dramatic studies" by A.S. Pushkin are of a particular interest for the theory and practice of poetonymography not only because they are the first examples of a new drama in the Russian literature, but also because of the "technical" features of the texts.

Keywords: drama, title, poetonym, poetonymography, A.S. Pushkin, "Dramatic studies".

Калинкин Валерий Михайлович.

Доктор филологических наук, профессор.
Донецкий государственный педагогический университет, Российская Федерация, г. Горловка.
Заведующий кафедрой русского языка и общего языкознания.
ORCID 0009-0003-9648-9401.
E-mail: kalinkin.valeriy@mail.ru.

Kalinkin Valery Mikhailovich.

Doctor of Philology, Professor.
Donetsk State Pedagogical University, Russian Federation, Gorlovka.
Head of Department of Russian Language and General Linguistics.
ORCID 0009-0003-9648-9401.
E-mail: kalinkin.valeriy@mail.ru.

Научная статья

УДК 82.32

DOI: 10.5281/zenodo.13995764

**ЖИВОЙ ПОРТРЕТ КАТОРГИ НА СТРАНИЦАХ КНИГИ
В.М. ДОРОШЕВИЧА «САХАЛИН. КАТОРГА. ПРЕСТУПНИКИ»
(К 160-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ПИСАТЕЛЯ)**

© 2024 Прокурова Н.С.¹, Паненко Е.А.²

Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Волгоградская академия МВД России»

ORCID¹ 0009-0006-9036-6787

ORCID² 0009-0003-1288-2485

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru>

В статье, посвящённой творчеству известного русского журналиста и публициста В.М. Дорошевича, на материале его очерковой книги «Сахалин. Каторга. Преступники» рассматриваются психологические типы представителей преступного мира дореволюционной России, даётся картина «сахалинского ада», который не только не способствует перевоспитанию преступников, но и ещё более усугубляет низменные качества их характера. Актуальность исследования обусловлена обращением авторов к вопросам пенитенциарного права и «вечной проблеме» преступления и наказания и в жизни, и в литературе. В статье также затрагиваются вопросы криминологии, уголовного права, виктимологии и юридической психологии. В процессе исследования использовались следующие методы и приемы: анализ и синтез, культурологический, исторический комментарий. Жизнь предоставила возможность В.М. Дорошевичу познакомиться со сведениями о французской каторге. Писатель отмечает, что среди тюремного начальства и французской каторги находятся такие же озлобленные, ни к чему не способные люди, грабящие и истязавшие арестантов. Сравнив две каторги – русскую и французскую, – автор делает вывод «о совершенном исключении каторги из числа наказаний».

Ключевые слова: Сахалин, тюрьма, наказание, преступление, арестант.

Для цитирования: Прокурова Н.С. Живой портрет каторги на страницах книги В.М. Дорошевича «Сахалин. Каторга. Преступники» (к 160-летию со дня рождения писателя) / Н.С. Прокурова, Е.А. Паненко // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. – 2024. – № 4. – С. 28-39. – <https://doi.org/10.5281/zenodo.13995764>.

Сахалинская каторга возникла в 60-е годы XIX века.

В 1968 году в России был создан комитет, который предусматривал организацию каторжных работ на разумных началах. По постановлению комитета, преступники должны были высылаться в отдалённые колонии, одной из которых и стал остров Сахалин.

До 1875 года Сахалином Россия владела вместе с Японией, но и тогда уже на Сахалин из России отправлялись небольшие партии каторжан для работы на каменноугольных коях в Дуэ, о чём свидетельствовал автор В.Я. Аболтин [1, с. 10–11]. В период с 1880 по 1900 год, когда остров стал уже безраздельной собственностью России, по свидетельству исследователя Н. Новомбергского, на Сахалин было доставлено 28 660 каторжников [11, с. 24].

В российском обществе XIX века бытовало мнение, что остров являлся прекрасным «полем для целесообразной и благотворной колонизации». Однако

настоящая колонизация на Сахалине не состоялась по многим причинам: во-первых, из-за того, что труд носил принудительный характер; во-вторых, под поселения выбирались места, которые затоплялись водой; и в-третьих, не было специалистов по добыче каменного угля. Исследователь А.А. Панов замечал по этому поводу: «Едва ли где-нибудь найдётся уголок, где при таком обилии естественных богатств, при столь значительной затрате капитала и, в буквальном смысле, кровавого труда, человеческое общество влачило бы более жалкое существование, чем на Сахалине» [12, с. 88].

Поэтому не случайно остров Сахалин привлекал к себе внимание передовых русских людей.

5 июля 1890 года известный русский писатель Антон Павлович Чехов отправляется на остров Сахалин с целью медицинских исследований сахалинского населения и изучения сахалинской колонизации, о которой в российском обществе XIX столетия сложилось весьма благоприятное мнение. На Сахалине Чехов пробыл три месяца и выполнил поставленные перед собой задачи. Размеры человеческого горя, с которым Чехов столкнулся на острове, настолько впечатлили его, что 9 декабря 1890 года он писал редактору газеты «Новое время» А.С. Суворину: «Пока я жил на Сахалине, моя утроба испытывала только некоторую горечь, как от прогорклого масла, теперь же, по воспоминаниям, Сахалин представляется мне целым адом» [13, с. 139]. В 1893 и в 1894 г.г. в журнале «Русская мысль» появляются отдельные главы книги «Острова Сахалин» А.П. Чехова. В 1895 году книга выходит самостоятельным изданием, и русская общественность узнаёт о произволе, творящемся на острове.

Знакомство с книгой А.П. Чехова вызвало интерес к «проклятому» острову и у русского писателя, журналиста Власа Михайловича Дорошевича² (1864–1922), бывшего в то время сотрудником газеты «Одесский листок».

В.М. Дорошевич стал известен в литературе в 80-е годы XIX века: в разное время он был репортёром «Петербургской газеты», «Московского листка», «Одесского листка», редактировал газету «Русское слово».

Впоследствии он вспоминал: «Вся жизнь, все интересы для меня слились в одно – Сахалин! Сахалин заслонила от меня всю жизнь. Вне Сахалина для меня ничего не существовало. Я ложился, вставал, говорил, ел, думая только об одном – о Сахалине. Это было что-то вроде помешательства» [7, с. 45].

Писателю захотелось самому побывать на Сахалине, увидеть своими глазами всё происходящее там и рассказать читателям об увиденном. Но Главное тюремное управление не выдавало ему разрешения поехать на остров. И в 1897 году Дорошевич без разрешения отправляется на Сахалин на пароходе Добровольческого флота «Ярославль», который везёт туда каторжников.

И если книга А.П. Чехова «Остров Сахалин» представляет собой научно-публицистический труд, то книга В.М. Дорошевича «Сахалин. Каторга. Преступники» – это собрание ярких художественных очерков, воссоздающих живой портрет каторги.

Книга начинается с описания сурового, неприветливого острова. Художественные средства – анафора, метафоры, эпитеты – помогают писателю показать мрачный облик Сахалина: «Здесь воздух напоён тяжелыми вздохами. Здесь в ночном крике птицы чудится стон. Здесь пролито много крови этими несчастными, которые режут друг

² Фамилию и отчество писатель унаследовал от отчима Дорошевича Михаила Ивановича. Его родной отец Сергей Соколов умер рано. Мать – писательница Александра Ивановна Соколова.

друга из-за грошей. Здесь что ни уголок – то страшное воспоминание. Здесь всё дышит страданием. Здесь много было преступленья и труда» [5, с. 12].

Уже в очерке «Первые впечатления» писатель говорит о том, что на Сахалине по-прежнему царит крепостное право. А именно: «Тот же подневольный труд, те же люди, не имеющие никаких прав, унижительные наказания, те же дореформенные порядки, <...> тот же взгляд на человека, как на "живой инвентарь", то же распоряжение человеком "по усмотрению", сожительства, заключаемые, как браки при крепостном праве, не по желанию, не по влечению, а по приказу» [5, с. 14].

В очерке «Тюрьма кандалная» Дорошевич рассказывает о «тюрьме разряда испытуемых», где содержатся «наиболее тяжкие преступники». Среди них находятся и «тачечники», к чьим ножным кандалам длинной цепью прикована двухпудовая тачка, с которой арестант не расстаётся ни днём, ни ночью.

Кандалную тюрьму Дорошевич посещает вместе с надзирателем, и здесь его взору предстают «...холодные, суровые, озлобленные взгляды», в которых отчётливо видны страдание и злоба; писатель слышит ропот обитателей тюрьмы по поводу отвратительной пищи (вместо нормальной еды – баланда, в которой даже картошка нечищенная). Арестанты просят выпустить их из этой зловонной тюрьмы, но надзиратель, не обращая внимания на их крики, на гул глухих голосов, которые доносятся из-за двери, запирает её большим висячим замком. И писатель задаёт будущим читателям вопрос: «Быть может, её (кандалной тюрьмы – Н.П., Е.П.) обитатели произвели на вас не только неприятное – отталкивающее впечатление»? [5, с. 52]. И сам же отвечает на него: «Милостивые государи, вы стоите рядом с человеческим горем. А горе надо слушать сердцем. Тогда вы услышите в этом "зверстве" много и человеческих мотивов, в "злобе" – много страдания, "циничном" смехе – много отчаяния» [5, с. 52]. И в этих словах автора в полный голос звучат и сострадание, и сочувствие несчастным обитателям кандалной тюрьмы.

К описанию кандалной тюрьмы писатель возвращается в очерке «Приговаривается к каторжным работам». Кандалная тюрьма на Сахалине, как правило, строилась отдельно. Она огорожена высоким забором, вдоль её стен ходят часовые. Обитателям кандалной тюрьмы обривают половину головы и заковывают их в кандалы. Дорошевич говорит, что в кандалном отделении Рыковской тюрьмы, куда привёл его смотритель, царило необычайное озлобление: уже две недели кандалное отделение отказывалось работать и сидело взаперти в так называемом «номере». Люди, задыхавшиеся здесь от зловонного воздуха, исходившего от стоявшей в углу «параша», и дошедшие до крайней степени озлобления, были похожи на зверей. Находиться там, «где всё дышит злобой», обычному человеку было весьма небезопасно. «Можете себе представить, что творится в "испытуемых" тюрьмах, предоставленных целиком на усмотрение надзирателей, часто тоже из бывших каторжных, – говорит писатель. – Что делается в этих тюрьмах, наполненных тяжчайшими преступниками и месяцами не видящих никакого начальства. Что там делается с каторжными и каторжными же над каторжными» [5, с. 176].

В очерке «Вольная тюрьма» Дорошевич описывает Корсаковскую вольную тюрьму, которая производит впечатление ночлежного дома: везде грязь, тусклые, грязные окна, не пропускающие света, грязная вода при мытье полов сливается под пол. «На этом-то болоте из грязи стоит тюрьма, – замечает писатель. – Этими испарениями дышат люди» [5, с. 54].

Описание «вольной» тюрьмы автор также продолжает в очерке «Приговаривается к каторжным работам». Вольная тюрьма, или «тюрьма для исправляющихся, это –

менее всего тюрьма». «Прежде всего, это – ночлежный дом, грязный, отвратительный ужасный» [5, с. 179], – отмечает Дорошевич. Арестанты, возвращаясь из тайги с тяжёлых работ, где они таскают брёвна по колено в снегу, не снимают мокрой одежды, чтобы не лишиться её, и в ней ложатся на нары. Не раздеваются арестанты неделями, и от этого в тюрьме стоит очень тяжёлый дух. Кроме этого, здесь полно паразитов, которые ползают везде. Даже писателю пришлось коротко постричься и выбросить одежду, в которой он посещал тюрьмы.

«Вольная» тюрьма – это также игорный дом, где игра порой идёт круглые сутки. И третье её назначение – служить приютом для всех бездомных и беглых каторжников, которые бегут из других тюрем и месяцами могут скрываться здесь.

Очерк «Карцеры» начинается словами: «Сыро, тяжёлый, зловонный, невыносимый воздух, но довольно светло. Таково общее впечатление корсаковских одиночных карцеров при гауптвахте» [5, с. 61]. Здесь содержатся «наиболее провинившиеся» каторжане.

Это Авдеев, девятнадцатилетний «юноша с неприятным лицом, отталкивающим взглядом, необыкновенно циничный» [5, с. 62]. Судьба этого молодого человека трагична. Отец его – офицер, мать – пленная турчанка, которую отец привез в Россию вместе с прижитым ребёнком. Родители – состоятельные люди, не любили сына и совсем не уделяли ему внимания. В четырнадцать лет Авдеев убил своих родителей, а в пятнадцать его уже признали неисправимым преступником. Авдеев говорит Дорошевичу: «Известно, если бы хорошо со мной обращались, не зарезал бы» [5, с. 61]. Находясь в тюрьме, Авдеев упорно отказывается работать. На вопрос, почему он это делает, отвечает: «А так! Не хочу – и не стану» [5, с. 63]. За время пребывания в каторге Авдеев получил уже 500–600 розог за отказ от работы и рассказывает об этом совершенно спокойно, хладнокровно и цинично. На вопрос писателя: «Неужели это (*порка – Н.П., Е.П.*) лучше, чем работать?» Авдеев отвечает: «Известно, лучше. Отдерут, – да перестанут. А работа-то с утра до ночи, каждый день» [5, с. 63]. Но при всём этом молодой человек производит на писателя впечатление «задёрганной лошади», и Дорошевич здесь высказывает своё мнение: «Мне кажется, что хорошая доза бромистого калия оказала бы куда больше действия, чем розги, на этого болезненно раздражённого, со взвинченными нервами, отвратительного и глубоко несчастного юношу» [5, с. 64].

Вместе с Авдеевым содержится армянин Эриванской губернии Бабаев. Подробно охарактеризовав внешность героя, его манеру говорить («С симпатичным лицом, на котором <...> играет добрая, заискивающая, вкрадчивая улыбка <...> Мягкий, приятный голос. Он говорит так мягко, нежно, вкрадчиво» [5, с. 64]) и, поведав о пристрастии Бабаева к рисованию, писатель вдруг неожиданно сообщает: «Его специальность – убивать товарищей» [5, с. 65]. Бабаев в каждой новой партии каторжан высматривает новичков с деньгами, располагает их к себе своей обманчивой внешностью и уговаривает их бежать. В тайге он убивает их, забирает деньги и возвращается в тюрьму, где хорошо живет на награбленные деньги. Официально Бабаев обвиняется в двух убийствах, но каторга ведёт свой счёт его мерзким деяниям и обвиняет его в шести убийствах. Бабаева страшит мысль о том, что после окончания следствия его переведут из карцера в общую тюрьму, где арестанты отомстят ему за убийства товарищей. Поэтому он отказывается от прогулок даже в сопровождении солдат. Так и живёт Бабаев в вечном страхе перед расплатой за свои преступления.

В очерке «Гребенюк и его хозяйство» писатель рассказывает о каторжном Гребенюке – мастере на все руки, который постоянно находится в работе. Поэтому и

хозяйство у него всё отлажено: «маленький домик, аккуратно сделанный», огород, овцы, куры. Он признаётся писателю, что пришёл на каторгу за убийство барина, который издевался над ним. «Лют был покойник, – ах, как лют, – говорит Гребенюк. – Бил так, – у меня и до сих пор его побои болят. Нутро всё отшиб, – так бил» [5, с. 82]. На вопрос Дорошевича, не раскаивается ли Гребенюк в своём преступлении, тот с ненавистью в лице отвечает: «Вот вам, барин, что скажу. Как хотите, так уж и судите: хороший я человек или негодный. А только я вам по совести должен сказать, как перед Истинным. Вот встань он из могилы, сюда приди, – я бы его опять задушил. Десять раз бы ожил, – десять бы раз задушил! Каторга! Вам тут будут говорить, что трудно да тяжело, – не верьте им, барин. Врут всё, подлецы! Они настоящей-то каторги не видели. Здесь я 10 лет прожил, – что! Там вот три года, – вот это была каторга, так каторга! Здесь я только и свет увидел!» [5, с. 84]. И жалеет Гребенюк лишь о том, что не удалось помучить истязателя, так как за стеной спал другой барин, который мог бы проснуться и донести.

«Тяжела вина Гребенюка, слов нет, тяжело совершённое им преступление, – говорит писатель, – возмутительно его сожаление о том, что "не удалось помучить", – но ведь и довести же нужно было этого тихого, смиренного человека до такого озлобления» [5, с. 85]. И в словах автора слышится сочувствие своему герою.

Герой очерка «Паклин» – беспощадный грабитель и убийца. На Сахалин пришёл за зверское убийство ростовского архимандрита. Первое его преступление – убийство товарища, с которым они были влюблены в одну девушку; второе – парня, который знал про убийство и однажды сказал Паклину: «Я ведь тебе не такой-то! Меня, брат, не убьёшь из-за угла, как подлец» [5, с. 86]. Убил и его, стал бродяжить, взял себе фамилию «Паклин». Ездил по разным городам, грабил, «прокучивал деньги». Здесь, в тюрьме, просился в сторожа на Охотский берег, куда посылают «самых отъявленных». Боялся, что, если несправедливо накажут, то гордый и самолюбивый по натуре, он не стерпит, поэтому от греха и просился подальше от людей. Находясь в течение трёх лет в одиночестве и среди природы, Паклин очень изменился. Теперь от гордого и заносчивого Паклина не осталось ничего: он стал вникать в человеческие беды и нужды, стал сочувствовать людям. По-иному он стал относиться к аймам, которых раньше за людей не считал. А теперь он ближе узнал этих бедных, но очень добрых и честных людей и проникся к ним уважением и сочувствием.

Сейчас Паклин – примерный отец и муж. У него двое крошечных сыновей-бутузов и жена, «молодая красивая бабёнка», которая пришла на Сахалин за оскотление женщин. Паклин очень любит их и ради них готов вытерпеть всё. «Меня ругают, – а я о детях всё думаю. Меня пуще, – а я о детях всё пуще думаю!.. С меня всё, как с гуся вода. Бейте, – не пикну <...> Чудная эта штука!» [5, с. 90], – рассказывает он Дорошевичу, которого это нисколько не удивляет, так как он связывает перемену в поведении Паклина с пробуждением в нём обыкновенных человеческих чувств. Кроме всего прочего, Паклин ещё и поэт: он имеет некоторое понятие о стихосложении и пишет стихи: эмоциональные, грустные, которые заключают в себе много чувств. Дорошевич даже находит, что с некоторых пор в поэзии Паклина зазвучали «гражданские мотивы»: личные мотивы уступили место общественным.

Героями очерка «Свободные люди острова Сахалин» являются бывший редактор-издатель ежедневной литературной, политической и экономической газеты «Голос Москвы» Бестужев и бывший каторжный Бирич.

Бестужев – личность неординарная, он сменил много профессий и должностей: был владельцем мыловаренного и свечного завода, владел самой большой московской типографией; был становым приставом в Нижегородской губернии, исправником – в

Томске. Натворив там каких-то дел, бежал в Аргентину, в Буэнос-Айрес. Потом жил в Чили, Калифорнии, успел посидеть в каторжной тюрьме Сан-Франциско. А теперь на Сахалине занимает должность смотрителя поселений, в обязанности которого входит устройство быта заключённых, уже отбывших наказание.

Став смотрителем Корсаковской тюрьмы и получив полную власть над бесправными арестантами, «развернулся во всю ширь и мощь своей дикой натуры: бил, колотил, драл неистово <...> подвергал жестоким телесным наказаниям людей, заведомо больных и освобождённых от телесных наказаний» [5, с. 115].

Другой герой очерка Бирич, сосед Дорошевича по комнате. Невзрачный и тщедушный человек, постоянно пытавшийся встать «на одну ногу» с писателем. В прошлом Бирич был фельдшером, на Сахалин попал за отравление кого-то. Теперь, отбыв каторгу и поселение, «кулачит на промыслах», а своих бывших сотоварищей именует не иначе, как «негодьями», «тварями» и «мерзавцами». И уговаривает Дорошевича: «Вы хорошенько их распишите. Чтобы знали, что это за твари! Распущены, – ужас! <...> Драть их негодяев надо!» [5, с. 125]. Бирич ненавидит каторжан, а каторжане платят ему той же монетой: они ненавидят и презирают его.

В своей книге «Остров Сахалин» А.П. Чехов свидетельствовал, что на острове распространены телесные наказания. «Розги, плети, прикование к тележке, – наказания, позорящие личность преступника, причиняющие его телу боль и мучения, – применяются здесь широко» [14, с. 332], – писал Чехов и приводил статистику: сколько человек было наказано, в каком году и в каком округе.

В.М. Дорошевич в очерке «Телесные наказания» говорит о том, что телесные наказания по-прежнему процветают на Сахалине, причём те, кто приговаривает заключённых к этой мере наказания, мало задумываются об их последствиях. Арестанту Ивану Груздеву за побег и сокрытие «по подложному виду» назначается наказание – восемьдесят ударов плетей. Доктор, стараясь увести его от тяжелого наказания и сохранить ему жизнь, начинает с пристрастием допрашивать его о здоровье: «Ты здоров? <...> Может, у тебя сердце болит? <...> Кашель у тебя хоть иногда бывает?» [5, с. 252]. И, получив на все вопросы отрицательный ответ, доктор всё же берёт на себя ответственность и записывает в акте освидетельствования: «Порок сердца. От телесного наказания освобождён». И при этом возмущённо говорит присутствующему здесь Дорошевичу: «80 плетей! Ведь это же – смертная казнь! Разве можно? Если б они видели, к чему приговаривают» [5, с. 253]. Телесным наказаниям подвергаются молодой парнишка Иван Васютин, двое кавказцев, Медников Иван, поселенец Бардунов и его товарищ Гусятников. Эта картина вызывает целый всплеск эмоций у писателя: «Стыдно было, стыдно невероятно смотреть на полуобнажённого человека, лежавшего "на кобыле"³!» [5, с. 257]. И глядя после наказания на стоящего с голыми ногами, икающего и плачущего Ивана Васютина, писатель вновь восклицает: «Было страшно и стыдно смотреть на этого парнишку!» [5, с. 259].

Телесные наказания существуют во всех сахалинских тюрьмах. Даже в пять часов утра, при так называемой «раскомандировке» – направлении заключённых на разные работы – посреди двора стоит «кобыла», и на ней в присутствии всей каторги палач порет провинившихся или не выполнивших на работе заданного урока. А вся каторга ждет с нетерпением этого «приставления», как «интересного смешного спектакля» и весело смеётся, слушая крики и плач наказываемых. «Жестокое зрелище!» [5, с. 44] – скажет на это писатель (очерк «Раскомандировка»).

³ Деревянная лавка.

Дорошевич рассказывает о смотрителе Воеводской тюрьмы Фельдмане, не признававшем «непоротых арестантов», в то время как сам кормил тюрьму сырым хлебом и вонючей рыбой, по которой ползали черви (очерк «Язык каторги»). Арестанты даже образовали от фамилии Фельдмана новые слова: *фельда* ‘хитрость, лукавство’ и *фельдить* ‘обманывать’. После появления книги В.М. Дорошевича Фельдман обвинил его в клевете и подал заявление в суд. Судебное разбирательство назначалось три раза, и в результате Фельдман проиграл дело [4, с. 39–40], так как невозможно было противостоять фактам, подтверждённым документами и показаниями многочисленных свидетелей.

В очерке «Нравы каторги» Дорошевич сообщает читателю, что всё население каторги делится на четыре касты: 1) «иваны», 2) «храпы», 3) «игроки» и 4) несчастная «шпанка».

А затем в очерках, посвященных этим кастам, характеризует каждую из них. «Иваны» – это зло, это – язва, это – бич нашей каторги, ее деспоты, её тираны» [5, с. 261]: они отбирают или воруют у арестантов их последние гроши, а потом проигрывают их в карты или просто проматывают, не терпя малейших возражений со стороны обобранных ими людей (очерк «Иваны»).

«Храпы» – это те, кто больше всех горланит, кричит, якобы ратуя за справедливость, но при появлении смотрителей или надзирателей они тотчас исчезают из поля зрения начальства. Их название происходит от слова *хранеть*. Они «храпят» или орут на всё, потому что всё им кажется несправедливым, незаконным и неверным (очерк «Храпы»).

«Игроки» – те, кто играет в карты. В тюрьме они находятся на привилегированном положении, так как, во-первых, они всегда при деньгах и около них кормится много людей; во-вторых, они никогда не выполняют каторжных работ – за них это делают другие; в-третьих, они дают заработать майданщику, ростовщикам, «стремщику», который во время игры «караулит» у дверей и сообщает игрокам о появлении начальства; поэтому все арестанты готовы взять игроков под свою защиту (очерк «Игроки»).

И, наконец, «шпанка» – это задавленная «масса» каторги, её бесправный плебс» [5, с. 276], – замечает Дорошевич. К этому разряду относятся люди, случайно попавшие в тюрьму: за убийство человека во время пьяной драки, «жертвы семейных неурядиц», то есть те люди, которые в будущем могли бы вернуться к честной и мирной жизни. Но здесь, в тюрьме, они не могут «постоять за себя» и становятся объектом насмешек и презрительного отношения к себе со стороны «иванов», «храпов» и «игроков», которые постоянно обворовывают «шпанку» и издеваются над нею.

«Шпанка» смиренна и безропотна, поэтому она выполняет на каторге самые тяжелые работы; она бедна, поэтому не пользуется сочувствием и защитой со стороны надзирателей. «Шпанка» боится здесь всех. «Живёт всю жизнь дрожа, – замечает писатель, – потому что в этих тюрьмах, где должны "исправляться и возрождаться" преступники, царит самоуправство, произвол "иванов", полная власть сильного над слабым, "отпетого негодяя над порядочным человеком"» [5, с. 277].

Трагична судьба каторжника Николая Гловацкого – мещанина Киевской губернии, подозреваемого в убийстве своей жены, которую он не убивал (очерк «Бессрочный испытуемый Гловацкий»). Но, тем не менее, Гловацкий был приговорён к бессрочной каторге и заключён в страшную Воеводскую тюрьму. За три года Гловацкий был наказан более чем пятьюстами розгами, главным образом за то, что слабосильный и замученный, он не мог выполнить заданного на день «урока». И вот за

это и за обращение к врачу Гловацкого отправили на самую тяжёлую работу – «вытаску» брёвен из леса, а потом три раза пороли за то, что ему было не под силу вытащить даже одно бревно. Пятьдесят розог Гловацкий получил за то, что не поздоровался с чиновником Дмитриевым; во время порки он потерял сознание, и с «кобылы» его сняли уже без чувств.

В камере арестанты, играющие в карты рядом с местом Гловацкого, были замечены надзирателем и наказаны. И хотя Гловацкий не играл с ними, он всё равно получил сто розог. После этого наказания Гловацкий оказался в лазарете. Только вышел из лазарета, навстречу идёт чиновник Шилкин, заменявший начальника округа: «Так ты вот ещё как? Ты сопротивляться? Не кланяться ещё вздумал?» [5, с. 284]. И определил ему наказание в пятьдесят розог.

От безысходности Гловацкий решился бежать и примкнул к группе заключённых, которая готовилась к побегу. Удалось сбежать только одному арестанту – Бейлину, остальных поймали. Гловацкого обвинили в убийстве Бейлина и приговорили его к одиннадцати годам «испытваемости» и шестидесяти пяти ударам плетьюми.

А вскоре Бейлин вновь появился в тюрьме. Гловацкий просил арестантов сказать начальству, что Бейлин жив и здоров, поэтому с него, Гловацкого, можно снять напрасное обвинение. Арестанты, подкупленные Бейлиным, не поддержали его. Бейлин же решил отомстить Гловацкому и нанял для этого шайку «иванов», которые избили Гловацкого до полусмерти и сломали ему руку. Защищаясь, Гловацкий смертельно ранил ножом одного из нападавших – Стёпку Шибаева, который накинул ему петлю на шею. Самого Гловацкого полуживого вырвали из рук «иванов», но они свидетельствовали, что Гловацкий убил Шибаева «по злобе». И таким образом, Гловацкого, который только оборонялся, защищая свою жизнь, приговорили к пожизненному заключению в кандалной тюрьме и тридцати плетям. Однако к перенесению телесного наказания он был признан неспособным.

Смотритель тюрьмы Кнохт справедливо называет Гловацкого «страдальцем». А этот страдалец, «этот несчастнейший человек, обречённый на смерть в кандалной», зная о том, что «иваны» не оставят его в покое, пока не доведут дело до конца и не убьют его, на вопрос Дорошевича, не может ли он чем-нибудь помочь ему, просит писателя не за себя, а за другого арестанта: «Ему очень тяжело» [5, с. 288]. И комментарии здесь по поводу человеческой состоятельности Гловацкого, как говорится, излишни.

И А.П. Чехов, и В.М. Дорошевич видели, как под воздействием среды «осахалиниваются» на острове образованные люди – смотрители, надзиратели, служащие и их жёны, которые начинают разговаривать на языке каторги и ратуют за телесные наказания. Поэтому Дорошевич справедливо считает, что «полное бесправие, царящее на острове, населённом людьми, лишёнными всех прав, развращает не только управляемых, но и управляющих», что «жизнь среди тюрем, розог, плетей, как чего-то обычного, не проходит даром» [5, с. 202].

«Дорошевич в своих сахалинских очерках раскрывает день за днём страшную медленную гибель тысяч людей, – отмечает исследователь С. Иванов. – Была на Сахалине тюрьма кандалная, где людей приковывали к тачке на весь срок каторги, а они должны были и работать, и питаться, и спать со своей вечной подругой – тачкой. Была и тюрьма вольная – для тех, кто отбыл срок наказания, но должен был оставаться на Сахалине. И неизвестно, что было лучше – кандалная или вольная, и там и здесь люди не жили, а мучились, заживо гнили» [9, с. 473].

Вторая часть книги В.М. Дорошевича «Сахалин. Каторга. Преступники» посвящена в основном представителям преступного мира, чьи истории наделали в стране много шума. Героиней очерка «Золотая ручка» становится знаменитая мошенница конца XIX века, Софья Блювштейн, известная в России как Сонька – Золотая ручка. Здесь, на Сахалине, она является хозяйкой многих заведений: «квасной, игорного дома, карусели, танцкласса, корчмы и Сахалинского кафе-шантана».

Писатель шёл, по его словам, на встречу с «Мефистофелем, с Рокамболом в юбке», «с могучей преступной натурой, которую не сломили ни каторга, ни одиночная тюрьма, ни кандалы, ни свист пуль, ни свист розги. С женщиной, которая, сидя в одиночном заключении, измышляла и создавала планы, от которых пахло кровью» [6, с. 4].

Однако Дорошевич был очень удивлён, увидев маленькую старушку «с нарумяненным, сморщенным, как печеное яблоко лицом, в ажурных чулках, в стареньком капоте, с претензией на кокетство, с завитыми крашеными волосами» [6, с. 4]. Убогая роскошь наряда и «поддельная краска ланит» поразили писателя, и ему подумалось: «Зачем всё это?». И только когда рядом с нею появился молодой, здоровый, красивый её сожитель Богданов, Дорошевичу всё стало ясно.

Всего на каторге Софья Блювштейн перенесла очень много. Два года и восемь месяцев она была закована в ручные кандалы, от чего сохнут её руки, тонкие, как плети. Её секли на глазах у всей каторги, о чем до сих пор с удовольствием вспоминают зрители-арестанты и страшнейший из сахалинских палачей Комлев, который исполнял наказание и порол её так, «что кровь брызгала из-под прута».

Теперь от знаменитой мошенницы, в прошлом яркой и красивой женщины, не осталось ничего, кроме её чудесных, выразительных глаз. Перед писателем стояла несчастная женщина, плакавшая при воспоминании обо всех перенесённых ею обидах, жалующаяся на сожителя: «Грубый, необразованный человек, – всё, что заработаю, проигрывает, прогуливает! Бьёт, тиранит...» [6, с. 10]. Тайком от Богданова, устроившего за ней тотальную слежку, она обращается к Дорошевичу с просьбой найти двух её дочерей, оставшихся в Одессе и выступающих «в оперетке, в пажам», так как она хорошо знает, что впоследствии случается с этими пажами. «"Рокамболя в юбке" больше не было, – пишет автор. – Передо мной рыдала старушка-мать о своих несчастных детях. Слезы, смешиваясь с румянами, грязными ручьями текли по её сморщенным щекам» [6, с. 11]. И слезы эти, как и материнские чувства хорошо понятны писателю и вызывают у него сострадание.

Герой очерка «Полуляхов» организовал с целью грабежа убийство семьи члена судебной палаты Арцимовича в Харькове. При совершенно замечательной наружности, которая носила на себе печать какого-то врождённого изящества, Полуляхов, тем не менее, принадлежал «к числу "настоящих убийц", расовых, породистых, которых очень мало даже на Сахалине. Это "настоящие убийцы" среди людей, это тигры среди зверей» [6, с. 11], – говорит о нём писатель.

Дядя, богатый торговец, взял Полуляхова в семью, чтобы приобщить его к торговле, а потом сделать его наследником. Приказчики же начали развращать мальчика и приучать его к воровству, чтобы им самим было удобнее воровать у хозяина. Кончилось дело тем, что дядя выгнал племянника из дома. Теперь воровство стало профессией Полуляхова. Однако вскоре он был арестован за кражу и первый раз оказался в тюрьме, где постиг все азы воровского дела. Выйдя из тюрьмы, Полуляхов продолжил воровать, стал посещать публичные дома, где, как правило, в него влюблялась какая-нибудь девица, которая не только отдавала ему заработанные деньги, но ещё и воровала для него. Позже были новые

кражи, новые барышни, и такая жизнь Полуляхову очень нравилась. В будущем он мечтал «достать двадцать пять тысяч и зажить, как следует», заняться торговлей.

С Дорошевичем Полуляхов беседует спокойно, свободно: рассказывает ему, каким большим успехом пользуется он у женщин и как он их презирает, как претит ему употребление нехороших слов («я сам никогда этими словами не ругаюсь»), что в Бога он не верит, а живёт «по Дарвину». Причем теорию Дарвина он уяснил себе в тюрьме и трактует её, как «борьбу за существование»: «Человек ест птицу, птица ест мышку, а мышка ещё кого-нибудь ест. Так оно и идёт» [6, с. 30]. И здесь следует замечание писателя: «Так рассуждает о господине Дарвине этот человек, понявший её с волчьей точки зрения» [6, с. 31].

Кстати сказать, религиозный философ С.Н. Булгаков предвидел эту надвигающуюся опасность влияния различных научных учений на неразвитые умы людей, в сознании которых разрушается старая религиозная вера, дававшая им «различие между добром и злом», учившая их «жить по правде, по долгу, по-божески», а прививаются «догматы материализма и философского нигилизма» [3, с. 132].

Общаясь с арестантами, Дорошевич отмечает одну психологическую деталь: рассказывая о своих преступлениях, они старались казаться спокойными, ироничными, нераскаившимися. Но писатель не верит этому «спокойствию», считая его бравадой и «бахвальством». Так, Полуляхову впервые изменяет самообладание, когда он рассказывает Дорошевичу о том, как он убивал восьмилетнего сына Арцимовича: «Ударил его топором, хотел в другой раз, – топор поднял, а вместе с ним и мальчика, топор в черепе застрял. <...> Страшно было. Мне этот мальчик и теперь снится. Никто не снится, а мальчик снится» [6, с. 22–23].

Однако к этому развратному, циничному человеку, «настоящему убийце», у писателя нет ни сострадания, ни сочувствия.

На страницах книги В.М. Дорошевича незримо присутствует образ автора – образованного, мудрого человека с добрым и отзывчивым сердцем, который всей душой сочувствует несчастной «шпанке» – самому бесправному населению русской каторги.

Создав целую галерею каторжного люда, в основном замученного телесными наказаниями, озлобленного и угрюмого, Влас Михайлович Дорошевич приходит к выводам, достойным писателя-гуманиста: «Если исправление и возрождение немислимы без раскаяния, то Сахалин не исполняет и не может исполнять своего назначения» [6, с. 158]. И писатель справедливо считает, что «<...> до сих пор не изобретено такого преступления, которое заслуживало бы такой каторги, как сахалинская» [6, с. 158].

Высоко оценил книгу В.М. Дорошевича исследователь С.В. Букчин: «Будучи книгой глубоко своеобразной, не утратившей присущей автору остро публицистической манеры, "Сахалин" Дорошевича вместе с тем явно – в общем реалистическом русле русской демократической литературы. Несомненна его перекличка с такими значительными произведениями о русской каторге, как "Записки из Мёртвого дома" Достоевского и "В мире отверженных" П.Ф. Якубовича (Мельшина)» [2, с. 82].

В 1904 году издательство И.Д. Сытина готовило к опубликованию книгу бельгийского моряка Эжена Деграва, которого вместе с братом Леоном несправедливо обвинили в убийстве экипажа шхуны с целью завладения ею. Брат умер, а Эжену довелось пройти все круги ада французской каторги. О своих впечатлениях он рассказал в книге «Семь лет каторги. Воспоминания невинно осуждённого», к которой Дорошевичу было предложено написать предисловие. Когда Дорошевич читал книгу Э. Деграва, ему казалось, что он читает книгу о Сахалине: настолько были схожи условия содержания заключённых, методы их «воспитания», смотрители и

надзиратели, осуществлявшие процесс «воспитания». Однако нравы французской каторги, по мнению писателя, были ещё более суровыми и жестокими.

Видя такое сходство русской и французской каторги, Дорошевич приходит к выводу о том, что «... речи об улучшении каторги, раз она всюду и везде роковым, неизбежным образом одинакова, быть не может. Речь может, должна идти о другом: о совершенном исключении каторги из числа наказаний» [8, с. 23].

Творчество Власа Михайловича Дорошевича заслужило высокую оценку современных исследователей. В статье Ю.П. Надехиной, посвященной журналистской деятельности писателя, читаем: «Влас Михайлович Дорошевич сыграл большую роль в становлении и развитии отечественной литературы и публицистики. Он был талантливым и многогранным человеком. Ему удалось оставить след во многих направлениях журналистики. <...> Его творчество громом прокатилось по России, будоража умы и пробуждая сознание многих людей, оно отвечало общественно-политическим запросам своего времени, запало в душу многим читателям, и было доступным для большинства из них» [10, с. 278]. И с этим мнением автора нельзя не согласиться.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Аболтин В.Я. Остров сокровищ. Северный Сахалин / В.Я. Аболтин. – Хабаровск – Владивосток, 1928. – 168 с.
2. Букчин С.В. Влас Дорошевич. Судьба фельетониста / С.В. Букчин. – Минск, 1975. – 256 с.
3. Булгаков С.Н. Христианский социализм / С.Н. Булгаков. – Новосибирск, 1991. – 347 с.
4. Дело В.М. Дорошевича // Литературный вестник. Издание русского библиотечного общества. 1904. Т.7. Кн.1. С. 39–40.
5. Дорошевич В.М. Сахалин. Каторга. Преступники / В.М. Дорошевич. – В 2-х ч. – М., 1907. – Ч. I. – 418 с.
6. Дорошевич В.М. Сахалин. Каторга. Преступники / В.М. Дорошевич. – В 2-х ч. – М., 1907. – Ч. II. – 190 с.
7. Дорошевич В.М. Как я попал на Сахалин / В.М. Дорошевич. – М., 1905. – 163 с.
8. Дорошевич В.М. Французская каторга / В.М. Дорошевич // Деграв Э. Семь лет каторги. Воспоминания невинно осуждённого. – М., 1904. – 340 с.
9. Иванов С. Послесловие к книге Дорошевича В.М. Рассказы и очерки / С.Иванов. – М., 1966.
10. Надехина Ю.П. В.М. Дорошевич в мире московской журналистики рубежа XIX–XX веков / Ю.П. Надехина // Преподаватель XXI век. – 2021. – № 1. Часть 2. – С. 270–280. – DOI: 10.31862/2073-9613-2021-1-270-280.
11. Новомбергский Н. Остров Сахалин / Н. Новомбергский. – СПб., 1903. – 255 с.
12. Панов А.А. Сахалин как колония: очерки колонизации и современного положения Сахалина / А.А. Панов. – М., 1905. – 234 с.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ:

13. Чехов А.П. Полн. собр. соч. и писем / А.П. Чехов. – В 30 т. – М., 1983 – 1987. Письма Т. 4. – 655 с.
14. Чехов А.П. Полн. собр. соч. и писем / А.П. Чехов. – В 30 т. – М., 1983 – 1987. Т. 14 – 15. – 928 с.
15. Дриль Д. Преступность и преступники (уголовно-психологические этюды) / Д. Дриль. – СПб.1895. – 295 с.
16. Прокурова Н.С. Не сотвори зла. К проблеме преступления и наказания в русской художественной литературе и публицистике / Н.С. Прокурова. – М. : Академия, 2001. – 344 с.
17. Прокурова Н.С. Обитель скорби и неволи в русской литературе / Н.С. Прокурова. – Волгоград, 2014. – 264 с.
18. Юридическая энциклопедия. – :б изд., доп. и переработ. – М., 2008. – 1088 с.

REFERENCES

1. Aboltin V.Y. (1928) Ostrov sokrovish. [Treasure Island] Severny Sakhalin. Khabarovsk – Vladivostok. [North Sakhalin. Khabarovsk – Vladivostok], p.10–11 (In Russian)
2. Bukchin S.V. (1975) Sudba felyetonista [Fate of the columnist]. Minsk, 256 p. (In Russian)

3. Bulgakov S.N. (1991) Khristianskiy sotsializm [Christian socialism]. Novosibirsk, 347 p. (In Russian)
4. Delo V.M. Doroshevicha (1904) [V.M. Doroshevich's affair] in Literaturny vestnik. [Literary herald] Isdanie russkogo bibliotechnogo obchestva [Publication of the Russian librarian society]. Т. [Vol] 7. Кн. 1.
5. Doroshevich V.M. (1907) Sakhalin. Katorga. Prestupniki [Sakhalin. Hard Labour. Criminals]; v 2 ch. [in 2 parts] Moscow, P I., 418 p. (In Russian)
6. Doroshevich V.M. (1907) Sakhalin. Katorga. Prestupniki [Sakhalin. Hard Labour. Criminals]; v 2 ch. [in 2 parts] Moscow, P II., 190 p. (In Russian)
7. Doroshevich V.M. (1905) Kak ya popal na Sakhalin. [How I got to Sakhalin] M., 163 p. (In Russian)
8. Doroshevich V.M (1904) Frantsuskaya katorga. [French servitude] in Degrad V. Sem let katorgy [Seven years of servitude] Vospominaniya nevinno osuzhdennogo [Memoirs of wrongfully convicted]. Moscow, 340 p. (In Russian)
9. Ivanov S. (1966) Poslesloviye k knige Doroshevicha V.M. Raskasy y ocherky [Afterword to the Doroshevich's book Stories and essays]. Moscow (In Russian)
10. Nadehina Yu.P. (2021) Doroshevich v mire moskovskoy jurnalistiky rubezha XIX–XX vekov [Doroshevich in the world of Moscow journalism at the turn of XIX–XX centuries] in Prepodavatel XXI veka, 1, 2. [Teacher XXI century, 2021. № 1. Part 2], pp. 270–280. (In Russian)
11. Novombergsky N. (1903) Ostrov Sakhalin [Sakhalin Island] Spb, 255 p. (In Russian)
12. Panov A.A. (1905) Sakhalin kak kolonia: ocherky kolonizatsii y sovremennogo polozheniya Sakhalina, [Sakhalin as a colony: essays on colonization and the current situation of Sakhalin] Moscow, 1905. 234 p. (In Russian)

Поступила в редакцию 18.08.2024 г.

**LIVING PORTRAIT OF SERVITUDE IN “SAKHALIN. HARD LABOUR. CRIMINALS” BY
V.M. DOROSHEVICH (TO WRITER'S 160th ANNIVERSARY)**

Prokurova N.S. Panenko E.A.

In the article addressing the work of the famous Russian journalist and publicist V.M. Doroshevich, based on his book “Sakhalin. Hard Labour. Criminals”, the psychological types of representatives of the criminal world of pre-revolutionary Russia are examined, the picture of the “Sakhalin hell” is given, which does not even contribute to the re-education of criminals, but further aggravates the basic qualities of their bad character. The relevance of the study is due to the authors' appeal to issues of penitentiary law and the “eternal problem” of crime and punishment both in life and in literature. The article also touches upon the questions of criminology, criminal law, victimology and legal psychology. The following methods and techniques in the research process have been applied: analysis and synthesis, cultural, historical commentary. Life provided V.M. Doroshevich with an opportunity of getting information about French hard labour. The writer points out that among the prison authorities and the French hard labourers one can find the same evil-minded people, incapable of anything, but robbing and torturing prisoners. Having compared two penal servitudes – Russian and French – the author draws conclusions concerning “the complete exclusion of penal servitude from the number of punishments.”

Key words: Sakhalin, prison, punishment, crime, prisoner.

Прокурова Наталья Сергеевна.

Доктор филологических наук, профессор.
Волгоградская академия МВД России, Российская
Федерация, г. Волгоград.
Профессор кафедры русского языка.
ORCID 0009-0006-9036-6787.
E-mail: yprokurov@mail.ru.

Prokurova Natalya Sergeevna.

Doctor of Philology, Professor.
Volograd Academy of Internal Affairs of Russia,
Russian Federation, Volgograd.
Professor of Russian Language Department.
ORCID 0009-0006-9036-6787.
E-mail: yprokurov@mail.ru.

Паненко Елена Анатольевна.

Волгоградская академия МВД России, Российская
Федерация, г. Волгоград.
Преподаватель кафедры русского языка.
ORCID 0009-0003-1288-2485.
E-mail: e.panenko@mail.ru.

Panenko Elena Anatolyevna.

Volograd Academy of Internal Affairs of Russia,
Russian Federation, Volgograd.
Teacher of Russian Language Department.
ORCID 0009-0003-1288-2485.
E-mail: e.panenko@mail.ru.

Научная статья
УДК 811.161.1
DOI: 10.5281/zenodo.13995835

ИДИОМАТИЧНОСТЬ ИМЕН ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

© 2024 Л.В. Соснина

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донецкий национальный технический университет»
ORCID 0000-0002-9823-5152

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru>

В статье анализируется проблема идиоматичности имен прилагательных. Для определения ономаσιологического статуса используется метод ономаσιологического анализа с последующим описанием структурных разновидностей прилагательных-композигов. Другие научные методы (сопоставительный, квантитативного и дистрибутивного анализа и т.д.) способствуют определению номинативного статуса имен прилагательных с выделением признаков их идиоматичности. Бахуврихи, которые относятся к универбализационным композигам, не всегда однозначно являются неидиоматичными единицами и могут использоваться для выражения субъективной оценки говорящего. В отдельную группу выделяем прилагательные, по внешним признакам напоминающие бахуврихи, но ономаσιологический статус которых заставляет отнести их к квазикомпозигам. Все изученные композиги являются довольно востребованными в современном медийном дискурсе ввиду ярких оценочных свойств и способности придавать экспрессивность высказываниям. В результате приходим к выводу, что имена прилагательные демонстрируют признаки идиоматичности в том случае, когда значение наименования не вытекает из значений составляющих его компонентов.

Ключевые слова: бахуврихи, композиг, идиоматичность, квазикомпозиг, ономаσιологический статус, дисфемизм, инвектива, семантика.

Для цитирования: Соснина Л.В. Идиоматичность имен прилагательных / Л.В. Соснина // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. – 2024. – № 4. – С. 40–50. – <https://doi.org/10.5281/zenodo.13995835>

Введение. В современной лингвистике существуют множественные и весьма противоречивые концепции лексического значения имен прилагательных. В разное время к данной проблеме обращались такие известные ученые, как Л.А. Булаховский, В.Н. Телия, В.В. Виноградов, О.С. Ахманова, С.И. Ожегов, Н.М. Меркурьева, В.М. Савицкий, А.В. Петров. Так, В.М. Савицкий разработал современную концепцию идиоматической единицы и описал ее следующими параметрами:

1) семантическая целостность (слитность значений лексем), означающая невыводимость (или неполную выводимость) общего значения устойчивого сочетания слов из совокупности значений лексических компонентов;

2) глобальность номинации, которая указывает на тесные связи идиоматичного сочетания слов с отдельным словом;

3) отсутствие четкого перевода на другой язык [6, с. 85].

Л.В. Швыдка трактует идиоматичность как свойство языковой единицы, которая «способна привести к двусмысленности в результате одновременной реализации в рамках одного текста буквального и фигурального значений составляющих» [13, с. 307]. Ученый характеризует идиомы как «единицы с непрозрачным значением, не

выводимым непосредственно из значений составляющих» [там же, с. 307]. Считаем важным мнение Н.М. Меркурьевой о том, что «композицы, как и фразовые идиомы, могут иметь несколько значений и различную стилистическую маркированность» [4, с. 133]. Общая тенденция в современном русском языке такова, что значение производного слова всегда неизмеримо больше, чем значение его конструкторов. Убедимся в этом на примере сложных прилагательных.

Актуальность нашего исследования определяется вполне объективными причинами, среди которых особое место занимает множественность научных подходов к толкованию самого термина идиоматичность и недостаточная разработанность данной проблемы современными лингвистами. Научная новизна работы состоит в том, что впервые для анализа привлекается материал телеграм-каналов. *Цель* данной статьи заключается в описании структурно-семантических особенностей сложных имен прилагательных с признаками идиоматичности. Считаем уместным процитировать В.Г. Фатхутдинову, которая пишет, что «семантика производного слова не есть простая сумма значений составляющих его морфем», а поэтому «требует более глубокого понимания природы тех или иных словообразовательных средств и производящих основ» [11, с. 107]. Г.М. Шипицина обращает внимание на то, что семантика слова «представляет собой не механическую сумму значений своих морфем, а качественно новую единицу, она подчиняется общезыковой закономерности построения значимых единиц более сложного уровня из единиц смежного менее сложного уровня (из морфем – слово, из слов – словосочетание и т.д.) по принципу идиоматичности» [14, с. 18].

Материалы и методы исследования. Эмпирическим материалом послужили номинативные единицы, извлеченные способом сплошной выборки из Национального корпуса русского языка и популярных телеграм-каналов с числом подписчиков от 10 тысяч до 2,5 миллионов. Описательный метод использовался как ведущий для определения структурных разновидностей сложных прилагательных. Метод количественного анализа был использован для определения частотности употребления заявленных языковых единиц и тем самым для обеспечения объективности исследования. Метод логического сопоставления позволил сравнить существующие научные концепции и определить теоретическую значимость работы. Метод дистрибутивного анализа способствует изучению взаимосвязи прилагательных-композицев с их окружением или контекстом. Метод компонентного анализа, целью которого является разложение значения на минимальные структурные элементы, позволил изучить содержательную составляющую сложных имен прилагательных. Метод ономаσιологического анализа был использован для определения ономаσιологического статуса имен прилагательных, в т.ч. для разграничения универбализационных композицев и единиц квазикомпозитного построения.

Основная часть. Предметом нашего исследования являются имена прилагательные с признаками идиоматичности, значительную часть которых составляют бахуврихи, относящиеся к классу сложных имен, в котором «отношение между двумя компонентами выходит за их пределы» [1, с. 251]. Согласно теории Э. Бенвениста, такое сложное имя «основывается на атрибутивной конструкции» и «атрибутивность бахуврихи» определяется суффиксом [там же, с. 251]. Бахуврихи можно рассматривать как двухплановую номинативную единицу, манифестирующую сочетание синтаксической и семантической функций [там же, с. 253].

Являясь последователем концепции Э. Бенвениста, А.Г. Файзуллина полагает, что «важная характеристика бахуврихи – это признак двухплановости номинации, основанной на двух типах предикации – качества и атрибуции, что свидетельствует об

асимметрии их плана содержания и плана выражения» [10, с. 91]. А.Г. Садыкова считает, что бахуврихи составляют незначительный корпус сложных наименований, но обладают эмотивно-экспрессивными особенностями и высоким коннотативным характером. Она пишет, что «идиоматичность в бахуврихах достигается за счет семантического усложнения деривационного акта метафорическими и метонимическими переносами значения сочетающихся основ» [7, с. 47]. Занимаясь проблемой ассоциативных связей, представленных в процессе экспрессивно-оценочной номинации, автор оценивает их как культурно-специфичные и создающие широкие возможности для передачи субъективной оценки [там же, с. 47].

Похожее мнение высказывает и А.Н. Воробей, заявляя о том, что «сложные слова класса бахуврихи получили распространение именно в субстандартных подсистемах из-за своей эмоциональной окрашенности, которая возникает в результате одновременного действия сложения и семантической деривации (чаще метонимии)» [2, с. 84]. Ученый ссылается на мнение других лингвистов, заявляющих «о разной степени мотивированности и различных типах сложных слов с точки зрения отношений между главным элементом сложного слова и зависимым, выделяя при этом эндоцентричные сложные слова (endocentric) и экзоцентричные (exocentric)» [там же, с. 80]. А.Н. Воробей настаивает на том, что бахуврихи являются сложнопроизводными словами, а не семантическими дериватами.

О.Н. Кравченко и Ж. Багана предлагают сформировать отдельную группу так называемых идиоматических прилагательных, которым присуще фразеологическое или переносное значение. Ученые настаивают на том, что данные адъективы имеют «антропоцентрическую направленность и раскрывают свое метафорическое значение посредством ассоциаций, возникающих у языковой личности носителя языка» [3, с. 149]. В группу прилагательных с явным идиоматическим значением авторы предлагают отнести единицы *кислолицый* (*уныло-тоскливый, выражающий неудовольствие (разговорный стиль)*), *сопленосый* (*молодой, неопытный человек*), *твердолобый*, *дубинноголовый* (*упрямый, глупый*).

Вместе с тем Н.М. Меркурьева настаивает на том, что «не все значения сложного слова несут идиоматичную семантику» и предлагает рассматривать «прилагательное *сумасшедший* в трех аспектах: 1) тот, кто страдает расстройством психики, сумасшедший; 2) утративший способность здраво рассуждать; 3) в значении чрезвычайный, исключительный по величине, силе, степени проявления, например, сумасшедший дождь» [4, с. 133]. Согласимся с автором, что только 2-е и 3-е значения можно рассматривать как идиоматичные. Нам же удалось выделить 4 значения адъектива *сумасшедший*:

1) страдающий психическим расстройством: «*На вас посмотрят как на сумасшедшего*», – заявил он газете *Politico* [17]; *Глухой всегда считает, что те, кто танцует, сумасшедшие* [21]; *В Грузии местные сумасшедшие не оставляют попытки повторить Майдан — толпа пытается сломать задние ворота грузинского парламента* [26]; *И в самом деле - звонили исключительно городские сумасшедшие* [18];

2) предназначенный для душевнобольных: *К новостям из сумасшедшего Белого дома* [26]; *Их вполне устраивает ситуация, когда в России некий не очень понятный им порядок, например, даже и сумасшедший дом* [22];

3) крайне безрассудный, безумный (перен.) – идея, планы: *Когда-то Apple начинала свой путь в гараже, начинала путь, на первый взгляд, с сумасшедших идей* [26]; *Работа снова понеслась на всех парах! Планы сумасшедшие!* [19]; *Идея передвигаться по улицам в бронезилете не кажется такой уж сумасшедшей* [15];

4) крайний, исключительный (по величине, степени) – успех, скорость, деньги: *В общем, активность с нашей стороны сумасшедшая и, что немаловажно, есть успехи* [16]; *Кузбасское село смывает вышедшая из берегов река — сумасшедшее течение уносит дома, заборы* [24]; *С такими репликами платить сумасшедшие деньги за оригинал нет никакого смысла* [23].

Считаем уместным напомнить о том, что наше исследование проводится с учетом основных принципов композитологии, согласно которой все сложные прилагательные делятся на три группы – универбализационные композиты, деривационные композиты и единицы квазикомпозитостроения.

В наших предыдущих работах мы заявляли о спорных моментах в определении ономаσιологического статуса прилагательного *черноротый*. Согласно теории Э. Бенвениста, бахуврихи трактуются как неидиоматичные единицы. По внешним признакам *черноротый* вполне можно отнести к универбализационным композитам, поскольку существует полностью тождественное производящее сочетание *с черным ртом*. Вместе с тем мы можем рассматривать данную единицу как сложнопроизводное прилагательное, уже образованное от сложного слова *черноротость* (по аналогии с *железобетонный – железобетон, братоубийственный – братоубийство* и т.д.). По нашим наблюдениям, *черноротый* вполне может быть наделен статусом деривационного композита (*черный рот*). Используя метод количественного анализа, приходим к заключению, что 85% словоупотреблений приходится на долю композита *черноротый*, демонстрирующего признак идиоматичности в значении *грубый, скандальный, завистливый человек* [9, с. 472], что подтверждается примерами: *Но самое главное, целый ряд черноротых украинских политологов по вызову вынужденно покинули экраны* [26]; *Так вот, уроды черноротые. Я не только «качок». Я ещё и бегаю быстро* [18]; *Не обращайтесь внимания, это местный майдаун черноротый* [23]; **Черноротый** Обама и чернодушная Клинтонша тащат Америку в крошечный ад [26]; *Таким образом, например, возникла «интернет-партия» «Деморда», которая объединила в себе черноротый сброд со всей Украины* [23]; *И за него проголосовали всего лишь потому, что он черноротый* [20].

Опираясь на данные нашей картотеки, мы считаем возможным выделить в русском языке несколько групп прилагательных-бахуврихи с явными признаками идиоматичности. К первой группе отнесем имена прилагательные с конструктом *лоб – высоколобый, низколобый, твердолобый, меднолобый, узколобый*, которые, на первый взгляд, могут быть отнесены к бахуврихи, т.е. универбализационным композитам, которые семантически тождественны производящему словосочетанию. Вместе с тем важно заметить, что под квазикомпозитами мы понимаем такие единицы, которые не имеют эквивалентного производящего словосочетания и образуются по моделям, уже имеющимся в языке (в т.ч. по моделям универбализационного композитопроизводства), например, мы ставим под сомнение существование исходного словосочетания *с медным лбом* для прилагательного *меднолобый* и относим его к квазикомпозитам: *Только враг своей страны или какой-нибудь меднолобый может отрешиться от этого обострившегося вопроса, который составляет злобу дня* [22]. Прилагательное *высоколобый* (умный, развитый, с высоким уровнем интеллекта; в ироничном смысле о человеке, принадлежащем к культурной элите) обладает двойным статусом и может реализовываться и как универбализационный композит, и как квазикомпозит. Подтвердим следующими примерами: *высоколобый* – с высоким лбом, обозначает физический признак человека: *При разговоре присутствовал наш общий друг художник Олег Зуев, розовощекий, высоколобый, с холеной бородкой и усами,*

придававшими ему сходство с последним российским императором [22]; Зеленоглазая, с **высоким лбом**, с темно-каштановыми волосами, очень бледная, с голубыми прожилками на виске — Марина была поразительно красива [22]; Узкое лицо с **высоким лбом** озаряется вдохновением [22].

Заметим, что данное прилагательное чаще употребляется в переносном значении, чем в прямом (когда характеризует внешность человека), слова *фильм, журнал, гений, читатель, ботан, эксперт, теоретик, скептик, интеллигент, философ, литератор, гордыня, культура* встречаются в сочетании с прилагательным **высоколобий**, например: *По-моему, он слишком умный! Среди нас затесался **высоколобий*** [22]; *Ситуация развивалась настолько быстро и неожиданно, что пытаться её догнать **высоколобыми** измышлениями по принципу «пол – палец – потолок» - значило просто жечь свою репутацию как спичку* [17]; *Два **высоколобых** юриста-теоретика призвали США отказаться от своей конституции* [26]; **Высоколобые** политфилософы неоднократно предупреждали нас о наступлении «нового средневековья» [22].

Прилагательное **низколобий** – с **низким лбом**, в буквальном значении имеющий низкий, небольшой лоб и в то же время характеризующий умственно ограниченного, невежественного человека: *Оля хмыкала: она видела на фотографии эту бабуку — с низким лбом и мощной челюстью* [22]; *Это был огромный молодой человек с **низким лбом** и вялым подбородком* [22]; *Какой самый захудалый, самый **низколобий** публицист не писал о живой литературе, о реальности произведений искусства?* [22].

Прилагательное **узколобий** имеет производящее сочетание с **узким лбом**, но гораздо чаще встречается в значении отличающийся узким кругозором, недалекий, ограниченный. Используя метод количественного анализа, мы выяснили, что из 27 словоупотреблений композита **узколобий** всего лишь 4 слова обозначают физический признак человека, в 23 случаях фиксируем отрицательные коннотации, например: *Настоящий громила с **узким лбом**, с лохматыми бровями над близко сведенными черными глазами* [22]; *Урезонивала себя Елизавета, вспоминая **узколобий** и анемичный соседкин анфас* [22]; *Конечно, такой **узколобий** пуризм всегда обращается против самих же пуристов*[22]; *Год тому назад коротковолновики стали надеяться, что этот **узколобий**, дяляческий взгляд на вещи сменился более сознательным отношением к столь важному делу*[22]; *Хоть кто-то из **узколобых** «селебрити», рожденных в Одессе, но уехавших в Москву, которых, надо сказать, профессиональные украинцы тоже травят, заявлял нечто подобное?* [26]; *А я лежу с открытыми глазами на средних нарах, и в голову мне приходят самые еретические мысли о том, как условна грань между высокой принципиальностью и **узколобой** нетерпимостью* [27]; *Сестра, как ты умудрилась, уйдя в свой отдельный дом, предать это главное русское свойство и оскотиниться до смердящего **узколобого** фашизма?* [16].

Композит **твердолобий** уверенно относим к единицам квазикомпозитостроения ввиду невозможности определения базового словосочетания и фиксируем значение упрямый, глупый, консервативный: *Твердолобые учителя заявляют, что никакой травли не было, это просто журналистка всё раздула* [25]; *Сегодня уже всем, даже самым **твердолобым** сторонникам Украины, стало понятно, что никакой «перемоги» Украины не случится* [27]; *Твердолобых* *вашингтонских чиновников не смущает даже признанная ООН возникшая гуманитарная катастрофа в секторе Газа* [25]; *В то же время полученные гарантии сделали **твердолобых** польских руководителей еще менее склонными соглашаться на какие-либо уступки Гитлеру* [17].

Наличие конструкта *голова* позволяет нам объединить в одну группу прилагательные *слабоголовый, пустоголовый, дубинноголовый, кастрюлеголовый,*

картонноголовой. Прилагательные одного синонимического ряда характеризуют людей глупых, ограниченных, не имеющих собственного мнения. Заметим, что прилагательное *кастрюлеголовый* носит уничижительный характер для обозначения украинцев, поддержавших майдан (56 употреблений в нашей картотеке), например: *Специально для пустоголовых розовых пони, которым внушили, что патриотическое воспитание тормозит экономику и научно-технический прогресс* [21]; *Но в отношении этой дубиноголовой публики с астрономическими амбициями он, безусловно, прав* [21]; *Но на самом деле очень правильная карикатура. И не только про дубиноголовый QAnon и избирателей Трампа* [22]; *Выражение «безвиз в Европу» с сегодняшнего дня приобрело несколько иное значение для майданутых кастрюлеголовых* [21]; *Пусть кастрюлеголовые посмотрят на своих «защитничков»* [27]; *Но нет, он где-то на тёплом море и общается с кастрюлеговым отребьем из Украины, видимо круг его общения из таких же кастрюлеголовых* [24]; *Контингент делился на две категории: кастрюлеголовые экзальтированные бараны и обученные провокаторы* [21]; *Будущее Земли за кастой кастрюлеголовых* [19]; *А не картонноголовый штаб Навального с самовлюбленным истеричным павлином во главе* [22].

Следующая группа представлена композитными образованиями, имеющими в своем составе колоративный компонент *желтый, черный* и т.д. Прилагательные *желторотый, желтолицый, чернокожий* вполне могут считаться универбализационными композитами, так как абсолютно тождественны производящим словосочетаниям *с желтым ртом, с желтым лицом, с черной кожей*. Но по данным нашей картотеки 77% словоупотреблений приходится на долю субстантивированных имен прилагательных. Многие лингвисты настаивают на том, что субстантивированные слова утрачивают дифференциальные признаки исходного класса (класса признаков слов) и приобретают дифференциальные признаки производного класса (класса предметных слов). Согласимся с Л.В. Резниченко, которая определяет субстантивацию как «переход из признаковой области в предметную концептуальную область» [5, с. 150]. Формирование производных концептов происходит на основе действия когнитивного механизма конкретизации, но при этом отмечается «сужение содержания исходных концептов, которое осуществляется посредством выделения их специфических характеристик» [там же, с. 152]. Исходный концепт прилагательного *чернокожий* сопровождается характеристикой «имеющий темный или черный цвет кожи», в результате концептуальной деривации происходит трансформация значения заявленной характеристики для описания человека, который оценивается по особенностям внешности и в дальнейшем особенностей поведения, ментальности, мироощущения, например: *чернокожий – с черной кожей*; субстантивированное прилагательное *чернокожие*: *Оказывается, этой фразой он выражал удивление тому, что человек с черной кожей мог так хорошо говорить по-английски* [22]; *Кстати, чернокожий портье у нас в гостинице был добродушен, предупредителен, расторопен и, на мой слух, отлично говорил по-итальянски* [22]; *Скажут, что какие-нибудь чернокожие им мешают — и уничтожат несколько миллионов* [22]; *Расовая дискриминация в отношении чернокожих и цыган растет в Великобритании и остается в значительной степени игнорируемой* [24]; *Большая же часть это чернокожие и белые ультралибералы* [21].

Весьма многочисленны употребления адъектива *темнокожий – с темной кожей*, субстантивированное прилагательное *темнокожие*, например: *По словам медработника – если бы парень с темной кожей обратился – он получил бы госпитализацию* [24]; *По его сведениям, участились случаи дискриминации по расовому*

признаку, националистские активисты препятствуют эвакуации иностранцев с **тёмной кожей** [24]; **Первый темнокожий** ребенок посещает школу для белых в Новом Орлеане [26]; Один инструктор был наш, остальные – **темнокожие** иностранные инструкторы [15]; В США будут платить трансгендерам, **темнокожим** и латиноамериканцам \$1200 ежемесячно [21]; Сотрудники Всемирного экономического форума в Давосе обвинили его основателя Клауса Шваба и руководство в дискриминации и домогательствах в отношении женщин и **темнокожих** [24].

Прилагательное **желтолицый** образовано на базе словосочетания с **желтым лицом** и служит характеристикой для человека с кожей желтого цвета; субстантивированное прилагательное содержит коннотативный смысл и является заменой номинативной единицы **китайцы**: *Это был обросший черными волосами человек с желтым лицом – итальянец смешанной крови* [22]; *Невесело усмехнулся, проходя, желтолицый горбун в подрезанной шинели без погон и фуражке путейца* [22]; *Желтолицые* освоили еще не распаханые степи, возведя на крепких травах свои жилища и народив в короткое время целое полчище косоглазых детишек [22]; *Желтолицые матери* проливали горячие слезы [22].

Композит **желторотый** характеризует человека молодого, наивного, неопытного в жизни, нуждающегося в помощи или опеке, например: *Ему и восемнадцати лет не было. В сущности он был еще очень желторотый молодой человек* [22]; *Мы как желторотые птенцы в гнезде: кто громче всех голосит и выше других вытягивает шею – тому больше и перепадает* [21]; *Списывают не пятисотых, списывают не желторотых юнцов* [27]; *Поэтому любому желторотому курсанту это под силу* [27].

Прилагательное **узкоглазый** имеет значение с узким разрезом глаз и является квазикомпозитом, т.к. не имеет производящего словосочетания. В современном медийном дискурсе прилагательное наделено отрицательными коннотациями и выступает как этнофолизм: *Если бы там действительно было опасно, узкоглазая на тысячу километров бы к Киеву не приблизилась* [20]; *Узкоглазые* коробейники, хабаровские и благовещенские «ходи», достанут из клетчатых сумок «калашниковы» китайского производства и покорят древнюю Сибирь [18]; *Запахло расизмом: футболисты Мамаев и Кокорин избili узкоглазого чиновника* [24]; *Слушай, а знаешь ли ты как я наварился на этих узкоглазых* [24].

Заметим, что современные лингвисты выделяют группу языковых средств, выражающих этнические стереотипы, – лексемы, указывающие на отличия людей во внешности. Сюда относятся рассмотренные выше имена прилагательные **чёрнокожий**, **узкоглазый**, **желтолицый**.

Следующая группа представлена квазикомпозитами **толстопятый**, **тупорылый**, **мякотельный**, не имеющими производящего словосочетания. Прилагательное **толстопятый** имеет значение с толстыми, мясистыми пятками; бранное слово грубый, неотесанный, например: *Рассказывал бывалый солдатушка про мордву толстопятую тамбовскую* [22]; *И хоть строил Зимний дворец в Санкт-Петербурге заморский строительный мастер, да только штукатурили-то его артели толстопятые города того уездного* [22].

Адъектив **тупорылый** имеет буквальное значение с тупым рылом, с широкой мордой, но чаще служит как характеристика человека тупого, глупого, умственно ограниченного: *И по горячим следам на освобожденные места не посадили бесконечно преданных, но и настолько же тупорылых оборотней* [27]; *Представьте, что они настолько тупорылые, что им поставили командующего русака* [16]; *А вот*

прекрасный пример основательного, продуманного, и совершенно тупорылого воровства [20].

В современных словарях дается два значения прилагательного *мякотелый*: 1) с мягким, полным телом; 2) переносное значение – слабовольный, слабохарактерный, вялый. Фиксируем преимущественно случаи употребления прилагательного *мякотелый* для характеристики человека безвольного, слабохарактерного, легко поддающегося чьему-либо влиянию, например: *По понятным причинам многое не расскажу, но могу сказать, что там я увидел перерождение мякотелых мобилизованных в настоящих мужчин [15]; Эритрейские наркоторговцы продолжают щемить мякотелую полицию в Гааге [20]; Ей нужны душераздирающие картинки для того, чтобы запугивать европейских обывателей, чтобы те давили на мякотелых европейских политиков [17]; Кто-то слишком мякотел в военных делах и не «зверь» в Донбассе [20]; Таков удел мякотелых и податливых терпил [20].*

За последние несколько лет прилагательное *мякотелый* стало употребляться с существительными *политика, время, законы, предупреждения*, что подтверждается примерами из нашей картотеки: *Они могут пытаться объединиться, но вскоре начинают (в наше мякотелое время – виртуально) пожирать друг-друга [24]; Судя по публикуемым видео, несмотря на все мякотелые предупреждения люди все равно продолжают снимать [26]; При этом новостное агентство отмечает, что заговорила Меркель о своем отношении к ситуации на Украине на фоне критики со стороны США и ряда других государств ее «мякотелой» политики в отношении России [24].*

Здесь важно отметить, что большинство описанных выше имен прилагательных с явными признаками идиоматичности можно отнести к классу инвективной лексики. Так, М.Г. Чепорухина рассматривает инвективу как одну из разновидностей дисфемизма, т.е. «выражение негативного отношения к коммуникативной ситуации или ее участникам, которое может осуществляться посредством как литературного, так и нелитературного языка и присуще любому регистру речи» [12, с. 123]. Разделяем мнение многих ученых-лингвистов, что семантика инвективов отражает намерение говорящего или пишущего унижить, оскорбить, обесчестить, опозорить адресата речи или третье лицо, причем сделать это в как можно более резкой и циничной форме. Экспрессивность и оценочный компонент являются формальными маркерами вербальной агрессии, которая используется, как правило, когда не хватает аргументов, в мнимом споре начинает преобладать эмоциональная составляющая, рациональность отходит на второй план или вовсе исчезает [8, с. 248]. Мы не претендуем в рамках одной статьи на глубину освещения проблемы инвективной лексики, но рассматриваем этот аспект как одно из перспективных направлений дальнейших научных изысканий.

Заключение. Таким образом, проведенный анализ позволяет сделать вывод, что в современном русском языке идиоматичность имен прилагательных определяется условием, при котором значение наименования не вытекает из значений составляющих его компонентов. Выделено несколько групп имен прилагательных (по наличию конструкта голова, лоб, лицо, рот, кожа), напоминающих по структуре бахуврихи. Мы уверенно относим их к единицам квазикомпозитостроения из-за невозможности определить производящее словосочетание. В то же время прилагательное *черноротый* имеет несколько ономаσιологических статусов и реализуется как универбализационный композит, деривационный композит и единица квазикомпозитостроения. Его идиоматичность подтверждается данными нашей картотеки, поскольку большинство употреблений данного адъектива связано с экспликацией значения грубый, скандальный, завистливый человек. Мы пришли к

выводу, что имена прилагательные с признаками идиоматичности являются довольно востребованными в современном медийном дискурсе и составляют значительный пласт инвективной лексики. Перспективы исследования видятся нам в составлении структурно-семантической классификации композитов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бенвенист Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист; [пер. с франц. Ю.Н. Караулова и др.]. – М.: Прогресс, 1974. – 447 с.
2. Воробей А.Н. Структура и семантика бахуврихи в американском слэнге / А.Н. Воробей // Вестник МГЛУ. Серия Филология, 2020. №2 (105). – С. 79–85.
3. Кравченко О.Н., Багана Ж. Сложные и сложнопроизводные прилагательные: способы и модели словообразования в антропологических характеристиках / О.Н. Кравченко, Ж. Багана // Научная мысль Кавказа, 2013. – № 2. – С. 146–150.
4. Меркурьева Н.М. Структурно-семантические особенности композита-идиомы и фразеологизма: сходства и различия / Н.М. Меркурьева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2020. Грамота, том 10. Выпуск 13. – С. 131–135.
5. Резниченко Л.В. Концептуальная деривация как основа формирования значений субстантивированных имен прилагательных / Л.В. Резниченко // Вестник Ленинградского государственного ун-та им. А.С. Пушкина. – 2012. – Вып. 2. – Т.1. – С. 146–154.
6. Савицкий В.М. Языковая идиоматичность и языковой идиоэтизм / В.М. Савицкий // Поволжский педагогический вестник, 2016. – №3(12). – С. 84–88.
7. Садыкова А.Г. Универсальный характер организации семантического сложения композитов / А.Г. Садыкова // Филология и культура. Philology and Culture, 2003. – №1. – С. 41–48.
8. Соловьева Д.В. Семантика противостояния в лексемах современных медиатекстов / Д.В. Соловьева // Вестник Нижегородского ун-та им. Н.В. Лобачевского, 2017. – №3. – С. 247–253.
9. Соснина Л.В. Ономастологический подход к изучению бахуврихи / Л.В. Соснина // Русский язык в поликультурном мире. Сб. материалов Международного симпозиума «Великое русское слово», Ялта, 9-13 июня 2020 г. – С. 468–473.
10. Файзуллина А.Г. Словообразование как способ образования инвективной лексики в разноструктурных языках / А.Г. Файзуллина // Юрислингвистика, 2007. – №8. – С. 87–91.
11. Фатхутдинова В.Г. Фразеологизация семантической структуры производного субстантива: лингвометодический аспект / В.Г. Фатхутдинова // Филология и культура, 2020. – №2 (60). – С. 104-109. DOI: 10.26907/2074-0239-2020-60-2-104-109
12. Чепорухина М.Г. К разграничению терминов «дисфемизм», «сленг», «вульгаризм» и «инвектива» / М.Г. Чепорухина // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. – 2019. – Т. 25. № 4. – С. 116–126. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2019-25-4-116-126>
13. Швыдка Л.И. Когниция и идиоматизация / Л.И. Швыдка // Проблемы истории, филологии, культуры, 2014. – №1 (43). – С. 305–311.
14. Шипицина Г.М. О причинах идиоматичности семантики производного слова / Г.М. Шипицина // Научные ведомости, 2009. – №6 (61). – С. 18–22.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

15. АГС Русского Донбасса [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://t.me/Ags_Donbass (дата обращения 07.05.2024).
16. Борис Рожин Colonelcassad [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://t.me/boris_rozhin (дата обращения 18.03.2024)
17. Белорусский силовик [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://t.me/belarusian_silovik (дата обращения 30.04.2024).
18. Говорит Долгов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://t.me/superdolgov> (дата обращения 11.04.2024).
19. Заметки Макса Верника [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://t.me/vernikmax> (дата обращения 30.04.2024).
20. Злой Пруф [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://t.me/proofzzz> (дата обращения 12.02.2024).
21. МИГ России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://t.me/mig41> (дата обращения 11.03.2024).

22. Национальный корпус русского языка. URL: www.ruscorpora.ru (дата обращения 16.05.2024).
23. Петя Первый [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://t.me/Petya_perviy (дата обращения 27.05.2024).
24. Ридовка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://t.me/readovkanews> (дата обращения 31.03.2024).
25. Тихо, я читаю [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://t.me/+73uT8fiBepsxNmQy> (дата обращения 08.04.2024).
26. Украина.ру [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://t.me/ukraina_ru (дата обращения 16.05.2024).
27. Fighterbomber [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://t.me/fighter_bomber (дата обращения 30.03.2024).

REFERENCES

1. Benvenist E. (1974) Obshaya lingvistika [General linguistics]. – М.: Progress. – 447 p. (In Russian)
2. Vorobej A.N. (2020) Struktura i semantika bahuvrihi v amerikanskom slenge [Structure and Semantics of Bahuvrikha in American Slang] in Vestnik MGLU. Seriya Filologiya [Herald of the MGLU. Philology Series]. №2 (105), pp. 79–85 (In Russian)
3. Kravchenko O.N., Bagana Zh. (2013) Slozhnye i slozhnoproizvodnye prilagatelnye: sposoby i modeli slovoobrazovaniya v antropologicheskikh karakteristikah [Complex and Compound Adjectives: ways and models of word formation in anthropological characteristics] in Nauchnaya mysl Kavkaza [Scientific Thought of the Caucasus], 2, pp. 146–150 (In Russian)
4. Merkureva N.M. (2020) Strukturno-semanticheskie osobennosti kompozita-idiomy i frazeologizma: shodstva i razlichiya [Structural and semantic features of composite-idiom and phraseologic unit: similarities and differences] in Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki [Philological sciences. Questions of theory and practice]. Tambov, Gramota, Vol. 10 (13), pp. 131–135 <https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.10.25> (In Russian)
5. Reznichenko L.V. (2012) Konceptual'naya derivaciya kak osnova formirovaniya znachenij substantivirovannykh imen prilagatel'nykh [Conceptual derivation as a formation basis of substantive adjective meanings] in Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo un-ta im. A.S. Pushkina [Bulletin of the Leningrad State University named after A.S. Pushkin]. Vol. 2, 1, pp. 146–154 (In Russian)
6. Savickij V.M. (2016) Yazykovaya idiomatichnost i yazykovoj idioetnizm [Linguistic idiomatycity and linguistic idioethnism] in Povolzhskij pedagogicheskij vestnik [Volga Pedagogical bulletin]. №3 (12), pp. 84–88 (In Russian)
7. Sadykova A.G. (2003) Universalnyj harakter organizacii semanticheskogo slozheniya kompozitov [Universal nature of the semantic composites organization] in Filologiya i kultura. Philology and Culture [Philology and culture. Philology and Culture]. №1, pp. 41–48 (In Russian)
8. Soloveva D.V. (2017) Semantika protivostoyaniya v leksemah sovremennykh mediatekstv [Semantics of confrontation in the lexemes of modern media texts] in Vestnik Nizhegorodskogo un-ta im. N.V. Lobachevskogo [Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N.V. Lobachevsky]. 3, pp. 247–253 (In Russian)
9. Sosnina L.V. (2020) Onomasiologicheskij podhod k izucheniyu bahuvrihi [Onomasiological approach to the studying of bahuvrikha] in Russkij yazyk v polikulturnom mire. Sb. materialov Mezhdunarodnogo simpoziuma «Velikoe russkoe slovo», Yalta, 9-13 iyunya 2020 [Russians Russian language in the multicultural world. Collection of materials of the International Symposium "The Great Russian Word", Yalta, June 9-13, 2020], pp. 468–473 (In Russian)
10. Fajzullina A.G. (2007) Slovoslozhenie kak sposob obrazovaniya invektivnoj leksiki v raznostrukturnykh yazykah [Compounding as a way of forming invective vocabulary in different structures languages]. in Yurilingvistika [Jurislinguistics]. №8, pp. 87–91 (In Russian)
11. Fathutdinova V.G. (2020) Frazеologizaciya semanticheskoy struktury proizvodnogo substantiva: lingvometodicheskij aspekt [Phraseologizing semantic structure of the derived substantive: linguomethodological aspect] in Filologiya i kultura [], 2020. -№2 (60), 104-109. DOI: 10.26907/2074-0239-2020-60-2-104-109 (In Russian)
12. Cheporuhina M.G. (2019) K razgranicheniyu terminov «disfemizm», «sleng», «vulgarizm» i «invektiva» [On the Distinction of the Terms "Dysphemism", "Slang", "Vulgarism" and "Invective"] in Vestnik

Samarskogo universiteta. Istorija, pedagogika, filologija [Bulletin of Samara University. History, pedagogy, philology]. Vol. 25, 4, pp. 116–126. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2019-25-4-116-126> (In Russian)

13. Shvydkaya L.I. (2014) Kogniciya i idiomatizaciya [Cognition and idiomatization] in Problemy istorii, filologii, kultury [Problems of history, philology, culture], №1 (43), pp. 305–311 (In Russian)

14. Shipicina G.M. (2009) O prichinah idiomatichnosti semantiki proizvodnogo slova [On the Reasons for the Idiomatic Semantics of a Derivative Word] in Nauchnye vedomosti [Scientific Vedomosti]. № 6 (61), pp. 18–22 (In Russian)

Поступила в редакцию 29.06.2024 г.

IDIOMATICITY OF ADJECTIVES

Sosnina L.V.

The article addresses the problem of idiomaticity of adjectives. The method of onomasiological analysis with the subsequent description of structural varieties of compound adjectives is used to determine their onomasiological status. The application of such scientific methods as comparative, quantitative, and distributive analysis have enabled to identify the nominative status of adjectives, with their idiomaticity features being defined. Bahuvrihi compounds, referred to univerbalized compounds, are not always non-idiomatic units. They are used to express the speaker's subjective evaluation. We have singled out in a separate group the adjectives that seem to resemble bahuvrihi compounds. But their onomasiological status allows us to refer them to quasi-compounds. The compounds are frequently used in the modern media discourse due to their vivid evaluative features. The expressiveness they add up to statements is outstanding. As a result, we have concluded that adjectives reveal signs of idiomaticity, when the meaning of the compound is not motivated by the meaning of its components.

Keywords: bahuvrihi, compound, idiomaticity, quasi-compound, onomasiological status, dysphemism, invective, semantics.

Соснина Людмила Васильевна.

Доктор филологических наук, доцент.

Донецкий национальный технический университет, Российская Федерация, г.Донецк.

Заведующий кафедрой «Английский язык».

ORCID 0000-0002-9823-5152.

e-mail: ludmilasosnina@gmail.com.

Sosnina Lyudmila Vasilievna.

Doctor of Philology, Associate Professor.

Donetsk National Technical University, Russian Federation, Donetsk.

Head of English Language Department.

ORCID 0000-0002-9823-5152.

e-mail: ludmilasosnina@gmail.com.

Научная статья

УДК 81.255

DOI: 10.5281/zenodo.13995903

ВОССОЗДАНИЕ ОБРАЗА РОДИНЫ В ПЕРЕВОДАХ ЛИРИКИ В.ВЫСОЦКОГО И РЭП-ИСПОЛНИТЕЛЯ ХАСКИ НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК

© 2024 О.А. Москаленко¹, Н.М. Глухов²

¹Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Севастопольский государственный университет»

¹ORCID 0000-0002-4162-3162

²ORCID 0009-0005-6570-2972

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru>

В представленной статье рассматриваются способы передачи образа Родины в песенно-поэтическом тексте при переводе на английский язык. Благодаря развитию информационного общества, где музыкальное искусство стало важным источником информации о стране и культуре, песенный текст – это мощный инструмент для выражения общенациональной и индивидуальной специфики. Для достижения адекватности перевода и точной передачи образности важную роль играет понимание культуры и особенностей страны. Цель данного исследования состоит в выявлении стратегий и приемов перевода реалий, передающих образ Родины в песенно-поэтическом тексте на материале стихотворений Владимира Высоцкого и работ современного исполнителя в жанре рэп Дмитрия Кузнецова (Хаски). Образ Родины в песенно-поэтическом тексте во многом формируется благодаря использованию в тексте реалий, имен собственных, аллюзий и метафор, работа с которыми требует отдельных, часто уникальных, переводческих решений именно в связи со спецификой песенного текста. В перспективе работа в данном направлении может способствовать нахождению оптимальных решений для передачи образа Родины при переводе песенно-поэтического и других типов текстов.

Ключевые слова: реалия, перевод реалий, образ Родины, песенно-поэтический текст, В. Высоцкий, Хаски, эргоним, урбаноним.

Для цитирования: Москаленко О.А. Воссоздание образа родины в переводах лирики В. Высоцкого и рэп-исполнителя Хаски на английский язык / О.А. Москаленко, Н.М. Глухов // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. – 2024. – № 4. – С. 51–60. – <https://doi.org/10.5281/zenodo.13995903>

Введение. С развитием информационного общества значительно расширились способы познания культуры других стран. Кроме книг и фильмов важным источником информации о стране, ее культуре, людях и чаяниях стало современное музыкальное искусство. Песенный текст, который является частью информационного поля, – это мощный инструмент для выражения общенациональной и индивидуальной специфики. Благодаря развитию музыкальных стриминговых сервисов пользователи могут познакомиться с новыми исполнителями из разных стран, которые не так часто появляются в чартах массовых радиостанций или на сценах официальных музыкальных премий. Полуформальное музыкальное творчество – своеобразный способ коммуникации между разными народами и культурами, который не зависит от официальной внешнеполитической линии той или иной страны и геополитического накала. А его уровень воздействия на социум – как своей страны, так и других стран – крайне велик,

если речь идет о песенном творчестве, затрагивающем острую социальную проблематику. К таковой можно отнести гражданскую лирику, в которой поэты и исполнители различными средствами создают глубоко субъективный, не отягощенный официальными «штампами» образ своей страны – Родины. Особую актуальность представляет изучение гражданской песенной лирики в переводческом аспекте, так как именно в переводном варианте зарубежная аудитория воспринимает образ Родины в отдельно взятых образцах музыкального творчества в наиболее полной и завершенной степени.

С понятием *Родина* человек знакомится в достаточно раннем возрасте. Образ Родины и формирование собственного патриотического сознания происходит по мере взросления и взаимодействия с различными социальными институтами. В наиболее широком смысле Родина понимается как место рождения человека, государство, гражданином которого он является. Песни о Родине характеризуются разнообразием идейного, поэтического и музыкального содержания. Например, анализируя массив патриотических советских песен 1940–1980-х годов, В.В. Лелеко выделяет в отдельную категорию так называемые «славящие песни», то есть те, которые имели характер торжественного славения и исполнялись на официальных праздничных мероприятиях. Наряду с песнями «гимнового склада» представлены были близкие, но все же более интимные песни, содержащие «архетипический» образ Родины-матери, вызванные из глубин народной памяти в годы Великой Отечественной войны [5, с. 112–113]. Е.А. Степанова обращается к рассмотрению образа Родины в советской массовой песне того же периода, взлет популярности которой был связан с активным строительством нового советского общества. Будучи важнейшим инструментом идеологического воздействия и эмоционального объединения общества, песня фиксировала особенности основных этапов развития страны, представления о советской социальной системе и о специфике отношений между людьми, но главная задача советской массовой песни состояла в конструировании нового образа Родины – дружелюбной, энергичной, мифологизирующей действительность [9, с. 38]. Дискурс патриотической советской песни XX века нельзя назвать однородным: он напрямую связан с политическими процессами, происходившими в стране. С одной стороны, в массовом искусстве, к которому относится массовая патриотическая песня, отразились идеалы советского модернизированного общества, советская идеология, изменения международного и внутреннего положения СССР, а с другой, в нем зафиксировано «смещение ценностных ориентаций советского общества от этатизма и коллективизма в сторону индивидуализма и гражданского общества к признанию ценности личности, ее прав и свобод» [8, с. 233]. С начала 90-х годов, после исчезновения идеологического заказчика массовой патриотической песни, отмечаются две противоположные тенденции: первая – «поэтизация повседневности», которой присуще усиленное внимание к «радостям и горестям повседневности», а вторая – своеобразный эскапизм в воображаемые миры, в котором исследователи видят желание защититься от сотрясавших страну реформ, новых экономических отношений и криминализации общества [3, с. 202–203]. В постсоветский период важной миссией «неподцензурной» патриотической песни стало «подсвечивание актуальных проблем современности» [6, с. 53].

Образ Родины в художественном тексте, а впоследствии и в сознании, во многом формируется благодаря реалиям, поскольку именно они воплощают национальные традиции, обычаи и культуру. Одним из возможных является взгляд на реалию как на предмет и понятие, которые характерны для одного народа и несвойственны другим [10]. Именно поэтому передача реалий в другой лингвокультуре является отдельной переводческой проблемой. Болгарские исследователи С.И. Влахов и С.П. Флорин определили реалии как «слова, называющие объекты, характерные для жизни одного народа и чуждые другому; будучи носителями национального и/или исторического колорита, они, как правило, не имеют точных соответствий (эквивалентов) в других

языках, а, следовательно, не поддаются переводу «на общих основаниях», требуя особого подхода» [1]. Среди основных способов перевода реалий можно выделить: введение неологизма, замену реалии, приблизительный перевод, контекстуальный перевод, калькирование, переводческий комментарий [1].

Одной из сложностей воссоздания образа Родины на другом языке является то, что представление о Родине в зависимости от лингвокультуры может значительно отличаться, что во многом определяется значительным несовпадением ценностных установок различных народов, в том числе их пониманием гражданственности и роли гражданина в социуме. Как утверждают исследователи, русской национальной лингвокультуре присуще использование эмоционально окрашенной лексики и фразеологизмов: *матушка Россия, Родина-мать, родная земля, родимая сторона, отчий край, край отцов*: эмотивность, экспрессивность и открытое выражение эмоций – характерная черта русского языка при реализации образа *Родина*, тогда как английская лингвокультура предполагает более отстраненное позиционирование Родины, часто выражающееся в форме притяжательного падежа – *one's country* [7]. Во многом обусловлено это историко-экономическим развитием.

Стоит отметить и то, что сам по себе перевод песенных текстов представляет особую сложность ввиду своей креолизованности – синтеза лингвистической и музыкальной составляющих. Перед переводчиком стоит цель создать понятный текст для пения на языке перевода, сохранив эмоциональное воздействие на слушателя и основную мысль оригинала. В изучении вопроса перевода песенного текста Й. Франзон вывел следующие переводческие решения: оставить песню без перевода, перевести текст без учета музыки, создать новые тексты, не имеющие прямого отношения к исходным текстам, под оригинальную музыку, перевести тексты и адаптировать музыку – иногда до такой степени, что создание совершенно новой композиции будет считаться необходимым, адаптировать перевод к оригинальной музыке [11]; важный аспект – сохранение производимого эффекта: не всегда при точной передаче смысла удается сохранить оригинальное эстетическое воздействие, что обусловлено различиями в языковых культурах [4]. Возможные виды перевода песенного текста можно обобщить следующим образом:

- дословный, или «информативный» перевод. Данный вид характеризуется тем, что в нем отсутствует рифма и не соблюдается размер. Его основная цель заключается в передаче смысла, но из-за дословности не всегда возможно понять посыл оригинала;

- интерпретация, в которой сохраняется оригинальная мелодика, ритм, размер, расстановка ударений. Вместо оригинального текста пишется новый, который может измениться до неузнаваемости по сравнению с оригиналом;

- песенный перевод. При данном виде перевода сохраняется мелодика произведения и максимально точно передается смысл текста. Из-за сложности данной работы допускаются мелкие отступления от оригинала, чтобы создать точный текст, согласующийся с музыкальным рядом, который не будет уступать по стилю и богатству языковых средств оригиналу и будет производить тот же эстетический эффект [4].

Цель статьи – выявить стратегии и приемы перевода реалий, передающих образ Родины в песенно-поэтическом тексте, которые обеспечивают воссоздание на языке перевода целостного образа другой страны, для автора песенного текста, представляющего собой более сложный философский конструкт – Родину.

Материалы и методы исследования. В качестве материала исследования выбраны примеры из творчества двух очень разных авторов, которых разделяет временной разрыв более чем в полвека, но, несомненно, объединяет одно – искренний,

неангажированный взгляд на Родину – Россию, не совпадающий с «лакированными» образами своего времени.

В статье мы рассмотрим отдельные стихотворения Владимира Высоцкого (1938–1980), которые в разных ракурсах представляют поэтический взгляд на Родину, и современного исполнителя в жанре рэп Дмитрия Кузнецова (род. 1993), выступающего под псевдонимом Хаски, и их переводы, выполненные как профессиональными, так и непрофессиональными переводчиками. Сравнительно-сопоставительный анализ их отдельных произведений позволяет проследить не только тематическое родство – образ Родины, но и обращение авторов к реалии как к одному из наиболее эффективных средств отражения действительности. И если творчество В. Высоцкого уже вошло в литературный канон, то текстовая основа песен Кузнецова-Хаски может показаться не вполне подходящим материалом для филологических и культурологических исследований. Тем не менее, на наш взгляд, лирика Хаски высоко метафорична, насыщена реалиями и представляет аудитории многомерный образ Родины-России на разных этапах ее исторического существования. Отметим, что работы Кузнецова уже получают научно-критическую рецепцию [2; 12]. Как нельзя лучше творчество обоих авторов иллюстрирует следующий тезис: «Образ Родины является одним из базовых, мифопоэтических и архетипических в русской культуре и русской ментальности. Советская культура приняла его, придала ему новые смысловые оттенки, включила в советский идеологический контекст. Широко использованный официальной культурой, он оказался принятым народом благодаря укорененности в его ментальности. Песня же, особенно лирическая, давая эмоционально-образное, мифопоэтически-музыкальное его воплощение, смогла сделать его близким, своим» [5, с. 113].

Основная часть. Лирический герой стихотворения-песни Владимира Высоцкого «Банька по-белому» 1968 года, вероятно, побывал в сталинских лагерях. События происходят в 50-ые годы – в годы хрущёвской «оттепели», когда развенчивался культ личности и возвращались из лагерей политические заключенные. В русской культуре неотъемлемой частью образа Родины являются такие понятия, как *свобода* и *воля*. Баня в этой песне – метафора, которая символизирует возвращение человека к обычной жизни, от которой он за время пребывания в лагере успел отвыкнуть. В данной песне образ Родины реализуется за счет обращения к явлениям, присутствующим тому времени, мотива тоски по свободе. Перевод, опубликованный в книге «Hamlet with a Guitar» 1990 года, выполнен российским переводчиком Сергеем Роем [15].

Первая возможная проблема для сохранения образности песни в переводе – диминутивы: *хозяйюшка*, *краюшка*, *банька*. Благодаря использованию уменьшительно-ласкательных слов создается атмосфера уюта, расслабления и отдыха, особой нежности и уважения к действительности, в которую лирическому герою удалось вернуться. В русском языке для образования уменьшительно-ласкательной формы используются суффиксы, такие как: *-ек-* (*сыночек*), *-ик-* (*столик*), *-ечк-* (*чашечка*), *-еньк-*, *-очк*, *оньк* (*сказочка*), *-ушк-*, *-юшк-*, *-к-* и т.д. В английском языке для образования диминутивов используются суффиксы: *-y-*, *-ie-*, *-o--*, *-let*, *-ette-*, *-ling-*, *-ock-*. Также для уменьшительной формы слова используется прилагательное *little* или сокращение слов. Слово *банька* встречается в названии песни, в переводе на английский появляется неологизм *bath-hut*, образованный от слова *bath*, которое может переводиться как *ванная (комната)*, *ванна*, *баня*, и *hut*, что означает *хижину*, *барак* или *казарму*. Прямого словарного определения *bath-hut* найти не удалось. Даже если воспринимать слово *bath-hut* как сокращение от *bathing-hut*, то перевод не будет совпадать контекстуально, так как это переводится как ‘кабина для переодевания на пляже’. Однако переводчик явно попытался воссоздать и визуальный образ русской бани, и суть производимых в ней действий. Чтобы избежать недопонимания, С. Рой делает примечание, в котором подчеркивает значимость бани в

русской культуре и объясняет, что происходило во времена, описанные в песне. В переводческом комментарии указывается, что русские бани и по сей день остаются местом, во многом похожим на древнеримские, турецкие, японские бани, но они необязательно государственные, и часто люди владеют баней на своем участке. Здесь же переводчик дает транслитерированный уменьшительно-ласкательный вариант *banka* и официальный *banya*, погружая читателя комментария в русскую культуру. Далее переводчик описывает процесс принятия бани, его важность и удовольствие от процесса. Баня служила подготовительным этапом для религиозных мероприятий и была местом, где возможно излечиться от различных заболеваний. В историческом комментарии переводчик вводит предположение, что лирический герой песни – сибирский крестьянин, которого забрали в лагерь, «кулак». Использование данной исторической реалии погружает читателя в русскую культуру. Переводчик также рассказывает о вере людей в Сталина, объясняя обычай делать татуировки с профилем Вождя на груди, что и описывается в песне. Заканчивается комментарий размышлением переводчика о том, что песня затрагивает острые общественные темы и является одной из самых важных и характерных из всех стихотворений-песен Высоцкого. Хотя перевод *баньки* как *bath-hut* может вызвать недоумение из-за того, что данный неологизм не закреплен в словаре и ассоциируется с другими объектами, подробный переводческий комментарий нацелен на снятие любого недопонимания и полное погружение в российскую историческую действительность XX века. В контексте песни органично работает на создание образа Родины и тюремно-жаргонное слово *наколка*. В переводе использован генерализированный нейтральный вариант *tattoo'd*, который лишен оригинальной образности, стяженная форма глагола способствует и жаргонному звучанию, и сохранению рифмы. Просторечное *пособи* переведено стилистически-нейтральным *help*, но при этом переводчик применил смысловое развитие, и строка «*Брату крикнуть успел: "Пособи!"*» была переведена как «*'Brother, help!' Back to back, we fought hard*» [15]. Данный вариант не только передает динамику, но и позволяет ощутить трагизм исторического прошлого России.

«*Я от белого свету отвык*» – одна из ключевых строк песни, в которой сконцентрирован внутренний конфликт лирического героя и его переживания. В переводе мы видим вариант «*I've been out in the cold for so long*»: хотя полностью заменяется образ оригинала, переводческое решение все же можно назвать удачным. Холод – это аллюзия на лагерь, расположенный в холодных широтах, в то время как баня, где тепло и комфортно, – это аллюзия на привычную жизнь. Таким образом переводчик через противопоставление «*банька по-белому*» – «*банька по-черному*» обыгрывает в антонимической паре: *горячо* – *холодно*, также заложенной Высоцким. Благодаря упоминанию снега в переводе дополняется и образ Сибири, которая представляется далекой, тяжелой для жизни местностью с жесткими климатическими условиями: именно в таком стереотипном понимании часто фигурирует Россия – «*страна вечного холода*». В переводе строки «*Чтоб он слышал, как рвутся сердца*» переводчик акцентирует внимание на местоимении *он*, под которым подразумевается Сталин: «*That the breaking if hearts He might hear*» [15], воспроизводя англосаксонскую традицию капитализации местоимений и номинаций для замещения имени собственного *Сталин*. Таким образом на Западе создавался негативный образ Сталина и подчеркивался феномен культа личности. В контексте песенного текста становится ясно, о ком именно идет речь в этом отрывке, однако можно предположить, что для лучшего понимания иностранной аудитории контекста или чтобы сыграть на стереотипах, переводчик решил прибегнуть к эмпазе.

Последняя строка песни представляет собой игру слов, основанную на созвучии, и несет в себе глубокий подтекст. «*Протону! Не тону! Протону!*» – обращение за

помощью, где *протопить* стоит понимать как помощь в возвращении к нормальной жизни. С понимаем фразы «*He tonu!*» все не так однозначно, поскольку можно выявить несколько способов интерпретации. Данную фразу можно принять за просторечие, которое означает «*мне нужна помощь, не губи*», но можно и воспринимать ее в прямом смысле. Тогда получается, что лирический герой еще не готов к возвращению к привычной жизни, что ему еще надо время и что-то может держать его в прошлом. В этой строке отражается весь конфликт героя, его боль и растерянность перед противоречиями эпохи и желание выжить. Переводчик не оставил игру слов, но уделил особенное внимание эмотивности. В варианте «*It's so hot! Ah my God! It's too hot*» крайне ярко передаются переживания героя, которые невозможно вытерпеть, но необходимо сделать это, чтобы вернуться к прежней жизни [15]. Образ бани сохраняется благодаря метафоре, где обжигающий воздух отражает чувства людей, которые вернулись из лагеря.

Песня «Седьмое октября» (написана в 2019 году) исполнителя Хаски представляет собой гипертекст, где в каждой строке встречаются названия российских правоохранительных органов и органов власти, аллюзии на исторические события, аллюзии на 1990-е годы, когда в любом городе существовали организованные преступные группировки. Образ Родины создается преимущественно за счет аллюзий и реалий. Текст перевода опубликован 8 октября 2019 года на американском онлайн-ресурсе «Genius». Над переводом работали пользователи под псевдонимами Jjarhe, Ferbihno, Orureos [13]. Выделим реалии, которые выражены в тексте посредством сокращенных эргонимов. Названия многих государственных органов имеют помимо полной формы также варианты в виде аббревиатур; переводчик может привести либо полное наименование ведомства, либо транскрипцию краткого названия на английском, нередок и объяснительный перевод. Второй вариант применяется в отношении эргонимов, употребляемых в тексте неоднократно. При условии, что функция госоргана разъясняется в контексте, то необходимость в дополнительных пояснениях пропадает. Аббревиатуры на английском языке образуются либо от полного английского соответствия, либо при условии удобопроизносимости, – как транслитерация русской формы. Вторым методом был использован переводчиком при переводе эргонима-аббревиатуры ФСБ: «*New nobles under FSB's epaulets*» [13]. Данная строка является аллюзией на слова экс-директора ФСБ Николая Патрушева, который назвал сотрудников данного федерального органа «неодворянством». В 2010 году вышла книга про сотрудников ФСБ «Новое дворянство».

При переводе эргонимов ГБУ, ГРУ, ДСП были уже применены трансформации. ГРУ (Главное разведывательное управление) было генерализировано и транслитерировано. «*Sweaty armpits of an MID's captain*» [13] – под аббревиатурой MID подразумевается Министерство иностранных дел Российской Федерации. На английский язык название данного федерального органа переводится как *The Ministry of Foreign Affairs*. Поскольку у переводчика не было возможности ввести заранее в тексте полное название эргонима, можно было бы в переводческом комментарии указать, какое учреждение имеется в виду, и описать его основные функции. ГБУ (Государственное бюджетное учреждение) было переведено аббревиатурой SBI: «*Inside SBI's fund stashes*» [13]. Это американская аббревиатура, которая расшифровывается как *Small Business Institute*. Фраза *держат в кубышке* означает ‘хранить деньги у себя и не использовать их’. Исходя из этого можно предположить, что автор намекает на воровство в подобных организациях, поэтому перевод с использованием аббревиатуры, связанной по смыслу с деньгами и экономикой, подходит для передачи смысла. К тому же переводчик добавил слово *stashes*, которое переводится как *тайники*. Благодаря этому, возможно и в ущерб образности, смысл сохраняется. В случае перевода аббревиатуры ДСП (древесно-стружечная плита) была использована конкретизация: «*Snot of cocaine of state's MDF*», где MDF – древесноволокнистая плита средней плотности («*medium-density fibreboard*») [13].

Основным способом перевода реалий – имен собственных стала транслитерация, как при переводе популярной марки конфет (*Кара-Кум* – «*Like a wrapper 'Karakum'*») [13]. Среди примеров представлены как имена собственные, так и прозвищные элементы. Данные элементы отражают некоторую оценку, характеристику в деятельности, а в нашем случае также и являются аллюзиями на обсуждаемых в российском пространстве людей: «*On it – Mihal Ivanych with Antikvar and Kum*», «*And now we are rapping for the Seoul sister*» [13]. В тексте встречается топоним *Кущевка*. Он относится к группе топонимов, которые не пользуются известностью за пределами страны и поэтому не имеют традиционных эквивалентов в английском языке. Переводчиком был выбран способ передачи через правила звукового соответствия: «*Kushevka's infinite branches*» [13]. В тексте песни также встречается реалия *хрущевка* – тип многоквартирных домов, которые начали массово возводить в СССР в 1950-х годах. Данная реалия также была передана транслитерацией: «*Basement sugar in a khrushchevka*» [13].

Рассмотрим реалии, выраженные через урбанонимы. Поскольку словосочетания в песенном тексте включают лексемы *улица* и *проспект*, главную сложность для переводчика представляет использование артиклей и передача семантически значимых элементов. Переводчиком был выбран наиболее предпочтительный метод передачи через англоязычные аналоги из художественных и публицистических произведений. Сами наименования улиц были транслитерированы: «*Along Kadyrov street to the Rotenberg prospect*» [13]. Реалия *Сургутнефтегаз* в данном тексте была выражена через название российской нефтяной компании. Название компании было передано с помощью транслитерации, а также в переводческом комментарии было указано, что это одна из самых больших нефтедобывающих компаний в России: «*Distant and nobody's, like Surgutneftegas*» [13].

Песня Хаски «Поэма о Родине» является одним из самых популярных произведений исполнителя. Она также изобилует реалиями. Стоит добавить, что одной из важнейших причин выбора этой песни является то, что перевод был выполнен русскоговорящим (на сайте переводчик взял себе псевдоним *sernegesa*) и англоговорящим (псевдоним переводчика на сайте – *emmi_lychee*) пользователями.

Первая из реалий в тексте – это аббревиатура *ППС*, которая расшифровывается как *патрульно-постовая служба*. Англоговорящим пользователем была неправильно понята данная аббревиатура. Переводчик транслитерировал данную аббревиатуру и добавил пояснение, что это «разновидность пистолета-пулемета», что неверно: «*Or something from the prowling carriages of a PPS*» [14]. Русскоговорящий переводчик решил данную аббревиатуру передать описательно: «*Or creeping road patrol service car*» [14]. Данный вариант не совсем корректен, потому что ДПС и ППС не одно и то же, но данное решение не сильно нарушает оригинальный образ и делает его более понятным для зарубежной аудитории. Следующая трудность возникла при передаче сленгизма *Девятка*, обозначающего автомобиль ВАЗ-2109. У переводчиков различается подход в передаче данного явления. Так, англоязычный переводчик транслитерирует сленговое выражение как *Devyatka* и добавляет пояснение, что это «советский седан»: «*All of them a Devyatka cutting through the wastelands*» [14]. Русский переводчик переводит реалию через конкретизацию: «*Lada 2109 is crossing wastelands*» [9]. Мы считаем, что вариант с сохранением сленга является более правильным по нескольким причинам. Благодаря сленгу передается личное отношение автора к описываемому явлению, и текст становится более красочным, что важно при описании родных мест автора. К тому же благодаря тому, что переводчик применил транслитерацию, сохраняется русский колорит. Вариант русскоговорящего пользователя не является ошибочным, но он теряет выразительность.

У англоговорящего пользователя возникла трудность с передачей топонима *Восточный* под которым понимается микрорайон Восточный в городе Улан-Удэ, где исполнитель родился. В результате непонимания переводчику не удается передать оригинальное сравнение и Восточный становится просто одним из городов, в котором был лирический герой: «*I will pass through like I was in Manhattan or in the Eastern streets*» [14]. Русскоговорящий переводчик транслитерирует название микрорайона и сохраняет оригинальное сравнение с Манхэттенном: «*I come along Vostochny-city streets like I'm in Manhattan*» [14]. Реалия *Моногородок* была передана обоими переводчиками верно: «*Little monotowns in dreary grey cloth*», «*A sight from the window shows the monocity*» [14]. Единственное, что стоит отметить, так это пояснение англоговорящего пользователя, где он расшифровывает это слово как «*уникальный советский тип города, предназначенный для производства только одной вещи*». Реалия *Птица-говорун* переводчиком, для которого английский язык – родной, была передана как имя собственное, но с пояснением, что это «говорящая птица из фильма»: «*And I remained here, like Talking Govorun*» [14]. Русскоговорящий переводчик выбрал вариант перевода, который использовался при переводе мультфильма, где впервые появился этот персонаж. При таком подходе больше шанс, что зарубежная аудитория сможет понять оригинальный образ и метафору автора: «*I only stayed here like a chatter-bird*» [14]. Реалия *Мавзолей* тоже не составила трудностей для переводчиков текста, поскольку такое явление распространено и в других странах, но в контексте песни становится ясно, что речь идет о Мавзолее в Москве: «*...being forgotten in Mausoleum*», «*Which smelled like a mummy, forgotten in a Mausoleum*» [14].

Заключение. Образ Родины в песенно-поэтическом тексте во многом формируется благодаря использованию в тексте реалий, имен собственных, аллюзий и метафор. Реалии из песенно-поэтических текстов исполнителей помогают передать уникальные черты и особенности культуры и истории России, что напрямую влияет на формирование ее образа в сознании иностранцев. Проанализированные в ходе исследования реалии отражают традиции России разных периодов, содержат фольклорные элементы, аллюзии на конкретных личностей и исторические события. Корректная передача авторских образов Родины способствует возникновению правдивого и полного образа России, в то время как неверная передача образов способствует нереалистичным представлениям о стране. Чаще всего переводчиками применялась транслитерация для передачи имен собственных и названий географических объектов. Также все переводы сопровождались переводческим комментарием и пояснениями от переводчика для более глубокого погружения аудитории в контекст песни и более подробного описания страны. Представляется, что для работы над насыщенным культурологической информацией песенным текстом, особенно если речь идет о тексте, в котором много аббревиатур (как в рэпе Хаски), развернутый переводческий комментарий является необходимостью. Дальнейшая работа в данном направлении предоставит возможность найти оптимальные решения для передачи образа Родины при переводе песенно-поэтического и других типов текстов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Влахов С.И. Непереводимое в переводе [Электронный ресурс] / С.И. Влахов, С.П. Флорин. – М. : Международные отношения, 2009. – Режим доступа: http://samlib.ru/w/wagapow_a_s/vlahovdoc.shtml (дата обращения: 25.08.2024)
2. Жданова Е.С. Русскоязычная рэп-поэзия как отражение духовных поисков (на примере текстов Д. Кузнецова) / Е.С. Жданова, Ю.Е. Кобина, Г.О. Илагаева // МНКО. – 2020. – №2 (81). – С. 548–550.
3. Журкова Д.А. Родина 2.0: мотив вымышленных миров в постсоветской популярной песне / Д.А. Журкова // Художественная культура. – 2018. – №1. – С. 200–215.
4. Зуев М.П. К вопросу о переводе текстов английских песен: наблюдения переводчика [Электронный ресурс] / М.П. Зуев // Молодёжь и наука: Сборник материалов VII Всероссийской научно-технической конференции студентов, аспирантов и молодых учёных, посвященной 50-летию первого

полета человека в космос. Красноярск: Сибирский федеральный ун-т, 2011. 9-25 апреля. – Режим доступа: <http://conf.sfu-kras.ru/sites/mn2011/section16.html> (дата обращения: 25.08.2024).

5. Лелеко В.В. Мифопоэтический образ Родины в советской песне 1940–1980-х гг. /В.В. Лелеко // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. – 2013. – №4(17). – С. 112–116.

6. Осипов С.В. Сталинские дома на улице Ленина: позднесоветский патриотический дискурс в неподцензурной рок-песне (1981–1991) [Электронный ресурс] / С.В. Осипов // Философия и культура. – 2023. – № 7. doi.org/10.7256/2454-0757.2023.7.39098DN:TRFSAR

7. Приорова Е.М. Савченко Е.П., Фильчакова Е.М. Концепт «Родина» в английской и русской лингвокультурах / Е.М. Приорова, Е.П. Савченко, Е.М. Фильчакова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2018. – №4–1 (82). – С. 159–163. – doi.org/10.30853/filnauki.2018-4-1.37

8. Сидорова Г.П. Историческая динамика патриотического дискурса в советском массовом искусстве (песня) / Г.П. Сидорова // Ярославский педагогический вестник. – 2023. – №1 (130). – С. 226–235. – doi.org/10.20323/1813_145X_2023_1_130_226_235

9. Степанова Е.А. «Все проходит. Остается Родина – то, что не изменит никогда»: образ Родины в советской песне /Е.А. Степанова // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. – 2015. – №4. – С. 28–42

10. Фененко Н.А. Лингвистический статус термина реалия / Н.А. Фененко // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2007. – №2–1. – С. 5–9.

11. Franzon J. Choices in song translation / J. Franzon // The Translator. – 2008. – Volume 14, Number 2. – P. 373–399. – doi.org/10.1080/13556509.2008.10799263

12. Vandevent J.A Contemporary Analysis of "Musical Russianness" as evidenced in Husky's Album "Hoshkhonog" [Электронный ресурс] / J. Vandevent // The University of Bristol, UK. – 2022. – doi.org/10.13140/RG.2.2.12791.50083

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

13. Хаски. Седьмое октября (October 7th) (Re-Work) (English Translation) Lyrics [Электронный ресурс] // Genius. – Режим доступа: <https://genius.com/Genius-english-translations-october-7th-re-work-english-translation-lyrics> (дата обращения: 25.08.2024).

14. Husky. Poem about Motherland [Электронный ресурс] / Husky // lyricstranslate.com. – Режим доступа: <https://lyricstranslate.com/en/haski-поэма-о-родине-роэма-о-rodine-lyrics.html> (дата обращения: 25.08.2024).

15. Vysotsky V. «Hamlet with a Guitar» [Электронный ресурс] / Vysotsky V. // <https://archive.org/> – Режим доступа: <https://archive.org/details/vladimir-vysotsky-hamlet-with-a-guitar-by-yu.-andreyev-i-boguslavsky-eds.-z-lib.org-1/page/33/mode/2up> (дата обращения: 25.04.2024).

REFERENCES

1. Vlahov S.I., Florin S.P. (2009). Neperevodimoe v perevode [Untranslatable in Translation]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya. URL: http://samlib.ru/w/wagapow_a_s/vlahovdoc.shtml (In Russian)

2. Zhdanova E.S., Kobina Yu.E., Ilagaeva G.O. (2020). Russkoyazychnaya rep-poeziya kak otrazhenie duhovnyh poiskov (na primere tekstov D. Kuznecova) [Russian Rap-Poetry as Reflection of Spiritual Search] in MNKO, №2 (81), 548–550 (In Russian)

3. Zhurkova D.A. (2018). Rodina 2.0: motiv vymyshlennyh mirov v postsovetsoj populyarnoj pesne [Homeland 2.0: the Motif of Fictional Worlds in Post-Soviet Popular Music] in Khodzhestvennaya Kultura [Art culture], 1, 201–226 (In Russian)

4. Zuev M.P. (2011). K voprosu o perevode tekstov anglijskih pesen: nablyudeniya perevodchika [On Translation of English Songs: Translator's Remarks] in Molodyozh' i nauka: Sbornik materialov VII Vserossijskoj nauchno-tehnicheskoy konferencii studentov, aspirantov i molodyh uchyonyh, posvyashchennoj 50-letiyu pervogo poleta cheloveka v kosmos. Krasnoyarsk: Sibirskij federal'nyj un-t, 2011. 9-25 aprelya [Youth and Science: A collection of materials of the VII All-Russian scientific and technical conference of students, postgraduates and young scientists dedicated to the 50th anniversary of the first human spaceflight. Krasnoyarsk: Siberian Federal University, 2011. April 9-25]. URL: <http://conf.sfu-kras.ru/sites/mn2011/section16.html> (In Russian)

5. Leleko V.V. (2013). Mifopoeticheskij obraz Rodiny v sovetskoj pesne 1940–1980-h gg. [Mifopoetical image of the Homeland in the Soviet song in 1940–1980's] in Vestnik SPBGUKI [Bulletin of the St. Petersburg State Institute of Culture], 4(17), pp. 112–116 (In Russian)

6. Osipov S. (2023). Stalinskie doma na ulice Lenina: pozdnesovetskij patrioticheskij diskurs v nepodcenzurnoj rok-pesne (1981–1991) [Stalin's Houses on Lenin Street: Late Soviet Underground Rock in Patriotic Discourse (1981-1991)] in Filosofiya i kultura [Philosophy and Culture], 7, pp. 29–56. <https://doi.org/10.7256/2454-0757.2023.7.39098> (In Russian)

7. Priorova E.M., Savchenko E.P., Fil'chakova E.M. (2018). Koncept «Rodina» v anglijskoj i russkoj lingvokul'turah [MOTHERLAND Concept in Russian and English Linguocultures]. in Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki [Philological sciences. Questions of theory and practice], 4–1 (82), pp. 159–163. <https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-4-1.37> (In Russian)
8. Sidorova G.P. (2023). Istoricheskaya dinamika patrioticheskogo diskursa v sovetskom massovom iskusstve (pesnya) [Historical dynamics of patriotic discourse in the soviet mass songs] in Yaroslavskij pedagogicheskij vestnik [Yaroslavl pedagogical bulletin], 1, pp. 226–235. (In Russian) http://dx.doi.org/10.20323/1813_145X_2023_1_130_226_235.
9. Stepanova E.A. (2015). «Vse prohodit. Ostaetsya Rodina – to, chto ne izmenit nikogda»: obraz Rodiny v sovetskoj pesne ["Everything Passes. Only Motherland Remains, The One Which Would Never Be Unfaithful": Image of Motherland in Soviet Song] in Labirint. ZHurnal social'no-gumanitarnyh issledovanij [Labirint], 4, pp. 28–42 (In Russian)
10. Fenenko N.A. (2007) Lingvisticheskij status termina realiya [Linguistic Status of Realia] in Vestnik VGU. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikaciya [Bulletin of the VSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication], 2–1, 5–9 (In Russian)
11. Franzon J. (2008). Choices in song translation in The Translator, 14 (2), pp. 373–399. <https://doi.org/10.1080/13556509.2008.10799263> (In English)
12. Vandevent J.A. (2022). Contemporary Analysis of “Musical Russianness” as evidenced in Husky’s Album “Hoshkhonog”. The University of Bristol, UK. <https://doi.org/10.13140/RG.2.2.12791.50083> (In English)

Поступила в редакцию 27.08.2024 г.

IMAGE OF MOTHERLAND IN TRANSLATIONS OF LYRICS BY V. VYSOTSKY AND HUSKY INTO ENGLISH

O.A. Moskalenko, N.M. Glukhov

The contribution deals with the ways of conveying the image of the Motherland in the song-poetic text when translated into English. Due to the development of information society, where musical art has become an important source of information about the country and its culture, a song text has become a powerful tool for expressing national and individual specificity. In order to achieve translation adequacy and to accurately convey the figurativeness, understanding the culture and peculiarities of the country plays an important role. The aim of this study is to identify strategies and methods of translating realias that convey the image of the Motherland in a song-poetic text of Vladimir Vysotsky’s poems and the works of contemporary rap artist Dmitry Kuznetsov. The image of the Motherland in a song and poetic text is largely formed through the use of realia, proper names, allusions and metaphors in the text, interpretation of which requires unique translation solutions precisely in connection with the specifics of the song text. Further research in this direction may contribute to finding optimal solutions for conveying the image of the Motherland when translating song-poetic and other types of texts.

Keywords: realia, translation of realias, image of Motherland, song-poetic text, V. Vysotsky, Husky, ergonym, urbanonym.

Москаленко Ольга Александровна.

Кандидат филологических наук, доцент.
Севастопольский государственный университет,
Российская Федерация, Севастополь.
Доцент кафедры «Теория и практика перевода и
зарубежная филология» Института общественных
наук и международных отношений.

ORCID 0000-0002-4162-3162.

E-mail: kerulen@bk.ru.

Глухов Никита Максимович.

Независимый исследователь.
Российская Федерация, Севастополь.
ORCID 0009-0005-6570-2972.
E-mail: gluhoff-nm@yandex.ru.

Moskalenko Olga Aleksandrovna.

Candidate of Philology, Associate Professor.
Sevastopol State University, Russian Federation,
Sevastopol.
Associate Professor at Department of Theory and
Practice of Translation and Foreign Philology,
Institute of Social Sciences and International
Relations.

ORCID 0000-0002-4162-3162.

E-mail: kerulen@bk.ru.

Glukhov Nikita Maximovich.

Independent researcher.
Russian Federation, Sevastopol.
ORCID 0009-0005-6570-2972.
E-mail: gluhoff-nm@yandex.ru.

Научная статья

УДК 811.161.1

DOI: 10.5281/zenodo.13996083

НАИМЕНОВАНИЯ ОДЕЖДЫ И ОБУВИ В РУССКИХ ГОВОРАХ СИМБИРСКОГО ПОВОЛЖЬЯ: ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ И АРЕАЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ

© 2024 Я.В. Мызникова

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет»

ORCID 0000-0003-1092-8219

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International <https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru>

В работе рассматривается тематическая группа наименований одежды и обуви в русских говорах Ульяновской области. Актуальность фиксации и изучения данной группы лексики связана с быстрым уходом традиционных наименований из речи и памяти диалектоносителей. Помимо традиционной классификации лексем внутри группы и изучения мотивационных признаков лексем, в исследовании применяется этнолингвистический подход, исследуются функциональный, ареальный и этимологический аспекты. Исследование показало определённую степень сохранности некоторых традиционных наименований одежды и обуви в связи с существующей традицией применения старинной крестьянской одежды для ряжения во время народных праздников, а также в связи с длительной традицией производства некоторых предметов одежды и обуви в Поволжье. В изучаемой группе слов были выявлены результаты языкового взаимодействия. Среди наименований одежды и обуви в русских говорах Симбирского Поволжья часть лексем можно охарактеризовать как историзмы, часть – как региональные лексические элементы, часть – как узколокальные элементы.

Ключевые слова: этнокультурный аспект, ареальный аспект, диалектная лексика, наименования одежды, наименования обуви, русские говоры Симбирского Поволжья, этнокультурное взаимодействие, языковые контакты, историзмы.

Для цитирования: Мызникова Я.В. Наименования одежды и обуви в русских говорах Симбирского Поволжья: этнолингвистический и ареальный аспекты / Я.В. Мызникова // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. – 2024. – № 4. – С. 61–75. – <https://doi.org/10.5281/zenodo.13996083>.

Введение. В процессе исследования диалектных наименований одежды и обуви конкретного региона обнаруживаются некоторые особенности этой группы слов, определяющие подход к её описанию. Во-первых, отметим детерминированность самих реалий (предметов одежды и обуви) географической и этнокультурной спецификой региона. Среднее Поволжье – место проживания не только русских, но и финно-угорских, а также тюркских народов. Во-вторых, временные рамки жизни информантов охватывают большую часть XX в. (за исключением его первой четверти), т.е. тот период, когда традиционная крестьянская одежда постепенно выходила из обихода, сменялась сначала одеждой советского периода, затем всё более и более унифицированной. Отметим, что в наших материалах наиболее возрастная группа информантов оказалась 1930-х гг. рождения. Они помнят сельский быт, начиная со времён Великой Отечественной войны и послевоенного времени, когда традиционная крестьянская одежда стала уходить в прошлое, хранилась в бабушкиных сундуках в

качестве предметов старины. Несмотря на то, что информанты ещё помнят многие виды традиционной одежды, они не могут дать точное описание дифференциальных признаков сходных в использовании предметов и соответствующих им лексем. Таким образом, данная группа лексики предполагает не только диалектологическое, но и этнолингвистическое описание, учитывающее все исторические, этногеографические и этнокультурные особенности региона.

Материалы и методы исследования. Материалом для исследования наименований одежды и обуви послужили экспедиционные записи диалектной речи, производившиеся с 2012 по 2024 гг. в ряде населённых пунктов Старомайнского, Чердаклинского, Мелекесского, Николаевского, Инзенского, Карсунского, Сенгилеевского районов Ульяновской области, а также примеры диалектной речи из двухтомного издания «Традиционная культура Ульяновского Присурья. Этнодиалектный словарь» (2 части, Москва, 2012 г.).

Методика описания наименований одежды на основании мотивировочных признаков денотативного компонента значения представлена в трудах О.Н. Крыловой [7, с. 16–20], Т.Е. Баженовой [1, с. 111–122], Л.А. Вановской [3, с. 10–17] и др. Описывая специфику лексики в говорах смежного с Ульяновской областью региона – Самарской области, Т.Е. Баженова применяет комплексный подход к классификации наименований одежды и обуви, опирающийся на совокупность мотивационных признаков и лексико-семантических особенностей наименований в составе лексических микрогрупп [2, с. 7]. В последние десятилетия актуальным стал и этнолингвистический подход к описанию особенностей региональных наименований одежды [12, с. 8–9].

В записанных нами материалах, при сохранении общих представлений о функциях традиционной одежды и значениях соответствующих слов, детальная характеристика лексем и предметов иногда может представлять затруднение для информанта (*Ну вет' ран'шэ был и зипун, и армяк были вот, я помню, тулупы делали из офчыны. Вотэ этат зипун шыли ис сукна, а армяк полехиэ што ли был. Большая Кандаля Старомайн.; Шубняк называли, а ещё па-другому ана называлас' кожух, п'тату што кожэй ана была вывернута наверх, два названия у неё была: вот шубняк и кожух. Барановка Николаев.*). Как пишет И.В. Назарова, «Утрата лексемами актуальности сопряжена с забвением в их значении ряда гипосем, приводящим к активизации процесса семантической интеграции, слово помнится часто вне соотнесения с конкретной реалией, образ которой представляется диалектоносителем очень приблизительно, устанавливается лишь сам факт существования в прошлом реалии и былого функционирования слова» [11, с. 13]. Исследователь указывает, что «сугубо диалектные неактуальные единицы являются своеобразными историзмами (или приближаются к ним)» [11, с. 12]. Так, в тематической группе «Женские головные уборы» практически неактуальной стала подгруппа «не-платки», самыми активными остаются лексемы со значением «четырёхугольный платок». Таким образом, структурно-семантический подход может быть применён далеко не для всех групп наименований традиционной крестьянской одежды.

В данном исследовании будет предпринята попытка комплексного анализа подгрупп лексики внутри тематической группы «Одежда и обувь». Помимо традиционного выявления дифференциальных признаков для классификации лексем, мотивационного анализа производных слов, в исследовании предполагается привлечь этнокультурные данные и сведения этимологического и ареального характера. В связи с полевым характером материала исследования, актуальным оказался функциональный подход к описанию особенностей ряда слов.

Основная часть. При классификации собранных наименований одежды и обуви наиболее значимыми дифференциальными признаками оказались 1) отнесение предмета одежды к верхней (в данном случае – к тёплой, зимней) одежде, 2) отнесение предмета одежды к мужской или женской одежде, 3) материал изготовления (оказался определяющим для классификации обуви). Отметим, что в различных подгруппах лексики тематической группы «Одежда и обувь» могут оказаться наиболее актуальными те или иные дифференциальные признаки. Само выделение подгрупп является достаточно условным, так как одна и та же лексема на основании различных признаков может быть отнесена в разные подгруппы.

1. Первая подгруппа тематической группы «Одежда и обувь» включает **общие наименования одежды**. В качестве нейтрального общего названия для одежды были зафиксированы лексемы *одёжа* и *одёвка*: *У нас одёжы фсе по-русски. У татар вит' то оборки, то платки носят пь-другому повязана, а у нас фсе русская*. Базарно-Мордовские Юрткули Старомайн. *Шали цвятисты бол'шэ были, и ковровы, и шэрстяны бол'шэ шали, проста уш повязывали и под одёфку*. Старый Белый Яр Чердаклин. Лексема *срйда* использовалась для обозначения женской одежды.

Лексемы *шобоны*, *шоболы*, *махры*, *руны* являются экспрессивными наименованиями одежды, часто используются для обозначения старой, рваной одежды. Экспрессивная лексика, именующая старую рваную одежду, часто употребляется при описании обрядов ряжения во время святочных празднований, на троицкой неделе, во время проводов весны, Масленицы, на второй день свадебных гуляний: *Нарядим из рун, сделам на палку – эта шута каранит'*. Ждамирово Сур. [22, с. 614]; *Нарядимся фсе: хто салдатам, кто, знааш, эта шобалы старуиши наденут, хто парнем*. Большая Кандарать Карсун. [21, с. 269]; *Эта уш тут у нас как русалки называюца: «Давайти русалками!» Хто чаво, какой махор хто наденит и фсе вот тучай, фсе кучай пляшым*. Чамзинка Инзен. [22, с. 277]. В левобережных районах Ульяновской области употребляются лексемы *шобоны* и *махры*; в правобережных районах зафиксированы лексемы *шоболы*, *махры* и *руны*.

Устойчивым оборотом *наряженными ходить* обозначают обычай изменять облик при участии в праздничных обрядах: во время святочных гуляний, колядований, проводов Масленицы, на троицкой неделе (во время проводов весны, похорон шута, на Семик), во второй день свадьбы (на поиски ярки). Перевоплощение было характерно и для некоторых бытовых ситуаций: во время игр в покойника. Ряженных называли *наряженными*, *святками*, *святóшниками*, *русалками*: *На святки ряжыны ходют. Такой был приговор. Да. «Вот святки, — гаварят, — щас идут». Время-та такая-та, вроди, святки идут, вон, вишь, ва время святкав наряжины идут. Ряжины идут*. Валгуссы Инзен. [22, с. 97]; *Ну вот нарижались. Наряжусь святкай, святóшник*. Большое Шуватово Инзен. [там же]; *Я любила хадить святкай, нарижаца*. Сара Сур. [там же]; *Святками-та называли: «Вот святки, — гаварят, — наряжыны идут!»* Чамзинка Инзен. [там же]. Традиции ряжения вплоть до недавнего времени устойчиво сохранялись в Симбирском Поволжье. В зависимости от желаемого образа, рядились либо в старую рваную одежду, тряпье (*шобоны*, *шоболы*, *махры*, *руны*), либо в старинные нарядные костюмы (пары, слои юбок, сарафаны), либо в соответствии со временем года, погодными условиями, в старинные тёплые зипуны, шубняки, овчины: *Нарижалис' в лапти, в трип'йё, как скамарохи вот такая. Ил' вон в старинны сарафаны*. Палатово Инзен. [22, сс. 561–562].

Лексема *шобол*, чаще форма множественного числа *шоболы* 'тряпье, старая одежда', фиксируется в говорах правобережных районов Ульяновской области: *Эта все проста как нарижалис' и фсе гаварят: «Айдати фсе русалками нарижаца!» Хто*

чаво, шабалóф каких. Новосурск Инзен. [21, с. 269]; Дифчонки канём нарижалис’... Адна голува держыт, другая-та шабол на ней, наденит, как старушка, и видёт йиё. Большая Кандарать Карсун. [21, с. 598]; Все шобалы надениш на sibя-та и пойдёш. То шубу вон баран’ю вывирниш надениш, шапку махнату какою-нибут’, рвану-драну. Кадышево Карсун. [22, с. 99].

Лексема *шóбoны (шoбoнá)* ‘тряпьё, старая одежда’ представлена в говорах левобережных районов Ульяновской области: *И там [на диване] какие-та шóбаны расстелены. Кремёнки Старомайн.; Да он как шобонник ходит-та, надел шобонá.* Рязаново Мелекес.). Лексемы *шoбoлы, шoбoны* широко распространены в Поволжье, являются регионализмами [16, т. 4, с. 1383–1384], используются представителями разных социальных групп. В русских говорах лексемы могут иметь тюркский или финно-угорский источник, на данный момент однозначной интерпретации нет.

2. Типы верхней одежды часто были единообразны для мужчин и женщин. В зависимости от сезона шили зипуны, армяки и кафтаны из холста, сукна домашнего изготовления или меха. В подгруппе **наименований верхней одежды** много лексем, которые широко употреблялись в прежние времена, обозначали давно ушедшие реалии, но пока ещё живы в памяти носителей диалекта: *Бабушка мая хадила: сарафан, кофта, зипун, шубы были вот из афчыны. Были и саматканы сарафаны, эта хадила баушка, длинный, двенацат’ тачэй, в зборку, в зборку.* Коржевка Инзен.

Всем народам Поволжья известна лексема *чaпáн* ‘род верхней одежды в Поволжье: кафтан из грубошёрстного сукна домашней выделки, который мужчины и женщины носили поверх одежды зимой’ (*Чапáн – самотканна пълотно, а сошыйтый как тулуп, ворот бол’шой, вoрат сантиметраф сoрак, наверна, и у тулу́па, и у чапана. У чапана-та вот толстый и простёганый ниткими, вышэ головы вoрат-та, он где-та до полу.* Никольское-на-Черемшане Мелекес.); В «Словаре современного русского литературного языка» (в 17 томах) находим *чeпáн* ‘старинная верхняя длиннополая крестьянская одежда’ – тюрк. *çəpán* [20, т. 17, с. 844]. Чапан (чепан) мог быть с воротом или без ворота, представлял собой род зимней одежды, защищающей от холода и ветра, использовался всеми народами Поволжья.

В татарском традиционном костюме чапан выглядел как халат без пуговиц и воротника. Для мордовской традиционной одежды был характерен чапан с воротом. Обычно его надевали в дорогу поверх другой одежды и повязывали кушаком. Шили чапан из сукна, у него был прямой крой, большой запáх, длинные рукава и широкий воротник. Чапаны, как и овчинные тулупы, считались дорожной одеждой [9, с. 99–111]. В «Словаре русских говоров на территории республики Мордовия» лексема *чaпáн* толкуется как «Устар. Крестьянская верхняя одежда с большим воротником» [18, т. 2, с. 1451]. Таким образом, «мордовский чапан» в Поволжье использовался как средство защиты от непогоды, ветров, метели в холодное время года.

Чапан стал элементом традиционной русской одежды под влиянием тюркских и мордовских соседей, «что было связано с природными условиями, непривычными для русских, новыми занятиями, а также торговыми связями между этими народами» [13, с. 13].

Из других устаревших, но известных диалектоносителям наименований верхней одежды укажем следующие:

армяк ‘верхняя долгополая одежда из грубой, шерстяной ткани’; слово заимствовано из тюркских языков [23, т. 1 с. 88];

зипун ‘крестьянский верхняя одежда в виде кафтана из толстого сермяжного сукна’; слово заимствовано из тюркских языков [24, с. 140];

тулун ‘верхняя мужская одежда из овчины’; слово заимствовано из тюркских языков [24, с. 134];

шубняк ‘полушубок из овчины’;

ко́жух ‘полушубок из овчины, сшитый мехом внутрь’;

опашёнъ ‘верхняя тёплая одежда типа зипуна’ (*Он вот так запахивалса, бес пугавиц, апашэн’ ещё называеца, бес пугавиц, и кушаком патпясывалса*. Крестово-Городище Чердаклин.); видимо, мотивировано тем же корнем, что и глагол *запахиваться*.

Лексемы *армяк*, *зипун*, *ко́жух*, *опашень* в настоящее время являются историзмами, обозначают давно ушедшие реалии. Лексема *чапан* в современном языке чаще всего используется для обозначения нарядного халата у тюркских народов, лексем *шубняк* и *тулун* употребляются для наименования овчинного полушубка, сшитого мехом внутрь.

Лексем *телогрэйка* ‘тёплая куртка без рукавов’, *фүфáйка* ‘стёганая ватная куртка без воротника’ и вариант *куфáйка* (*Вот эдак руки зделают – палки сделали, руки-ти, куфáйку на няво наденут или шубу вываратют. И фсё. А тут малахай наденут. Вот и святка вся*. Чумакино Карсун. [21, с. 239]) являются широкоупотребительными, интердиалектными.

Также зафиксирована экспрессивная лексема *липсерда́к* – ироническое наименование верхней одежды: *Поддай-ка, дочка, мне мой липсердак!* Крестово-Городище Чердаклин.; вторично от *лапсердак* ‘в давние времена длиннополый сюртук у евреев’.

Наименование мужской верхней одежды – лексема *москв́ич* ‘мужское зимнее полупальто’ – появилось в советский период и также уже перешло в разряд устаревших. Лексем *москвич* и *чапан* в данной подгруппе имеют региональный характер, остальные лексем – интердиалектные.

3. В подгруппу **наименований верхней женской одежды** входят слова, являющиеся пересечением двух других более крупных подгрупп: наименований верхней одежды и наименований женской одежды. В указанную группу входят лексем, появившиеся в XIX-XX вв., которые в настоящее время в большинстве своём вышли из употребления:

манáрка ‘женское полупальто на вате или жакет из плюша, бархата, сукна’; в СРНГ приводится с пометами «Пенз., Ульянов., Закамье, Урал» [19, т. 17, с. 355];

камлóтка ‘безрукавка’; слово зафиксировано в «Словаре русских говоров на территории Республики Мордовия» [18, т. 1, с. 343], мотивирующим признаком в данном случае служит материал (*камлот* – наименование плотной шерстяной ткани);

полса́к ‘короткое женское пальто, полупальто’; в СРНГ приводится с пометами «Орл., Курск., Саратов.» [19, т. 29, с. 131], слово является производным от интердиалектной лексемы *сак*, одним из значений которой является ‘длинное женское пальто’ [19, т. 36, с. 46];

жакéтка ‘короткая женская верхняя одежда в талию’; слово не является диалектным, относится к разговорной сфере русского языка;

плю́шка ‘женский плюшевый жакет на вате’ (*Зина-ть она в этой жакетке за дровами в лес, ага, и в валенках потишитых, а вечерам несёт Зое – Зоя-ть постарше – эту жакетку и валенки, только штобы в клуб идти. А сама-то – то плюшку, то ишию какую-нибудь жакетачку*. Барышская Слобода Сур. [22, с. 506]); пометы в СРНГ показывают широкую территорию распространения данного слова: «Прикамье, Урал, р. Урал, Арх., Горьк., Курск., Краснодар., Казаки-некрасовцы, Амур., Хабаров.» [19, т. 27, с. 173], мотивирующим признаком в данном случае является материал (*плюш*).

Данная подгруппа содержит лексемы регионального характера (*манарка, камлотка, полсак*), а также интердиалектную лексику *плюшка*.

4. Промежуточное положение между верхней женской одеждой и женскими головными уборами занимает подгруппа **наименований платков и шалей**, так как большие тёплые шерстяные шали фактически использовались как элемент верхней одежды, закрывающий от мороза и ветра не только голову, но и тело.

С конца XIX — начала XX в. наиболее распространенными женскими головными уборами стали платки и шали. Их носили женщины всех возрастов. Промышленное производство платков и шалей в России стало развиваться в начале XIX в. не только на крупных городских мануфактурах, но и в небольших мастерских, которых было особенно много во Владимирской, Нижегородской, Ярославской и Московской губерниях [8, с. 104–106]. В губерниях Среднего Поволжья у местных помещиков возник целый ряд мастерских, хозяевами которых были Еникеевы, Панюшины, В.А. Елисеева, Н.А. Мерлина и многие другие. Самое известное из производств таких шалей принадлежало Н.А. Мерлиной (в Нижегородской губернии) и её братьям — Дмитрию Аполлоновичу и Григорию Аполлоновичу Колокольцовым (в Саратовской губернии), шали, которые ткали в их мастерских, прозвали «колокольцовскими». В смежных регионах с конца XVIII в. развиваются известные центры пуховязания, прежде всего, в Оренбургской губернии, а также на территории современных Башкирии, Волгоградской и Пензенской областей. История возникновения и совершенствования традиционного вязаного платка Южного Урала и Поволжья неотделима от истории платка как изначально необходимого элемента женского костюма в России [8, с. 104–106]. Шали и платки стали весьма значимым элементом верхней женской одежды в Среднем Поволжье.

Мотивационным признаком наименования шали мог быть рисунок, материал изготовления, размер:

ковр́овая шаль ‘тёплая шерстяная шаль с красивым ковровым узором’ (*Шали цвятисты бол’ше были и ковровы, и шэрстяны бол’ше шали, проста уш повязывали и под одёфку, вот, а ран’шы под булафку, вот как наши родители ране под булафку фсе эдаки шали носили.* Старый Белый Яр Чердаклин.); в словаре русских говоров Мордовии – «шаль из набивного полотна с кистями» [18, т. 2, с. 1498];

полуша́лок ‘небольшая тонкая шаль, шерстяной платок’;

фата́ ‘нарядный головной платок’ (*Ез’дили ва фсе Тияпино с гарманя́ми, наряжыны. Шолкавы фаты абвяжут дефки-ти.* Тияпино Инзен. [22, с. 14]).

Также мотивационным признаком могла стать какая-либо функциональная особенность данного предмета одежды (например, способ ношения):

накрывна́я (покрывна́я, укрывна́я) шаль ‘толстая тёплая шаль, которую использовали зимой в качестве верхней одежды’ (*Тода чо зима была: тода если без накрывной шали, бес тёплай, бол’шой, если не накроешся, идёш и три нос обморозил, шиоки-ти белы, отморозила.* Ерыклинск Мелекес.); в «Словаре русских говоров на территории Республики Мордовия» – «большая суконная шаль с кистями, которой покрывают голову поверх платка» [18, т. 2, с. 604];

но́совая (но́сская) шаль ‘тёплая шерстяная шаль’ (*Шал’ была шолкавая, с кистями у неё была, была шал’ носавая, была шал’ укрывная или п̄крывная. Носавая шал’ на цвету была каричневая, а по краям была фстафка белая с каричневым, и вот такая шал’ насилас’ на булафке, заделывалас’ булавачкай. Вот, эта носавая шал’.* Крестово-Городище Чердаклин.);

низо́вка ‘лёгкий платок, который надевают вниз под тёплый’.

Зафиксированы также устойчивые выражения, противопоставляющие два основных способа ношения шали или платка: *но́сить под оде́вку* ‘способ ношения шали, при котором её повязывали на голову, а концы прятали под верхнюю одежду’ (*Шали цвятисты бол’ше были, и ковровы, и шэрстяны бол’ше шали, проста уш повязывали и под оде́вку носили.* (Старый Белый Яр Чердаклин.);

но́сить под була́вку ‘способ ношения шали, при котором её повязывали на голову, скрепляя под подбородком булавкой, был широко распространен до XX в. в Поволжье’ (*А ран’шы под булафку, вот как наши родитили ране под булафку фсе эдаки шали носили: на вер’х пал’ты и под булавачку, ф цэр’кви ходили.* Старый Белый Яр Чердаклин.).

В «Словаре говоров уральских (яицких) казаков» Н.М. Малечи можно найти похожее лексическое оформление традиций, связанных с ношением шали: *Шали были таке: коврова коканска, пухова линбурска шаль, большая накрывная дорожная шаль, бежевка* [17, т. 4, с. 473]. *В праздничны дни повязывали шёлкову шаль, под подбородком закалывали булавкой, это называлось шаль под булавку* [17, т. 4, с. 473].

Таким образом, данную группу лексики можно охарактеризовать как региональную, характерную для Среднего и Южного Поволжья и Южного Урала.

5. Рассмотрим прочие **наименования женской одежды**. В XIX в. в Среднем Поволжье был распространен севернорусский комплекс женской одежды, включавший рубаху, сарафан, пояс, передник. «Основу комплекса женской одежды составляла холщовая рубаха, которую называли рукава, т.к. из-под сарафана видны были только они. Нижнюю часть рубахи называли стан, ее шили из более дешевого и часто неотбеленного холста» [21 с. 84]. Передник в сёлах Симбирского Поволжья называли *фартук* или *запон*. Запон подвязывали под мышками или на талии, по длине он был ниже колен. Пояс был неотъемлемой частью традиционного костюма, как мужского, так и женского.

В XX в. на смену сарафанам и рубахам пришли так называемые *пары* — приталенная кофта и расклешенная юбка из той же ткани: *па́ра* ‘комплект одежды, состоящий из двух предметов: кофты и юбки’ (*Шыли пары фсякие: и алые, и красные, как мак цвели, эта кофта и юпка.* Красная Река Старомайн.). Информант так описывает одежду своей бабушки в начала XX в.: *У фсех были в двенацать тачэй юпки. Бабушка гъворила: как жэ на мне держалась юпка в двенацать тачей? Стала быть, я была добра. Эта вот точ – эта мера длины. Запон вот фартук называлса. На голову абязательна какой-та павойник надевали, штоб валос не была, з завязачкай был, проста как шапкай.* Урено-Карлинское Карсун.

Подвенечный наряд невесты в начале XX в. уже редко представлял собой традиционную одежду (сарафан), часто это было платье или пара, т.е. юбка и кофта. [22, с. 482]. Таким образом, в сёлах Симбирского Поволжья было несколько вариантов свадебного наряда невесты. В некоторых сёлах Присурья он включал в себя сарафан и рукава: *С утра невесту одевали. Меня подруга одевала. Ран’ше вет’ в сарафанах замуш-то выходили. Одевали сарафан с мышками, жэнский ужэ, а не девичий, не поясали. На голуу шелковой полушалак одевали.* Инза Инзен. [22, с. 521]. В селе Аксаур Инзенского района сарафан называли *москали*, выбирали по цвету бордовый, алый или зеленый. Под него надевали рукава [там же]. В селе Палатово Инзенского района сарафан называли *московским*, он был «красного цвета в черную клетку, шёлковая шаль на плечах, шёлковая фата в полоску» [там же]. В селе Аргаш сарафан алого цвета называли *кумáшником* [там же]. Часто свадебный наряд представлял из себя пару — юбку и кофту: *Вот, например, я вот надявала, у миня юбка была бардова така, в две с палавиной то́чи. А кофта была розова пад винец.* Тяпино Инзен. [там же]. В селе Красная Река свадебная пара носила название *мордóвушки* ‘свадебный

наряд невесты, состоящий из длинной юбки и кофты': *Бывала у невесты не платье такие были, а пары, юбка да кофта, эть называлас' мордóвушки*. Красная Река Старомайн. Другим сохранившимся названием части женского свадебного наряда является *увáль* 'фата, которую надевали на голову невесты': *Надёвали вот юпку длинну и кофту такую, на голову невест'те надевали увал'*. Красная Река Старомайн.

Свадебный наряд невесты традиционно использовали и в качестве погребального костюма: *Падвенечный наряд да смерти бирягут. Вот ран'шы были рукава с брыжжáми. Кагда чилавек памрёт, жэницына, то эти рукава фсё равно наденут на неё*. Валгуссы Инзен. [22, с. 521]. *Одежда была: сарафан, рукава. У бабушки был синий сицэвый сарафан, он был двенацэт' тачей. А рукава – эт вот такая как рубаха ана, вот эти сами рукава были такие пышные, а зес' вот вырес и набрана, набрана. Ана фсё эта берегла на смер'т', ещё был у ней павойник ис синева сукна, лёхкай-лёхкай павойник на голува адеват' и тапъчки такие жэ были*. Коржевка Инзен.

Итак, из зафиксированных наименований традиционной женской одежды укажем следующие:

стан 'женская нижняя рубашка с верхом из ситца или шелка и нижней половиной из домотканого холста' (*З'дес' вот такая холицовая юпка и как кофта рукава пришивали, эт вот стан, юпка, а к ней пришивалас как бы кофточка ещё*. Никольское-на-Черемшане Мелекес.); интердиалектная лексема с вариативностью в значении;

станушка 'женская длинная рубаха' (*Вот жэницыны насили были ис халста шитьтые эти, называлас' ана станушка, длинная была ана, толстая такая, с рукавами*. Барановка Николаев.); интердиалектная лексема с вариативностью в значении;

рукава́ 'верхняя часть женской рубашки с широкими рукавами, которая пришивалась к стану' (*Вот свякрови – рукава. Рукава-та куплины сошйот ис сицца, был харошай ситец, харашы рукава-ти были*. Валгуссы Инзен. [22, с. 480]; *Стан сашйот и рукава, а фсё вмес'те эта называлась рубаха*. Коржевка Инзен.); интердиалектная лексема, именующая устаревшее в настоящее время понятие;

сукня́ 'сарафан из домотканого сукна' (*Сарафаны каки-та, ани блистяшы каки-та были, и зилёные, и эта, значът, фсяки. Вот тетя Мар'ка-т, ана сроду, барыней ана нарижалас'.* *Барыня и шиоки накрасит, губы накрасит, брови навидёт, каку-нибут' ишляпу зделат, вот в этих сукнях, в бывальшыных – эт барыня*. Аксаур Инзен. [22, с. 561]); данное наименование сарафана мотивировано видом ткани, из которой сшита одежда, в СРНГ зафиксировано с территориальными пометами «Ворон., Курск., Влад., Морд. АССР» [19, т. 42, с. 204];

запóн 'фартук' (*Нашы запоны носили прямые такие, носили так вот, пот поясам вот носили, тол'ка вот так вот ласкуток, а зачэм – не знаю, нашы носили прямые, а они – штобы рюшка была*. Большая Кандаля Старомайн.); интердиалектная лексема;

карма́н 'мешок, подвязываемый к одежде вместо кармана' (*Внис еще карман вот вешала, он привязывался, внизу на поясе; а потом вот еще пришивались карманы под юбку*. Никольское-на-Черемшане Мелекес.);

сбарёна юбка 'юбка со сборками' (*Збарёна юбка, она как татьянка, сбарёная просто на поясе*. Никольское-на-Черемшане Мелекес.);

подъю́бник 'нижняя юбка' (*Зимой надевали чулки, подъюбник, а трусов не надевали*. Рязаново Мелекес.); лексема имеет широкоупотребительный характер, мотивационным признаком наименования является функциональная особенность – порядок надевания;

ишлык 'головной убор, чепчик' (*Ана с хварас'тинай за нами! Баушка выбижыт в ишлыкé, юбка дуицца!* Утесовка Сур. [21, с. 368]); лексема имеет региональное

распространение, известна в Поволжье, А.Е. Аникин предлагает в качестве источника данного слова чувашские данные [15, с. 704];

повойник ‘головной убор замужней женщины’ (*На галаве павойник у бабушки был, сашйот, сазбарят, там стянута, вот так перекинут сюда.* Коржевка Инзен.); общеупотребительная, но устаревшая лексема.

К наименованиям женской одежды советского периода относятся:

татьянка ‘юбка на резинке или шнурке’ (*У неё был запон и юбка-татьянка на резиночке.* Крестово-Городище Чердаклин.);

платье татьянкой ‘платье на кокетке с присборенной на резинке талией’ (*А платье-татьянкой, эта вот верх какетка, ана уш пришита к этаму, а тут вот вшивалас’ резинка, ана палучалас зборкай.* Крестово-Городище Чердаклин.).

Большая часть лексем данной подгруппы является интердиалектной, хотя имеются и узколокальные лексемы (*москаль, сукня, шлык, мордовушки*).

Микрогруппа **наименований деталей женской одежды** включает следующие лексемы:

ошкур ‘пояс у юбки’ (*Длинные юпки, шэстиклинки, вас’миклинки, и в аснавном у нас насили на ошкуре юпки, призбарёна, ошкур.* Крестово-Городище Чердаклин.); лексема является интердиалектной, заимствована из тюркских языков [24, с. 255];

мышки ‘бретели у нижней женской нательной рубашки’ (*Платье у нас не была на мышках, тол’ка вот лиш начная рубашка, нижняя рубашка нател’ная, ана и нател’на, ана и в ней спали, вот, лифшыкаф ран’ше не насили, их не была, эта лишне излишыства.* Крестово-Городище Чердаклин.);

брыжжэи ‘оборки’ (*Вот ран’шы были рукава с брыжжэами. Кагда чилавек памрёт, жэницына, то эти рукава фсё равно наденут на неё.* Валгуссы Инзен. [22, с. 521]).

6. Менее многочисленными оказались **наименования мужской одежды и её деталей**.

Мужская одежда в конце XIX в. состояла из домотканой холщовой рубахи-косоворотки и штанов. Общерусская лексема **рубаха** является универсальным обозначением не только мужской, но и женской традиционной нательной одежды. Рубахи были длинные, почти до середины бедра, их носили поверх штанов и подпоясывали ремнем или опояской — тканым или плетеным поясом без кистей [21, с. 89]. В месте соединения рукава с боковыми клиньями вшивали прямоугольную вставку **ластовицу**, дающую возможность свободно поднимать руки. Важность данного элемента традиционного костюма подчёркивает фразеологизм **с рубашками ходить**, описывающий один из свадебных обрядов, во время которого приносили жениху рубашки и обменивали их на мыло для невесты (*А потом вот накануне топили баню деф’ки, невесту, значёт, ходили с рубашками, пойдут с рубашками к жэниху, рубашки оне утнесут жэниху, жэних даст мыла, веник, оне приходят, и невесту в баню уводят. Вот вымоют нынчэ невесту, фсё, а зафтра уш невесту събирают.* Старая Майна Старомайн.) В качестве обозначения мужской рубахи использовалась лексема **косоворотка** ‘мужская рубаха с косым воротом, то есть с разрезом сбоку’ (*Късаворотку носил дедушка очень долга, они никакие не рубашки, а късаворотки вот так вот.* Рязаново Мелекес.);

подштáнники;

шубные брюки (*Старики не то што, шубны брюки шыли, в кадушках дубили, солицы были, солицэв бочка была.* Старый Белый Яр Чердаклин.);

ватные брюки (*Ватные эти брюки были зимой, ватные.* Никольское-на-Черемшане Мелекес.);

малахай ‘теплая подбитая мехом шапка с широкими наушниками и плотно прилегающей к шее задней частью’ (*Эта малахай он называлса, был суконный, ис сукна, а у каво мех, мерлушка, аттарочку делали этим мехам.* Крестово-Городище Чердаклин.); лексема широко известна, особенно в восточных регионах, заимствована из монгольских языков [23, т. 2, с. 562];

баилык 1) ‘суконный капюшон, имеет длинные концы-лопасти для обматывания вокруг шеи’ (*Где твой баилык-та, доит’ вет’ идёт.* Крестово-Городище Чердаклин.); 2) ‘капюшон куртки, пальто’ (*Баилык-та на голову накин’!* Крестово-Городище Чердаклин.); общеупотребительная лексема, является тюркизмом [24, с. 72];

кушак ‘тканевый пояс’ (*Кучэр или конюх надеват зимой шубняк или чо ли, и он пьтпоясывалса кушаком.* Никольское-на-Черемшане Мелекес.); исследователи предполагают татарское влияние [24, с. 217];

ошкур ‘пояс от штанов в виде верёвки’ (*И вот Нютки Захарафскай мат’ села вир’хом на качиргу, матам выганяла, ошкур ат штанов и матам-матам, и вот повыгоняла и фсё.* Ждамирово Сур. [21, с. 361]); лексема является интердиалектной, широко распространена в Поволжье, на Урале, в Сибири, заимствована из тюркских языков [24, с. 255].

Таким образом, в данную подгруппу входят преимущественно широкоупотребительные лексемы, половина из них заимствована из тюркских языков.

7. Подгруппа **наименований обуви, её частей и приспособлений для её ношения.**

Традиционная обувь на Руси могла быть плетёной и кожаной, а в XIX в. получает распространение валяная обувь [14, с. 615]. Однако основная масса крестьян в конце XIX в. валенок не имела. Они стоили очень дорого, и даже крестьяне среднего достатка не всегда имели возможность их приобрести. Валяная обувь изготовлялась во всех средневожских губерниях. В частности, валяльный промысел был развит на северо-востоке Карсунского уезда [21, с. 94]. Как правило, во всех больших сёлах держали овец, были свои валяльщики, некоторые из них занимались и отхожим промыслом.

Именно материал, используемый при изготовлении обуви, является основным признаком для классификации наименований обуви. Традиционную обувь жители Поволжья носили довольно долго, даже после войны, поэтому и названия сохранились довольно хорошо. Общее наименование обуви – **обувка** (*Нас вот чытыри дочэри у матери-ти была, да фсем обуфку-одефку. Жыли!* Старый Белый Яр Чердаклин.). Крестьяне носили лапти русского типа — косога плетения с тупой головкой и высокими бортами, а также мордовские, татарские и чувашские, отличавшиеся по форме: с низкими бортами, без различия на левый и правый, при этом при износе одного лаптя не нужно было выбрасывать другой, еще годный к носке [21, с. 93]. Из **наименований плетёной обуви** в Симбирском Поволжье сохранились следующие:

лапти ‘плетёная обувь из лыка’ (*Ходили в лаптях, вот они коротен’кие, с оборами, портянки нужна обмотат’, оборуы вот так вот завязываш вот до сих пор.* Старая Майна Старомайн.);

ступни ‘глубокие лапти’ (*Ступни оне как лапти, тока повышэ гяляница, как вот татарские калошы бол’шы-ть, вот такие вот.* Ерыклинск Мелекес.); лексема распространена в севернорусских говорах, но наибольшее число фиксаций – в Поволжье [19, т. 42, с. 102], мотивационным признаком для данного слова является функциональная особенность – назначение;

чу́ни ‘разновидность лаптей’ (*Чуни оне вот повышэ были, да. Плели, лыка мочыли. Большая Кандаля Старомайн.*); лексема является интердиалектным наименованием различных видов крестьянской обуви.

Из наименований кожаной обуви зафиксированы следующие:

сапоги;

кало́ши, бахи́лы ‘низкая кожаная обувь’ (*З’дес’ были чэботари, шыли калошы. Она как катяга эт калоша, ис кожи шыли, выделывали, мастера были, бахилы такие. Мужыки бахилы и лапти носили. В них промочыш, в лаптях, ну бахилы надёвали ешиш. Старый Белый Яр Чердаклин.*); общеупотребительные лексемы;

чэ́боты ‘сапоги, ботинки’ – лексема является интердиалектной, возможно, тюркского происхождения [23, т. 4, с. 370].

Из наименований валяной обуви зафиксированы следующие:

чэ́санки ‘высокие тонкие валенки, которые носили с галошами’ (*Сапоги чосанки валяли, чосанки потон’шы сапок, сапоги толшэ валяли. Старый Белый Яр Чердаклин.*); лексема является интердиалектной, мотивационный признак связан с действием, в результате которого создаётся обувь (ср. *чеса́ть*);

ка́танки ‘низкая валяная обувь в виде калош’ (*Бес кислаты валяют вот катанки, или старикам. Да так, опорки вот делают, тапачки такие, вот как калошы, вот так вот дамáшши. Арское Ульяновск*); лексема является интердиалектной, мотивационный признак связан с действием, в результате которого создаётся обувь (ср. *ката́ть*);

опо́рки ‘валенки с обрезанными голенищами’ (*Да так, опорки вот делают...* Арское Ульяновск); лексема является интердиалектной, мотивационный признак связан с действием, в результате которого создаётся обувь (ср. *отпоро́ть*);

коти́ ‘валеная обувь с короткими голенищами’ (*Каты как туфли, тожэ с заваротиками зделают, на сенакос хадили летам. Валенък длинный, а эт вот такой длины. Большая Кандарать Карсун.*); интердиалектная лексема, предположительно, финно-пермского происхождения [23, т. 2, с. 354];

кали́шки ‘низкая валяная обувь’ (*По сих пор вот кали́шками валяли называли, и ма́нен’ки кали́шки валяли. Старый Белый Яр Чердаклин.*); лексема используется в севернорусских говорах и в русских говорах Поволжья, но обозначает, как правило, обувь из кожи [19, т. 12, с. 354];

сапоги, валяные сапоги ‘валенки’ (*Называли съпоги валенки, не знали, што за валенки, а если калошы наденеш – эт чосанки значыт. «Хорошо тебе пристали чосанки с калошами, у тебя губа трясеца, как у старой лошади!» Большая Кандаля Старомайн.*)

Из других видов обуви зафиксированы следующие:

чу́ни ‘матерчатые стёганные сапоги на вате’ (*Чуни эт обуфка: эта суконна, прѣдавали фабришны чуни, пѣкупали мы зимой, носки наденеш и эти чуни, и в валенки ноги-ти, штоп не зябли. Никольское-на-Черемшане Мелекес.*); лексема является интердиалектным наименованием различных видов крестьянской обуви;

чу́ньки ‘вязаные домашние тапочки из овечьей шерсти’; интердиалектное наименование различных видов обуви;

литу́шки ‘калоши из литой резины’ (*Калошы, а калошы были какеи – литушки, сами лили, такех-та не была. Старый Белый Яр Чердаклин.*); узколокальная лексема, мотивирующим признаком лексемы в данном случае является способ производства обуви.

Зафиксированы также названия частей обуви и вспомогательных приспособлений для ношения обуви: *Лапти были: эт галава, ушники́, где аборы прахадили, над вдеват’*,

ушники называли, тут задник, там взденеш эту нитку-та в задник, перехлеснёш, завяжеш в ушники. Анучы, суконки, ткали их из сукна, делали суконки, а эти вот, партянки – ис канавли, канавли мяли, патом пряли, ткали, патом партянки делали. Партянки и анучи – эт адно и то жэ (Коржевка Инзен.).

В микрогруппе **наименований частей обуви** и приспособлений для ношения обуви зафиксированы следующие слова:

обóра ‘завязка у лаптей и другой обуви, прикрепляющая обувь к ноге’ (*Ходили в лаптях, вот они коротен’кие, с оборами, партянки нужна обмотат’, обóры вот так вот завязываиш вот до сих пор.* Старая Майна Старомайн.); интердиалектная лексема, в настоящее время устаревшая;

ушники́ ‘специальные дужки у лаптей, за которые цеплялись верёвочки, обóры’ (*Вот и лапти были, от них ушники́ были: верёвочки фставляли и лапти запутавали.* Красная Река Старомайн.); интердиалектная лексема, мотивированность данного наименования основана на переносе значения на основании внешнего сходства;

запýтник ‘задник, пришиваемый на пятку валенка’ (*Кода износиш ево, валенак, пýтшывали ево, я тожэ пýтшывал. На пятку делали запятники, износица фсё, кода пýтшываиш, то запятники.* Красная Река Старомайн.); лексема используется в русских говорах Поволжья, Урала и Зауралья [19, т. 10, с. 375]; мотивирующим признаком лексемы в данном случае является место нахождения детали;

козырёк ‘удлиненная спереди часть голенища валенка, прикрывающая колено’ (*Вот чосанки чэтыре с пýловинай, а мушские сапоги шэс’т’ фунтаф, с казыр’ками сваяиш, оне тёплы.* Красная Река Старомайн.); лексема является узколокальной (или слабо отражена в диалектных словарях); мотивированность данного наименования основана на переносе значения на основании внешнего сходства;

онúча ‘портянка’ (*Анучы – эта кагда ещё хадили в лаптях, или вот сандалеты самашытые, в них тожэ ещё магли адет’ анучы, та жэ партянка, ток ануча называеца. Её наматывали на голую ногу, у ануч были крест-накрест верёвочки.* Крестово-Городище Чердаклин.); лексема общеупотребительная, но в настоящее время является устаревшей;

портýнка ‘кусок ткани для обматывания ног’ (обычно заменяющий носки) (*Верёвочки фставляли и лапти запутавали, обувалис, партянки были.* Красная Река Старомайн.); лексема является общеупотребительной.

Из **наименований старой, ветхой обуви** можно отметить:

осмёток ‘изношенный лапоть’ (*Фсе асмётки сабирала, заместа машын бýла, пясок вазили в этих лаптях. Вот за вирёвачку привяжыи йих, лапти, эта играли.* Кадышево Карсун. [21, с. 545]); лексема является интердиалектной, используется в южнорусских говорах и русских говорах Поволжья;

чýни ‘обувь, которая велика по размеру, так как досталась от старших’ (*Чуни эта вот увеличэные, што л’, пýтому шта они не по размеру. Пýтому шта после дедушýк, после бабушýк детям дýставалас, от старшых брат’йеф-сестёр.* Крестово-Городище Чердаклин.); интердиалектная лексема со множеством значений.

В подгруппе наименований обуви имеется значительное число интердиалектных и даже общеупотребительных лексем (*чуни, партянка, онуча, чёботы, чёсанки, бахилы*), а также отдельные региональные (*ступни, калишки*) и узколокальные лексемы (*козырёк, литушки*).

Заключение. Исследование выявило определённую степень сохранности наименований традиционной одежды и обуви в русских говорах Симбирского Поволжья даже в конце XX – начале XXI вв. Это связано не столько с использованием

соответствующих реалий по назначению, сколько с возникновением новых традиций применения старинной крестьянской одежды для ряжения во время разнообразных праздников. Сохранность лексики обуви, верхней одежды также может быть связана с существовавшими в течение долгого времени традициями производства соответствующих вещей в Поволжье и Приуралье.

В изученной тематической группе слов выявлены результаты этноязыкового взаимодействия: лексемы *чапан, ошкур, башилык, армяк, зипун, шлык* в русских говорах были заимствованы вместе с реалиями из тюркских языков, *малахай* – из монгольских языков. Результатом иноязычного влияния также могут быть лексемы *шобоны / шоболы*.

Значительная часть наименований традиционной одежды и обуви в настоящее время могут быть квалифицированы как устаревшие лексемы и даже историзмы (*зипун, армяк, опашень, стан, сукня, камлотка* и др.), некоторые дифференциальные семы в их значениях могут быть утеряны. Часть выявленных лексем имеет региональное распространение, как правило, это наименования продукции региональных производителей (ремесленников, артелей, мастерских). К этому разряду относятся такие наименования, как *чапан, покрывная шаль, носовая шаль, низовка, чёсанки, калишки, чуни*. Встречаются и лексемы локального распространения: *манарка, мордовушки, москали, литушки*.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ РАЙОНОВ УЛЬЯНОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Инзен. – Инзенский
 Карсун. – Карсунский
 Мелекес. – Мелекесский
 Николаев. – Николаевский
 Старомайн. – Старомайнский
 Сур. – Сурский
 Чердаклин. – Чердаклинский

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баженова Т.Е. Лексика самарских говоров: типологическое и лексикографическое описание: монография / Т.Е. Баженова. – Самара: Изд-во СГСПУ, 2017. – 190 с.
2. Баженова Т.Е. Наименования одежды и обуви в самарских говорах / Т.Е. Баженова // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2018. – Т. 10, вып. 1. – С. 5–13. doi 10.17072/2037-6681-2018-1-5-13
3. Вановская Л.А. Семантика русской одежды (на материале тамбовских говоров): автореф. дисс. ... канд. филол. наук: спец. 10.02.01 «Русский язык» / Л.А. Вановская. – Тамбов, 2003. – 24 с.
4. Васильченко А.А. Искусство традиционного вязаного платка Южного Урала и Поволжья: автореф. дис. ... кандидат. искусствоведения: спец. 17.00.04 «Изобразительное и декоративно-прикладное искусство и архитектура» / А.А. Васильченко. – Москва, 2013. – 31 с.
5. Зверева Ю.В. Проблемы создания тематического словаря «Традиционная одежда и обувь жителей Пермского края» / Ю.В. Зверева // Славянская диалектная лексикография: материалы конф. – СПб.: Нестор-История, 2014. – С. 56–57.
6. Кошарная С.А. О названиях некоторых традиционных видов одежды, входящей в женский костюм Белгородской области / С.А. Кошарная // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 1995. – СПб.: ИЛИ РАН, 1998. – С. 186–190.
7. Крылова О.Н. Наименования верхней женской одежды в севернорусских говорах: ономазиологический и семасиологический аспекты: автореф. дисс. ... канд. филол. наук: спец. 10.02.01 «Русский язык» / О.Н. Крылова. – СПб., 2002. – 23 с.
8. Мерцалова М.Н. Поэзия народного костюма / М.Н. Мерцалова. – 2-е изд. перераб. и доп. – М.: Молодая гвардия, 1988. – 224 с.
9. Мокшин Н.Ф. Одежда / Н.Ф. Мокшин, А.С. Лузгин // Мокшин Н.Ф. Мордва: мокша и эрзя / Н.Ф. Мокшин, А.С. Лузгин. – Саранск: Мордовское книжное изд-во, 2008. – С. 99–111.

10. Мызников С.А. Русские говоры Среднего Поволжья: Чувашская Республика, Республика Марий Эл / С.А. Мызников. – СПб.: Наука, 2005. – 636 с.
11. Назарова И.В. Лексика женских головных уборов в говорах юга Нижегородской области: автореферат дис. ... канд. филол. наук: спец. 10.02.01 «Русский язык» / И.В. Назарова. – Киров, 2008. – 17 с.
12. Осипова Е.П. Наименования одежды в рязанских говорах (этнолингвистический и лингвогеографический аспекты): автореф. дисс. ... канд. филол. наук: спец. 10.02.01 «Русский язык» / Е.П. Осипова. – М., 1999. – 26 с.
13. Русский традиционный костюм: иллюстрированная энциклопедия / авт.-сост. Н. Соснина, И. Шангина. – СПб.: Искусство-СПб., 1998. – 399 с.
14. Толкачева И.В. Диалектные названия обуви в нижегородских говорах / И.В. Толкачева // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2014. – СПб.: Нестор-История, 2014. – С. 615–625.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

15. Аникин А.Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири: Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. – Москва; Новосибирск: Наука, 2000. – 768 с.
16. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка под редакцией И.А. Бодуэна де Куртене. – Тт. 1–4. – СПб.–М., 1903–1909.
17. Малеча Н.М. Словарь говоров уральских (яицких) казаков. – В 4-х тт. – Оренбург: Оренбург. кн. изд-во, 2002.
18. Словарь русских говоров на территории Республики Мордовия. – Чч. I–II. – СПб.: Наука, 2013.
19. Словарь русских народных говоров / под ред. Ф.П. Филина, Ф.П. Сороколетова, О.Д. Кузнецовой, С.А. Мызникова. – М.; Л.; СПб.: Наука, 1965–2021. – Вып. 1–52.
20. Словарь современного русского литературного языка: в 17 тт. М.–Л., 1948–1965.
21. Традиционная культура Ульяновского Присурья. Этнодиалектный словарь. Том 1 / Колл. авт. И.С. Кызласова (Слепцова), А.П. Липатова, М.Г. Матлин, И.А. Морозов, Е.В. Сафронов, М.П. Чередникова и др. — М.: «Индрик», 2012. — 656 с.
22. Традиционная культура Ульяновского Присурья. Этнодиалектный словарь. Том 2 / Колл. авт. И.С. Кызласова (Слепцова), А.П. Липатова, М.Г. Матлин, И.А. Морозов, Е.В. Сафронов, М.П. Чередникова и др. — М.: «Индрик», 2012. — 656 с.
23. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4-х тт. / Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. – 2-е изд., стер. – М.: Прогресс, 1987.
24. Шипова Е.Н. Словарь тюркизмов в русском языке. – Алма-Ата: Наука, 1976. – 444 с.

REFERENCES

1. Bazhenova T.E. (2017). Leksika samarskih govorov: tipologicheskoe i leksikograficheskoe opisaniye: monografiya [Vocabulary of Samara dialects: typological and lexicographic description: monograph]. Samara: Izd-vo SGSPU, 190 p. (In Russian)
2. Bazhenova T.E. (2018). Naimenovaniya odezhdy i obuvi v samarskih govoraх [Names of clothes and shoes in Samara dialects] in Vestnik Permskogo universiteta. Rossijskaya i zarubezhnaya filologiya [Bulletin of the Perm University. Russian and foreign philology], 10 (1), pp. 5–13. doi 10.17072/2037-6681-2018-1-5-13 (In Russian)
3. Vanovskaya L.A. (2003). Semantika russkoj odezhdy (na materiale tambovskih govorov) [Semantics of Russian clothes (based on the material of Tambov dialects)] (Doctoral dissertation). Tambov State University, Tambov (In Russian)
4. Vasil'chenko A.A. (2013). Iskusstvo tradicionnogo vyazanogo platka Yuzhnogo Urala i Povolzh'ya [The art of the traditional knitted shawl of the Southern Urals and the Volga region] (Doctoral dissertation). Moskva. (In Russian)
5. Zvereva Yu.V. (2014). Problemy sozdaniya tematicheskogo slovaryа «Tradicionnaya odezhda i obuv' zhitelej Permskogo kraя» [Problems of creating a thematic dictionary "Traditional clothes and shoes of residents of the Perm region"]. Slavyanskaya dialektnaya leksikografiya: materialy konf. [Slavic dialect lexicography: materials of the conference]. Saint-Petersburg: Nestor-Istoriya, pp. 56–57 (In Russian)
6. Kosharnaya S.A. (1998). O nazvaniyah nekotoryh tradicionnyh vidov odezhdy, vkhodyashchej v zhenskij kostyum Belgorodskoj oblasti [About the names of some traditional types of clothing included in the women's costume of the Belgorod region] in Leksicheskij atlas russkih narodnyh govorov (Materialy i issledovaniya) [Lexical Atlas of Russian vernacular dialects (Materials and research)]. Saint-Petersburg: ILI RAN, pp. 186–190 (In Russian)

7. Krylova O.N. (2002). Naimenovaniya verhnjej zhenskoi odezhdy v severnorusskikh govorah: onomasiologicheskij i semasiologicheskij aspekty [Names of women's outerwear in Northern Russian dialects: onomasiological and semasiological aspects] (Doctoral dissertation). Saint-Petersburg. (In Russian)
8. Mercalova M.N. (1988). Poeziya narodnogo kostyuma [Poetry of folk costume]. Moscow: Molodaya gvardiya, 224 p. (In Russian)
9. Mokshin N.F. (2008). Mordva: moksha i erzya [Mordvins: Moksha and erzya]. Saransk: Mordovskoe knizhnoe izd-vo, pp. 99–111 (In Russian)
10. Myznikov S.A. (2005). Russkie govory Srednego Povolzh'ya: Chuvashskaya Respublika, Respublika Marij El [Russian dialects of the Middle Volga region: The Chuvash Republic, the Republic of Mari El]. Saint-Petersburg: Nauka, 636 p. (In Russian)
11. Nazarova I.V. (2008). Leksika zhenskikh golovnykh uborov v govorah yuga Nizhegorodskoj oblasti [The vocabulary of women's hats in the dialects of the south of the Nizhny Novgorod region] (Doctoral dissertation). Kirov, 17 p. (In Russian)
12. Osipova E.P. (1999). Naimenovaniya odezhdy v ryazanskikh govorah (etnolingvisticheskij i lingvogeograficheskij aspekty) [Clothing names in Ryazan dialects (ethnolinguistic and linguogeographic aspects)] (Doctoral dissertation). Moscow. (In Russian)
13. Sosnina N., Shangina I. (1998). Russkij tradicionnyj kostyum: illyustrirovannaya enciklopediya [Russian Traditional costume: an illustrated encyclopedia]. Saint-Petersburg: Iskusstvo-SPb, 399 p. (In Russian)
14. Tolkacheva I.V. (2014). Dialektnye nazvaniya obuvi v nizhegorodskikh govorah [Dialect names of shoes in Nizhny Novgorod dialects] in Leksicheskij atlas russkikh narodnykh govorov (Materialy i issledovaniya) [Lexical Atlas of Russian vernacular dialects (Materials and research)], 2014. Saint-Petersburg: Nestor-Istoriya pp. 615–625 (In Russian)

Поступила в редакцию 30.08.2024 г.

NAMES OF CLOTHES AND FOOTWEAR IN RUSSIAN DIALECTS OF THE SIMBIRSK VOLGA REGION: ETHNOLINGUISTIC AND AREAL ASPECTS

Y.V. Myznikova

This article deals with a thematic group of names of clothes and footwear in the Russian dialects of the Ulyanovsk region. The relevance of singling out and studying this group of vocabulary is associated with the rapid disappearance of traditional names from the speech and memory of dialect speakers. In addition to the traditional classification of lexemes within a group and the study of motivational features of lexemes, the ethnolinguistic approach has been pursued in this study uses, and functional, areal, and etymological aspects have been considered. The research showed a certain degree of preservation of some traditional names of clothes and footwear due to the existing tradition of using old peasant clothes for mummery during different holidays. The observation made can also be accounted for by a long tradition of producing some items of clothes and footwear in the Volga region. The results of linguistic interaction have been revealed in the group of words under analysis. Among the names of clothes and footwear in the Russian dialects of the Simbirsk Volga region, some of the lexemes can be identified as historicisms, some as regional lexical elements, and some as local elements.

Keywords: ethnocultural aspect, areal aspect, dialect vocabulary, names of clothes, names of footwear, Russian dialects of the Simbirsk Volga region, ethnocultural interaction, language contacts, historicisms.

Мызникова Янина Валерьевна.

Кандидат филологических наук.

Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург.

Доцент кафедры русского языка.

ORCID 0000-0003-1092-8219.

E-mail: janinam@mail.ru

Myznikova Yanina Valeryevna.

Candidate of Philology.

Saint-Petersburg State University, Russian Federation, Saint-Petersburg.

Associate Professor of Department of Russian Language.

ORCID 0000-0003-1092-8219.

E-mail: janinam@mail.ru

Научная статья

УДК 81'367.4

DOI: 10.5281/zenodo.13996907

АББРЕВИАЦИЯ КАК СПОСОБ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ ВОЕННОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ В РЕАЛИЯХ СОВРЕМЕННОГО ДОНБАССА (НА МАТЕРИАЛЕ ТЕКСТОВ СМИ)

© 2024 *Р.Н. Назар*

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донбасская национальная академия строительства и архитектуры»
ORCID 0009-0008-9910-5123*

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru>

В статье рассмотрена аббревиация как один из способов словообразования русской военной терминологии и его отражение в текстах СМИ. Описаны понятия «аббревиатура» и «аббревиация», представлена классификация военных аббревиатур и выявлены особенности их образования. Из текстов СМИ ДНР, таких как: телеканалы «Первый Республиканский», «Юнион», «Оплот», «Вести Донецк», электронных агентств «РИА Новости: СВО», ДАН (Донецкое Агентство Новостей) выбраны и проанализированы наиболее и наименее продуктивные военные аббревиатуры в текстах донецких журналистов и их лексикографическое отображение, что обеспечивает актуальность данного исследования. В работе использованы методы лингвистического описания, направленной выборки, классификации и компонентного анализа. Сформулированы выводы об особенностях образования и о классификации военных аббревиатур на типы и подтипы.

Ключевые слова: язык, аббревиатура, аббревиация, военная аббревиатура, СМИ, сложносокращенное слово, типология аббревиатур.

Для цитирования: Назар Р.Н. Аббревиация как способ словообразования военной терминологии в реалиях современного Донбасса (на материале текстов СМИ) / Р.Н. Назар // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. – 2024. – № 4. – С. 76-88. – <https://doi.org/10.5281/zenodo.13996907>.

Введение. Язык – явление социальное и национальное, он даёт возможность коммуникации и объединения людей, координирует и регулирует межличностные отношения, практическую деятельность, социальное взаимодействие. Язык позволяет воспроизводить информацию, накапливать и хранить результаты исторического опыта народа и личности в отдельности, формировать индивидуальное и общественное сознание. Отражением языка являются средства массовой информации (СМИ). Они неограниченно влияют на жизнедеятельность общества, проникают во все сферы и выполняют такие функции, как информационная, мобилизационная, просветительская, рекреационная и др.

Для современной лингвистики актуально изучение сложносокращенных слов и аббревиатур еще с 1917 г. Данная лексика по-прежнему стремительно входит в словарный запас современного человека. Аббревиация характерна для общения, профессиональной коммуникации и текстов современных СМИ в целом.

Целью нашего исследования является изучение употребления и продуктивности в текстах СМИ Донбасса военных аббревиатур, а также их характеристика.

Материалы и методы исследования. На материале текстов СМИ ДНР, таких как: телеканалы «Первый Республиканский», «Юнион», «Оплот», «Вести Донецк», электронных агентств «РИА Новости: СВО», ДАН (Донецкое Агентство Новостей), используя методы лингвистического описания, направленной выборки, классификации и компонентного анализа, необходимо выбрать и проанализировать наиболее и наименее продуктивные военные аббревиатуры в текстах донецких журналистов и их лексикографическое отображение, что обеспечивает актуальность данного исследования.

Основная часть. Аббревиатуры, сокращения и сокращенные слова в активном словаре современных языков представлены в большом количестве и применяются в устной и письменной речи.

Во многих тематических сферах сокращения занимают доминирующее положение. Наиболее продуктивным способом компрессии многословных названий – это создание аббревиатур и сложносокращенных слов. Аббревиатуры в языке имеют ярко выраженное свойство имплицитности. Автор или говорящий стремятся, при помощи минимума языковых средств, сократить сообщаемый реципиентам текст, используя при этом аббревиатуры и сокращения в качестве синонимов тех слов или номинаций, от которых они образованы. Значительную экономию на уровне текста дает увеличение языкового кода и происходит это за счет аббревиатур. Благозвучность является важным условием их закрепления.

В лингвистике аббревиация считается наиболее продуктивным способом создания дериватов, источником неологизации языка. Типология аббревиатур и сам процесс аббревиации в русистике описаны с точки зрения семантики, структуры, прагматики, орфоэпии, грамматики, регионалистики в работах Д.И. Алексеева [1], Н.Н. Алексеевой, А.В. Андроновой [2], В.В. Борисова, Ю.Д. Апресяна, Е.А. Бирюковой [3], А. Вежицкой, В.В. Виноградова [4], В.Е. Гольдина, Ю.В. Горшунова, Д.С. Данилина [5], В.В. Дементьева, Е.А. Дюжиковой, Е.А. Земской [6], В.И. Карасика, Л.Ю. Касьяновой [7], А.Д. Краева, А.С. Комаловой [8], О.Г. Косарева, Е.С. Кубряковой, А. Ле [9], Я. Ли [21], В.В. Лопатина [15; 22], Р.Р. Мавлеева [5], Р.И. Могилевского, А.С. Мурычева, Э.Р. Мустафиновой, Т.Г. Нургалеевой [11], Е.Н. Ожогина, Е.Д. Поливанова, О.А. Поповой [12], Г.Г. Почепцова, Н.Н. Ракитиной [13], Д.Э. Розенталя [14], В.А. Рязановой [16], Н.О. Светличной [17], О.Б. Сиротиной, В.И. Теркулова [18], М.И. Тиболовой [19], А.Н. Тихонова, И.С. Улуханова, С.В. Фадеева [31], М.А. Федоровой [20], Л.О. Чернейко [21], И.Н. Чуриловой [21], М.А. Хасеновой, А.П. Шаповаловой, Н.Ю. Шведовой [15; 22], М.А. Ярмашевич [23] и др.

Лингвисты, изучая исторический процесс развития языка, пришли к выводу, что категория краткости отличает аббревиатуры и сокращенные слова от базовых имён.

По их мнению, аббревиатурные процессы в русском языке необходимо рассматривать многоаспектно: значение и семантизация внутренней формы, деривационные, мотивационные и парадигматические отношения, дискурсивная и информационная обусловленность. Исследуя аббревиацию, как тенденции деривации и неологизации языка, необходимо обращать внимание на различные аспекты типологии аббревиатур: продуктивность, лексическое значение, словоупотребление, новизну, архаичность и др. В публицистическом дискурсе аббревиатуры представлены достаточно широко и интересны для лингвистов.

Единой классификации аббревиатур в лингвистике не существует, они многочисленны, различны и неоднородны, что открывает достаточно большое поле для исследований.

В русской лингвистике В.В. Виноградов одним из первых разделил сложносокращенные слова на слоговые и инициальные аббревиатуры. А слоговые аббревиатуры, в свою очередь, на три подтипа слов составленных из полного слова или его части; начальных звуков или основ слов и слоговой части; слоговой части и начальных звуков полных слов. И на три подтипа инициальные: буквенная, звуковая, смешанная (буквенно-звуковая) [4].

В свою очередь, Н.Ю. Шведова и В.В. Лопатин выделяют шесть типов аббревиатур: 1) инициальные; 2) сочетания начальных частей слов; 3) смешанные, совмещающие элементы двух предыдущих; 4) сочетания начальной части слова (слов) с целым словом; 5) сочетания начальной части слова с формой косвенного падежа существительного; 6) сочетания начала первого слова с началом и концом второго [15, с. 252; 22, с. 175].

Д.Э. Розенталь, обобщая классификации В.В. Виноградова, В.В. Лопатина и Н.Ю. Шведовой, отдельно типизирует аббревиатуры как буквенные, звуковые и буквенно-звуковые или смешанные, т.е. образованные из сочетания начальных букв или звуков. А сложносокращенные слова – слоговые аббревиатуры – сочетания начальных частей слов; смешанные аббревиатуры; слого-словные аббревиатуры – сочетания начальной части и несокращенного целого слова; аббревиатуры – сочетания начальной части слова с формой косвенного падежа существительного; аббревиатуры – сочетания начала первого слова с началом и концом второго [14, с. 238].

С.В. Фадеев выделяет следующие типы сокращений русского языка: 1) аббревиатуры – инициальные буквенные сокращения: *МИД, ОМОН, ФРГ, США, вуз* и др.; 2) сложносокращенные слова слогового типа: *авиапром, лесхоз, Роскомвод* и др.; 3) сложносокращенные слова смешанного образования, состоящие из сочетаний буквенных аббревиатур с усеченными частями слов: *КамАЗ, БелАЗ, КраАЗ, МинЧС* и др.; 4) частичносокращенные слова, включающие часть основы и полное слово: *Минобороны, начштаба, Госкомимущество, санэпиднадзор* и др.; 5) некоторые наиболее продуктивные инициальные слоговые элементы сложносокращенных слов: *авиа..., агро..., эвако..., бое...* и др.; 6) условные графические сокращения, в которых отсеченная часть слова обозначается либо точкой (*т.е., т.к., в., чел.*), либо косой чертой (*б/у, п/и, к/ф*), либо дефисом (*лит-ра, изд-во, пр-во*); 7) графические сокращения, образованные путем удаления гласных: *млн, млрд, трлн* и др.; 8) сокращения единиц измерения: *м, кг, т, мин, Вт, А/м, Кл • м* и др.; 9) заимствованные из других языков аббревиатуры, которые образованы методом транслитерации соответствующих сокращений с языка оригинала: *НАТО (NATO), ФИДЕ (FIDE), ФИФА (FIFA)* и др. [31, с. 6].

На основе определения особенностей семантики, структуры и функционирования объекта Н.Н. Алексеева классифицирует аббревиатуры в ретроспективном плане, как: инициальные единицы, слитки, усечения, частично сокращенные слова и эллипсис.

М.А. Хасенова подразделяет аббревиатуры на графические, лексические и цифровые. Графические – простые и комбинированные; лексические – инициальные единицы, усечения, слоговые сокращения (инициально-слоговые, комбинированные, контаминации).

Сложные слова, используемые вместо многокомпонентных словосочетаний, стяжения, многочисленные виды сокращений одного слова или словосочетания (усечения различных типов, акронимы, алфаветизмы, эллипсис, компрессия), графические и лексические сокращения, контрактуры слов, как типы сокращений, выделяет А.П. Шаповалова.

М.А. Федорова и И.Н. Чурилова выделяют модели образования инициальных аббревиатур по количеству компонентов: М-2, М-3, М-4, М-5, М-6, М-7, М-8 ... М-56 [21, с. 236].

Поскольку аббревиатуре присуща полноценная номинативная функция, аббревиатуры, употребляющиеся в текстах СМИ, можно классифицировать по следующим критериям: 1) происхождение; 2) способ образования; 3) сфера употребления; 4) степень употребительности; 5) особенности референции.

В зависимости от того, какое явление, предмет действительности, сферу употребления характеризуют или называют аббревиатуры, их можно разделить на целый ряд тематических групп. Классификация групп, по которым могут быть распределены аббревиатуры, очень подвижна, границы её проницаемы, они во многом определяются особенностями эпохи, политическими и идеологическими факторами и являются производными для аббревиатур.

Донбасс – многонациональный и мультикультурный регион. Донецкая речь никогда комплексно научно не изучалась, существовали лишь отдельные попытки. С 2014 г. в лексике Донбасса широкое распространение получила военная терминология, которая со временем в целях экономии трансформировалась в военные аббревиатуры.

Вооружение, военная техника, вооруженные силы, их совершенствование, научно-техническое развитие на современном этапе приводят к проявлению определенных процессов, и это обуславливает образование новых слов для их обозначения.

Применение сокращений и аббревиатур при разработке военных документов и устной речи – одна из технологий в системе управления войсками, обеспечивающая ускорение разработки оперативных документов, сокращение времени при передаче содержания по техническим средствам связи, нанесение обстановки на планы, карты, схемы. В системе Министерства обороны РФ существует ряд документов, директив, предназначенных для распорядительно-исполнительной деятельности органов военного управления как в мирное, так и в военное время.

Также военная аббревиатура имеет лексикографическую основу. Данный тип аббревиатур можно встретить в различных словарях, например: Д.И. Алексеев «Словарь сокращений русского языка» (1984), Н.Н. Новичков «Словарь современных русских сокращений и аббревиатур» (1995), С.В. Фадеев «Тематический словарь сокращений современного русского языка» (1998), И.В. Фаградянц «Новые сокращения в русском языке 1996–1999» (2000), А.А. Щелоков «Словарь сокращений и аббревиатур армии и спецслужб» (2003), Г.С. Складневская «Словарь сокращений современного русского языка» (2004), В.И. Грицык «Словарь аббревиатур. Транспорт, строительство, экономика, менеджмент, маркетинг, системотехника, информатика, геоинформатика» (2009), И.А. Елисеев «Словарь аббревиатур и акронимов русского языка» (2015), Н.Н. Тютюнников «Краткий словарь военных сокращений: около 5000 сокращений» (2020) и др. [10, с. 122].

С развитием науки и техники, цифровизацией аббревиатуры представлены также на просторах сети Интернет, например, «Словари и энциклопедии "Академик"» (<https://academic.ru>), «Расшифровка аббревиатур» (<https://словобот.рф>), «Расшифровка аббревиатур» (<https://rasshifrovka-abbreviatur.ru>), «Словарь сокращений» (<https://sokr.ru>, студия Артемия Лебедева), «Справочно-информационный портал русского языка» (<https://gramota.ru>), «Словарь сокращений и аббревиатур русского языка» (<https://словарь-сокращений.рф>), «Словарь сокращений русского языка (сводный)» (<https://rus-yaz.niv.ru>), «Словарь сокращений и аббревиатур русского языка»

(<https://sokrascheniya.ru>), «Список общепринятых сокращений русского языка» (<https://popravilam.com>blog/sokrascheniya-osnovnye.html>), «Электронный словарь стандартизованных сокращений на русском и 25 иностранных европейских языках для библиографических записей» (<https://gpntb.ru>deyatelnost/339...slovar...sokraschenij.html>), «Русские словари» (<https://slovari.ru>), «Новейший словарь аббревиатур русского языка» (<https://netter.ru>), «Краткий словарь военных аббревиатур и сокращений» (http://vrazvedka.ru/index.php?id=35&Itemid=6&option=com_content&view=article) и др. [10, с. 122].

Н.Н. Тютюнников считает, что для уменьшения объема оперативных (боевых) документов используются следующие основные требования сокращения слов и словосочетаний [30, с. 7–9]:

1. Аббревиация – слова и словосочетания сокращаются путём усечения конечной части, удалением срединной и использованием первых букв слов, что отражается на протяжении всего текста одинаково.

2. Усеченное сокращение слов и словосочетаний точно и безошибочно позволяет восстанавливать полное слово. В оперативных (боевых) документах, как правило, в отличие от других военных документов и изданий, установленные сокращения пишутся без точки.

3. Аббревиатура чаще всего образуется из первых букв слов, входящих в словосочетание. Для обозначения видов и родов войск Вооруженных Сил, родов войск (сил) и специальных войск, оперативно-стратегических, оперативных и оперативно-тактических объединений, центров, заводов, арсеналов, баз, складов и других организаций, госпиталей, узлов, пунктов, постов, временных формирований, образцов, марок, комплексов вооружения, военной техники, должностных лиц и терминологии общего назначения применяются прописные буквы. А строчные буквы – для обозначения соединений, частей и подразделений, организационно-штатных формирований в тактическом звене, пояснениях об их назначении, классов (подклассов) кораблей и судов ВМФ, сокращения ряда общепринятых терминов.

4. В случае одинакового сокращения различных словосочетаний, к начальным буквам допускается дополнение одной или нескольких последующих. Замена словосочетаний сокращениями не допускается, если одинаковые сокращения применяются в тексте документа для различных сочетаний, когда возможно различное толкование текста.

5. В сокращения не переходят союзы и предлоги, а приставка *против* и отрицание *не* в аббревиации рассматривают как самостоятельные элементы словосочетания.

6. Аббревиатура должна содержать минимально необходимое число букв, и, по возможности, удобно произноситься.

Данные требования дополняются, изменяются и уточняются в уставных военных документах (уставах, наставлениях и пр.). Применение сокращений слов и словосочетаний при разработке оперативных (боевых) документов, как правило, является обязательным. Звуковая передача этих сокращений не рекомендуется. Сокращенные обозначения (аббревиатуры, усечения) не применяются в телефонограммах, радиограммах, семафорах, т.е. в тех случаях, когда при передаче они могут быть искажены. Основные сокращения, применяемые в оперативных (боевых) документах, прилагаются к уставным военным документам по управлению войсками.

На основе СМИ ДНР, таких как: телеканалы «Первый Республиканский», «Юнион», «Оплот», «Вести Донецк», электронные агентства «РИА Новости: СВО»,

ДАН (Донецкое Агентство Новостей), методом сплошной выборки было отобрано около 100 военных аббревиатур, среди которых выделены 44 разнокомпонентные аббревиатуры, которые наиболее часто встречаются в текстах (данные представлены в таблице 1).

Таблица 1.

Употребление аббревиатур военной тематики в СМИ ДНР

Аббревиатура	Первый Республиканский телеканал	Телеканал «Юнион»	Телеканал «Оплот»	«РИА Новости: СВО»	«Вести: Донецк»	ДАН (Донецкое Агентство Новостей)
АК-12	2	2	5	3	1	-
АК-74	6	3	3	3	1	1
АКМ	30	2	25	1	-	5
БМП	198	34	197	44	3	88
БПЛА	329	188	254	80	315	152
БТР	52	6	61	9	1	38
ВДВ	70	22	31	19	-	7
ВКС	428	55	213	21	5	75
ВОВ	124	77	47	7	1	62
ВОГ	10	3	4	1	3	-
Военком	1	3	9	2	2	1
Военкомат	48	37	53	2	-	8
ВС РФ	940	238	402	153	9	210
ВСУ	2270	3151	2184	1734	65	1333
ВФУ	4985	636	2207	4	288	845
Генштаб	49	36	39	10	1	13
главком	15	5	8	46	-	9
ЗРК	99	20	46	18	2	26
Ил-76	4	14	9	19	-	27
Ка-52	33	7	40	12	2	5
комбат	48	50	67	10	7	29
комроты	1	1	3	-	-	1
КПП	67	61	55	3	2	32
Ми-35	10	1	4	-	-	2
Ми-8	97	29	46	5	1	16
МиГ-29	76	25	49	3	-	19
Минобороны РФ	1808	453	362	144	7	260
МО РФ	291	86	139	8	1	56
НАТО	542	422	625	43	13	136
ОПК	69	20	32	2	-	13
ПВО	608	409	386	72	7	109
ПТРК	15	9	23	6	-	6
РВСН	6	-	2	-	-	2
РПГ	74	24	21	4	3	7
РПО	5	1	3	1	-	2
РСЗО	1001	397	534	246	125	611
РЭБ	25	5	21	18	6	11
САУ	101	88	31	11	-	20
СВО	3625	2608	2131	173	152	921
спецназ	82	56	124	32	10	14
Су-25	122	24	75	20	-	23
Су-34	14	3	22	12	-	3
ФАБ	1	4	5	1	-	3
ЧВК	74	154	126	1	-	41

Проанализировав приведенную выше таблицу, мы определили наиболее и наименее продуктивные аббревиатуры и сокращения в текстах СМИ ДНР (таблица 2). Таким образом, нами выявлены аббревиатуры, которые встречаются по несколько тысяч раз, и те, которые употребляются в текстах некоторых СМИ вовсе. Данная особенность обусловлена сроком существования СМИ: региональные ведут свою деятельность с 2014–2015 гг., а федеральные на территории ДНР – с 2022 г.

Таблица 2.

Продуктивные и непродуктивные аббревиатуры и сокращения в текстах СМИ ДНР

Первый Республиканский телеканал	Телеканал «Юнион»	Телеканал «Оплот»	«РИА Новости: СВО»	«Вести: Донецк»	ДАН (Донецкое Агентство Новостей)
Продуктивные аббревиатуры и сокращения					
ВФУ (4985), СВО (3625), ВСУ (2270), Минобороны РФ (1808), РСЗО (1001), ВС РФ (940), ПВО (608), НАТО (542), ВКС (428), БПЛА (329), МО РФ (291), БМП (198)	ВСУ (3151), СВО (2608), ВФУ (636), Минобороны РФ (453), НАТО (422), ПВО (409), РСЗО (397), ВС РФ (238), БПЛА (188), ЧВК (154), САУ (88)	ВФУ (2207), ВСУ (2148), СВО (2131), НАТО (625), РСЗО (534), ВС РФ (402), ПВО (386), Минобороны РФ (362), БПЛА (254), ВКС (213), МО РФ (139)	ВСУ (1734), РСЗО (246), СВО(173), ВС РФ (153), Минобороны РФ (144), БПЛА (80), ПВО (72), главком (46), БМП (44), НАТО (43), спецназ (32)	БПЛА (315), ВФУ (288), СВО (152), РСЗО (125), ВСУ (62), НАТО (13), спецназ (10), ВС РФ (9), Минобороны РФ (7), ПВО (7), комбат (7)	ВСУ (1333), СВО (921), ВФУ (845), РСЗО (611), Минобороны РФ (260), ВС РФ (210), БПЛА (152), НАТО (136), ПВО (109), БМП (88), ВКС (75), ВОВ (62), МО РФ (56)
Непродуктивные аббревиатуры и сокращения					
ФАБ (1), военком (1), комроты (1), АК- 12 (2), Ил-76 (4), РПО (5), РВСН (6), АК-74(6), Ми-35 (10), ВОГ (10), Су-34 (14)	РВСН (-), комроты (1), РПО (1), Ми- 35 (1), АК-12 (2), АКМ (2), военком (3), АК-74 (3), ВО (3), Су-34 (3), ФАБ (4)	РВСН (2), комроты (3), РПО (3), АК- 74 (3), Ми-35 (4), ВОГ (4), АК-12 (5), ФАБ (5), главком (8), военком (9), Ил-76 (9)	РВСН (-), комроты (-), Ми-35 (-), РПО (1), ВОГ (1), ФАБ (1), АКМ (1), ЧВК (1), военком (2), ОПК (2), военкомат (2)	РВСН (-), комроты (-), Ми-35 (-), РПО (-), ФАБ (-), АКМ (-), ЧВК (-), ОПК (-), военкомат (-), МиГ-29 (-), ПТРК (-), САУ (-), Су-34 (-), Ил-76 (-), ВДВ (-), Су-25 (-), главком (-), АК-74 (1), АК- 12 (1), Ми-8 (1), МО РФ (1), БТР (1), генштаб (1), военком (2), КПП (2), Ка-52 (2), ЗРК (2), ВОГ (3), РПГ (3), БМП (3), РЭБ (6)	АК-12 (-), ВОГ (-), комроты (1), АК-74 (1), военком (1), РВСН (2), Ми- 35 (2), РПО (2), ФАБ (3), Су-34 (3), АКМ (5), Ка- 52 (5), ПТРК (6), ВДВ(7), РПГ (7), военкомат (8), главком (9)

Итак, нами в текстах современных СМИ ДНР выявлены следующие типы военных аббревиатур:

1. *Инициальные:*

1) *буквенные аббревиатуры, состоящие из названий начальных букв каждого слова словосочетания: БМП – боевая машина пехоты – Вместе с ним в районе Авдеевки киевский режим за минувшие сутки лишился двух гаубиц, три БМП и шесть других боевых бронированных машин (В Минобороны подтвердили уничтожение американского танка Abrams под Авдеевкой. ДАН, 27.02.2024); ВС РФ – Вооружённые силы Российской Федерации – Третья победа за неделю! ВС РФ освободили населенный пункт Новокалиново! (Первый Республиканский, 08.05.2024); РВСН – ракетные войска стратегического назначения – Гуманитарная помощь собрана сотрудникам Военного следственного управления по РВСН, а также ВСУ по ТОФ, которая включает в себя продукты питания, средства личной гигиены. (Сотрудники Военного следственного управления по ОГВС передали гуманитарную помощь военнослужащим 1 славянской бригады, выполняющим боевые задачи на Донцеком направлении. Первый Республиканский, 13.01.2024); СВО – специальная военная операция – Потери украинской армии в зоне СВО составили свыше 8000 боевиков убитыми и ранеными (РИА Новости: СВО, 27.04.2024) и др.*

2) *звуковые аббревиатуры, состоящие из начальных звуков каждого слова словосочетания: ВОВ – Великая Отечественная война – В поселке Александровка под Донцеком из-за обстрела ВСУ погибла пожилая женщина, сообщил мэр Донецка Кулемзин. Также в поселке поврежден памятник ВОВ (РИА Новости: СВО, 28.04.2024); ВСУ – Вооружённые силы Украины – ВСУ сбросили боеприпас с беспилотника на автомобиль скорой медицинской помощи в поселке Александровка под Донцеком, ранена фельдшер, сообщил мэр Донецка Кулемзин (РИА Новости: СВО, 28.04.2024); ВФУ – военные формирования Украины – Зафиксировано 13 обстрелов со стороны ВФУ, выпущено 34 боеприпаса, применялась ствольная артиллерия калибром 155 мм, в том числе кассетного типа, ударные БПЛА (Первый Республиканский, 19.04.2024); НАТО – Организация Североатлантического договора, Североатлантический альянс, англ. NATO – Летчиков, именно украинцев, для пилотирования самолетов F-16 подготовлено слишком мало. Опять будут привлекать, скорее всего, наемников из стран НАТО, которым знаком этот тип самолета (В ДНР считают, что поставки истребителей F-16 украинской армии будут растянуты из-за нехватки пилотов. РИА Новости: СВО, 27.04.2024); РСЗО – реактивная система залпового огня – Помимо этого, противником совершены обстрелы Никитовского и Центрально-Городского районов Горловки, а также Петровского, Куйбышевского и Кировского районов Донецка, по которым украинские боевики применили РСЗО и артиллерию 155-мм калибра, в том числе с кассетной боевой частью (11 мая военными следователями СК России зафиксированы преступления, совершенные вооружёнными формированиями Украины в отношении мирного населения ДНР. Вести Донецк 11.05.2024); САУ – самоходная артиллерийская установка – Потери противника в живой силе составили до 70 боевиков, два автомобиля и САУ «Гвоздика» (События в зоне СВО разворачиваются стремительно. Российские военнослужащие существенно продвинулись на Авдеевском направлении. Первый Республиканский, 22.01.2024).*

3) *аббревиатуры, образованные из сочетания начальных звуков и букв (смешанная или буквенно-звуковая): БПЛА – беспилотный летательный аппарат – Зафиксировано*

13 обстрелов со стороны ВФУ, выпущено 34 боеприпаса, применялась ствольная артиллерия калибром 155 мм, в том числе кассетного типа, ударные **БПЛА** (Первый Республиканский, 19.04.2024); **ВКС** – Военно-космические силы – Самолетами военно-транспортной авиации **ВКС** России военнослужащие будут доставлены для прохождения лечения и реабилитации в медучреждениях МО РФ. (В результате сложного переговорного процесса с подконтрольной киевскому режиму территории возвращены 248 российских военнослужащих – Минобороны России. Вести Донецк, 03.01.2024); **ПВО** – противовоздушная оборона – Средствами **ПВО** сбито 46 украинских беспилотных летательных аппаратов и пять оперативно-тактических ракет **АТАСМС** (РИА Новости: СВО, 28.04.2024); **ПТРК** – противотанковый ракетный комплекс – В результате осмотра схронов обнаружено: американский **ПТРК** **FGM-148 "Javelin"** – 1 шт.; ручной противотанковый гранатомёт **РПГ "Sakrat"** производства Швеции – 2 шт.; выстрел осколочный гранатомётный **ВОГ-25** – 28 шт.; реактивный пехотный огнемет **РПО-А** – 2 шт.; патроны 7,62x54 – 800 шт. (В результате совместных мероприятий УФСБ России по ДНР и органов военной контрразведки Центрального военного округа выявлен заминированный схрон с иностранным вооружением в пригороде Авдеевки. Первый Республиканский, 08.05.2024); **РЭБ** – радиоэлектронная борьба – На **донецком** направлении заняты более выгодные рубежи, отражены семь контратак и нанесены удары по скоплениям украинской армии, потери противника – свыше 3550 военных, 31 гаубица, семь складов боеприпасов, четыре станции **РЭБ**, четыре танка и другая бронетехника (Сводка о ходе боевых действий за неделю от Минобороны России. РИА Новости: СВО, 19.04.2024).

2. Сложносокращенные слова:

1) аббревиатуры из сочетания начальных частей слов исходного словосочетания (слоговая аббревиация): **военком** – военный комиссар – «**Мобилизация будет продолжаться. Это необходимость**», – **военком** **Киева Юрий Максимов** (Юнион, 24.10.2022); **главком** – главнокомандующий – Ситуация на поле боя складывается «сложная с тенденцией к обострению», заявил **главком** **ВСУ Александр Сырский** (РИА Новости: СВО, 27.04.2024); **рембат** – **ремонтный батальон** – Любая поломка, любой сложности и в любых условиях. **Рембат** работает на скорость без потери качества (Круглосуточная работа в полевых условиях: ремонт и обслуживание боевой техники в зоне СВО. Первый Республиканский, 12.07.2023); **спецназ** – специальное назначение – **Боец** отряда «**Камертон**» **спецназа** «**Ахмат**» подробно рассказал об устройстве **БМП-3** (Оплот, 29.01.2024).

2) аббревиатуры из сочетания начальной части слова (слов) и несокращенного целого слова (слово-словная аббревиация): **Генштаб** – генеральный штаб – **Начальник Генштаба Вооруженных сил России посетил командный пункт Южного военного округа в зоне СВО** (Оплот, 26.02.2024); **спецоперация** – специальная операция – Никаких предпосылок для переговоров с Киевом на данный момент нет, **спецоперация** РФ продолжается, сообщил пресс-секретарь президента России **Песков** (РИА Новости: СВО, 27.04.2024);

3) аббревиатуры из сочетания начальной части слова с формой косвенного падежа существительного: **Минобороны** – Министерство обороны – Сводка о ходе боевых действий за неделю от **Минобороны** России (РИА Новости: СВО, 27.04.2024); **комроты** – командир роты – Звание Героя России посмертно присвоено **комроты** батальона «**Сомали**» **Роману Воробьеву** (Первый Республиканский, 02.08.2023);

4) аббревиатуры из сочетания начала первого слова с началом и концом второго:

военкомат – военный комиссариат – *Улицы столиц и провинций Украины продолжают пустеть. Сотрудники военкоматов без разбора забирают мирных украинцев на фронт, защищать свою демократию* (Скрыться не получится! В Украине вступят новые ограничения для мужчин призывного возраста. Первый Республиканский, 01.04.2024).

3. *Военные термины, сочетающие целое слово и аббревиатуру: комплекс ПВО* – комплекс противовоздушной обороны; *средства ПВО* – средства противовоздушной обороны; *зона СВО* – зона специальной военной операции.

4. *В публицистическом дискурсе ДНР аббревиации подвергаются не только нарицательные существительные, но и имена собственные, и в военной тематике это названия оружия, воздушного и наземного военного транспорта: АК-74* – автомат Калашникова; *МиГ-29* – истребитель ОКБ им. А.И. Микояна, *Су-34* – истребитель ОКБ им. П.О. Сухого, *Ил-76* – военно-транспортный самолёт ОКБ им. С.В. Ильюшина, *Ми-8* – вертолёт Московского вертолетного завода им. М.Л. Миля, *Ка-52* – ударный вертолёт ОКБ им. Н. И. Камова и т.п.

5. *По количеству компонентов:*

1) *аббревиатуры, где количество компонентов соответствует количеству компонентов в исходном словосочетании (М-2, М-3, М-4): АК* – автомат Калашникова; *ВС* – Вооружённые силы; *МО* – Министерство обороны; *РСЗО* – реактивная система залпового огня; *ЧВК* – частная военная компания;

2) *аббревиатуры, где количество компонентов больше, чем количество компонентов в исходном словосочетании, либо представлено через дефис: БПЛА* – беспилотный летательный аппарат; *БТР* – бронетранспортёр; *ВДВ* – воздушно-десантные войска; *ВКС* – Военно-космические силы; *ВОГ* – 1) выстрел с осколочными гранатой, 2) взрыво-осколочная граната; *КПП* – контрольно-пропускной пункт; *ПТУР* – противотанковая управляемая ракета.

Заключение. Таким образом, в военной сфере аббревиация – продуктивный и развивающийся способ сокращения и образования новых терминов и слов. В текстах СМИ ДНР военной тематики представлены почти все типы сложносокращённых слов и аббревиатур, выделенных В.В. Виноградовым, В.В. Лопатиным, Н.Ю. Шведовой, Д.Э. Розенталем, С.В. Фадеевым и др. Аббревиатура, как один из способов деривации, в значительной мере пополняет и развивает лексику русского языка, отображая тенденции современного общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев Д.И. Сокращённые слова в русском языке / Д.И. Алексеев. – Саратов : Изд-во Саратовского университета, 1979. – 328 с.
2. Андропова А.В. Спорные вопросы типологии сложносокращённых слов / А.В. Андропова // Вестник Нижегородского государственного университета. – 2003. – № 1(3). – С. 117–123.
3. Бирюкова Е.А. Функционирование аббревиатур в современной речи : Автореферат дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01. – Москва, 2007. – 309 с.
4. Виноградов В.В. Грамматика русского языка : Фонетика и морфология / В.В. Виноградов. – М. : Академия наук СССР, 1953. – 720 с.
5. Данилин А.С., Мавлеев Р.Р. Сравнительный анализ способов аббревиации в англоязычной и русскоязычной военной терминологии / А.С. Данилин, Р.Р. Мавлеев // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2021. – № 7 (849). – С. 61–75. DOI: 10.52070/2542-2197-2021-7-849-61.
6. Земская Е.А. Современный русский язык. Словообразование : учебное пособие / Е.А. Земская. – М. : Флинта : Наука, 2011. – 328 с.

7. Касьянова Л.Ю. Инициальная аббревиация в процессах неологизации русского языка / Л.Ю. Касьянова // Русская академическая неография (к 40-летию научного направления : материалы Международной научной конференции. – СПб. : Изд-во «Лема», 2006. – С. 72–75.
8. Комалова А.С. Аббревиатурные неологизмы в современной французской военной терминологии / А.С. Комалова // Вопросы современной лингвистики. – 2024. – №1. – С. 127–138. DOI: 10.18384/2949-5075-2024-1-127-138.
9. Ле А. – Аббревиация как способ словообразования в русской военной терминологии (на материалетекстов СМИ) / А. Ле // Филология : научные исследования. – 2019. – № 3. – Режим доступа: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=30193 (дата обращения: 01.04.2024)
10. Назар Р.Н. Газетный подкорпус Национального корпуса русского языка как объект корпусной лингвистики и источник текстового материала для изучения аббревиации / Р.Н. Назар // Вестник ДонНУ. Сер. Д : Филология и психология. – 2023. – № 4. – С. 116–124.
11. Нургалева Т.Г. Аббревиация как средство экспрессивного словообразования : Автореферат дис. ... канд. филол. наук. – М., 2010. – 19 с.
12. Попова О.А. Аббревиация в речи курсантов военного вуза / О.А. Попова // Филологические науки : Вопросы теории и практики Тамбов. – 2016. – № 3(57) – С. 160–162.
13. Ракитина Н.Н. Лингвокультурологические аспекты функционирования аббревиатур в политическом дискурсе: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Челябинск, 2007. – 21 с.
14. Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов : Пособие для учителя / Д.Э. Розенталь, М.А. Теленкова. – 3-е изд. испр. и доп. – М. : Просвещение, 1985. – 399 с.
15. Русская Грамматика : [в 2 т.] / Том 1 : Фонетика. Словообразование. Морфология / Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз. ; гл. ред. Н.Ю. Шведова. – М. : Наука, 1980. – 783 с.
16. Рязанова В.А. Специфика словарной интерпретации семантики аббревиатур / В.А. Рязанова // Учёные записки Крымского университета имени В.И. Вернадского. Филологические науки. Научный журнал. – 2022. Том 8(73). – №1. – С. 158–169.
17. Светличная Н.О. Аббревиация и дезаббревиация в современном русском языке: лингвопрагматический аспект: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Ростов-на-Дону, 2009. – 15 с.
18. Теркулов В.И. Сложносокращенные слова: синхронный и диахронный аспекты описания / В.И. Теркулов // Вестник Московского университета. Серия 9 : Филология. – 2017. – № 6. – С. 73–97.
19. Тибилова М.И. Аббревиатуры-инновации: системно-описательный и лингвопрагматический аспект: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Владикавказ, 2011. – 22 с.
20. Федорова М.А., Чурилова И.Н. Тематические группы инициальных аббревиатур терминологии охраны труда английского языка / М.А. Федорова, И.Н. Чурилова // Филологические науки. Вопросы теории и практики (входит в перечень ВАК). – Тамбов : Грамота, 2018. – № 4. Ч. 2. – С. 399–402.
21. Чернейко Л.О., Ли Яньян Аббревиатура как номинативный и экспрессивный знак в текстах российских СМИ / Л.О. Чернейко, Яньян Ли // Известия УрФУ. Серия 2. Гуманитарные науки. – 2020. – Т. 22. – №3 (200). – С. 229–246.
22. Шведова Н.Ю. Грамматика современного русского литературного языка / Н.Ю. Шведова. – М. : Наука, 1970. – 767 с.
23. Ярмашевич М.А. Аббревиация в современных европейских языках: структурный, семантический и функциональный аспекты : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / Ярмашевич Марина Аркадьевна. – Саратов, 2004. – 481 с.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

24. Вести Донецк [Электронный ресурс]. – Режим доступа: 1) Вести. Донецк, смотреть онлайн (smotrim.ru); 2) Telegram: Contact @VESTIDONETSK (дата обращения: 16.05.2024).
25. Донецкое Агентство новостей (ДАН) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: 1) Донецкое Агентство Новостей (dan-news.ru); 2) Telegram: Contact @dan_dnr (дата обращения: 16.05.2024).
26. Первый Республиканский телеканал [Электронный ресурс]. – Режим доступа: 1) Первый Республиканский Канал на RUTUBE: 18988 видео – смотреть онлайн и бесплатно (23788980); 2) Telegram: Contact @republic_tv (дата обращения: 16.05.2024).
27. РИА Новости : СВО [Электронный ресурс]. – Режим доступа: 1) РИА Новости на RUTUBE: 14593 видео – смотреть онлайн и бесплатно (23469114); 2) Telegram: Contact @ria_dnr (дата обращения: 16.05.2024).
28. Телеканал «Оплот» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: 1) Оплот ТВ на RUTUBE: 1162 видео – смотреть онлайн и бесплатно (23699565); 2) Telegram: Contact @oplottv (дата обращения: 16.05.2024).

29. Телеканал «Юнион» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: 1) Главная - ТК Union (tk-union.tv); 2) Telegram: Contact @TK Union (дата обращения: 16.05.2024).
30. Тютюнников Н.Н. Краткий словарь военных сокращений : около 5000 сокращений / Сост. Н.Н. Тютюнников. – М. : Издательство «Перо», 2020. – 446 с.
31. Фадеев С.В. Тематический словарь сокращений современного русского языка. Ок. 20000 сокращений / С.В. Фадеев. – М. : РУССО, 1998. – 538 с.

REFERENCES

1. Alekseev D.I. (1979). Sokrashheny'e slova v russkom yazy'ke [Abbreviated words in Russian]. Saratov : Izd-vo Saratovskogo universiteta, 328 p (In Russian)
2. Andronova A.V. (2003). Sporny'e voprosy` tipologii slozhnosokrashheny`x slov [Controversial issues of typology of compound words] in Vestnik Nizhegorodskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Nizhny Novgorod State University], 1(3), pp. 117–123. (In Russian)
3. Biryukova E.A. (2007). Funkcionirovanie abbreviatur v sovremennoj rechi : dissertaciya ... kandidata filologicheskix nauk [Functioning of abbreviations in modern speech: thesis... Candidate of Philological Sciences]. Moscow, 309 p (In Russian)
4. Vinogradov V.V. (1953). Grammatika russkogo yazy`ka : Fonetika i morfologiya [Grammar of the Russian language: Phonetics and morphology], Moscow: Akademiya nauk SSSR, 720 p. (In Russian)
5. Danilin A.S., Mavleev R.R. (2021). Sravnitel'nyj analiz sposobov abbreviacii v angloyazychnoj i russkoyazychnoj voennoj terminologii [Comparative analysis of abbreviation methods in English and Russian military terminology] in Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnyye nauki [Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities], № 7 (849), pp. 61–75 (In Russian) DOI: 10.52070/2542-2197-2021-7-849-61.
6. Zemskaya E.A. (2011). Sovremennyj russkij yazy`k. Slovoobrazovanie : uchebnoe posobie [Modern Russian language. Word formation: a textbook] Moscow: Flinta : Nauka, 328 p. (In Russian)
7. Kas`yanova L.Yu. (2006). Inicial'naya abbreviaciya v processax neologizacii russkogo yazy`ka [Initial abbreviation in the processes of neologization of the Russian language] in Russkaya akademicheskaya neografiya (k 40-letiyu nauchnogo napravleniya : materialy` Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii [Russian Academic Geography (on the 40th anniversary of the scientific direction : materials' International Scientific Conference], SPb. : Izd-vo «Lema», pp. 72–75 (In Russian)
8. Komalova A.S. (2024). Abbreviaturnye neologizmy v sovremennoj francuzskoj voennoj terminologii [Abbreviated neologisms in modern French military terminology] in Voprosy sovremennoj lingvistiki [Questions of modern linguistics], №1, pp. 127–138 (In Russian) DOI: 10.18384/2949-5075-2024-1-127-138.
9. Le A. (2019). Abbreviaciya kak sposob slovoobrazovaniya v russkoj voennoj terminologii (na materiale tekstov SMI) [Abbreviation as a way of word formation in Russian military terminology (based on media texts)] in Filologiya : nauchny'e issledovaniya [Philology : scientific research], 3 (In Russian)
10. Nazar R.N. (2023). Gazetnyj podkorpus Nacional'nogo korpusa russkogo yazy`ka kak ob`ekt korpusnoj lingvistiki i istochnik tekstovogo materiala dlya izucheniya abbreviacii [Newspaper subcorpus of the National Corpus of the Russian Language as an object of corpus linguistics and a source of textual material for the study of abbreviation] in Vestnik DonNU. Ser. D : Filologiya i psixologiya [Bulletin of DonNU : Philology and Psychology], 4, pp. 116–124. (In Russian)
11. Nurgaleeva T.G. (2010). Abbreviaciya kak sredstvo e`kspressivnogo slovoobrazovaniya : Avtoreferat dis. ... kand. filol. nauk [Abbreviation as a means of expressive word formation : Abstract of the dissertation. ... Candidate of Philology] (19 p.), Moscow (In Russian)
12. Popova O.A. (2016). Abbreviaciya v rechi kursantov voennogo vuza [Abbreviation in the speech of cadets of a military university] in Filologicheskie nauki : Voprosy` teorii i praktiki [Philological Sciences: theory and practice of Voprosy]. Tambov. 3 (57), pp. 160–162. (In Russian)
13. Rakitina N.N. (2007). Lingvokul'turologicheskie aspekty` funkcionirovaniya abbreviatur v politicheskom diskurse: avtoref. diss. ... kand. filol. Nauk [Linguoculturological aspects of the functioning of abbreviations in political discourse: autoref. diss.... cand. philol. Sciences.], (21 p.). Chelyabinsk. (In Russian)
14. Rozental' D.E`., Telenkova M.A. (1985). Slovar'-spravochnik lingvisticheskix terminov : Posobie dlya uchitelya [Dictionary of linguistic terms: Manual for teachers], (399 p.). Moscow: Prosveshhenie (In Russian)
15. Russkaya Grammatika : [v 2 t.] [Russian Grammar: [in 2 volumes]] (1980), (783 p.). Moscow: Nauka (In Russian)
16. Ryazanova V.A. (2022). Specifika slovarnoj interpretacii semantiki abbreviatur [The specifics of the dictionary interpretation of the semantics of abbreviations] in Uchyonye zapiski Krymskogo universiteta imeni

V.I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki. Nauchnyj zhurnal [Scientific notes of the V.I. Vernadsky Crimean University. Philological sciences. Scientific journal], Tom 8(73), №1, pp. 158–169 (In Russian)

17. Svetlichnaya N.O. (2009). *Abbreviaciya i dezabbreviaciya v sovremennom russkom yazy`ke: lingvopragmaticheskij aspekt: avtoref. diss. ... kand. filol. Nauk* [Abbreviation and disabbreviation in the modern Russian language: linguopragmatic aspect: author's abstract. diss. ...cand. Philol. sciences], (15 p.). Rostov-na-Donu. (In Russian)

18. Terkulov V.I. (2017). *Slozhnosokrashhenny`e slova: sinxronny`j i diaxronny`j aspekty` opisaniya* [Compound words: synchronous and diachronic aspects of description] in *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9 : Filologiya* [Bulletin of the Moscow University. Episode 9 : Philology], 6, pp. 73–97 (In Russian)

19. Tibilova M.I. (2011). *Abbreviatury`-innovacii: sistemno-opisatel`ny`j i lingvopragmaticheskij aspekt: avtoref. diss. ... kand. filol. Nauk* [Abbreviations-innovations: system-descriptive and linguopragmatic aspect: abstract. diss. ... candidate of Philology. sciences.], (22 p.). Vladikavkaz. (In Russian)

20. Fedorova M.A., Churilova I.N. (2018). *Tematicheskie gruppy` inicial`ny`x abbreviatur terminologii ohrany` truda anglijskogo yazy`ka* [Thematic groups of initial abbreviations of English occupational safety terminology in Filologicheskie nauki. Voprosy` teorii i praktiki] [Philological sciences. Questions of theory and practice], Tambov : Gramota. 4, 2, pp. 399–402 (In Russian)

21. Chernejko L.O., Li Yan`yan` (2020). *Abbreviatura kak nominativny`j i e`kspressivny`j znak v tekstax rossijskix SMI* [The abbreviation as a nominative and expressive sign in the texts of the Russian media] in *Izvestiya UrFU. Seriya 2. Gumanitarny`e nauki* [News of UrFU. Series 2. Humanities], T. 22, 3 (200), pp. 229–246 (In Russian)

22. Shvedova N.Yu. (1970). *Grammatika sovremennogo russkogo literaturnogo yazy`ka* [Grammar of the modern Russian literary language] (767 p.). Moscow : Nauka. (In Russian)

23. Yarmashevich M.A. (2004). *Abbreviaciya v sovremenny`x evropejskix yazy`kax: strukturny`j, semanticheskij i funkcional`ny`j aspekty`* : dis. ... d-ra filol. nauk [Abbreviation in modern European languages: structural, semantic and functional aspects : dis. ... Doctor of Philology] (481 p.). Saratov. (In Russian)

Поступила в редакцию 30.05.2024 г.

ABBREVIATION AS WAY OF FORMING MILITARY TERMINOLOGY IN REALIA OF MODERN DONBASS (BASED ON MEDIA TEXTS)

R.N. Nazar

The article deals with abbreviation as a way of forming Russian military terminology, and its reflection in media texts. The notion of “abbreviation” is described. The classification of military abbreviations is presented, with the features of their formation being revealed. The empirical corpus is constituted by the most and the least productive military abbreviations excerpted from the texts by Donetsk journalists in such DPR authoritative media, as the “First Republican”, “Union”, “Oplot”, and “Vesti Donetsk” TV channels, “RIA Novosti: SVO”, DAN “Donetsk News Agency” electronic agencies. The lexical units under study have been analysed with their lexicographic treatment being touched upon. The selected units and the approach pursued ensure the relevance of the study. Among the research methods applied are the following: linguistic description, directional sampling, classification, and componential analysis. The conclusions concerning the specificity of forming military abbreviations, as well as their classification into types and subtypes, have been made.

Keywords: language, abbreviation, military abbreviation, media, compound abbreviation, abbreviation typology.

Назар Роман Николаевич.

Кандидат филологических наук, доцент.
Донбасская национальная академия строительства
и архитектуры, Российская Федерация,
г. Макеевка.

Доцент кафедры прикладной лингвистики и
межкультурной коммуникации.

ORCID 0009-0008-9910-5123.

E-mail: nazar_roman@mail.ru.

Nazar Roman Nikolaevich.

Candidate of Philology, Associate Professor.
Donbass National Academy of Civil Engineering and
Architecture, Russian Federation, Makeevka.

Associate Professor at Department of Applied
Linguistics and Intercultural Communication.

ORCID 0009-0008-9910-5123.

E-mail: nazar_roman@mail.ru.

Научная статья
УДК 81'373.611
DOI: 10.5281/zenodo.13996955

МАТЕРИАЛ «ТОЛКОВОГО СЛОВАРЯ СЛОЖНОСОКРАЩЁННЫХ СЛОВ РУССКОГО ЯЗЫКА» В ПРЕСКРИПТИВНОМ АСПЕКТЕ⁴

© 2024 В.А. Рязанова

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донецкий государственный университет»
ORCID 0000-0002-7517-8589

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru>

Статья посвящена рассмотрению синтаксических эквивалентов, составляющих эквивалентностный блок «Толкового словаря сложносокращённых слов русского языка» (далее – «Словарь»), с позиции прескриптивизма. Эта часть материала «Словаря» ранее не подвергалась анализу с точки зрения нормативности, хотя «Словарь» предназначен в том числе в качестве предписывающего источника расшифровок сокращений для редакторов и переводчиков. В ходе исследования были применены методы сопоставления, структурного, ономаσιологического, семантического анализа, классификации, описания. В качестве материала исследования из словника разрабатываемого «Словаря» методом сплошной выборки было отобрано 950 некодифицированных расшифровок, в которых обнаруживаются отступления от лексических, ономаσιологических, синтаксических, стилистических языковых норм. В результате исследования были выявлены и описаны виды отступлений от общепринятых языковых норм, которые лежат в основе некодифицированных синтаксических эквивалентов.

Ключевые слова: синтаксический эквивалент, расшифровка, дескриптивный подход, прескриптивный подход, нормативность, дешифровальный стимул.

Для цитирования: Рязанова В.А. Материал «Толкового словаря сложносокращённых слов русского языка» в прескриптивном аспекте / В.А. Рязанова // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. – 2024. – № 4. – С. 89-98. – <https://doi.org/10.5281/zenodo.13996955>.

Введение. Традиция деления толковых словарей по назначению на прескриптивные и дискриптивные зародилась давно. Например, первый, по мнению исследователей, словарь прескриптивного типа – словарь литературного итальянского языка Академии делла Круска – был издан в Венеции в 1612 году. Л.Е. Кругликова отмечает, что идея прескриптивности данного лексикографического труда заложена в самом названии: «название академии (Accademia della Crusca) связано с её установкой на очищение языка от всего того, чего не должно быть в нем. Существительное *crusca* в переводе с итальянского означает ‘отруби’. Язык надо было очистить подобно тому, как очищают муку от отрубей» [7, с. 963].

Необходимость деления толковых словарей на типы связана с выполняемыми ими функциями: предметом описания прескриптивных словарей (или нормативных словарей, словарей академического типа) является «единое (реальное) языковое

⁴ Исследование проводилось по теме государственного задания «Структурно-функциональные параметры существования и развития русского языка XX-XXI столетий в его региолектном и общезыковом аспектах» (№ госрегистрации НИОКТР 124051400024-1).

сознание определенного человеческого коллектива в определенный момент времени» [11]. Включения же дескриптивных словарей (регистрирующих словарей, словарей-справочников) «могут принадлежать разным коллективам, разным эпохам и вовсе не образуют какой-либо системы» [11].

«Толковый словарь сложносокращённых слов русского языка» (далее – «Словарь»), разрабатываемый Экспериментальной лабораторией исследования тенденций аббревиации при кафедре русского языка Донецкого государственного университета (далее — Лаборатория), по заверению составителей, является «словарём нового типа» — толковым словарём сложносокращённых апеллятивов, которые ранее не становились специальным объектом лексикографического описания.

Согласно общепринятой типологии толковых словарей, разрабатываемый «Словарь» можно отнести к дескриптивному типу, поскольку в нём фиксируются все обнаруженные в информационно-поисковых системах частотные сокращения и их многокомпонентные расшифровки. Однако в словарных статьях «Словаря» помимо толкований даются также стилистические пометы, в частности, указание на разговорный или просторечный характер вокабулы, что наделяет его чертами прескриптивного словаря.

Уникальность «Словаря» также состоит в том, что отбор языкового материала для него производится на базе синхронно-эквивалентностного подхода. Выработанный в течение XX века взгляд на аббревиацию как на «односторонний» процесс преобразования синлекса (раздельнооформленной лексемы с закреплённым за ней лексическим значением) в универбат привёл к тому, что для аббревиатуры мыслилась возможной только единственная расшифровка, которая, во-первых, нормативна, во-вторых, идентична сокращению в семантическом и стилистическом аспектах. Синхронно-эквивалентностный подход учитывает все частотные развёрнутые эквиваленты сложносокращённого слова, используемые носителями языка. При этом отобранные и представленные в «Словаре» расшифровки сокращений ранее не оценивались с точки зрения нормативности как самостоятельных языковых единиц (в отличие от заголовочных сокращений и узусных слов, приведённых в словарных статьях в блоке синонимов). Этим обусловлена проблематика исследования.

Цель исследования – рассмотреть синтаксические эквиваленты, размещённые в «Словаре», в прескриптивном аспекте, в связи с чем необходимо уточнить особенности содержания и функционирования прескриптивных и дескриптивных словарей, описать типологию некодифицированных расшифровок и механизмы их образования, наметить возможные пути лексикографической работы с рассмотренными расшифровками.

Материалы и методы исследования. В качестве материала исследования из словника разрабатываемого «Словаря» методом сплошной выборки было отобрано 950 некодифицированных расшифровок (под некодифицированными расшифровками в данном случае понимаются синтаксические эквиваленты, в которых обнаруживаются отступления от лексических, ономаσιологических, синтаксических, стилистических языковых норм). Для работы над материалом исследования применялись методы сопоставления, структурного, ономаσιологического, семантического анализа, классификации, описания.

Основная часть. Тип словаря предписывает составителю условия в выборе языкового материала и в специфике методов описания отобранных единиц. Общепринятая дихотомия толковых словарей базируется на двух противопоставленных в лингвистике подходах: дескриптивизме и прескриптивизме.

Прескриптивная грамматика «основывается на традициях и нормах, выработанных в результате употребления каждого конкретного языка, и обозначает

строгие правила использования языка», в то время как «дескриптивная грамматика имеет дело с языковыми и речевыми формами, проявляемыми в лингвистическом поведении отдельных единиц языка» [9, с. 37]. Прескриптивная грамматика учит, как говорить; дескриптивная же грамматика «констатирует очевидный факт существования и широкого использования языковой единицы» [9, с. 38].

В соответствии с ключевыми принципами исходных подходов, прескриптивные толковые словари – словари нормативные, описывающие существующую языковую норму, однако не навязывающие при этом пользователю субъективные предпочтения составителей в выборе языковых форм. Словари такого типа специализируются на описании «общеупотребительной лексики <...> литературного русского языка»: в них отсутствуют термины, жаргонизмы, диалектная лексика, которая, как правило, представлена в узкоспециализированных словарях [4, с. 12].

В свою очередь, дескриптивные словари – это регистрирующие лексикографические источники, для которых принципиальную важность имеет высокая частотность зафиксированных единиц; составители дескриптивных словарей стремятся «описать абсолютно всё, что есть и было в данном языке» [6, с. 347].

Сложносокращённые слова и инициальные аббревиатуры изредка становились объектами описания общих толковых словарей. Гораздо больше их представлено в специализированных словарях сокращений.

Изданные в течение XX в. и в начале XXI в. словари сокращений условно можно отнести к дескриптивному типу, поскольку они затрагивают и устаревшую лексику (например, в «Словаре сокращений русского языка» под ред. Д.И. Алексеева пометой звёздочкой (*) маркируются аббревиатуры-архаизмы и историзмы (*ВЛХИ** – *Воронежский лесохозяйственный институт (теперь – ВЛТИ)*; *АИЗ** – *ассоциация изобретателей* [12]), и термины (*ПАН* – *прибор автоматической наладки (арт.)*, *ТДУ* – *тормозная двигательная установка (на космическом корабле)* [12]), и онимы (в «Словаре сокращений» под ред. Г.Н. Скляревской приводятся названия печатных изданий, организаций, обществ: *ПАСЕ* – *Парламентская ассамблея Совета Европы*, *НРС* – *«Новое русское слово»*, *ОБФ* – *Объединённый Балтийский флот* [13]).

Необходимо оговориться, что фактически блок толкований в классических словарях сокращений отсутствует, однако исследователи (см., например, [1; 2]) и сами составители словарей отмечают **описательный** характер и избыточность информации, заложенной в развёрнутые наименования. В связи с этим расшифровки, представленные в словарных статьях, могут заменять канонические толкования вокабул. Только на этом основании, оценивая словари сокращений как потенциально толковые, мы можем провести их типологию по назначению.

Следует также сделать уточнение, что инициальные аббревиатуры и сложносокращённые слова имеют разные механизмы образования. Как правило, при создании инициальной аббревиатуры происходит «осознанная ситуативная замена слова, входящего в коллокативное словосочетание, его первым звуком или первой буквой, не имеющими семантической закреплённости, то есть не могущими автоматически быть связанными с какой-то конкретной семантикой» [10, с. 104–105]. Носитель языка не может самостоятельно интерпретировать инициальную аббревиатуру, если расшифровка не была усвоена им ранее. Это ограничивает возможность появления у инициальной аббревиатуры множественной эквивалентности. Таким образом, в словарях сокращений для инициальных аббревиатур фиксируются сингулярные конвенциональные расшифровки.

В свою очередь, сложносокращённые апеллятивы создаются стихийно, в результате «стереотипного замещения абброконструктом мотивационно связанного с ним слова в словосочетании», при этом абброконструкты «имеют специализированное значение: у каждого из них есть своя понятийная сфера, формируемая семантикой регулярных развернутых эквивалентов» [10, с. 104]. Таким образом, пользователь языка может расшифровать сложносокращённое слово самостоятельно в свободной форме.

В результате разработки синхронно-эквивалентностного подхода к универбализации стало очевидно, что сложносокращённый апеллятив может иметь множественные расшифровки, которые формируются носителями языка на основе индивидуального когнитивного опыта при использовании аббревиатур в речи. Вокруг сложносокращённого слова формируется гнездо эквивалентности, представляющее собой совокупность частотных эквивалентных сокращению словосочетаний – синтаксических эквивалентов. Например, в гнезде эквивалентности сложносокращённого слова *киноактриса* имеются регулярные синтаксические эквиваленты *актриса кино*, *актриса в кино*, *актриса в кинематографе*, *актриса из кино*, *актриса в киноиндустрии*, *актриса кинематографа*, *актриса из кинофильма*. Однако в классических словарях сокращений отражается только одна расшифровка (как правило, простого презентативного типа), которая мыслится составителями словаря как кодифицированная и единственная возможная. В разрабатываемый же «Словарь» гнёзда эквивалентности включаются полностью.

В сами гнёзда эквивалентности, равно как и в аббревиатурные группы (совокупности сокращений с общим препозитивным конструктом), входят также малочастотные образования, которые не учитываются составителями «Словаря», поскольку могут иметь окказиональную природу (о типологии окказиональных сокращений и о причине образования таких лексических единиц см. в исследовании [5]).

Не всегда регулярно употребляемые расшифровки соответствуют установившимся на синхронном срезе языковым нормам. Таким образом, методологической сложностью при составлении толкового словаря сокращений являются не только функционально ограниченные вокабулы (собственно сокращения), но также их ненормативные синтаксические эквиваленты.

Материал «Словаря» отбирался в первую очередь на основе трёх принципов: частотности, структурного и ономаσιологического соответствия единиц одного гнезда эквивалентности. Впоследствии для вокабул составителями была разработана упрощённая система стилистических помет, которые маркируют историзмы, архаизмы, книжные, разговорные слова и просторечия (при этом узкоспециальные термины не имеют в «Словаре» дополнительной маркировки), в то время как расшифровки не оценивались с точки зрения прескриптивизма.

В результате анализа отобранных из эквивалентностного блока «Словаря» расшифровок обнаружены причины формирования некодифицированных синтаксических эквивалентов, основанные на лексических, синтаксических и ономаσιологических ошибках, возникающих при использовании языковых средств носителями языка.

Лексические ошибки возникают в результате неверного использования единиц словарного состава языка. Ономаσιологические ошибки при конструировании синтаксических эквивалентов приводят к нарушению смысловых отношений между базисным и признаковым компонентами словосочетания. Ошибки синтаксического типа возникают при изменении синтаксической формы слов, находящихся в синтаксической связи. Далее представлены их типы.

1. Синтаксические эквиваленты, в состав которых входят некодифицированные компоненты – необщепотребительные слова.

Разговорные или просторечные слова, становясь компонентами синлексов, передают свою стилистическую окраску всему устойчивому словосочетанию и делают его ненормативным. Например, в аббревиатурной группе «грязе» для расшифровки конструкта в некоторых случаях используется прилагательное *грязевый*, которое в качестве самостоятельной лексемы не фиксируется в современных толковых словарях: расшифровка *грязевый курорт* только в форме Им. п. ед. ч. насчитывает не менее 3100 включений в интернет-текстах, обнаруживаемых в информационно-поисковых системах⁵ (для сравнения, узувальная расшифровка *грязевой курорт* в начальной форме встречается в интернет-текстах не менее 30 000 раз).

В аббревиатурной группе «нарко» конструкт регулярно развёртывается в разговорно-сниженное существительное *наркота* (в «Толковом словаре» под ред. Т.Ф. Ефремовой эта лексема зафиксирована с соответствующими пометами): ср. *зависимость от наркотических веществ* (≈ 19000 включений в начальной форме) и *зависимость от наркоты* (≈ 3800 включений); *производство наркотиков* (≈ 90000 включений) и *производство наркоты* (≈ 1500 включений) и т.д.

Подобная ситуация с развёртыванием конструкта наблюдается и в аббревиатурной группе «мульти»: регулярно появляются синтаксические эквиваленты с необщепотребительным компонентом *мультишный* (эта лексема обнаружена нами только в «Русском орфографическом словаре» под ред. В.В. Лопатина и О.Е. Ивановой, где она подаётся с пометой «сниженная»): ср. *мультипликационный образ* (≈ 4300 включений в начальной форме) и *мультишный образ* (≈ 24000 включений), *мультипликационный клип* (≈ 4000 включений) и *мультишный клип* (≈ 13500 включений), *мультипликационный бизнес* (≈ 1400 включений) и *мультишный бизнес* (≈ 6800 включений) и мн. др.

2. Синтаксические эквиваленты, возникшие в связи с использованием паронимов.

Проблема немотивированного смешения в речи паронимов имеет широкое распространение. Явление контаминации паронимов часто наблюдается и при развёртывании аббревиатур: суффиксальные паронимы систематически используются для расшифровки конструкта *испол-* (ср. омонимичные пары *исполнительный директор* и *исполнительский директор*; ≈ 5300000 включений и ≈ 140 включений соответственно), *граф-* (*графический ключ* и *графичный ключ*; ≈ 160000 включений и ≈ 50 включений), *ветро-* (*ветряная мельница* и *ветровая мельница*; ≈ 10000 включений и ≈ 590000 включений), *тур-* (*туристическая услуга* и *туристская услуга*; ≈ 33000 включений и ≈ 7500 включений), *эко-* (*экологичное топливо* и *экологическое топливо*; ≈ 19000 включений и ≈ 10000 включений) и др.

3. Синтаксические эквиваленты, возникшие в связи с контаминацией слов с созвучными корнями.

Кроме смешения паронимов – однокоренных слов, сходных по звучанию и различающихся лексическим значением, – отмечаются случаи ошибочного использования для развёртывания конструкта неоднокоренных слов со схожим звучанием. К таким случаям относим, например, контаминацию прилагательных *психический* ('свойственный психике' – свойству живых организмов, основанному на высшей нервной деятельности и выражающемуся в наличии способности отражения действительности) и *психологический* ('связанный с психологией' – наукой, изучающей психику), *драматический* ('связанный с драмой' – литературным и сценическим

⁵ Здесь и далее приводятся суммы включений только для начальной формы расшифровок.

жанром) и *драматургический* ('свойственный драматургу' – автору драматических произведений), *термостойкий* ('способный выдерживать воздействие температуры') и *термальный* ('связанный с термами' – природными источниками горячей воды), *эпидемический* ('связанный с эпидемией' – широким распространением инфекционных болезней) и *эпидемиологический* ('связанный с эпидемиологией' – наукой, изучающей возникновение, протекание и угасания эпидемий). Ср. синтаксические эквиваленты *психическая травма* и *психологическая травма* (≈ 85000 и ≈ 359000 включений; отметим, что в «Кратком психологическом словаре» под общ. ред. А.В. Петровского и М.Г. Ярошевского отмечается использование только синлекса *психическая травма*), *драматический конфликт* и *драматургический конфликт* (≈ 15000 и ≈ 4500 включений), *эпидемический паротит* и *эпидемиологический паротит* (≈ 100000 и ≈ 350 включений), *термостойкая ткань* и *термальная ткань* (≈ 10000 и ≈ 3000 включений).

4. Синтаксические эквиваленты – плеоназмы.

Плеоназм связан с избыточностью речевых средств, которые составляют расшифровку сокращения. Так в гнезде эквивалентности слова *бытприбор* обнаруживаем расшифровку *прибор быттехники* (≈ 50 включений; быттехника – это и есть совокупность бытовых приборов); в гнезде эквивалентности сокращения *аллерготест* – расшифровку *тест аллергопробы* (≈ 50 включений; аллергопроба – это тест для выявления аллергенов). В группе «бальнео» регулярно возникает дешифровальный стимул *бальнеогрязевой* (*бальнео* – заимствованная из латинского языка составная часть сложных слов со значением 'имеющий отношение к минеральным водам и лечебным грязям'): *бальнеогрязевая терапия* (≈ 80 включений), *бальнеогрязевое лечение* (≈ 150 включений), *бальнеогрязевой курорт* (≈ 11500 включений) и т.д.

5. Синтаксические эквиваленты с затемнённой семантикой, которая обусловлена неоправданной заменой компонента.

Лабораторией разработана типология дешифровальных стимулов по степени соответствия сокращения и его эквивалента. В зависимости от способа интерпретации компонентов сложного слова в расшифровке выделяются: а) презентативный дешифровальный стимул, который реализует синтаксическую модель с адъективно выраженным признаком и передаёт обобщённое значение; б) релятивный дешифровальный стимул, который создаёт текстовый эквивалент, передающий актантно-числовые показатели референта с помощью определённой предложно-падежной формы; в) модификативный дешифровальный стимул, который приводит к образованию словосочетания, включающего дополнительные синтаксические компоненты, не выраженные в структуре сложного слова [3, с. 100].

В некоторых случаях нарушение структуры синлекса приводит к утрате связи синтаксического эквивалента с исходным лексическим значением.

Интерпретативная расшифровка *государственный секретарь* (а также образованный от него универбат *госсекретарь*) — официальное название высших государственных должностей в ряде стран. Поскольку название должности представляет собой устойчивое словосочетание, нарушение его синтаксической конструкции приводит к утрате связи с референтом. Вторично возникшая расшифровка *секретарь государства* (≈ 350 включений) трактуется не как 'должность высшего чиновника', а отсылает к одному из основных значений слова *секретарь* ('работник, ведущий делопроизводство, корреспонденцию какого-либо, лица, организации, учреждения'); семантика посессивности, которую передаёт зависимое существительное в форме родительного падежа, в свою очередь, указывает на место деятельности субъекта.

Подобная ситуация обнаруживается в гнезде эквивалентности сокращения *детгородок*. Нормативная расшифровка *детский городок* имеет значение 'комплекс

сооружений, который располагается на детской площадке'. Дополнительная релятивная расшифровка *городок детства* (≈ 11000 включений) называет не развлекательный объект, а населённый пункт, в котором проходил ранний период жизни кого-либо.

Сокращение *трудочас* и синлекс *трудоуовой час* обозначают единицу учёта отработанного времени, равную одному часу, в то время как расшифровки *час труда* (≈ 9000 включений) и *час на труд* (≈ 40000 включений) трактуются как 'целесообразная деятельность человека, которая продолжается в течение одного часа'.

Таким образом, использование альтернативных расшифровок в ряде случаев затрудняет понимание идиоматических значений, выражаемых только в определённых синтаксических формах синлекса.

6. Синтаксические эквиваленты с изменённой актантной ролью признакового компонента.

Как правило, смена актантной роли зависимого компонента происходит в расшифровках, образованных в результате влияния релятивных дешифровальных стимулов. Например, сокращение *маслостойкость* имеет две релятивные расшифровки: *стойкость к маслу* ('свойство пигмента, из которого изготавливают окрасочные составы, не растворяясь в растительных маслах и олифах') и *стойкость масла* ('способность масла сохранять свойства при химическом, физическом воздействии'). В первом случае референт имеет ономаσιологическое значение «свойство + контрагентив» (контрагентив – семантический падеж, выражающий объект, против которого разворачивается событие), во втором – «свойство + посессив» (посессив – падеж, выражающий принадлежность объекта кому-либо или чему-либо).

В большинстве случаев наличие в гнезде эквивалентности нескольких релятивных расшифровок правомерно и обусловлено как семантическими особенностями сокращения, так и лексической валентностью базового компонента (проблема реализации актантно-числовой семантики сложносокращенного слова подробно рассмотрена в [8]). Однако нередки ситуации, когда смена актантной роли признакового компонента приводит к возникновению в значении сокращения не соответствующих действительности сем. Например, в гнезде эквивалентности слова *кинозритель* ('тот, кто смотрит кинофильм') отмечается расшифровка *зритель в кинофильме* (≈ 20 включений). Семантика сокращения задаёт структуру моделей его возможной расшифровки: адекватной является ономаσιологическая модель «субъект + аллатив» (объект, на который направлено действие), ей соответствует расшифровка *зритель кинофильма*, в то время как синтаксический эквивалент *зритель в кинофильме* соответствует модели «субъект + локатив» (нахождение в месте, называемого признаковым компонентом). Семантика локативности в данном случае ничем не обусловлена.

Сокращение *допинг-анализ* ('процедура исследования какого-либо вещества на наличие в нём допинга') расшифровывается при помощи общепринятого эквивалента *анализ на допинг* («действие + дестинатив»; целевой падеж), но обнаруживается также некодифицированная трактовка *анализ допинга* (≈ 70 включений; «процедура + аллатив»). *Допинг* является целью действия, выраженного в базисном компоненте, а не объектом, на который распространяется это действие.

7. Синтаксические эквиваленты, в которых на месте конкретного признакового компонента появляется абстрактный признаковый компонент.

Введение в структуру расшифровки признака с абстрактным или собирательным значением приводит к нарушению лексической и синтаксической сочетаемости компонентов расшифровки. Так в гнезде эквивалентности слова *альпмагазин* обнаруживаем синтаксический эквивалент *магазин альпинизма* (≈ 100 включений). Базисный компонент *магазин* ('торговое предприятие, продающее товары в розницу, а

также специально оборудованное помещение, где производится такая продажа') сочетается либо с прилагательными, либо с конкретными или собирательными существительными, которые уточняют специфику товаров (например, *магазин альпоборудования*, *магазин для альпинистов*). *Альпинизм* – абстрактное существительное, обозначающее вид спорта. Очевидно, что существительное *альпинизм* не может в данном случае выступать в качестве маркера для базиса *магазинов*.

Слово *авиадвигатель* регулярно расшифровывается в словосочетание *двигатель для авиации* (≈ 3300 включений), где базис *двигатель* ('машина, приводящая что-либо в движение') также сочетается с конкретными существительными или с прилагательными – маркерами посессивности. Признаковый же компонент *авиация* имеет абстрактное значение (*авиация* – 'понятие, связанное с полетами в атмосфере аппаратов тяжелее воздуха') и включает также организации, использующие летательные аппараты).

8. Синтаксические эквиваленты с грамматическими ошибками.

К этой категории мы относим некодифицированные расшифровки, в которых в результате грамматических ошибок происходит нарушение синтаксических связей: *торговля хлеба* (вместо нормативной *торговля хлебом*; ≈ 80 включений), *школа для танцев* (вместо *школа танцев*; ≈ 4100 включений), *прочность на удар* (вместо *прочность к удару*; ≈ 27000 включений), *эксперт алкоголя* (вместо *эксперт в алкоголе*; ≈ 100 включений), *полоса велосипедов* (вместо *полоса для велосипедов*; ≈ 100 включений), *учёт на жильё* (вместо *учёт по жилью*; ≈ 11000 включений) и мн. др.

9. Синтаксические эквиваленты, возникшие в результате примитивизации синтаксической формы.

В некоторых случаях носители языка, не имея представления о семантике сокращения или о реальных деривационных отношениях внутри гнезда эквивалентности, используют в своей речи простую доступную расшифровку, которая позволяет лишь обозначить существующую связь базиса со сферой, названной в признаковом компоненте: *изобразительная школа* (вместо *школа изобразительного искусства*; ≈ 400 включений), *оператор кино* (вместо *оператор кинокамеры*; ≈ 14000 включений), *оборудование для гофрокартона* (вместо *оборудование для производства гофрокартона*; ≈ 5000 включений), *товары меха* (вместо *товары меховой промышленности*; ≈ 3000 включений), *надпись тату* (вместо *тату в виде надписи / надпись для тату*; ≈ 19000 включений) и др.

Зачастую некодифицированные словосочетания могут быть квалифицированы по нескольким признакам, т.е. совмещать в себе сразу несколько указанных выше аспектов.

Заключение. «Словарь», по заявлению составителей, предназначен как для исследователей-филологов и всех людей, интересующихся аббревиацией, так и для переводчиков и литературных редакторов; для последних «Словарь» может выполнять функцию рекомендательного источника, что обязывает составителей «Словаря» маркировать все некодифицированные элементы.

В «Словаре» фиксируются все обнаруженные в информационно-поисковых системах частотные сокращения и их многокомпонентные расшифровки, что соответствует принципам дескриптивной грамматики, при этом вокабулы (сложносокращённые слова) и узуальные слова-синонимы снабжены системой функциональных помет. В связи с этим считаем необходимым ввести специальную маркировку также и для ненормативных расшифровок. Это позволит учесть все регулярно используемые носителями языка синтаксические эквиваленты, как это и задумывалось составителями, и в то же время обозначить отступления от языковых норм для пользователей словаря.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев Д.И. Стилистические особенности буквенных аббревиатур и сложносокращенных слов / Д.И. Алексеев // Вопросы стилистики : тезисы докладов на межвузовской научной конференции. – Саратов, 1962. – С. 44–59.
2. Борисов В.В. Аббревиация и акронимия. Военные и научно-технические сокращения в иностранных языках / В.В. Борисов. – Москва : Воениздат, 1972. – 320 с.
3. Бровец А.И. Модификационный интерпретативный дешифровальный стимул сложносокращенного слова / А.И. Бровец // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. – Москва: Изд-во МГУ им. М. В. Ломоносова, 2017. – № 6. – С. 98–107.
4. Воронцов Р.И. Принципы нормативности и историзма в русской академической лексикографии: еще раз о типе большого толкового словаря / Р.И. Воронцов, М.Н. Приемышева, Е.В. Пурицкая // Вопросы лексикографии. – 2023. – № 28. – С. 5–27.
5. Емельянова К.Ю. Окказиональные аббревиатуры в аббревиатурной группе «евро» / К.Ю. Емельянова // Новые горизонты русистики. – 2020. – № 10. – С. 40–46.
6. Кругликова Л.Е. Слово в защиту русского языка и русской лексикографии / Л.Е. Кругликова // Вестник Российской академии наук. – 2014. – Т. 84, № 4. – С. 346–353.
7. Кругликова Л.Е. Дескриптивный словарь versus прескриптивный словарь / Л.Е. Кругликова // Академик А.А. Шахматов: жизнь, творчество, научное наследие : Сборник статей к 150-летию со дня рождения ученого / Отв. ред. О.Н. Крылова, М.Н. Приемышева ; Российская академия наук ; Институт лингвистических исследований ; Санкт-Петербургский институт истории ; Санкт-Петербургский филиал архива РАН ; Санкт-Петербургский научный центр ; Объединенный научный совет по общественным и гуманитарным наукам. – Санкт-Петербург : Общество с ограниченной ответственностью «Нестор-История», 2015. – С. 963–970.
8. Михайлова Е.Н. Реализация актантной семантики в реляционных дешифровальных стимулах как средство трактовки сложносокращенного слова / Е.Н. Михайлова // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д: Филология и психология. – 2020. – № 2. – С. 139–145.
9. Разумовская В.А. Корпусный подход к фиксации новых речевых явлений (на материале лексемы knowledge) / В.А. Разумовская, В.А. Кононова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. – 2016. – № 1. – С. 37–46.
10. Теркулов В.И. Сложносокращенные апеллятивы как автономная разновидность аббревиатур / В.И. Теркулов // Русистика. – 2020. – Т. 18, № 1. – С. 97–112.
11. Щерба Л.В. Опыт общей теории лексикографии [Электронный ресурс] / Л.В. Щерба // Языковая система и речевая деятельность. – М.: Наука, 1974. – С. 265–304. – Режим доступа: <http://www.philology.ru/linguistics1/shcherba-74g.htm> (дата обращения: 25.06.2024).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

12. Алексеев Д.И. Словарь сокращений русского языка: около 15 000 сокращений / Д.И. Алексеев, И.Г. Гозман, Г.В. Сахаров; под ред. Д.И. Алексеева. – Изд. 2-е, испр. и доп. – Москва: Русский язык, 1977. – 415 с.
13. Складарская Г.С. Словарь сокращений современного русского языка / Г.С. Складарская. – М.: Эксмо, 2004. – 448 с.

REFERENCES

1. Alekseev D.I. (1962). Stilisticheskie osobennosti bukvennyh abbreviatur i slozhnosokrashhennyh slov [Stylistic features of letter abbreviations and compound abbreviated words] in Voprosy stilistiki : tezisy dokladov na mezhvuzovskoj nauchnoj konferencii [Issues of stylistics : abstracts of reports at the interuniversity scientific conference] (pp. 44–59). Saratov (In Russian)
2. Borisov V.V. (1972). Abbreviacija i akronimija. Voennye i nauchno-tehnicheskie sokrashhenija v inostrannyh jazykah [Abbreviation and Acronymy. Military and Scientific and Technical Abbreviations in Foreign Languages] (320 p.). Moscow: Voenizdat (In Russian)
3. Brovec A.I. (2017). Modifikacionnyj interpretativnyj deshifroval'nyj stimul slozhnosokrashhennogo slova [Modification interpretative deciphering stimulus of a compound abbreviated word] in Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 9: Filologija [Bulletin of Moscow University. Series 9: Philology] (6, pp. 98–107). Moscow: Lomonosov Moscow State University Press (In Russian)
4. Voroncov R.I., Priemysheva M.N., Purickaja E.V. (2023). Principy normativnosti i istorizma v russkoj akademicheskoi leksikografii: eshhe raz o tipe bol'shogo tolkovogo slovarja [Principles of normativity and historicism in Russian academic lexicography: once again about the type of a large explanatory dictionary] in Voprosy leksikografii [Issues in lexicography] (28, pp. 5–27) (In Russian)

5. Emel'janova K.Ju. (2020). Okkazional'nye abbreviatory v abbreviaturnoj gruppe "evro" [Occasional abbreviations in the abbreviation group "euro"] in *Novye gorizonty rusistiki* [New Horizons of Russistics] (10, pp. 40–46) (In Russian)
6. Kruglikova L.E. (2014). Slovo v zashhitu russkogo jazyka i russkoj leksikografii [Word in defense of the Russian language and Russian lexicography] in *Vestnik Rossijskoj akademii nauk* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences] (4, pp. 346–353) (In Russian)
7. Kruglikova L.E. (2015). Deskriptivnyj slovar' versus preskriptivnyj slovar' [Descriptive dictionary versus prescriptive dictionary] in *Akademik A.A. Shakhmatov: zhizn', tvorcestvo, nauchnoe nasledie : Sbornik statej k 150-letiju so dnja rozhdenija uchenogo* [Academician A.A. Shakhmatov: life, work, scientific heritage : Collection of articles for the 150th anniversary of the scientist's birth] (pp. 963–970). Saint Petersburg: Nestor-History Limited Liability Company (In Russian)
8. Mihajlova E.N. (2020). Realizacija aktantnoj semantiki v reljacionnyh deshifroval'nyh stimulach kak sredstvo traktovki slozhnosokrashhennogo slova [Realization of actant semantics in relational decoding stimuli as a means of interpretation of a complex abbreviated word] in *Vestnik Doneckogo nacional'nogo universiteta. Serija D: Filologija i psihologija* [Bulletin of Donetsk National University. Series D: Philology and Psychology] (2, pp. 139–145) (In Russian)
9. Razumovskaja V.A., Kononova V.A. (2016). Korpusnyj podhod k fiksacii novyh rechevyh javlenij (na materiale leksemy knowledge) [Corpus approach to the fixation of new speech phenomena (on the material of the lexeme knowledge)] in *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Serija: Voprosy obrazovanija: jazyki i special'nost'* [Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Educational Issues: languages and specialty] (1, pp. 37–46) (In Russian)
10. Terkulov V.I. (2020). Slozhnosokrashhennye apelljativy kak avtonomnaja raznovidnost' abbreviator [Complex abbreviated appellatives as an autonomous variety of abbreviations] in *Rusistika* [Russistics] (1, pp. 97–112) (In Russian)
11. Shherba L.V. (1974). Opyt obshhej teorii leksikografii [Experience of the general theory of lexicography] in *Jazykovaja sistema i rechevaja dejatel'nost'* [Language System and Speech Activity] (pp. 265–304) (In Russian)

Поступила в редакцию 15.07.2024 г.

MATERIAL OF "EXPLANATORY DICTIONARY OF ABBREVIATED COMPOUND WORDS OF THE RUSSIAN LANGUAGE" IN PRESCRIPTIVE ASPECT

V.A. Ryazanova

The article deals with syntactic equivalents, which constitute the equivalence block of the "Explanatory Dictionary of Compound Abbreviated Words of the Russian Language" (hereinafter referred to as the "Dictionary"), from the point of view of prescriptivism. This part of the Dictionary's material has not been analyzed from the point of view of normativity before, although the Dictionary is intended as a prescriptive source of abbreviation transcripts for editors and translators. The methods of comparison, structural, onomasiological, semantic analysis, classification, and description have been applied in the research. The empirical corpus includes 950 uncoded transcripts, in which deviations from lexical, onomasiological, syntactic, and stylistic linguistic norms are detected. The material has been selected by the method of continuous sampling from the body of the "Dictionary", which is being compiled. As a result of the study, the types of deviations from generally accepted linguistic norms that underlie uncoded syntactic equivalents have been identified and described.

Keywords: syntactic equivalent, decoding, discriminative approach, prescriptive approach, normativity, decoding stimulus.

Рязанова Валерия Александровна.

Кандидат филологических наук.
Донецкий государственный университет,
Российская Федерация, г. Донецк.
Доцент кафедры русского языка.

ORCID 0000-0002-7517-8589.
E-mail: ryazanova.v.a@mail.ru.

Ryazanova Valeriya Aleksandrovna.

Candidate of Philology.
Donetsk State University, Russian Federation,
Donetsk.
Associate Professor of Department of the Russian
Language.
ORCID 0000-0002-7517-8589.
E-mail: ryazanova.v.a@mail.ru.

Научная статья
УДК 81'373:008
DOI: 10.5281/zenodo.13996975

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ С САКРАЛЬНЫМИ КОМПОНЕНТАМИ БОГ, РАЙ, ДУША, ЧЕРТ В ТВОРЧЕСТВЕ АЛЕКСАНДРА ТВАРДОВСКОГО (НА МАТЕРИАЛЕ РАННЕЙ И ВОЕННОЙ ПОЭЗИИ)

© 2024 С.С. Криволап

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Луганская государственная академия культуры и искусств имени Михаила Матусовского»

ORCID 0009-0001-2023-626X

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru>

В работе рассматриваются фразеологические единицы с сакральными компонентами из произведений А.Т. Твардовского, раскрывающие особенности поэтического мировоззрения поэта. В статье автор систематизирует идиомы по стилистической окраске. Актуальность выбранной проблематики обусловлена необходимостью изучения фразеологических единиц с сакральными компонентами как с точки зрения их функционирования в русском языке, так и с позиций анализа фразеологического богатства произведений А. Твардовского. Целью работы является функционально-семантический анализ устойчивых сочетаний с элементами *бог, рай, душа, черт*. В процессе исследования применялись различные методы: эвристический, герменевтический, метод компонентного анализа, описание и сравнение. Сделаны выводы о функциях фразеологизмов в поэзии. Устойчивые сочетания придают повествованию эмоционально-экспрессивную окраску, служат описанием психического состояния человека в различных жизненных ситуациях, используются в качестве отличительной особенности речи героя лирического произведения.

Ключевые слова: фразеологизм, сакральный компонент, теоним, демононим, фразеологический фонд, картина мира, пейоративно маркированная единица, лингвокультура, религиозный текст, фразеорефлекс.

Для цитирования: Криволап С.С. Фразеологические единицы с сакральными компонентами *бог, рай, душа, черт* в творчестве Александра Твардовского (на материале ранней и военной поэзии) / С.С. Криволап // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. – 2024. – № 4. – С. 99–110. – <https://doi.org/10.5281/zenodo.13996975>.

Введение. Богатство языка произведений Александра Твардовского дает нам возможность проанализировать фразеологический фонд произведений поэта, раскрыть особенности лингвокультуры носителей языка. Это вполне объяснимо, ведь устойчивые сочетания формируются в ходе мыслительных процессов, а в основу фразеологических единиц (ФЕ) положены разнообразные факторы, от мировоззренческих до бытовых.

В последнее время возрос интерес к изучению фразеологической картины мира произведений автора, однако исследования носят фрагментарный, частичный характер: так, например, Л.Г. Ступникова рассматривает особенности формы, семантики, функции фонетических, фразеологических разговорно-просторечных компонентов в поэзии А.Т. Твардовского [20].

Отдельным проблемам изучения фразеологического фонда произведений поэта посвящены работы М.В. Головни. В кандидатской диссертации значительное внимание уделяется средствам выражения оценки в идиостиле Александра Твардовского на всех уровнях языках, в частности на лексико-фразеологическом [6]. В статье «Фразеологические средства экспрессии в поэзии А.Т. Твардовского» представлен лингвистический анализ особенностей употребления и функционирования ФЕ в стихотворных текстах [7]. Авторскую модальность как текстовую категорию и средства ее реализации в поэтических и прозаических произведениях А.Т. Твардовского рассматривает О.В. Девина [8].

Важным аспектом, по мнению ученых, остается использование устойчивых сочетаний в переводоведческом аспекте. В статье «Разговорно-просторечные элементы в поэмах Твардовского и их отражение в переводах на французский и немецкий языки» Э.М. Береговская отмечает факт присутствия стилистической доминанты разговорности и ориентации на просторечие эпической поэзии автора [1].

Работы, посвященные анализу сакральных элементов в составе фразеупотреблений из произведений А.Т. Твардовского, встречаются довольно редко. Тема религиозности в творчестве Александра Твардовского была освещена в статье Л.В. Павловой и Е.В. Казарцева [17]: предметом исследования стала лексема *бог*, особенности ее функционирования в поэтическом языке Твардовского. Кроме ФЕ, используемых в лирике автора, проанализированы идиомы документальной прозы («Рабочие тетради»).

Своеобразным дневником, в котором поэт фиксировал события, происходившие в жизни и мире, выражал отношение к человеку и поэзии в целом, стали «Рабочие тетради». Устойчивым сочетаниям, используемым автором в прозаическом тексте, посвящена работа Ф.Ф. Фархутдиновой «Личность – время – фразеология в главной книге А.Т. Твардовского» [22]. В статье рассматриваются фраземы, отраженные в записях последнего десятилетия жизни поэта (60-е гг. XX в.) и письмах, произведениях, опубликованных в этот период, с позиции стилистической дифференциации языка.

В исследовании «Трансформация христианской и народной мифопоэтической традиции в темах, образах и мотивах творчества А.Т. Твардовского: рассказ "Костя"» Н.В. Кузина рассматривает вопрос об особенностях бытования в авторском сознании писателя тем, образов и мотивов, отсылающих читателя к русской религиозности и мифопоэтическому наследию [14].

Литературные произведения – это более или менее сложная система определенных элементов, в нем возможно изображение картин природы, явлений, событий в жизни людей, процессов общественной жизни, частной жизни героев [5]. В последнее время возрос научный интерес лингвистов к изучению сакральных компонентов в устойчивых сочетаниях как на уровне анализа художественного текста, так и в аспекте проблем теоретического языкознания, лингвокультурологии.

Исследование ФЕ с сакральными компонентами нашло отражение в ряде работ лингвистов и литературоведов. В статье «Модальные фразеологизмы субкатегории эмоционального отношения в творчестве Ф.М. Достоевского» Е.Р. Ратушная и А.В. Уткина анализируют семантику модальных идиом с компонентом *бог*, *черт* на примере романов «Братья Карамазовы», «Идиот», «Преступление и Наказание» [19]. Публикация Н.А. Каленовой посвящена фразеупотреблениям к *черту*, *черта ли*, *боже мой*, *Слава Богу* в творчестве С.А. Есенина (на примере поэмы «Пугачев»). Автор подробно рассматривает употребление теонима *бог* и демононима *черт* [9].

Устойчивые сочетания с сакральным компонентом *черт* произведений курских авторов (А.А. Фет, П.А. Карпов) рассмотрены в статье А.В. Кузьминой и Н.О. Косицыной [15]. Язык как носитель и выразитель национальной самоидентификации исследован Н.О. Косицыной в работе «Фразеологизм как средство отражения культурно-религиозных знаний в художественном тексте» [11].

Фразеологизмы с соматизмом *душа* в поэзии Ф.И. Тютчева нашли отражение в исследовании Е.Н. Сычевой [21]. Автор описывает ФЕ с приведенным компонентом, расширяя область изучения при помощи однокоренных или производных лексем. В работе Г.К. Коцановой и Н.А. Джуманиязовой исследованы идиомы с компонентами *душа* и *черт* на примере произведений В.П. Астафьева с точки зрения структурно-грамматического анализа [12].

В статье «Русская сакральная фразеология как источник культурной информации» Н.А. Воробьева раскрывает лингвокультурологический аспект русской сакральной идиоматики на примере фразем с сакральным субъектом (*как ангел*), объектом (*целовать крест*), действием (*гадать на кофейной гуще*), пространством и временем (*Бог знает куда*), (*Аграфена-купальница*) и др. [3, с. 52–55, 57].

Более подробно тема сокровенности значений имени *бог* в русской фразеологии рассмотрена в работе Т.Г. Крапотинной [13]. В диссертации Н.И. Коноваловой представлена комплексная лингвокультурологическая интерпретация сакрального текста, выступающего в качестве одного из базовых знаков традиционной духовной культуры русского народа [10].

Работа А.И. Миловановой посвящена фразеологическим единицам, выражающим значение через наименование нереального явления [16]. Ключевыми компонентами ФЕ, по мнению автора, являются соматический, зооморфный, пространственный и временной.

Отсутствуют научные работы, посвященные проблемам использования устойчивых сочетаний с лексемами *рай*, *душа* в творчестве Александра Твардовского. Таким образом, обращение к изучению фразеологических единиц с сакральными компонентами является актуальным как с точки зрения их функционирования в русском языке, так и с позиций анализа фразеологического богатства произведений А. Твардовского.

Цель работы – провести функционально-семантический анализ устойчивых сочетаний с сакральным компонентом.

Задачи исследования:

- 1) выявить и систематизировать идиомы, содержащие сакральные компоненты;
- 2) раскрыть особенности использования ФЕ с элементами *бог*, *рай*, *душа*, *черт*;
- 3) выявить положительные и отрицательные оттенки оценочных значений авторской фразеологии.

Материалы и методы исследования. Для характеристики ФЕ с сакральными компонентами были выбраны материалы из поэзии раннего и военного периодов творчества Александра Твардовского. В статье применены разнообразные методы: для лингвистического исследования фразеологических единиц – эвристический, описательный, сравнительный метод, метод компонентного анализа. Для истолкования художественного текста использовался герменевтический метод.

Основная часть. Религиозная составляющая – одна из тем творчества автора, репрезентированная в произведениях раннего и военного периодов при помощи устойчивых сочетаний с сакральными компонентами.

По определению словаря русского языка под ред. А.П. Евгеньевой, *сакральный*, книжн. ‘относящийся к религиозному культу; обрядовый, ритуальный’ [26].

Соглашаясь с предшествующими исследователями (Н.В. Шведова, В.М. Мокиенко, М.М. Голикова), сакральными считаем лексемы *бог, рай, душа, черт*. Устойчивые сочетания, используемые автором, содержат такие компоненты: теоним *бог, рай, душа*, демононим *черт*.

В языках славянских народов сохранилось немало представлений о боге; русское слово *бог* в большинстве ФЕ олицетворяет единственного и всемогущего создателя Вселенной в мировосприятии христиан. Концепт *бог* – один из сложных как в философско-теологическом, так и в лингвистическом отношении. Представители различных направлений (теология, богословие), наук находят общие параметры определения этого концепта, обычно придавая им мифологическую или «ментальную» направленность.

Согласно словарю славянских древностей, *бог*, о.-слав. *Вогъ*, ‘исконное или заимствованное из иранского; вероятное первоначальное значение – наделяющий благом, богатством’ [29, с. 202]. В книжно-церковной традиции – верховная сущность, обладающая высшим разумом.

Использование теонима *бог* рассмотрим на примере отдельных произведений автора. «Страна Муравия» – поэма, написанная А.Т. Твардовским в 1934–1936 гг. Произведение создано в форме путевых заметок и посвящено коллективизации, судьбе крестьянства в новой России. Главный герой, Никита Моргунок, крестьянин-середняк, не принимающий новое устройство общества. Парень отправляется в дорогу на поиски мифической, утопичной страны Муравии. В 12 главе повествуется, как Никита на базаре хватает конокрада Бугрова, притворявшегося нищим слепым, который просил милостыню, но тот опять сбегает: *И Моргунок, как мех сопя, / Подмял слепого под себя. / Народ бежит со всех сторон: / – Слепого бьют... Разбой!.. / – Да как же, братцы, – зрячий он. / – Ей-богу, был слепой* [27, с. 273].

В русском языке ФЕ *ей-богу* представляет собой фразорефлекс (ФР). ФР нашли отражение в работах В.Г. Гака, Э.А. Салиховой, Т.М. Шкапенко и др. По мнению В.Г. Гака, ФР – высказывание фразеологического характера, являющееся вербальной реакцией на ситуацию, факты, чьи-либо слова [4, с. 33]. Идиома зафиксирована в словаре А.И. Федорова и трактуется следующим образом: *ей-богу*, разг. ‘божба, клятвенное заверение в чем-либо; уверен, клянусь, честное слово’ [31, с. 33]. В стихотворении ФЕ выступает междометием и используется для выражения эмоциональной окраски речи говорящего.

Кроме того, автор использует в поэме ФР *ни боже мой*, выражающий в различных контекстах амбивалентные эмоции. Главный герой путешествует по утопичной стране Муравии и восхищается ее обыденным устройством, описывая при этом колорит местности. Подтверждение тому находим в одной из глав: *И все твоё перед тобой, / Ходи себе, поплевай. / Колодец твой, и ельник твой, / И шишки все еловые. // Весь год – и летом и зимой, / Ныряют утки в озере. / И никакой, ни боже мой, – / Коммуни, колхозии!..* [27, с. 242]. В словаре приводится следующее толкование фраземы *ни боже мой*, устар. экспрес. ‘нет чего-либо’ [31, с. 34]. ФЕ используется, по нашему мнению, для того, чтобы придать эмоционально-экспрессивную окраску отображения внутреннего состояния персонажа.

Александр Твардовский применяет в утопии ФР *бог помощь*: *Строгает что-то ножиком, / Как бубен, лысый дед. / Скоблит... / – Бог помощь, граждане, / Колхозники ай нет?..* [27, с. 283]. Как видим, поэт прибегает к усечению идиомы (исходный вариант – *бог в помощь*). Этот прием можем рассмотреть как отличительную особенность индивидуально-авторского стиля. В данном случае Твардовский опускает предлог *в*, чтобы

отметить особенности построения и использования речи главного героя – выходца из крестьянской среды. *Бог помощь* – ФР, выражающий положительные эмоции. Во фразеологическом источнике приведено толкование единицы: *бог в помощь (помочь)*, устар. прост. ‘в речевом этикете: пожелание кому-либо успеха в труде’ [31, с. 28]. ФР не потерял свою актуальность и общеупотребительность, так как его можно слышать и в речи носителей современного русского языка.

В русском языке распространены так называемые ФР-заклинания. В их основе лежит реакция на нежелательные события, ситуации, которые произойдут в скором будущем. Все эти ФЕ нашли широкое употребление в речи людей и использование в художественных произведениях. В одной из глав А. Твардовский воспроизводит воспоминания Никиты Моргунок о процессе обмолота зерна. По стуку трактора герой нашел ток и присоединился к общей работе: – *А, дай!* / – *Разделся Моргунок, / Рогатки в руки взял, / Покрылся ношей, поволок, / Знай наших! – доказал. // – Да я ж!.. Да господи спаси, / Да божже сохрани!.. / Скажи – коси, скажи – носи, / Скажи – ворочай пни!..* [27, с. 290]. В славянских народных песнях и легендах распространены мотивы и сюжеты, в которых бог защищает от беды, предотвращает от греха, исцеляет больных, оберегает от огня, совершает чудеса и т.п. *Сохрани божже* трактуется следующим образом: экспрес, ‘выражение предостережения о недопустимости чего-либо опасного, нежелательного’ [31, с. 645]. Междометное выражение применяется автором с целью усиления эмоциональности повествования.

Еще одним компонентом с сакральным значением является единица *рай*, используемая в составе устойчивого сочетания. По мнению Е.Л. Березович, слово *рай* принадлежит к числу сакральных терминов с высокой ценностной нагрузкой, что обуславливает острую зависимость его от мировоззренческих изменений, особенно такого «геологического сдвига», как переход от язычества к христианству [2, с. 18–19].

В период советско-финской войны (1939–1940 гг.) автор пишет произведение «Земля под небом необжитым...», повествующее о реалиях военного времени. Для того чтобы согреться, нужно было прижаться к земле, увидеть накат и проползти к родному дому: *А там внизу, под тем накатом, / Под потолком из кругляшей, / Там, как вползешь, – родная хата, / Махорки дым и запах щей. // Там рай земной. И в самом деле, / Зима любая не страшна* [28, с. 25]. Автор хотел донести мысль о памяти как нити, связующей человека с историей, отчим домом, наконец, с жизнью. Родное место незаменимо, и каким бы жилище ни было, ветхим или отремонтированным, для каждого человека оно соотносится с раем.

Земной рай, по мнению авторов историко-этимологического справочника, обозначает ‘прекрасный уголок, выражение восходит к библейскому рассказу о *рае* – прекрасном саде, где жили Адам и Ева до своего грехопадения’ [25, с. 487]. Фразеологизм отражает специфическое художественное мышление и выражает особые знания о мире и о месте в нем поэта.

Одним из культурно-национальных символов, закрепившихся во фразеологических оборотах и являющихся важнейшим компонентом ценностной сферы языкового менталитета, является сложное, многоаспектное понятие *душа*, ставшее предметом рассмотрения различных дисциплин (психологии, философии, культурологии и др.).

Этот термин, по словам Т.Б. Радбиля, тесно связан с идеей воздуха, дыхания, которая подверглась «мифологическому метафорическому переосмыслению на базе обычного переноса семантики физической сущности на психическую» [18, с. 237–238].

Фразеологизмы русского языка (ср.: *жить душа в душу, душа компании, заячья душа, родственная душа, широкая душа*) отражают особенности мировосприятия, поведенческие характеристики человека. По мнению исследователей, в России *душа* воспринимается как внутренний мир, нечто неизведанное, неопознанное, но способное испытывать различные эмоции – как отрицательные, так и положительные. ФЕ, имеющие в составе лексему *душа*, обладают наибольшей экспрессивностью и эмоциональностью.

Поэзия раннего периода творчества А. Твардовского содержит в себе устойчивые сочетания с компонентом *душа*. В утопической поэме «Страна Муравия» одна из глав посвящена свадьбе тракториста, на которую был приглашен Никита Моргунок. Среди присутствующих на торжестве людей главный герой чувствовал себя уютно. Далее автор описывает момент танца сына и отца: *А батька – этак, / Сын вот так, / И не отходит ни на шаг. // И оба пляшут от души, / И оба вместе хороши...* [27, с. 310]. К фразеологизмам, выражающим положительные чувства, можно отнести *от души*, обозначающий душевный подъем, силу чувства. Идиома зафиксирована в словаре А.И. Федорова: *от <всей>души*, экспрес. ‘искренне’ [31, с. 219]. В приведенном примере термин *душа* используется автором как отображение внутреннего, психического мира человека.

ФЕ с компонентом *душа* используется писателем и в произведениях военного периода, что, по нашему мнению, можно объяснить собственно восприятием *души*. *Душа*, по определению словаря славянских древностей, главное понятие народной антропологии, бессмертная субстанция жизни, заключенная в теле человека и покидающая его в момент смерти [30, с. 162], которая подстерегает человека на войне повсеместно.

В основу сюжета главы «Кто стрелял?» лиро-эпической поэмы «Василий Теркин» легло повествование автора о неожиданно пролетевшем над взводом бойцов вражеском самолете. Увидев приближение техники, один из солдат стреляет из винтовки и подбивает цель. Вскоре командование узнает о подвиге Василия и награждает его орденом: *А весной, весной... Да где там, / Лучшие скажем наперед: / Если горько гибнуть летом, / Если осенью – не мед, / Если в зиму дрожь берет, / То весной, друзья, от этой / Подлой штуки – души рвет* [28, с. 228]. Можно сказать, что *душа* в составе приведенной ФЕ обозначает внутренний, психический мир человека. *Рвать душу*, экспрес. ‘приносить страдания, терзать, мучить кого-либо’ [31, с. 571]. В приведенном примере А.Т. Твардовский синтезирует текстовые единицы с семантикой сезонности и эмоциональное состояние героя перед лицом смерти.

На примере произведения «Василий Теркин» А.Т. Твардовский поэтично описывает факты неразрывного сосуществования души и тела человека. В главе «Смерть и воин» раненый Теркин лежит на снегу. В этот момент за ним как будто приходит смерть, однако боец заявляет, что хочет еще пожить. Василий видит сослуживцев, которые уносят убитых с поля боя. Они тотчас же его заметили и отнесли отогреваться: *– Ну и редкостное дело, – / Рассуждают не спеша. – / Одно дело – просто тело, / А тут – тело и душа. // – Еле-еле душа в теле... / – Шутки, что ль, заяб совсем* [28, с. 277].

Душа живого человека пребывает, помещается, живет, обитает в теле (а не рядом с ним, над ним) – «внутри», «в середине». По С.М. Толстой, *душа* появляется у человека до или в момент рождения: человек рождается вместе с *душой*; Бог (ангел) «вкладывает» *душу* в тело и т.д. [30, с. 163]. Согласно поверьям, *душа* чаще локализуется в определенной части тела, в том или ином органе: в сердце или около него (рус., бел.), в груди (рус.) и т.п. *Еле-еле душа в теле*, прост. экспрес. ‘едва, чуть

жив; очень слаб от болезни, усталости и т. п.» [31, с. 216]. Это находит отражение во фразеологизме *еле-еле душа в теле*, который Александр Твардовский употребляет в значении бессмертного начала в человеке, продолжающего жить после его смерти.

В 1941–1942 году А. Твардовский пишет «Балладу о товарище». В ее основе – трудный путь на восток по фронтовым дорогам и селам главного героя и раненого боевого друга, ориентирующихся лишь по звездам. Между ними завязывается диалог, в ходе которого один из них признается, что в любом случае помог бы другу: *Он отставал, он кровь терял, / Он пулю нес в груди / И всю дорогу повторял: / – Ты брось меня. Иди... // Наверно, если б ранен был / И шел в степи чужой, / Я точно так бы говорил / И не кривил душой* [28, с. 60]. Поэт трансформирует узуальную ФЕ, частицей *не* придавая отрицательную форму (*кривить душой – не кривить душой*) по отношению к человеческим качествам.

В качестве противопоставления теониму *бог* Александр Твардовский использует в своем творчестве фразеологизмы с сакральным компонентом-демонимом *черт*. Согласно культурологическим исследованиям, *черт* – противник Бога-творца, дьявол, участвовавший в сотворении мира наряду с верховным божеством.

Словарь славянских древностей рассматривает демоним *черт* как центральный персонаж славянской (и европейской) мифологии, продукт взаимодействия церковно-книжных представлений о богопротивнике, носителе абсолютного зла и архаических народных верований о вредоносных духах, присутствующих в земном пространстве» [24, с. 519]. В народной демонологии *черт* трактуется неоднозначно: как воплощение нечистой силы вообще и – как особый мифологический персонаж с индивидуальным набором признаков.

Н.В. Шведова в работе «Фразеологизмы с компонентами "бог" и "черт" в современном русском языке» приводит несколько значений лексемы *черт*: вообще нечистая сила, враг рода человеческого, искуситель человеческих душ; перен. – отрицательная оценка человека (разг. фам.) [23].

ФЕ с компонентом *черт* нашли отражение в творчестве А.Т. Твардовского различных периодов. Так, в 1935 году в свет выходит стихотворение «Смоленщина», посвященное родному краю писателя, воспоминаниям из детства, связанными с окружающими его людьми: *И лежали мхи непроходимые, / Золотые залежи тая, / Черт тебя возьми, моя родимая, / Старая Смоленщина моя!..* [27, с. 89]. Автор использует ФЕ *черт возьми*, прост. 'восклицание удивления, раздражения, негодования, досады, восхищения' [25, с. 623]. Несмотря на отрицательный по содержанию компонент *черт*, в идиоме отражено чувство глубокой привязанности к Родине, ведь Смоленщина оставалась нравственной и эстетической опорой на протяжении всего творчества Александра Твардовского.

«Страна Муравия» – поэма, повествующая о коллективизации в 30-е гг. XX века. В основе сюжета – путешествия Никиты Моргунка в поисках лучшей жизни по утопичным местам необъятной советской страны. В одной из таких глав герой отправляется в деревню Острова, чтобы купить коня. По пути он видит, как у дороги под телегой спят мужчина и босоногий мальчик: *Руль одной рукою / Держит, как шофер. / Едет – что такое? / Смотрит – что за черт!* [27, с. 277]. В поэтическом тексте устойчивое сочетание имеет просторечную стилистическую окраску, полагаем, что использовано автором для придания экспрессивности высказываниям, описания поведенческих реакций и эмоциональности главных героев (недоумение ввиду сложившейся ситуации).

Приведем другой отрывок из поэмы, в котором отражена идиома с элементом *черт*: *Эх, друг родной, сказать любя, / Без толку носит черт тебя!.. <...> // Да я б на месте на твоём, / Товарищ Моргунок, – / Да отпусти меня райком – / Я б целый свет прошел пешком, / По всей Европе напрямиком, / Прополз бы я, проник тайком, / Без тропок и дорог* [27, с. 296–297]. Выражение *черт носит* является процессуальным фразеологизмом и восходит к модели простого предложения. А.И. Федоров трактует приведенную ФЕ таким образом: *черт носит* кого, прост. экспрес. ‘выражение резкого недовольства тем, что кто-либо пропадает, ходит где-то, долго не появляется’ [31, с. 745]. Просторечные высказывания выступают в роли важного средства художественной изобразительности, существенно обогащающие речь автора, главного героя. Чаще всего в них выражены отрицательные эмоции: нетерпение, негодование.

В произведении «Женитьба шофера» Александр Твардовский повествует о комбайнере, у которого из-за работы на поле не все получается с личной жизнью: *Видит сам: дела ни к черту, / Нет кампаниям конца. / Подкатил к своей четвертой, / Развернулся у крыльца* [27, с. 213]. У А.И. Молоткова значение идиомы следующее: ‘совсем плох, никуда не годен в каком-либо отношении’ [32, с. 525]. ФЕ использована, с нашей точки зрения, для объективной оценки ситуации, событий, происходящих вокруг главного героя.

В 1942 году А.Т. Твардовский пишет лиро-эпическую поэму «Василий Теркин», где гармонично сочетает речь, насыщенную фразеологизмами, с описанием быта советского солдата как во время пребывания на фронте, так и в моменты душевного спокойствия.

Так, в главе «На привале» повествуется об остановившихся на ночлег солдатах. Не спит только главный герой, рассказывая сослуживцам о количестве немецких танков на поле боя, о том, как человек становится мелким, незначительным перед грозной бронированной машиной: *Что ж, в газетке лозунг точен: / Не беги в кусты да в хлеб. / Танк – он с виду грозен очень, / А на деле глух и слеп. // – То-то слеп. / Лежишь в канаве, / А на сердце маята: / Вдруг как сослепу задавит, – / Ведь не видит ни черта* [28, с. 163]. Поэт применяет идиому в качестве описания морального состояния солдата на поле боя в различных ситуациях.

В главе «Гармонь» А.Т. Твардовский рассказывает о встрече Василия с танкистами, которые отдали ему музыкальный инструмент погибшего товарища и попросили, чтобы главный герой сыграл что-нибудь. Солдат соглашается, начинает исполнять мелодию, от которой становится теплее на душе, и бойцы идут в пляс: *И опять же – посудите – / Может, завтра – с места в бой... / – Знаешь что, – сказал водитель, – Ну, сыграй ты, шут с тобой* [28, с. 199]. Автор заменяет лексему *черт* эвфемизмом *шут* для снижения экспрессивности, нейтрализации возможной оскорбительности высказывания.

После окончания войны, в 1946 году, Александр Трифонович пишет проникновенную лирическую хронику «Дом у дороги», посвященную простой крестьянской семье, испытавшей все тяготы войны. Автор хронологически выстраивает события, чтобы показать трагическую судьбу Сивцовых. В одной из глав поэт описывает жуткую картину идущих пленных солдат. Женщины смотрят в их лица, боясь увидеть близких сердцу людей: *– Цурюк! – / Не молод он, / Устал, до черта жарко, / До черта обозлен, / Себя – и то не жалко... // Бредут ряды солдат / Угрюмой вереницей. / И бабы всем подряд / Заглядывают в лица* [28, с. 357]. Повтор устойчивого сочетания *до черта* автор использует в приведенных строках для усиления эмоционального воздействия на читателя. Прием способствует более четкой

ритмической организации предложения, с его помощью создаются контрасты, замедляется и усиливается темп произведения.

Заключение. Исследовав идиомы с сакральными компонентами, можем сказать, что: 1) фразеология произведений Александра Твардовского богата средствами речевой выразительности, применяемыми автором с целью придания поэтическим текстам особой экспрессии и национального колорита; 2) в поэзии А.Т. Твардовского нашли отражение сочетания с сакральными составляющими: теонимом *бог, рай, душа*, демононимом *черт*, представляющие собой значительный пласт в русской фразеологии. Это свидетельствует о значимости религиозного аспекта как составляющей социокультурного компонента; 3) преобладание ФЕ с очевидно пейоративно маркированной единицей *черт (шут)* объясняется ироничностью высказывания, отражением оценки действительности происходящего в лирике А.Т. Твардовского, эвфемизацией устойчивого сочетания; 4) поэт синтезирует элементы книжного и разговорного стилей в речи главных героев; 5) в поэзии фразеологизмы выполняют различные функции: придают повествованию эмоционально-экспрессивную окраску, служат описанием психического состояния человека в различных жизненных ситуациях, используются в качестве отличительной особенности речи героя лирического произведения; 6) ФЕ с проанализированными элементами важны для понимания и интерпретации художественного произведения, так как содержат дополнительные знания, основанные на традициях, обычаях, верованиях народа.

Дальнейшее исследование фразеологии произведений Александра Твардовского позволит более детально проанализировать устойчивые сочетания, разнообразные по стилистической окраске (книжные, высокие, просторечные). Результаты исследования могут быть использованы при изучении лингвистических дисциплин (фразеология, стилистика, новые методики анализа художественного текста, лингвокультурология, этнолингвистика, лингвистический анализ текста), применяться в преподавании вузовского и школьного курсов русской литературы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Береговская Э.М. Разговорно-просторечные элементы в поэмах Твардовского и их отражение в переводах на французский и немецкий языки [Электронный ресурс] / Э.М. Береговская. – Режим доступа: http://samlib.ru/w/wagapow_a_s/beregovskaya.shtml (дата обращения: 05.07.2024).
2. Березович Е.Л. «Рай идет в этом райке...»: к образу рая в русской языковой традиции / Е.Л. Березович // Этимология: [сб. науч. тр.] – М.: Ин-т русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 2012. – С. 18–35.
3. Воробьева Н.А. Русская сакральная фразеология как источник культурной информации / Н.А. Воробьева // Лингвокультурология. – 2016. – № 10. – С. 52–62.
4. Гак В.Г. Национальная специфика языковых рефлексов / В.Г. Гак // Языковая личность и семантика: [сб. науч. тр.]. – Волгоград: Перемена, 1994. – С. 33–34.
5. Гизатулина О.И. Введение в литературоведение [Электронный ресурс] / О.И. Гизатулина. – Режим доступа: <https://sites.google.com/view/gizatulina-biblioteka/введение-в-литературоведение/лекция-2> (дата обращения: 08.07.2024).
6. Головня М.В. Средства выражения оценки в поэтическом языке А.Т. Твардовского: автореф. дисс. ... канд. филол. наук: спец. 10.02.01 «Русский язык» / М.В. Головня. – М., 2010. – 25 с.
7. Головня М.В. Фразеологические средства экспрессии в поэзии А.Т. Твардовского / М.В. Головня // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. – 2019. – Вып. 2 (23). – С. 61–64.
8. Девина О.В. Авторская модальность в произведениях А.Т. Твардовского: автореф. дисс. ... канд. филол. наук: спец. 10.02.01 «Русский язык» / О.В. Девина. – Калининград, 2012. – 25 с.
9. Каленова Н.А. Дискурсивная реализация фразеосемантики в поэме С.А. Есенина «Пугачёв» / Н.А. Каленова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2017. – Вып. 6 (72). – С. 84–86.
10. Коновалова Н.И. Сакральный текст как лингвокультурный феномен: автореф. дисс. ... д. филол. наук: спец. 10.02.01 «Русский язык» / Н.И. Коновалова. – М., 2007. – 47 с.

11. Косицына, Н.О. Фразеологизм как средство отражения культурно-религиозных знаний в художественном тексте / Н.О. Косицына // Ученые записки: электронный научный журнал Курского государственного университета. – 2015. – № 1 (33). – С. 102–108.
12. Кошанова Г.К. Структурно-грамматический анализ соматических фразеологизмов в произведениях В. Астафьева / Г.К. Кошанова, Н.А. Джуманиязова // Молодой ученый. – 2016. – № 13 (117). – С. 690–692.
13. Крапотина Т.Г. Сокровенные значения имени Бог в русской фразеологии / Т.Г. Крапотина // Наследие акад. Ф.И. Буслая: история и современность: [сб. науч. тр.]. – Пенза: ПГПУ им. В.Г. Белинского, 2008. – С. 179–183.
14. Кузина Н.В. Трансформация христианской и народной мифопоэтической традиции в темах, образах и мотивах творчества А.Т. Твардовского: рассказ «Костя» / Н.В. Кузина // Культурологический журнал. Гуманитарные исследования. – 2017. – Вып. 3 (29). – С. 1–12.
15. Кузьмина А.В. Фразеологизмы с религиозным компонентом чёрт в произведениях А.А. Фета и П.И. Карпова / А.В. Кузьмина, Н.О. Косицына // Курское слово. – 2014. – № 11. – С. 7–13.
16. Милованова А.И. Ключевые компоненты фразеологизмов, выражающих свое значение через наименование нереального явления, как вербализаторы лингвокультурного кода русского народа: автореф. дисс. ... канд. филол. наук : спец. 10.02.01 «Русский язык» / А.И. Милованова. – Воронеж, 2021. – 25 с.
17. Павлова Л.В. Язык «свергнутой религии»: Твардовский о Боге / Л.В. Павлова, И.В. Романова, Е.В. Казарцев // Вестник НГУ. Серия: История, филология. – 2021. – Вып. 9 (20). – С. 96–107. – DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-9-96-107.
18. Радбиль Т.Б. Основы изучения языкового менталитета : учеб. пособие / Т.Б. Радбиль. – М.: Флинта : Наука, 2010. – С. 237–239.
19. Ратушная Е.Р. Модальные фразеологизмы субкатегории эмоционального отношения в творчестве Ф.М. Достоевского / Е.Р. Ратушная, А.В. Уткина // Вестник Курганского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2018. – № 3. – С. 7–10.
20. Ступникова Л.Г. Разговорно-просторечные компоненты в поэзии А.Т. Твардовского: форма, семантика, функции: автореф. дисс. ... канд. филол. наук : спец. 10.02.01 «Русский язык» / Л.Г. Ступникова. – М., 2011. – 23 с.
21. Сычева Е.Н. Фразеологизмы с соматизмом «душа» в поэзии Тютчева / Е.Н. Сычева // Вестник Брянского государственного университета. – 2012. – № 2 (1). – С. 1–13.
22. Фархутдинова Ф.Ф. Личность – время – фразеология в главной книге А.Т. Твардовского / Ф.Ф. Фархутдинова // А.Т. Твардовский: исследования и материалы (международная научная конференция «Творчество А.Т. Твардовского в контексте русской и мировой культуры»), 5–7 октября 2010 года / отв. ред. Г.Н. Ермоленко. – Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2010. – Вып. 1. – С. 52–61.
23. Шведова Н.В. Фразеологизмы с компонентами «бог» и «черт» в современном русском языке: автореф. дисс. ... канд. филол. наук : спец. 10.02.01 «Русский язык» / Н.В. Шведова. – Тюмень, 2004. – 21 с.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

24. Березович Е.Л. Черт / Е.Л. Березович, Л.Н. Виноградова // Славянские древности: Этнолингвистический словарь в 5 т.; под общ. ред. Н.И. Толстого. Т. 5. С–Я. – М.: Международные отношения, 2012. – С. 519–527.
25. Бирих А.К. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник / А.К. Бирих, В.М. Мокиенко, Л.И. Степанова. – СПб.: Фолио-Пресс, 1998. – 704 с.
26. Словарь русского языка : в 4 т. [Электронный ресурс] / РАН, Институт лингвистических исследований; под ред. А.П. Евгеньевой. – 4-е изд., стер. – М.: Рус. яз. : Полиграфресурсы, 1999. – Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp> (дата обращения: 12.07.2024).
27. Твардовский А.Т. Собрание сочинений : в 6 т. / Александр Твардовский. – Т. 1. – М.: Худ. лит, 1976. – 431 с.
28. Твардовский А.Т. Собрание сочинений : в 6 т. / Александр Твардовский. – Т. 2. – М.: Худ. лит, 1977. – 432 с.
29. Толстой Н.И. Бог / Н.И. Толстой // Славянские древности: Этнолингвистический словарь в 5 т.; под общ. ред. Н.И. Толстого. Т. 1. А–Г. – М.: Международные отношения, 1995. – С. 202–203.
30. Толстая С.М. Душа / С.М. Толстая // Славянские древности: Этнолингвистический словарь в 5 т.; под общ. ред. Н.И. Толстого. Т. 2. Д–К. – М.: Международные отношения, 1999. – С. 162–167.
31. Федоров А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка : ок. 13000 фразеологических единиц / А.И. Федоров. – М.: Астрель: Аст, 2008. – 878 с.

32. Фразеологический словарь русского языка. Свыше 4000 словарных статей / Л.А. Войнова, В.П. Жуков, А.И. Молотков, А.И. Федоров; под ред. А.И. Молоткова. – М.: Сов. энциклопедия, 1968. – 543 с.

REFERENCES

1. Beregovskaya, E.M. Razgovorno-prostorechnye elementy v poemah Tvardovskogo i ih otrazhenie v perevodah na francuzskij i nemeckij yazyki [Colloquial-vernacular elements in Tvardovsky's poems and their reflection in translations into French and German] URL: http://samlib.ru/w/wagapow_a_s/beregovskaya.shtml (In Russian)
2. Berezovich, E.L. (2012). «Raj idet v etom rajke...»: k obrazu raya v russkoj yazykovoj tradicii [«Paradise goes in this paradise...»: towards the image of paradise in the Russian language tradition] (pp. 18–35). Moscow: In-t russkogo yazyka im. V.V. Vinogradova RAN [V.V. Vinogradov Institute of the Russian Language of the Russian Academy of Sciences]. (In Russian)
3. Farhutdinova, F.F. (2010). Lichnost' – vremya – frazeologiya v glavnoj knige A.T. Tvardovskogo [Personality – time – phraseology in the main book by A.T. Tvardovsky]. A.T. Tvardovskij: issledovaniya i materialy (mezhdunarodnaya nauchnaya konferenciya «Tvorchestvo A.T. Tvardovskogo v kontekste russkoj i mirovoj kul'tury», Smolensk, 5–7 oktyabrya 2010 goda. Smolensk: (52–61). (In Russian)
4. Gak, V.G. (1994). Nacional'naya specifika yazykovyh reflektov [National specificity of language reflexes] (pp. 33–34). Yazykovaya lichnost' i semantika [Linguistic personality and semantics]. Volgograd: Peremena. (In Russian)
5. Gizatulina, O.I. Vvedenie v literaturovedenie [Introduction to Literary Studies]. URL: <https://sites.google.com/view/gizatulina-biblioteka/vvedenie-v-literaturovedenie/lekciya-2> (In Russian)
6. Golovnya, M.V. (2010). Sredstva vyrazheniya ocenki v poeticheskom yazyke A.T. Tvardovskogo [Means of expressing appreciation in the poetic language of A.T. Tvardovsky] (Candidate dissertation). Moscow State Regional University, Moscow. (In Russian)
7. Golovnya, M.V. (2019). Frazeologicheskie sredstva ekspressii v poezii A.T. Tvardovskogo [Phraseological means of expression in A.T. Tvardovsky's poetry]. Bulletin of Omsk State Pedagogical University. Humanitarian studies, 2 (23), 61–64. (In Russian)
8. Devina, O.V. (2012). Avtorskaya modal'nost' v proizvedeniyah A.T. Tvardovskogo [The author's modality in the works of A.T. Tvardovsky] (Candidate dissertation). Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad. (In Russian)
9. Kalenova, N.A. (2017). Diskursivnaya realizaciya frazeosemantiki v poeme S.A. Yesenina «Pugachyov» [Discursive realization of phraseosemantics in S.A. Yesenin's poem «Pugachev»]. Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki, 6 (72), 84–86. (In Russian)
10. Konovalova, N.I. (2007). Sakral'nyj tekst kak lingvokul'turnyj fenomen [Sacred text as a linguistic and cultural phenomenon] (Doctoral dissertation). Moscow State Regional University, Moscow. (In Russian)
11. Kositsyna, N.O. (2015). Frazeologizm kak sredstvo otrazheniya kul'turno-religioznyh znanij v hudozhestvennom tekste [Phraseology as a means of reflecting cultural and religious knowledge in a literary text]. Uchenye zapiski: elektronnyj nauchnyj zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta, 1 (33), 102–108. (In Russian)
12. Koshchanova, G.K., & Dzhumaniazova, N.A. (2016). Strukturno-grammatischeskij analiz somatischeskikh frazeologizmov v proizvedeniyah V. Astaf'eva [Structural and grammatical analysis of somatic phraseological units in the works of V. Astafiev]. Molodoj uchenyj, 13 (117), 690–692. (In Russian)
13. Krapotina, T.G. (2008). Sokrovennye znacheniya imeni Bog v russkoj frazeologii [The hidden meanings of the name God in Russian phraseology]. Penza: Nasledie akad. F.I. Buslaeva: istoriya i sovremennost', pp. 179–183). (In Russian)
14. Kuzina, N.V. (2017). Transformaciya hristianskoj i narodnoj mifopoeticheskoj tradicii v temah, obrazah i motivah tvorcestva A.T. Tvardovskogo: rasskaz «Kostya» [The transformation of the christian and folk mythopoetic tradition in the themes, images and motifs of A.T. Tvardovsky's work: the story «Kostya»]. Kul'turologicheskij zhurnal. Gumanitarnye issledovaniya, 3 (29), 1–12. (In Russian)
15. Kuzmina, A.V., & Kositsyna, N.O. (2014). Frazeologizmy s religioznym komponentom chyort v proizvedeniyah A.A. Feta i P.I. Karpova [Phraseological units with a religious component in the works of A.A. Fet and P.I. Karpov]. Kurskoe slovo, 11, 7–13. (In Russian)
16. Milovanova, A.I. (2021). Klyuchevye komponenty frazeologizmov, vyrazhayushchih svoe znachenie cherez naimenovanie nereal'nogo yavleniya, kak verbalizatory lingvokul'turnogo koda russkogo naroda [The key components of phraseological units expressing their meaning through the name of an unreal phenomenon, as verbalizers of the linguistic and cultural code of the Russian people] (Candidate dissertation). Voronezh State Technical University, Voronezh. (In Russian)

17. Pavlova, L.V., Romanova, I.V., & Kazartsev, E.V. (2021). Yazyk «svergnutoj religii»: Tvardovskij o Boge [The language of the «overthrown religion»: Tvardovsky about God]. Bulletin of the NSU. Series: History, Philology, 9 (20), 96–107. DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-9-96-107. (In Russian)
18. Radbil', T.B. (2010). Osnovy izucheniya yazykovogo mentaliteta [The basics of learning a language mentality] (pp. 237–239). Moscow: Flinta: Nauka. (In Russian)
19. Ratushnaya, E.R., & Utkina, A.V. (2018). Modal'nye frazeologizmy subkategorii emocional'nogo otnosheniya v tvorchestve F.M. Dostoevskogo [Modal phraseological units of the subcategory of emotional attitude in the works of F.M. Dostoevsky]. Bulletin of the Kurgan State University. Humanities, 3, 7–10. (In Russian)
20. Shvedova, N.V. (2004). Frazeologizmy s komponentami «bog» i «chert» v sovremennom russkom yazyke [Phraseological units with the components «God» and «devil» in modern Russian] (Candidate dissertation). Tyumen State University, Tyumen. (In Russian)
21. Stupnikova, L.G. (2011). Razgovorno-prostorechnye komponenty v poezii A.T. Tvardovskogo: forma, semantika, funkcii [Colloquial-vernacular components in A.T. Tvardovsky's poetry: form, semantics, functions] (Candidate dissertation). Moscow State Regional University, Moscow. (In Russian)
22. Sycheva, E.N. (2012). Frazeologizmy s somatizmom «dusha» v poezii Tyutcheva [Phraseological units with the somatism «soul» in Tyutchev's poetry]. Bulletin of the Bryansk State University, 2 (1), 1–13. (In Russian)
23. Vorobyova, N.A. (2016). Russkaya sakral'naya frazeologiya kak istochnik kul'turnoj informacii [Russian sacred phraseology as a source of cultural information]. Lingvokul'turologiya [Linguoculturology], 10, 52–62. (In Russian)

Поступила в редакцию 31.08.2024 г.

**PHRASEOLOGICAL UNITS WITH SACRED COMPONENTS
GOD, PARADISE, SOUL, DEVIL IN WORKS BY ALEXANDER TVARDOVSKY
(BASED ON EARLY AND MILITARY POETRY)**

S.S. Krivolap

The contribution addresses phraseological units with sacred components from the works by A.T. Tvardovsky, which reveal the features of the poet's esthetic worldview. In the article, the idioms are grouped according to the criterion of stylistic colouring. The relevance of the problem under analysis is accounted for by the need to study phraseological units with sacred components both in terms of their functioning in the Russian language and in terms of investigating the phraseological richness of A. Tvardovsky's works. The research objective is functional and semantic analysis of idioms with the elements *God, paradise, soul, devil*. A number of methods have been applied in the course of the research, among them are heuristic, hermeneutical, componential analysis, as well as description and comparison. The conclusions are drawn about the functions of phraseological units in poetry. Set expressions add up emotional and expressive colouring to the narrative. They are resorted to in order to describe the characters' mental state in various life situations. Idioms are used as a distinctive feature of the speech of the hero in a lyrical work.

Key words: phraseological unit, sacred component, theonym, demononym, phraseological vocabulary, worldview, pejoratively marked unit, linguoculture, religious text, phraseological reflexes.

Криволап Светлана Сергеевна.

Луганская государственная академия культуры и искусств имени Михаила Матусовского, Российская Федерация, г. Луганск.
Преподаватель кафедры русского языка и литературы.
ORCID 0009-0001-2023-626X.
E-mail: krivolap_2016@mail.ru.

Krivolap Svetlana Sergeevna.

Lugansk State Academy of Culture and Arts named after Mikhail Matusovsky, Russian Federation, Lugansk.
Lecturer at Department of Russian Language and Literature.
ORCID 0009-0001-2023-626X.
E-mail: krivolap_2016@mail.ru.

Научная статья

УДК: 811.161.1

DOI: 10.5281/zenodo.13997498

**КОСВЕННЫЕ РЕЧЕВЫЕ АКТЫ В РЕЧЕВОЙ АГРЕССИИ
(НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ В.В. ВЕРЕСАЕВА «ЗАПИСКИ ВРАЧА»
И Д.А. ПРАВДИНА «ЗАПИСКИ РАЙОННОГО ХИРУРГА»)**

© 2024 Е.А. Кривченко

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Волгоградский государственный медицинский университет».
г. Волгоград

ORCID 0000-0002-5993-6060.

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru>

Работа врача подразумевает ежедневный контакт с пациентами, общение с очень разными по темпераменту, уровню культуры и образованности людьми. Агрессия в коммуникации порой неизбежна: столкновение разных точек зрения, расхождение целей, принципов – всё это может приводить к проявлению неприязни, враждебности, специально используемой адресантом манеры речи, оскорбляющей чье-либо самолюбие, достоинство. Порой в стенах больницы и во время приёма доктора пациент провоцирует, нередко сопротивляется назначенному курсу лечения, проявляя прямую агрессию, иронию, сарказм, применяются различные приёмы манипулирования. Однако предполагается, что рассмотренные ситуации связаны, прежде всего, с сохранением здоровья и жизни пациентов, поэтому обе стороны должны выйти из конфликта и не мешать оказанию лечения. Изучение речевой агрессии, возможной при общении пациента и врача, направлено на решение проблем, возникающих в ходе коммуникации. Для нивелирования конфликтов в стенах медицинских учреждений важно понимать, на основе каких коммуникативно-прагматических установок адресата зарождается речевая агрессия и с помощью каких речевых средств она может быть нейтрализована. В ходе исследования данной проблемы нами были использованы описательный метод, методы контекстуального и лингвопрагматического анализов. Материалом исследования послужила авторская картотека фрагментов, извлеченных из художественных произведений В. В. Вересаева «Записки врача» и Д. А. Правдина «Записки районного хирурга», в которых заключены конфликтные ситуации, возникшие между коммуникантами. Нами были выявлены основные вне- и внутрilingвальные средства речевой агрессии в диалогах врачей и пациентов, между коллегами-врачами, определены наиболее частотные факторы в конфликтных ситуациях, выделены типы речевой агрессии (активная прямая агрессия, пассивная непрямая агрессия, имплицитная агрессия).

Ключевые слова: конфликт, прагмалингвистика, речевой акт, речевая агрессия, художественный текст.

Для цитирования: Кривченко Е.А. Косвенные речевые акты в речевой агрессии (на материале произведений В.В. Вересаева «Записки врача» и Д.А. Правдина «Записки районного хирурга») / Е.А. Кривченко // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. – 2024. – № 4. – С. 111–122. – <https://doi.org/10.5281/zenodo.13997498>

Введение. *Речевая агрессия* – конфликтогенное речевое поведение, в основе которого лежит установка на субъективно-объективный тип общения и негативизирующее воздействие на адресата [2, с. 4]. Отметим, что речевая агрессия свойственна всем типам дискурса, не исключением становится и медицинский. Она также может проявляться в

рамках любого типа общения. Так, доктор может вступать в диалог с другими врачами, создав целый консилиум, а может и спорить лишь с одним пациентом наедине.

В нашем исследовании речевой агрессии материалом послужили тексты произведений русских прозаиков, являющихся одновременно и практикующими врачами: «Записки врача» В.В. Вересаева, «Записки районного хирурга» Д.А. Правдина. Авторы книг жили в разное время, речь людей претерпевала изменения, рамки, в которых нарушались границы дозволенного, тоже менялись. В исследовании важно было отметить, как часто и какими тактиками пользовались пациенты в диалогах с врачами, а также, возможно, врачи между собой. Оба произведения похожи тем, что авторы писали от первого лица о своём опыте именно в первые годы врачебной практики, что уже само собой порождало агрессию пациентов, не желающих быть осмотренными неопытным доктором, и других врачей, раздражённых незнанием молодого коллеги.

Цель исследования: основываясь на теоретическом представлении понятия *речевая агрессия*, выявить, на основе каких коммуникативно-прагматических установок адресанта происходят нежелательные для адресата изменения в различных сферах коммуникативного пространства, вызывающих конфликт между врачом и пациентами, врачом и его коллегами.

Новизна исследования состоит в том, что речевая агрессия проанализирована на основе медицинского дискурса схожих по тематике произведений разных веков. Важно понять тактики, виды речевой агрессии, а также причины, повлекшие нарушение кодекса речевого поведения.

Основная часть. В большинстве лингвистических работ речевая агрессия считается явлением психолингвистическим, где психологическое понимание агрессии рассматривается как речевое поведение и с лингвистикой связан только способ выражения. Для того чтобы лучше понять варьирование терминов «вербальной агрессии» в психологии и «речевой агрессии» в лингвистике, следует обратиться к словарным определениям данных словосочетаний. В психолингвистическом словаре «вербальная агрессия – форма поведения агрессивного, в коей используется отреагирование своих отрицательных эмоций как посредством соответственных интонаций и других невербальных компонент речи, так и посредством угрожающего содержания высказываний» [17, с. 6]. С лингвопсихологической позиции речевую агрессию рассматривает К.Ф. Седов, определяя ее как «целенаправленное коммуникативное действие, ориентированное на то, чтобы вызывать негативное эмоционально-психологическое состояние у объекта речевого воздействия» [11, с. 33]. Речевая агрессия рассматривается в работе Т.А. Воронцовой как «тип речевого поведения, который может осуществляться в рамках любого дискурса, независимо от его временных и национальных параметров» [2, с. 13]. Как мы видим из определений понятий, они синонимичны, так как и речевая агрессия, и вербальная агрессия предполагают выведение собеседника на негативные эмоции с целью дестабилизировать его.

Установление значения понятия «речевая агрессия» не будет полным без обращения к определениям, зафиксированным в словарях. К примеру, в «Стилистическом энциклопедическом словаре русского языка» под речевой агрессией понимается «использование языковых средств для выражения неприязни, враждебности; манера речи, оскорбляющая чьё-либо самолюбие, достоинство. В наибольшей степени речевая агрессия находит воплощение в разговорной и публицистической сферах коммуникации» [19, с. 18].

Часто агрессия, в том числе и речевая, может выступать средством достижения определённой цели. Если говорить о медицинском дискурсе, то здесь цели могут быть

разными: повысить собственный авторитет, самоутвердиться, выплеснуть усталость на другого, подавить человека.

Если говорящий выбирает конфронтационную коммуникативную стратегию, целью которой является доминирование над партнером, понижение его статуса, принуждение к подчинению, то происходит обострение конфликта и разрешение конфликтной ситуации негативным результатом. В подобных случаях коммуниканты прибегают к речевой агрессии. По шкале деструктивного общения этот вариант речевого поведения оценивается как речевое преступление.

При речевой агрессии давление на личность происходит через воздействие на её ценностную сферу, составной частью которой является социальный статус индивида. Поэтому понятие речевой агрессии не сводится к употреблению бранных слов и нелицитативных выражений, это более широкое понятие [6, с. 2]. Поведение человека в том или ином конфликте связано с индивидуальными свойствами личности. Так, вспыльчивый и импульсивный человек нередко вступает в конфликт с похожим эмоциональным человеком, а иногда раздражается от спокойствия и уступчивости другого. Особенности поведения связаны также с социальными факторами, сложившимися в объективной ситуации: внешние факторы актуализируют те или иные свойства людей, вызывая или гася стрессогенные переживания [13, с. 16].

Отметим, что речевая агрессия тесно связана с конфликтом. Он понимается как «ситуация, в которой наличествует несовместимость действий, целей, стремлений или желаний у двух лиц – межличностный конфликт» [13, с. 16].

В специальной литературе выделяют различные классификации речевой агрессии, однако нами была выбрана классификация по Ю.В. Щербининой, так как для нашего исследования немаловажными характеристиками являлись степень коммуникативного воздействия на собеседника, способ целенаправленности, а также способ выраженности агрессии. Лингвист подразделяет негативное коммуникативное воздействие по признаку интенсивности на слабое (стёртое) и сильное; по степени целенаправленности агрессивного высказывания и его осознанности говорящим необходимо различать осознанную, целенаправленную (преднамеренную, инициативную) речевую агрессию и неосознанную или осознанную недостаточно, нецеленаправленную (непреднамеренную, реактивную, оборонительную, защитную); по характеру, способу выраженности можно выделить явную (открытую) и скрытую (неявную) вербальную агрессию; по отношению к объекту речевой агрессии (адресату высказывания) можно говорить о «переходной» и «непереходной» разновидностях агрессии; по количеству участников выделяют массовую и социально замкнутую (межличностную, групповую) разновидности агрессии [14, с. 61–66].

Агрессивные намерения скрыто или косвенно выражаются и в жалобах, особенно часто встречающиеся в ситуациях, связанных с процессом оказания медицинской помощи.

Итак, рассмотрим, какие виды речевой агрессии присутствуют в прозаических произведениях, определим, каковы причины ее возникновения и речевые средства экспликации.

Вот акцизный чиновник с воспалением седалищного нерва, доведенный страданиями до бешенства, кричит профессору:

– Подлецы вы все, шарлатаны! Да убейте же вы меня, ради создателя, – одного только я у вас прошу! [16]

Причиной речевой агрессии адресата служит желание высказать негативные эмоции, так как он уже несколько лет парализован из-за случайно травмы – повреждение спины. В реплике пациента используются такие синтаксические средства, как восклицательные предложения, обратный порядок слов (инверсия): *подлецы вы все;*

одного только я у вас прошу. Это использовано для большей возможности интонационно подчеркнуть негодование и отношение пациента к врачам.

Инвективные номинации адресата, используемые для оскорбления речевого партнёра, вызвать ответную негативную реплику или агрессию, можно отметить в предложении: *подлец* ‘подлый, низкий, бесчестный человек, негодяй’ [20, с. 195] и *шарлатан* ‘невежда, выдающий себя за знатока, специалиста; обманщик, плут’ [20, с. 702]. Эти существительные употреблены пациентом не случайно, а для подчёркивания оценки – непрофессионального поведения врачей и качества их работы. В данном примере можно отметить «фактор профессионала», который выражается в агрессивном поведении и указывает на то, что «адресат высказывания не является профессионалом в той или иной области» [2, с. 23], а следовательно, не может адекватно оценить уровень оказанной ему помощи. Больной судит по результату, а он плачевен.

Оскорбление в примере намеренное, с использованием глагольного императива *убейте*, который позволяет понять внутреннее состояние больного, полностью отчаявшегося. Однозначно можно сказать, что данный пример демонстрирует сильную прямую, осознанную и переходную (направленную на врачей больницы) агрессию.

В предложении *Подлецы вы все, шарлатаны* используется антиципация, когда сначала употребляется существительное, а затем местоимение *вы* для расстановки нужных логических акцентов.

Обратимся к следующему примеру из «Записок врача»:

Служитель огромного роста, с черной бородой, вскрыл труп и вынул органы. Умершая лежала с запрокинутой назад головой <...>.

– Вы что тут делаете, а? – вдруг раздался в дверях задыхающийся голос.

На пороге стоял человек <...> лицо его было смертельно бледно и искажено ужасом. Это был мещанин-сапожник, отец умершей девочки; он шел в покойницкую узнать, когда можно одевать умершую, ошибся дверью и попал в секционную.

– Что вы тут делаете, разбойники?! – завопил он, трясясь и уставясь на нас широко раскрытыми глазами.

У прозектора замер нож в руке.

– Ну, ну, чего тебе тут? «Ступай!» – сказал побледневший служитель, идя навстречу мещанину.

– Ребят здесь свежуете, а?! – кричал тот с каким-то плачущим воем, судорожно топчась на месте и тряся сжатыми кулаками. – Вы что с моей девочкой исделали?

Мужчина, потерявший свою дочь, увидел внешний раздражитель – растерзанное тело девочки. Он сразу же решил, что это его ребёнок, и отца захватили эмоции – ярость, ненависть к врачам из-за того, что они не только не сохранили жизнь ребёнку, но и препарировали её тело, используя его в качестве наглядного материала. Мужчине не пришло в голову, что он мог ошибиться: это не его дочь. Он уже был в подавленном состоянии, душевная боль переполняла его. Неслучайно автор использует грубое и сниженное слово *уставясь*, толкование которого дано в словаре как ‘разг. стать, повернуться в определённом направлении, принять определённое направление’ [20, с. 523], чтобы подчеркнуть иступление мужчины. В этот момент он как бы перевел внутренние переживания в физические и вербальные, пытаясь вступить в конфликт, ломая дверь в учебную комнату.

Показателем активной прямой агрессии является использование глагола *свежевать* ‘снимать шкуру с убитого животного и потрошить его’ [20, с. 39]. Данная лексема, употреблённая по отношению к человеку, а тем более к врачу, который обязан был вскрыть тело после смерти и удостовериться в правильности установленной её причины, неуместен, поскольку нарушена лексическая сочетаемость (это слово может

вступать в сочетания не со всеми словами данного семантического класса, а лишь с теми, что указаны в словарной статье: ‘потрошить, снимать шкуру’) [9, с. 52].

Мужчина начинает скандал, развившийся из-за ошибки, которая стала толчком к деструктивному конфликту, переросшему в драку. В контексте агрессия передается и с помощью описания невербальных средств: отец трясся, задышался от негодования, сжав при этом кулаки. Его поза, сбившееся дыхание говорили о том, что он готов броситься и начать драку.

В.В. Вересаев приводит еще один случай из врачебной практики главного героя:

– *Поднесите его к окну, посмотреть горло, – сказал я.*

– *Что его еще мучить! – сердито проговорила вошедшая мать. – Уж оставьте его в покое!*

– *Как вам не стыдно!*

– *Чуть немножко хуже стало, — и руки уж опустили: помирай, дескать! <...> Я сказал родителям, что все идет очень хорошо, и мальчик теперь быстро оправится.*

— *Дай бог! — скептически улыбнулся отец. — А я так думаю, что вы его завтра и в живых уж не увидите.*

Я прописал рецепт, объяснил, как давать лекарство, и встал. — До свидания!

Предшествующие этой ситуации события были таковы: врач спасал ребёнка жизнь, вскрыв нарыв миндалин. Родители увидели ухудшение в состоянии ребёнка после операции, что повлекло их скептический и агрессивный настрой. Они решили, что к обеду следующего дня мальчик умрёт, так как всю ночь выходил гной, ребёнок захлёбывался. Родители также испытывали агрессию вследствие фрустрации – резкое ухудшение состояния ребёнка, бледность, отказ от еды и в целом бессонная ночь привели их к мысли о скором летальном исходе. В репликах матери и врача находим грубое требование оставить в покое умирающего ребёнка, что можно отнести к одной из форм вербальной речевой агрессии – враждебному отказу от помощи специалиста. Данный пример также иллюстрирует активную прямую агрессию: мать раздражена желанием врача снова проводить осмотр, а врач – её нежеланием сделать всё возможное, несмотря на ухудшение. Последний ответ врача «*Как вам не стыдно!*» можно квалифицировать как манипулятивную агрессию: доктор призывает мать пациента к разуму (нельзя сдаваться) и, как к производному, к соответствующему чувству (стыд), а также делает акцент на необходимости повторного осмотра и оценке состояния ребёнка.

Врач выбирает стратегию уклонения, не реагируя на слова матери, ищущей конфликт. Он понимает, что с женщиной бесполезно говорить, она не видит улучшений и ставит крест на ребёнке, ожидая кончины. Доктор не теряет силы на склоки, грамотно выполнив свою работу и покинув дом.

Обратимся к следующему примеру:

— *Володе хуже стало, он бредит и стонет, — сообщает она. — Пожалуйста, пойдёмте.*

Я безропотно иду. Но иногда у меня не хватает терпения.

— *Вас сестра милосердия прислала, или это вы находите нужным мое присутствие? — спрашиваю я недобрым голосом.*

Её темные глаза загораются негодованием; Екатерина Александровна еле сдерживается, видя, как я ценю свой сон.

— *Я думаю, что сестра милосердия — не врач, и она не может об этом судить, — резко отвечает она.*

Иду с нею. Мальчик бредит, мечется, дышит часто, но пульс хороший, и никакого вмешательства не требуется. Раздраженная сестра милосердия сидит на стуле у окна. Я молча выхожу в прихожую.

Доктор использует враждебное замечание, насмешку, поскольку устал и хочет отдохнуть. Он подчёркивает, что женщина взяла на себя слишком много, беспокоя его вместо того, чтобы обратиться сначала к сестре милосердия, а уж в случае сильного ухудшения снова будить его. Характер замечания больше целенаправленно-наступательный, так как цель достигнута – женщина раздражена, хотя на протяжении всего пребывания врача в их доме она обращалась вежливо.

Поведение и реплики Екатерины Александровны могут стать примером пассивной не прямой агрессии, так как её истинные чувства и мысли она не озвучила, чтобы, скорее всего, врач ощутил своё неприемлемое в этой ситуации поведение, не соответствующее клятве, которую даёт каждый специалист. Их диалоги не перешли в прямую активную агрессию благодаря правилам светской беседы, демонстрирующей уровень образованности и воспитанности говорящих. Диалоги представляют пример имплицитной агрессии, которая предполагает скрытое желание оппонента начать конфликт, однако в силу усталости обеих ситуация сходит на нет и заканчивается безэмоциональным осмотром больного ребёнка.

Врач и мать больного ребёнка выбирают стратегию сотрудничества, так как оба понимают, что мальчик в плохом состоянии, мать взвинчена, она, естественно, будет просить доктора быть таким же внимательным к ребёнку, как и она. Женщина не развивает конфликт, ставя выше спокойствие врача, его присутствие в их доме важнее собственного самолюбия. Доктор прощает это, ведь она мать, её чувства можно понять.

Невербальные средства маркирования негативных эмоций (взгляд матери, откровенно недовольный незаинтересованностью в состоянии сына) есть, однако из-за общей усталости взрослых и желания женщины оставить врача как можно дольше в доме, конфликт гасится.

В исследовании мы также рассмотрели произведение «Записки районного хирурга» Д.А. Правдина. В тексте находим следующие примеры речевой агрессии:

Был уже полдень, и чего я только не услышал в свой адрес, продираясь сквозь толпу к кабинету. Самое мягкое было «дармоед». Я как мог оправдывался, объяснял, что я один, что ночью оперировал, что у меня на отделении тоже больные. Но все было тщетно <...>.

Чашу терпения переполнило брошенное мне в спину — «Коновал»! <...>

В другой раз я бы, наверное, так себя не повел, но бессонная ночь дала о себе знать, притупив здравый смысл:

— А, вот так! Если я коновал, то езжайте к настоящим врачам, сюда-то чего заявились? Все!

— Я главврачу пойду жаловаться! Безобразия! — попыталась надавить на меня толстая баба со смачным синяком в левой параорбитальной области (вокруг глаза) <...>.

Агрессия вызвана недовольством (реакция на слова доктора) пациентов, которые с самого утра ждут приёма, а врач говорит о том, что сегодня его не будет. Причина конфликта – сбой в вербальном или невербальном ролевом поведении, когда должностные лица не выполняют своих прямых обязанностей или выполняют их недолжным образом. Однако так видят ситуацию пациенты, доктор же имел оправдание, которое не интересовало самих ожидающих.

Чётко прослеживается «фактор профессионала», который отражается в намеренных прямых оскорблениях по отношению к врачу, сниженной лексики, с помощью которой пациенты понижают статус доктора.

Причина речевой агрессии пациентов вызвана отрицательным коммуникативным намерением (унизить адресата из-за созданных им неудобств). Обратимся к употребленному пациентом слову *коновал* (Ср.: прямое значение этой лексемы – ‘знахарь, лечащий лошадей’ [20, с. 90]; *знахарь* – ‘лекарь-самоучка, лечивший средствами, рассчитанными на суеверие и невежество’ [14, с. 617]; переносное значение существительного *коновал* – ‘знахарь, лечащий лошадей (о плохом, невежественном враче; разг. пренебр.)’ [22, с. 90]). Как видим, реакция врача на оскорбление понятна, поскольку его квалификацию занизили не просто от врача до знахаря, а упрекнули в непрофессионализме. Сразу после оскорбления врач завершает приём, отправляя всех обратно домой.

В словах пациентки прослеживается угроза (*я главврачу буду жаловаться*), что усиливается восклицанием *Безобразие!*

Безусловно, оскорбления в сторону врача, а затем ответное оскорбление от пациентов к обидчику являются примером прямой активной агрессии, так как были попытки высмеять врача, сравнивая его с коновалом, а также в реплике пациента содержится прямой призыв агрессивных действий против объекта речи (*сволочь, иди извиняйся*).

В репликах доктора прослеживается манипулятивная агрессия, так как он говорит, что сейчас приём закончится, порядка нет, угрожает собственным увольнением. В словах пациента, назвавшего врача коновалом, эксплетивная агрессия, так как фраза содержит бранные слова, обладает резкостью, в импульсивно-эмоциональной форме, что свойственно подобным ситуациям в общественных местах.

Коммуникативная стратегия в этом примере относится к сотрудничеству (обе стороны ищут решение, которое интересно всем). Такое решение конфликта связано с тем, что пациенты заинтересованы в начале приёма, так как сами разрешить свои проблемы со здоровьем не могут, многие нуждаются в хирургическом вмешательстве. А врач в свою очередь хочет начать приём, оказав медицинскую помощь, понимая, что в его отделении нередко людям нужно быстрое вмешательство профессионала, чтобы не привести к необратимым последствиям.

— *Дмитрий Андреевич, я вам в двух словах сейчас все объясню, — шепотом заговорила Алла Борисовна, заведующая детским отделением. — Понимаете, к нам доставили мальчика с черепно-мозговой травмой.*

— *А почему к вам, а не в хирургию?*

— *Видите ли в чем дело... Он сын начальника местной милиции, а мама у него директор школы, и они попросили меня, чтоб госпитализировали в наше отделение.*

— *Да почему к вам?*

— *Ну, у вас там бомжи, уголовники, всякие другие асоциальные элементы. У нас мальчику будет более комфортно. Ну, вы меня понимаете?*

— *Понял, — протянул я. — Хирургия наша, значит, гадюшник?*

— *Ну, почему гадюшник, у вас нет отдельных палат, а у нас есть.*

Причиной речевой агрессии врача Дмитрия Андреевича стала отрицательная эмоциональная реакция адресата на высказывание Аллы Борисовны, так как врача обидело изменение порядка в больнице из-за «особенного» пациента в хирургическом отделении. Врач использует насмешку, иронично называя своё отделение *гадюшником*. В словаре арго В.С. Елистратова *гадюшник* определяется как ‘какое-либо

низкопробное, сомнительное заведение; любое грязное, запущенное место' [19, с. 84]. Однако женщина не стала развивать конфликт, понимая, что им предстоит помочь мальчику сейчас. В реплике врача также используется прямая активная агрессия (ирония, перефразирование слов Аллы Борисовны). Женщина старается избежать развёртывание конфликта, найти путь избежания речевой агрессии: она вовремя переключает внимание на другой аспект, акцентируя на необходимость в отдельной палате, отводя негативную энергию в более мирное русло.

Слова врача содержат имплицитную агрессию, поскольку он с помощью такого неожиданного ироничного подведения итога на фразу Аллы Борисовны «назвал вещи своими именами» – *гадюшником*. Его цель – продолжить разговор, так как доктор недоволен решением, принятым за него, явно ему неудобным.

Обратимся к ещё одной ситуации из врачебной практики главного героя:

Серёжа, пятнадцатилетний худенький подросток, сидел на кровати, поджав ноги по-турецки, дурашливо смеялся, корчил рожи и показывал присутствующим язык.

— *Послушайте, коллеги, да он же у вас в дупель пьяный!* — констатировал я, осмотрев парня.

— *Да как вы смеете!* — *фурией* взвилась мама мальчика, красивая ухоженная дама. — *Кто дал вам право делать такие выводы?*

— *А вы сами не видите?* — спокойно спросил я.

— *Что я должна видеть?!*

— *Что ваш ребенок пьян. Кто вам сказал, что его избили?*

— *Сам Серёжа!*

— *Я думаю, что он вам солгал.*

— *Послушайте, — попытался я объяснить еще раз. — Ваш сын мертвецки пьян. Его не надо спасать, ему не нужна наша помощь. Он проспится — и все будет в порядке, понимаете? Раньше, может, и надо было желудок промыть, а сейчас уже поздно.*

— *Я так этого не оставлю!* — *ярнулась дама. — А вас, — она грозно посмотрела на меня, — привлекут за неказание помощи. Это я вам обещаю!*

Откровенный ответ врача о факте алкогольного опьянения вывел из себя мать подростка, женщина не использовала оскорблений, однако тон и восклицательные предложения, наличие угрозы в конце демонстрирует, насколько сильны её эмоции на высказанные мысли врача по поводу травмы мальчика. Агрессия здесь выражена в виде речевого акта угрозы. В ходе развития коммуникации начинается ссора: взаимные претензии, отрицательное речевое воздействие. В отрыве использована прямая активная агрессия (угроза, оскорбление, женщина угрожает весьма неприятными последствиями).

Врач парирует и отвергает все заявления об избиении мальчика, применяя оппозицию, чётко обозначая свою непреклонную позицию и мнение об алкогольном опьянении мальчика: *Ваш сын мертвецки пьян. Его не надо спасать, ему не нужна наша помощь.*

Мать мальчика использует деструктивную стратегию, именуемую скандалом. Она угрожает, говорит на повышенных тонах и категорически отвергает возможность того, что её сын просто пьян, а врача не нужно задерживать из-за таких ситуаций.

— *Алло! Мне нужен врач, который оперировал Стелькина Ивана Фомича, — скандальным тоном заявил женский голос, не поздоровавшись.*

— *Я вас слушаю.*

— *Я замглавы администрации Новосибирской области, Стелькин мой брат, я знаю, что его доставили к вам. Что с ним?*

— *У вас какой стаж работы?* — *недовольно спросил голос.*

— *А какое это имеет значение?*

— *Прямое! Почему вы сами оперировали моего брата, а не отправили в область?*

— *Потому что у него продолжалось кровотечение, а я мог это прекратить.*

— ***Послушайте, как вас там?***

— *Дмитрий Андреич Правдин.*

— *Так вот, доктор Правдин, я хорошо знаю вашего главного хирурга области, и попрошу разобраться, на каком основании вы оперировали моего брата, а не вызвали санавиацию и не отправили его в область. Вы меня поняли?*

— ***Я вас прекрасно понял! Только, мадам, попросите еще узнать главного хирурга области, почему ваш брат сидит на шее у своей жены, у которой трое маленьких детей. Почему он пьет технический спирт, а не работает, как все нормальные мужики. Попросите!***

И далее:

— ***Да, как ты смеешь! Ты! Я тебя по стенке размажу! Ты там последний день работал, понял?***

— ***Понял, я сегодня последний день работаю, а потом вы приезжаете сюда работать вместо меня и нянчиться со своим прекрасным братцем.***

Речевая агрессия возникает у звонившей женщины сразу же, так как она уже настроена враждебно, высокомерно и кичится своим положением, обозначив границы того, что она всё равно выше врача. Пренебрежительная фраза *Как вас там?* зарождает начало речевой агрессии. До этого мы видим грубое требование женщины дать информацию о квалификации врача, при этом её не интересовало, что доктор уже оказал надлежащую помощь и его стаж не имеет значения. Врач же отвечает агрессией, используя обвинение родственника звонившей в тунеядстве, алкоголизме.

Врач не отвечает угрозами, а лишь использует насмешку. Речевая агрессия выражается открыто, можно увидеть сарказм в словах доктора (*будете работать вместо меня, нянчиться*), использования слова *мадам*, которое «в русской разговорной речи второй половины XX – начала XXI столетия имеет эмоционально-оценочную помету «ироничное» в семантическом словаре. Материалы национального корпуса русского языка свидетельствуют о том, что «анализируемая лексема часто используется носителями языка в контекстах, имеющих иронический, негативный оттенок, в частности тогда, когда используется в функции обращения» [5, с. 249]. Обратим внимание на один из приёмов реакции на речевую агрессию «расфокусировка», суть которого – «сбить ориентиры, разорвать шаблоны и переиграть ситуацию в свою пользу» [14, с. 36]. Врач задаёт неожиданный вопрос об аморальном образе жизни брата. В конце телефонного разговора доктор использует просьбу с «подвохом», один из приёмов расфокусировки ориентиров собеседника, переиграв с помощью такого заявления ситуацию [14, с. 37]: *Понял, я сегодня последний день работаю, а потом вы приезжаете сюда работать вместо меня....*

Женщина прибегает к стратегии коммуникативного насилия, ощущая своё превосходство и показывая свою силу, выражающуюся в нужных знакомствах и своей должности в администрации: она пренебрежительно относится к врачу, даёт понять, что не считает его профессионалом из-за отсутствия опыта. Женщина приводит в негодование врача, что уже порождает скандал, относящийся к деструктивной стратегии. В словах также применена апелляция к авторитету: *Я замглавы администрации Новосибирской области, Стелькин мой брат, я знаю, что его доставили к вам.*

Заключение. В ходе проведенного исследования выделены следующие типы речевой агрессии: активная прямая агрессия, встречающаяся чаще, пассивная непрямая агрессия, а также имплицитная агрессия. Были использованы адресантами такие

стратегии, как стратегия уклонения, стратегия сотрудничества, когда речь шла о сохранении жизни человека и обеими сторонами принято решение остановить нарастающий конфликт, занявшись первостепенной задачей врача, который должен сохранять спокойствие для оказания квалифицированной экстренной помощи.

Причинами возникновения речевой агрессии являлись следующие факторы: отрицательная эмоциональная реакция адресата на фразу адресанта, желание высказать негативные эмоции из-за какого-либо внешнего фактора-раздражителя, недовольство пациентов, отрицательное коммуникативное намерение.

Средством передачи речевой агрессии могут быть вне- и внутрилингвальными. Внелингвальным относятся пресуппозиция, ряд предварительных условий, разозливших оппонента или повлиявших на его точку зрения, молодой возраст врача. Внутрилингвальные можно разделить на две группы. Первая – это языковые маркёры в речи инициатора агрессии (употребление стилистически маркированной лексики, например, агрессивной, неодобрительной, грубой; инверсия, восклицательные эмоциональные предложения, инвективные номинации адресата используемые для оскорбления собеседника, глагольные императивы, антиципация, которая наряду с инверсией позволила расставить логические акценты, нарушение лексической сочетаемости слов, создание двусмысленных высказываний; приращение контекстуальных смыслов к отдельным лексемам, эксплетивная лексика, нарушение лексической сочетаемости слов), вторая – адресата агрессии, который либо эмоционально дестабилизирован нападающим (ответные оскорбления, выражающиеся в стилистически маркированной лексики, восклицательные предложения, враждебные замечания, насмешка, ирония, сарказм), либо пытается сгладить конфликтную ситуацию (замалчивание, игнорирование реплик, нейтральная лексика, неэмоциональные предложения, эвфемизация).

Ряд рассмотренных примеров показывает, как конфликтная ситуация не стала перетекать в большой скандал и разрешилась фактически в самом начале, поскольку врача, пациента и его родственников объединяет в большинстве случаев одна цель – незамедлительно помочь больному, облегчить страдания и спасти жизнь.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Войтик Н. В. Речевая коммуникация: учебное пособие для вузов / Н. В. Войтик. — 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2024. – 104 с.
2. Воронцова Т.А. Речевая агрессия: Коммуникативно-дискурсивный подход: автореферат дис. ... доктора филологических наук: 10.02.19 / Челябин. гос. ун-т. – Челябинск, 2006. – 43 с.
3. Дзялошинский И. М. Риторика: учебник и практикум для вузов / И. М. Дзялошинский, М. А. Пильгун. – М.: Издательство Юрайт, 2024. – 232 с.
4. Закоян Л.М. Речевая агрессия как предмет лингвистических научных исследований / Л.М. Закоян // Вестник Российского университета дружбы народов. – 2008. – С. 46-50.
5. Зуга О.В. «Мадам!» Оскорбление или вежливое обращение / О.В. Зуга // Вестник Удмуртского университета. Сер. История и филология. – 2018. – Т. 28, вып. 2. – С. 248–253.
6. Егорова Э.Н. Речевая агрессия и стратегия дискредитации (на примере анализа газетных публикаций) / Э.Н. Егорова // Язык и текст langpsy.ru [Электронный ресурс]. – 2015. – Том 2. – №3. – URL: <http://psyjournals.ru/langpsy/2015/n3/Egorova.shtml> (дата обращения: 14.09.2023) doi: 10.17759/langt.2015020309.
7. Кожина М.Н. О специфике художественной и научной речи в аспекте функциональной стилистики / М.Н. Кожина. – Пермь: Перм. гос. ун-т, 1966. – 213 с.
8. Корягина Н. А. Эффективные коммуникации. Социальная компетентность личности: учебное пособие для вузов / Н. А. Корягина. – М.: Издательство Юрайт, 2024. – 344 с.
9. Крысин Л.П. Неявные ограничения в лексической и семантической сочетаемости слова / Л.П. Крысин // Проблемы семантического анализа лексики. – М.: Рус. словари, 2002. – С. 50–52.

10. Русский язык и культура речи: учебник и практикум для среднего профессионального образования / В. Д. Черняк, А. И. Дунев, В. А. Ефремов, Е. В. Сергеева; под общей редакцией В. Д. Черняк. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2024. – 389 с.
11. Седов К.Ф. Речевая агрессия в повседневной коммуникации / К.Ф. Седов // Речевая агрессия в современной культуре. – Челябинск, 2005. – С. 32–37.
12. Современный русский литературный язык. Практикум: учебное пособие для вузов / В. И. Максимов [и др.]; под редакцией В. И. Максимова. – М.: Издательство Юрайт, 2024. – 513 с.
13. Третьякова В.С. Речевой конфликт и гармонизация общения [Текст]: автореферат дис. ... д-ра филолог. наук: 10.02.01: защищена 23.10.2003 / Вера Степановна Третьякова; науч. конс. ТА. Гридина; Моск. гос. обл. ун-т. – Москва, 2003. – 36 с.
14. Щербинина Ю.В. Речевая защита. Учимся управлять агрессией: Неолит / Ю.В. Щербинина. – М., 2017. – 177 с.
15. Щербинина Ю.В. Русский язык. Речевая агрессия и пути ее преодоления / Ю.В. Щербинина. – М.: Флинта, 2004. – 324 с.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

16. Вересаев В.В. Записки врача / В.В. Вересаев. – 3-е изд. – СПб.: тип. А.Е. Колпинского, 1902. – 310 с.
17. Головин С.Ю. Словарь практического психолога / С.Ю. Головин. – Минск: Харвест, 1998. – 799 с.
18. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: избр. ст. / В.И. Даль; совмещ. ред. изд. В.И. Даля и И.А. Бодуэна де Куртенэ; [науч. ред. Л.В. Беловинский]. – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2009. – 573 с.
19. Елистратов В.С. Словарь русского арго: Материалы 1980–1990 г.г.: около 9000 слов, 3000 идиоматических выражений. – М.: Русские словари, 2000. – 694 с.
20. МАС – Словарь русского языка: В 4 т. 2-е изд. / Под ред. А.П. Евгеньевой. М., 1984. – 791 с.
21. Правдин Д.А. Записки районного хирурга [Текст] / Д.А. Правдин. – М.: АСТ, 2013. – 412 с.
22. Словарь русского языка: В 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; под ред. А.П. Евгеньевой. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Русский язык, 1981–1984, Т. 2. К-О. – 1984. – 736 с.
23. Словарь русского языка: В 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; под ред. А.П. Евгеньевой. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Русский язык, 1981–1984, Т. 4. С-Я. – 1984. – 794 с.
24. Толковый словарь русского языка конца XX в. Языковые изменения: около 5500 слов и выражений / [Е.Ю. Ваулина, Т.И. Гайкович, А.В. Зеленин и др.]; под ред. Г.Н. Скляревской; РАН.Ин-т лингвист.исслед. – СПб.: Фолио-Пресс, 1998. – 700 с.
25. Ушаков Д.Н. Большой толковый словарь современного русского языка: 180000 слов и словосочетаний / Д.Н. Ушаков. – М.: Альта-Принт [и др.], 2008. – 1239 с.

REFERENCES

1. Vojtik N.V. (2024) Rehevaya kommunikaciya: uchebnoe posobie dlya vuzov [Speech communication: a textbook for universities], Moscow : Izdatel'stvo Yurajt, 104 p. (In Russian)
2. Voroncova T.A. (2006) Rehevaya agressiya: Kommunikativno-diskursivny`j podxod: avtoreferat dis. ... doktora filologicheskix nauk [Speech aggression: The communicative-discursive approach], Chelyabinsk, 43 p. (In Russian)
3. Dzyaloshinskij I.M., Pil`gun M.A. (2024) Ritorika: uchebnik i praktikum dlya vuzov [Rhetoric: textbook and workshop for universities], Moscow : Izdatel'stvo Yurajt, 232 p. (In Russian)
4. Zakoyan L.M. (2008) Rehevaya agressiya kak predmet lingvisticheskix nauchny`x issledovanij [Speech aggression as a subject of linguistic scientific research] in Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia], P. 46–50 (In Russian)
5. Zuga O.V. (2018) «Madam!» Oskorblenie ili vezhlyvoe obrashhenie ["Madam!" Insult or polite treatment] in Vestnik Udmurtskogo universiteta. Ser. Istoriya i filologiya [Bulletin of the Udmurt University. Ser. History and philology]. T. 28, vy`p. 2. P. 248–253 (In Russian)
6. Egorova E.N. (2015) Rehevaya agressiya i strategiya diskreditacii (na primere analiza gazetny`x publikacij) [Speech aggression and the strategy of discrediting (on the example of the analysis of newspaper publications)] in Yazyk i tekst langpsy.ru [Language and text langpsy.ru]. Tom 2. № 3. Retrieved from: <http://psyjournals.ru/langpsy/2015/n3/Egorova.shtml>. doi: 10.17759/langt.2015020309.
7. Kozhina M.N. (1966) O specifike xudozhestvennoj i nauchnoj rechi v aspekte funkcional`noj stilistiki [On the specifics of artistic and scientific speech in the aspect of functional stylistics]. Perm` : Perm. gos. un-t. 213 p. (In Russian)

8. Koryagina N.A. (2024) *E`ffektivny`e kommunikacii. Social`naya kompetentnost` lichnosti: uchebnoe posobie dlya vuzov* [Effective communications. Social competence of the individual: a textbook for universities]. M.: Izdatel`stvo Yurajt, 344 p. (In Russian)
9. Kry`sin L.P. (2002) *Neyavny`e ogranicheniya v leksicheskoy i semanticheskoy sochetaemosti slova* [Implicit limitations in lexical and semantic word compatibility] in *Problemy` semanticheskogo analiza leksiki* [Problems of semantic analysis of vocabulary]. Moscow : Rus. slovari. P. 50–52 (In Russian)
10. Chernyak V.D. (2024) *Russkij yazy`k i kul`tura rechi: uchebnik i praktikum dlya srednego professional`nogo obrazovaniya* [Russian language and culture of speech: textbook and workshop for secondary vocational education]. Moscow .: Izdatel`stvo Yurajt, 389 p. (In Russian)
11. Sedov K.F. (2005) *Rehevaya agressiya v povsednevnoj kommunikacii* [Speech aggression in everyday communication] in *Rehevaya agressiya v sovremennoj kul`ture* [Speech aggression in modern culture]. Chelyabinsk, P. 32–37. (In Russian)
12. Maksimov V.I. (2024) *Sovremenny`j russkij literaturny`j yazy`k. Praktikum: uchebnoe posobie dlya vuzov* [Modern Russian literary language. Workshop: a textbook for universities], Moscow : Izdatel`stvo Yurajt, 513 p. (In Russian)
13. Tret`yakova V.S. (2003) *Rechevoj konflikt i garmonizaciya obshheniya* [Speech conflict and harmonization of communication], Moscow, 36 p. (In Russian)
14. Shherbinina Yu.V. (2017) *Rehevaya zashhita. Uchimsya upravlyat` agressiej: Neolit* [Speech protection. Learning to manage aggression: Neolithic], Moscow, 177 p. (In Russian)
15. Shherbinina Yu.V. (2004) *Russkij yazy`k. Rehevaya agressiya i puti ee preodoleniya* [Russian language. Speech aggression and ways to overcome it], Moscow : Flinta, 324 p. (In Russian)

Поступила в редакцию 23.06.2024 г.

INDIRECT SPEECH ACTS IN SPEECH AGGRESSION (BASED ON «NOTES OF A DOCTOR» BY V. V. VERESAEV AND «NOTES OF A DISTRICT SURGEON» BY D. A. PRAVDIN)

Krivchenko E.A.

The work of a doctor involves a daily contact with patients, communication with people who are very different in temperament, level of culture and education. Aggression in communication is sometimes inevitable: a clash of different points of view, a divergence of goals, principles – all this can lead to the manifestation of hostility, enmity, a manner of speech specially used by the addressee that offends someone's self-esteem, dignity. Sometimes, within the walls of hospitals and during the doctor's appointment, the patient provokes, and often resists the prescribed treatment, showing direct aggression, irony, sarcasm, and using various manipulation techniques. However, it is assumed that the situations considered are primarily related to the preservation of the patients' health and life, therefore both parties should cope with the conflict and not interfere with the provision of treatment. The study of speech aggression in communication between a patient and a doctor, is aimed at solving possible communicative problems. To neutralize conflicts at medical institutions it is important to be aware of the addressee's communicative and pragmatic intentions, speech aggression is based on, and of the speech means to be used to avoid it. In the course of study, a number of methods have been applied, among them are a descriptive method, contextual and linguo-pragmatic analysis. The research corpus is constituted by the selection of fragments extracted from "Notes of a doctor" by V. V. Veresaev, and "Notes of a district surgeon" by D. A. Pravdin. Both works contain conflict situations between communicants. The main verbal and non-verbal means of speech aggression in dialogues between doctors and patients, as well as between fellow doctors have been identified. The most frequent factors in conflict situations have been determined. Such types of speech aggression as active direct aggression, passive indirect aggression, and implicit aggression have been singled out.

Keywords: conflict, linguistic pragmatics, speech act, speech aggression, literary text.

Кривченко Елена Александровна.

Аспирант.

Волгоградский государственный медицинский университет, Российская Федерация, г. Волгоград.

Преподаватель русского языка как иностранного.

ORCID 0000-0002-5993-6060.

Email: lenagannova@mail.ru.

Krivchenko Elena Alexandrovna.

Post-graduate student.

Volgograd State Medical University, Russian Federation, Volgograd.

Teacher of Russian as a foreign language.

ORCID 0000-0002-5993-6060.

Email: lenagannova@mail.ru.

Научная статья

УДК 81'42

DOI: 10.5281/zenodo.13997579

МОШЕННИЧЕСКИЙ ДИСКУРС: СТРАТЕГИЯ АПЕЛЛЯЦИИ К ЖАЛОСТИ

© 2024 *И.В. Смирнова*

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»

*Федеральное государственное бюджетное научное учреждение «Национальный научно-исследовательский институт общественного здоровья имени Н.А. Семашко»
ORCID 0000-0001-7394-3155*

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru>

В статье рассматривается одна из наиболее эффективных стратегий, применяемых злоумышленниками при реализации коммуникативных сценариев мошеннического дискурса, а именно стратегия апелляции к жалости – одна из наиболее частотных в структуре исследуемого дискурса. Дифференцируются сценарии, а также коммуникативные средства манипуляции, используемые злоумышленником при воздействии на жертву, вербальные и визуально-иллюстративные. Описываются различные роли, в которых он может выступать. Приводятся характеристики жертвы-медиатора и финальных жертв преступления и разделение их по функциям. Выделяются технические особенности, применяемые в ходе реализации мошеннической схемы. Раскрывается механизм получения доступа к персональным данным жертвы-медиатора. Показывается последовательность действий, при помощи которых мошенник формирует у финальной жертвы состояние готовности немедленно оказать помощь в каждом типе коммуникативного сценария.

Ключевые слова: мошенничество, дискурс, мошеннический дискурс, лингвобезопасность, речевые манипуляции, коммуникативные стратегии, жалость, апелляция к жалости, воздействие на адресата.

Для цитирования: Смирнова И.В. Мошеннический дискурс: стратегия апелляции к жалости / И.В. Смирнова // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. – 2024. – № 4. – С. 123–132. – <https://doi.org/10.5281/zenodo.13997579>.

Введение. Эмпатия является моральной и этической основой социальных норм и общественных стандартов. Забота о семье, родных, поддержка, оказываемая иногда даже посторонним, служит показателем здорового общества и, несомненно, значимым компонентом человеческих взаимоотношений и социальной сплоченности. Эмпатия – воспроизводимая характеристика. Высокий уровень эмпатии в обществе способствует выстраиванию более эффективных коммуникаций на бытовом и профессиональном уровне, помогает лучше оценивать различные жизненные ситуации и, наконец, способствует тому, что у нового поколения, воспитанного в здоровом психологическом климате, в будущем сформируется способность к сопереживанию и ответственное отношение к жизни.

Сострадание и жалость, готовность поддержать в трудную минуту, а также демонстрация общественного одобрения проявлений данных свойств мотивируют людей оказывать помощь тем, кто находится в беде или трудной жизненной ситуации, что, в свою очередь, способствует росту благополучия в обществе.

Сострадание и жалость обычно рассматривают как взаимозаменяемые понятия, однако они имеют определенные смысловые различия. Некоторые исследователи отмечают, что сострадание не несет в себе негативных коннотаций и отождествляется с совместным страданием (ср. 'переносить страдание вместе с кем-то' [1, с. 129]), в то время как жалость – явление не совсем положительное, поскольку объект, который вызывает это чувство, по определению представляет собой нечто беспомощное, жалкое и вызывающее ощущение превосходства у окружающих. В нашем исследовании мы будем оперировать понятием жалость.

Жалость относится к эмоциональной концептосфере [4, с. 76; 3, с. 5]. Данный феномен подробно изучался в философской литературе [см., например: 10, с. 31; 12, с. 18; 13, с. 505, 11; с. 156]. Лингвистические работы, посвященные ему, не столь многочисленны. Так, сравнивая понятия сострадание и жалость, И.Б. Левонтина отмечала, что жалость более стихийная эмоция, в которой отсутствует рациональное начало, в отличие от сострадания. Она дефинировала понятие жалость следующим образом: 'чувство по отношению к другому человеку, какое бывает, когда, считая, что этому человеку плохо, субъект ощущает от этого душевную боль и желание облегчить его положение' [5, с. 327], при этом предметом жалости может быть практически любое явление или вещь [2, с. 111].

Чувство жалости часто связано со страхом. Люди соотносят опасения за собственное здоровье и благополучие и за своих близких с теми негативными ситуациями, в которые попадают или могут попадать окружающие. Это вызывает желание помочь психологически или материально [7, с. 98]. Последним обстоятельством пользуются мошенники, целенаправленно создавая у жертвы соответствующее психологическое состояние [8, с. 92].

Материалы и методы исследования. Данная статья продолжает цикл публикаций, посвященных основным стратегиям мошеннического дискурса. В предыдущих работах были рассмотрены стратегия апелляции к страху, стратегия апелляции к удаче и стратегия создания иллюзии рутинности [8; 9].

Целью настоящего исследования является анализ стратегии апелляции к жалости – одной из наиболее эффективных стратегий мошеннического воздействия, в результате применения которой у адресата формируется ощущение сопереживания и потребность оказать помощь. В работе рассматривается общая характеристика явления и особенности средств манипулятивного воздействия в рамках данной стратегии.

Материалом исследования выступают тексты мошеннических сообщений из социальных сетей (ВК, Телеграм, 9111.ru), личных блогов, сообщения на тематических (в основном благотворительных) форумах, сайтах развлекательного характера (Пикабу, Большой вопрос, Woman.ru) от жертв и потенциальных жертв мошенников, а также эмпирический материал, полученный из баз данных [6].

Тематика сценариев, используемых в мошеннических практиках, крайне широка. Анализ эмпирического материала позволяет выделить три наиболее частотных сценария в описываемой стратегии:

- 1) группа сообщений о кардинально меняющих жизнь проблемах со здоровьем у адресанта или кого-то из его близких с подробным медицинским описанием этих проблем. Сообщение включает информацию о непосильных для адресанта денежных расходах и просьбу оказать финансовую помощь;
- 2) группа сообщений о несчастных случаях, которые также повлекли за собой необходимость непосильных для адресанта денежных расходов;

- 3) группа сообщений о тяжелом периоде в жизни адресанта также с запросом финансовой помощи.

Таблица 1. Инвариантная структура коммуникации в рамках стратегии апелляции к жалости

Компонент сценария	Содержание и основные параметры компонента сценария
Представление адресанта	Самоидентификация всегда ложная. Инвариантно: адресант имитирует личность конкретного физического лица или администратора ресурса. Администратор может обращаться к аудитории анонимно, от имени сообщества. Вариативно: знакомство с личностью адресанта. Адресант может быть либо не знаком аудитории, либо знаком ей, либо позиционироваться как носитель административной функции.
Сообщение	о сложившейся тяжелой ситуации или беде, которая произошла с самим адресантом или с его близким.
Обоснование необходимости предпринять определенные действия	Предлагаемые адресантом действия позволяют адресату: а) оказать помощь; б) совершить общественно-одобряемое деяние; в) не допустить поворота ситуации к худшему.

В рамках реализации сценариев в данной стратегии адресант выступает в различных ролях. Используется следующая цепочка коммуникативных действий (этапов): «представление адресанта» → «передача сообщения адресату» → «обоснование необходимости совершения адресатом определенных действий».

Далее подробно рассмотрим специфику каждого этапа.

Этап 1. Представление адресанта.

Характеристики роли, которую мошенник принимает на себя в данной стратегии, варьируются незначительно. Можно выделить два варианта.

В первом варианте он обращается к широкому кругу лиц, не знакомых с ним лично, через интернет-ресурс или через созданную специально для данного обращения страницу в социальной сети: «*Меня зовут Виктория, мне 17 лет я студентка. Со мной произошла плохая ситуация*»⁶ (сообщение в социальной сети ВК, 2021), «*Альбина. Нужна Помощь. Я очень Вас прошу о помощи. Очень прошу Вас., помогите*» (сообщение в социальной сети 9111.ru, 2020), «*Друзья, помогите, пожалуйста!!! Меня зовут: Яна. Вчера вечером моя мама попала в аварию!!!*» (сообщение из социальной сети ВК, 2023).

Во втором варианте воздействие включает осуществление двух операций: первая – техническая (кража персональных данных), вторая – коммуникативная. Вначале злоумышленник получает доступ к персональным данным физического лица или администратора ресурса (первая жертва). Затем, используя эти данные, мошенник обращается к аудитории (вторая и последующие жертвы), имитируя личность владельца страницы или администратора ресурса. В этом варианте сценария представление адресанта будет отсутствовать как таковое, поскольку читатели или

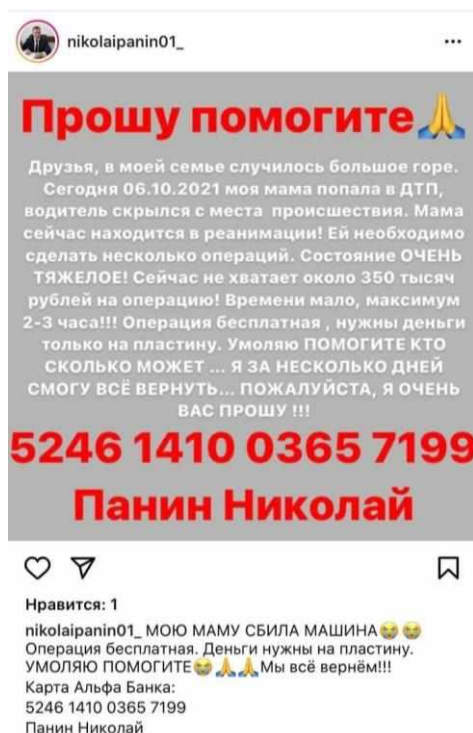
⁶ Здесь и далее примеры и цитаты авторов сообщений приводятся с сохранением орфографии и пунктуации.

подписчики уже знакомы с ним. Далее мошенник обращается к аудитории с сообщением следующих типов:

- злоумышленник имитирует личность человека, близкого жертве, родственника или друга: «Моя мама умирает. Я Дмитрий Т... прошу срочной помощи. С чего начать не знаю. Я на коленях прошу у всех, кто сколько может, помогите, деньги нужны сейчас, шансов очень мало, но он есть. У нас есть час, наша семья отдаст каждую копейку. Моя мама умирает.» (сообщение в личном блоге пользователя под именем Дмитрий Т...., 2023), «Сегодня 22.07 случилось огромное горе, мою мамочку сбила машина, когда она переходила дорогу!!! Водитель сбил ее на большой скорости и скрылся с места ДТП.» (материал на сайте интернет-газеты Гродно.ИН, 2020), «Привет, помоги разослать, ищут донора ребенку. Разошли пожалуйста кому можешь. Умирает 11 месячный ребенок, у него опухоль костного мозга, срочно нужна операция, нужен донор, группа крови третья отрицательная. Тел.8-***-***-**-**. У родителей ребенка недостаточно денег...» (сообщение из социальной сети ВК, 2019);

- злоумышленник имитирует референтную личность или администратора сообщества, в случае взлома аккаунта сообщества: «ГОСТЯМ НАШЕЙ ГРУППЫ! ПОЖАЛУЙСТА НЕ ПРОХОДИТЕ МИМО ЕСЛИ У ВАС ЕСТЬ ХОТЬ КАПЛЯ СОСТРАДАНИЯ И СОЧУВСТВИЯ! ОТЕЦ НАШЕГО АДМИНИСТРАТОРА ПОСТРАДАЛ В АВТОКАТАСТРОФЕ, ЕМУ ОЧЕНЬ НУЖНА НАША ПОМОЩЬ И ПОДДЕРЖКА, ИНАЧЕ ОН УМРЕТ. ПРОЧТИТЕ СООБЩЕНИЕ ОТ НАШЕГО АДМИНИСТРАТОРА КО ВСЕМ НЕРАВНОДУШНЫМ ЛЮДЯМ: Люди, родненькие, миленькие, не пролистывайте этот ПОСТ. Христом богом прошу вас помогите хотя бы репостом!» (сообщение с сайта podolskblog.ru, 2020). В следующем примере злоумышленник имитирует референтную личность. В октябре 2021 года был взломан блог мэра города Тимашевска Николая Панина. Мошенники разместили сообщение о том, что мать Панина попала в ДТП, серьезно пострадала и нуждается в помощи равнодушных подписчиков и читателей мэра. Ложное сообщение мэра Тимашевска Панина приведено на Рисунке 1.

Рисунок 1.

Использование чужой личности в течение продолжительного времени является для злоумышленника возможностью реализовать свою основную цель и, вызвав доверие максимального количества жертв, получить от них значительные денежные суммы.

Этап 2. Передача сообщения адресату.

Мошенник сообщает о возникновении трудной ситуации или беде, которая произошла с личностью, в роли которой он выступает, или ее близкими. Мошенническое сообщение может включать как отдельную историю с одним сюжетом: болезнь, финансовый кризис, трагическое стечение обстоятельств, так и сочетание нескольких историй, например:

- сообщение об обнаруженном заболевании: *«Прошу откликнуться неравнодушных людей! Максиму Варянову всего лишь 1 годик и 8 месяцев, в пять месяцев ему поставили страшный диагноз - острый лимфобластный лейкоз. Максима отправили на лечение в НИИ детской онкологии, гематологии и трансплантологии имени Горбачёвой, где он прошел два курса химиотерапии. Но лечение было тщетно. К тому же, вроде бы дела шли неплохо одно время, но из-за ветряной оспы у мальчика был рецидив»* (материал на сайте Детектив по интернет-заработку, 2018), *«Началось все с личного сообщения в инстаграме: некая Карина, которая представилась менеджером семьи Гелашивили, прошлой зимой попросила Александра помочь с расходами на срочную операцию по пересадке костного мозга... Он созвонился с Гелашивили по видеосвязи. Тот сообщил, что живут они в Москве, сын заболел три года назад. Супруга бросила их, не выдержав трудностей»* (материал на сайте РИА Новости, 2022);

- сообщение о несчастном случае, в результате которого появилась необходимость оказать помощь: *«ПРОШУ УСЛЫШЬТЕ!!!! СегоднЯ 26.03 случилось ужасное горе!!! Моего сыночка сбила машина, когда мы переходили дорогу на зеленый свет светофора. Эта сволочь водитель сбил его на всей скорости практически не оставив шансов на жизнь....и скрылся. У нас есть записи видеорекамера, полиция ищет этого урода. **** (имя ребенка) в реанимации с тяжелой, открытой, черепно-мозговой травмой»* (сообщение в блоге zhesea, 2023), *«СегоднЯ, 3.12 случилось ужасное горе, моего сына сбила машина, когда мы переходили дорогу на зеленый свет. Эта сволочь водитель сбил его на всей скорости и потом скрылся. Вадик сейчас в реанимации с открытой травмой черепа»* (материал на сайте газеты Комсомольская правда Волгоград, 2019);

- сообщение о возникновении трудной жизненной ситуации: *«Простите меня, что я вас беспокою. Меня зовут Дима...У меня сейчас очень сложная ситуация, меня с женой и детьми депортировали из южной Кореи, сейчас находимся на Ярославском вокзале в Москве, хотел вас попросить помощи финансовой, на еду или на билет до Питера...Сами с Питера, там квартира»* (сообщение сайта Пикабу, 2022), *«Мне 22 года в данный момент я воспитываю дочку одна... Вданный ситуация я осталась с дочкой одна бывший муж ушёл к любовнице двое старше меня вообще ничем нам не помогает... Когда он приходил за своими вещами забрал карточку мою там были все детские деньги... Сейчас продуктов осталось только на 2 дня у меня закончилась и каши у меня закончились. Пожалуйста помогите Прошу в оказании любой помощи продуктами можно детской одежды памперсами я не прошу просто так я прошу вас в долг до 10 октября»* (сообщение в социальной сети ВК, 2023);

- сообщение, сочетающее рассказ о финансовых проблемах и проблемах со здоровьем: *«Не оставьте пожалуйста нас один на один с бедой!!!!!! Не пройдите пожалуйста мимо! Каждый может попасть в трудную жизненную ситуацию! Господь послал такую ситуацию, что я остаюсь одна с четырьмя детками,*

беременная пятым ребёночком. Во время беременности обнаружили 3 стадию дисплазии шейки матки, предрак. Возможно есть первая стадия. Нам не справиться одним, родненькие!» (сообщение в социальной сети ВК, 2024).

Этап 3. Обоснование необходимости предпринять определенные действия.

Мошенник эксплицирует необходимость совершения жертвой действий, которые могут существенно повлиять на ситуацию, облегчив её последствия:

- оказать помощь. В зависимости от сценария формат помощи может варьироваться, однако неизменным остается запрос финансовой помощи: «Мы собрали 1170000 рублей, не хватает еще 780000 рублей и СРОЧНО НУЖНА КРОВЬ!!!! УМОЛЯЮ ПОМОГИТЕ!!!! Кто сколько может, мы все отдадим. Каждая копейка может спасти жизнь!!! ПОЖАЛУЙСТА!!!! Я вас очень прошу...!!!!» (сообщение в блоге zhesea, 2023), «Помогите, пожалуйста, нашей семье...Ребенок болеет у кого есть лекарства не откажемся. Я не знаю, что делать и как протянуть этот месяц. Помогите, пожалуйста, продуктами - большего я не прошу. И я бы не писала если бы не ребенок. Мы действительно в тяжелой ситуации, пробовала кредит брать не дают. Телефон что сижу старый в ломбарде не берут. Адрес свой в личные сообщения скину. Я буду писать сама тому, кто захочет помочь» (сообщение на сайте Пикабу, 2018);

- совершить общественно одобряемое деяние, не прилагая к этому большого количества усилий, например, пожертвовав незначительную сумму денег, сравнимую с любыми ежедневными расходами: «Откажись от чашки кофе в пользу жизни Евы. Давайте вместе подарим свою чашку кофе ребенку!» (сообщение в социальной сети ВК, 2023), «Если КАЖДЫЙ добрый человек оставляет для малыша частичку своей любви. А вместе эти частички превращаются в заветные слова - СБОР ЗАКРЫТ!!!!» (материал на сайте Комсомольская правда Волгоград, 2019), «Вы можете спасти жизнь маленькому Максимке, уделив для этого несколько минут своего времени и немного денег. Каждый взнос увеличит шансы малыша на жизнь» (материал на сайте Детектив по интернет-заработку, 2018);

- не допустить поворота ситуации к худшему: «Времени очень мало, часов 5-6. Операция бесплатная, но нужны деньги на пластину (краниопластика)» (сообщение в социальной сети ВК, 2023), «С этой пластиной врачи точно дают 30 процентов на то, что она снова мне улыбнется. У нее раздроблен череп, повреждение головного мозга. Я на коленях умоляю вас, отправьте кто сколько сможет занять, я завтра сниму депозит и все отдам» (материал с сайта Seldon.News, 2020);

- в ряде случаев адресант обещает вернуть переведенные ему денежные средства, когда ситуация разрешится: «Мы уже завтра все вернем!» (сообщение в блоге zhesea, 2023), «Помогите. в понедельник все отдам» (материал на сайте газеты Комсомольская правда Волгоград, 2019), «Переведите в долг кто сколько может» (материал на сайте газеты РИА Курск, 2020), «В течение недели я оформлю кредит и верну всем все до копейки» (сообщение на портале ProГОРОД, 2020), «я не прошу просто так я прошу вас в долг до 10 октября» (сообщение в социальной сети ВК, 2023).

При воздействии на жертву используется разнообразный спектр технических и коммуникативных средств.

В зависимости от сценария и используемых технических средств количество жертв может меняться. Первой жертвой (жертвой-медиатором) является непосредственно личность, чьи персональные данные украдены. Последующие жертвы – все, кто переведет деньги, будучи введенным в заблуждение. В данном случае целей у мошенника несколько. Основная цель – деньги, которые можно получить с

использованием данных конкретной личности. Второстепенная цель – персональные данные, которые можно использовать для осуществления последующих мошеннических действий иного характера.

Использование технических средств позволяет злоумышленнику осуществлять кражу персональных данных жертвы-медиатора и подмену личности, что не будет очевидно стороннему пользователю и позволит вызвать большее доверие у финального адресата. Для получения доступа к персональным данным, как правило, используются фишинговые ссылки. Жертва проходит по ссылке, в свою очередь, злоумышленник получает доступ к логину и паролю личного кабинета в мессенджере или ресурсе, открывает отдельную сессию и далее может отправлять от лица жертвы-медиатора сообщения и размещать информацию в сети Интернет. Если жертва обнаруживает произошедшее оперативно, она может ликвидировать все открытые сессии, изменить идентификационные данные и прекратить неправомерный доступ. В иных случаях злоумышленник успевает сделать это первым, и жертва теряет доступ к взломанному аккаунту навсегда.

В рамках данной стратегии используются вербальные и иллюстративно-визуальные средства воздействия:

- использование диминутивов: *сыночек, мамочка, ребеночек, детки, человечек, родненькие, миленькие* и др.;

- использование перформативов и других экспрессивных побудительных высказываний: *«Умоляю, помогите!», «Прошу Услышите!»*;

- апелляция к религиозным чувствам и христианскому состраданию: *«братья и сестры!», «Да воздаст Вам Господь за ваше милосердие!», «Христом богом прошу!»*;

- активное использование медицинских терминов: *«дисплазия шейки матки, предрак», «открытая проникающая черепно-мозговая травма, перелом-размозжение головного мозга, эпидуральное излияние в головной мозг, многооскольчатый перелом черепа, перелом костей черепа», «декомпрессивная трепанация черепа», «пилоцитарная астроцитома», «химиотерапия», «краниопластика»*;

- апелляция к необратимости негативных последствий возникшей ситуации (чаще всего к смерти): *«нечем кормить детей», «иначе он (отец) умрет», «дети останутся без матери»*;

- акцентирование внимания на контрасте между противоправными действиями нарушителя, который создал негативную ситуацию, и действиями адресанта, который вел себя общественно одобряемым образом: *«Моего сыночка сбила машина, когда мы переходили дорогу на зеленый свет светофора», «Когда он (бывший муж) приходил за своими вещами забрал карточку мою там были все детские деньги»*;

- активная эксплуатация фактора темпоральности. При взломе аккаунта злоумышленнику важно, чтобы как можно больше подписчиков перевели деньги до момента, когда взлом будет обнаружен и ликвидирован: *«У нас есть час», «Врачи говорят, что надо СРОЧНО оперировать», «будет потеряно драгоценное время»*;

- использование прописных букв (капслока) и пунктуации (восклицательных знаков): *«НА КОЛЕНЯХ ПЕРЕД ВАМИ СТОЮ!!!», «ПРОШУ УСЛЫШЬТЕ!!!!!!», «УМОЛЯЮ ПОМОГИТЕ КТО СКОЛЬКО МОЖЕТ!!!!!!»*;

- демонстрация документов, подтверждающих реальность и серьезность ситуации (выписки с медицинскими данными, фотографии паспорта и т.п.). Пример подобного сообщения из социальной сети ВК на Рисунке 2:

Рисунок 2. Комплект документов, размещенный единым приложением к мошенническому сообщению

- использование изображения больного или пострадавшего, на котором также присутствует медицинская техника, следы ожогов, забинтованные конечности, иные следы медицинских манипуляций⁷.

Выводы

1. В рамках мошеннической стратегии апелляции к жалости инвариантом является создание у адресата психологического состояния сопереживания тяжелой ситуации или беде, в которую попал адресант, и желания оказать помощь.

2. В данной стратегии тактики не выделяются, сценарии воздействия на адресата могут варьироваться незначительно.

3. Адресант в данной стратегии всегда представлен в единственном числе. Для мошеннических сценариев, где злоумышленник использует подмену личности, жертв можно разделить на две категории: 1) жертва-медиатор – то лицо или администратор сообщества, чьи идентификационные данные украдены и используются для доступа к аккаунту и обращения к подписчикам и читателям ресурса; 2) финальные жертвы – подписчики и читатели блога или сообщества, которым адресовано ложное сообщение и чьи финансовые средства желает получить мошенник.

4. В процессе общения с финальными жертвами мошенник активно эксплуатирует фактор темпоральности, в том числе апеллируя к тому, что денежные средства, которые он просит, будут оперативно возвращены адресату, когда ситуация разрешится.

5. Для создания психологического возбуждения и повышения эффективности воздействия используется большой арсенал коммуникативных средств, который включает: эмфатизацию проблемы и последствий для жертвы, использование медицинских терминов, прописных букв (капслока) и пунктуации (множество восклицательных знаков), активное использование диминутивов, перформативов, побудительных высказываний, изображений больного или пострадавшего, апелляция к религиозным чувствам и христианскому состраданию, апелляция к необратимости негативных последствий.

⁷ Примеры не приводятся из этических соображений.

6. Средства воздействия в данной стратегии будут такими же, как и для любой правдивой просьбы о помощи в реально существующей ситуации, что существенно затрудняет идентификацию коммуникативных действий как мошеннических.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеева М.С. Сострадание, жалость, милосердие: сравнительный анализ понятий / М.С. Алексеева // Дни науки-2015: Сборник трудов VI всероссийской научно-практической конференции с международным участием. В 2-х частях, Новосибирск, 17–20 марта 2015 года. Часть 2. – Новосибирск : Сибирский университет потребительской кооперации, 2015. – С. 129–134.
2. Бочкарев А.Е. О жалости и смежных понятиях в русском языковом сознании / А.Е. Бочкарев // Slavica Slovaca. – 2017. – Т. 52, № 2. – С. 110–121.
3. Карасик В.И. Лингвоконцептология / В.И. Карасик, Н.А. Красавский, Г.Г. Слышкин. – Волгоград : Издательство ВГПУ «Перемена», 2014. – 104 с.
4. Мельникова В.С. Универсальные признаки концепта 'жалость' в научном дискурсе / В.С. Мельникова // Вестник Челябинского государственного университета. – 2010. – № 21 (202). – С. 75–78.
5. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. 2-е изд. / Под общ. рук. акад. Ю.Д. Апресяна. – М. : Школа «Языки славянской культуры», 2003. – 1488 с.
6. Свидетельство о государственной регистрации базы данных № 2024620441. Российская Федерация. Лингвоюридическая база данных «Мошеннический дискурс»: № 2024620074 : заявл. 16.01.2024; опублик. 29.01.2024 / Г.Г. Слышкин, И. В. Смирнова.
7. Смирнова Е.Д. Негативизация и криминальная эксплуатация концепта «материнство» как проблема лингвобезопасности / Е.Д. Смирнова, И.В. Смирнова // Современная российская аксиосфера: семантика и прагматика идентичности : Сборник материалов II Международной научной конференции, Москва, 27–28 октября 2022 года / Редколлегия: М.С. Милованова (отв. редактор), Н.А. Боженкова [и др.]. – М. : Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, 2023. – С. 90–96.
8. Смирнова И.В. Дискурс технически опосредованного мошенничества: жанр «развод» / «разводилово» и его стратегии / И.В. Смирнова // Жанры речи. – 2024. – Т. 19. – № 1(41). – С. 90–103.
9. Смирнова И.В. Мошеннический дискурс: Стратегия апелляции к удаче / И.В. Смирнова // Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика. – 2024. – Т. 13. – № 3. – С. 15–22.
10. Смит А. Теория нравственных чувств / А. Смит. – М., 1997. – 352 с.
11. Соловьев В.С. Сочинения: в 2 т. Т. 1. Оправдание добра. Нравственная философия / В.С. Соловьев. – М., 1990. – 892 с.
12. Спиноза Б. Этика / Б. Спиноза; пер. с лат. Т.А. Иванцова. – СПб., 1993. – 247 с.
13. Юм Д. Сочинения: в 2 т. Т. 1. / Д. Юм; пер. с англ. С.И. Церетели ; под общ. ред. И.С. Тарского. – М., 1965. – 1536 с.

REFERENCES

1. Alekseeva M.S. (2015) Sostradanie, jalost, miloserdie: sravnitelnyy analiz ponyatij [Compassion, pity, mercy: comparative analysis of concepts] in Dni nauki-2015: Sbornik trudov VI verossijskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii s mejdunarodnim uchastiem. V 2-h chastyah, Novosibirsk, 17–20 marta 2015 goda. Chast 2 [Days of Science 2015: Proceedings of the VI All-Russian Scientific and Practical conference with international participation. In 2 parts, Novosibirsk, March 17-20, 2015. Part 2] (pp. 129–134). Novosibirsk: Siberian University of Consumer Cooperation (In Russian)
2. Bochkaev A.E. (2017) O jalosti i smejnih ponyatiyah v russkom yazikovom soznanii [On pity and related linguistic concepts in Russian linguistic consciousness] in Slavica Slovaca [Slavica Slovaca], 52, 2, 110–121 (In Russian)
3. Karasik V.I. (2014) Lingsoconceptologiya [Lingvoconceptology] (104 p.) Volgograd : Izdatelstvo VGPU "Peremena" (In Russian)
4. Melnikova V.S. (2010) Unisersalnie priznaki contsepta 'jalost' v nauchnom diskurse [Universal features of the concept 'pity' in scientific discourse] in Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of the Chelyabinsk State University], 21(202), 75–78 (In Russian)
5. Noviy objasnitelnyy slovar sinonimov russkogo yazika [Pity, compassion, mercy, concern. New explanatory dictionary of Russian language synonyms] (1488 p.). Moscow : Shkola «Yaziki slavyanskoy kulturi» (In Russian)
6. Svidetel'stvo o gosudarstvennoj registracii bazy dannyh № 2024620441 Rossijskaya Federaciya. «Lingvojuridicheskaya baza dannyh «Moshennicheskiy diskurs» [Certificate of state registration of the database

№ 2024620441 Russian Federation. «Linguistic-legal database «Fraudulent discourse»»: № 2024620074: zayavl. 16.01.2024: opubl. 29.01.2024. G.G. Slyshkin, & I. V. Smirnova (In Russian)

7. Smirnova E.D. (2023) Negativizatsiya i kriminalnaya ekspluatatsiya koncepta "materinstvo" kak problema lingvobezopasnosti [Negativisation and criminal exploitation of the concept "motherhood" as a lingvosecurity problem] in *Sovremennaya rossiyskaya aksiosfera: semantika i pragmatika identichnosti: Sbornik materialov II Mejdunarodnoy nauchnoy konferentsii, Moskva, 27–28 oktyabrya 2022 goda* [The Modern Russian Axiosphere: Semantics and Pragmatics of Identity : Proceedings of the II International Scientific Conference, Moscow, October 27-28, 2022] (pp. 90–96). Moscow : The Pushkin State Institute of the Russian Language (In Russian)

8. Smirnova I.V. (2024) Diskurs tehnicheski oposredovannogo moshennichestva: janr «razvod» / «razvodilovo» i ego strategii [The discourse of technically mediated fraud: the genre “razvod” / “razvodilovo” (“swindle” / “con game”) and its strategies] in *Zhanry rechi* [Genres of speech]. 19, 41, 90–103 (In Russian)

9. Smirnova I.V. (2024) Moshennicheskiy diskurs: Strategiya apellyacii k udache [The fraudulent discourse: strategy of appeal to luck] in *Nauchnye issledovaniya i razrabotki. Sovremennaya kommunikativistika* [Scientific research and development. Modern communication studies]. 13, 3, 15–22 (In Russian)

10. Smit A. (1997) *Teoriya nrvstvennyh chuvstv* [The theory of moral sentiments] (352 p.). Moscow (In Russian)

11. Soloviev V.S. (1990) *Sochineniya: v 2 t. T. 1. Opravdanie dobra. Nrvstvennaya Filosofiya* [Works. Justification of good. Moral philosophy] (892 p.). Moscow (In Russian)

12. Spinosa B. (1993) *Etika* [Ethics] (247 p.). St Petersburg (In Russian)

13. Yum D. (1965) *Sochineniya* [Works] (1536 p.). Moscow (In Russian)

Поступила в редакцию 30.07.2024 г.

THE FRAUDULENT DISCOURSE: STRATEGY OF APPEAL TO PITY

I.V. Smirnova

The article examines one of the most effective strategies used by fraudsters when implementing communicative scenarios of Fraudulent discourse, namely the Strategy of appeal to pity - one of the most frequent in the structure of the discourse under study. Scenarios are differentiated, as well as communicative means of manipulation used by the fraudster when influencing the victim, verbal and visual-illustrative ones. The various roles in which he can perform are described. The characteristics of the victim-mediator and the final victims of the crime and their division by function are given. The technical features used during the implementation of the fraudulent scheme are outlined. The mechanism for gaining access to the personal data of the victim-mediator is revealed. The sequence of actions by which the fraudster creates in the final victim a state of readiness to immediately help in each type of communication scenario is shown.

Key words: fraud, discourse, fraudulent discourse, linguistic safety, speech manipulation, communication strategies, pity, appeal to pity, impact on the addressee.

Смирнова Ирина Валерьевна.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Российская Федерация, г. Москва.

Старший преподаватель Центра лингвистики и профессиональной коммуникации, эксперт научно-исследовательской лаборатории «Лингвобезопасность и психология информационного воздействия».

Федеральное государственное бюджетное научное учреждение «Национальный научно-исследовательский институт общественного здоровья имени Н.А. Семашко»

Сотрудник отдела «Российский музей медицины»

ORCID 0000-0001-7394-3155.

E-mail: smirnova-iv@ranepa.ru.

Smirnova Irina Valeryevna.

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Russian Federation, Moscow.

Senior Lecturer of the Centre for Linguistics and Professional Communication, Expert of the research laboratory «Linguistic Security and Psychology of Information Impact».

N.A. Semashko National Research Institute of Public Health.

Museum staff member at «Russian medical museum»

ORCID 0000-0001-7394-3155.

E-mail: smirnova-iv@ranepa.ru.

Научная статья
УДК 070.1+323.21
DOI: 10.5281/zenodo.13997876

АССОЦИИРОВАНИЕ ПАТРИОТИЗМА И МОДЫ КАК КОНТРПРОДУКТИВНАЯ МЕДИЙНАЯ СТРАТЕГИЯ

© 2024 А.А. Сорокин

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»

ORCID 0000-0002-2432-4179

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru>

Статья посвящена исследованию тенденции к ассоциированию патриотизма и моды в рамках современных медийных стратегий. Автор проводит анализ исторической эволюции представлений о патриотизме в России, отмечая изменения в его восприятии и продвижении в различные исторические эпохи. Особое внимание уделяется изучению медийных попыток ассоциирования феноменов патриотизма и моды. Доказывается контрпродуктивность эксплуатации понятия «мода» как инструмента пропаганды патриотических идей. Делается вывод, что подобные подходы не только не способствуют укреплению традиционных духовно-нравственных ценностей, но и могут приводить к их девальвации. Автор подчеркивает важность понимания различий между патриотизмом и модой, указывая на риски, связанные с их некорректным совмещением в рамках медийного дискурса.

Ключевые слова: медиа, мода, патриотизм, ассоциации, развитие России, традиционные ценности, национальная идея, историческая память.

Для цитирования: Сорокин А.А. Ассоциирование патриотизма и моды как контрпродуктивная медийная стратегия / А.А. Сорокин // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. – 2024. – № 4. – С. 133–147. – <https://doi.org/10.5281/zenodo.13997876>.

Введение. В середине 2020-х мы наблюдаем новый виток исторического развития России. Меняются принципы управления государством, новое значение приобретают национальные ценности, наблюдаются попытки гармонизации интересов государства, общества и личности, на иную стадию развития переходят политические и социально-экономические отношения в обществе. Концепция национальной безопасности изменилась, в том числе вследствие событий специальной военной операции, начавшейся в 2022 году, это привело к кардинальному изменению положения России в системе международных отношений. Во внутренней политике усовершенствовалась система национальных интересов, большее внимание стало уделяться развитию духовно-нравственных основ общества. В условиях этих изменений патриотизм становится не просто государственной идеологией, но и важным культурным кодом, который пронизывает все аспекты общественной жизни.

В этой связи закономерным стало обращение к мировоззренческим концепциям, связанным с патриотической идеей, с её местом в жизни общества, с влиянием патриотических настроений на важнейшие сферы жизни: идеологию, политику, экономику, культуру. Учитывая эволюцию и разнонаправленность патриотических

концепций на протяжении всей истории российского государства, неизбежным является проистекающий в настоящее время определенный поиск универсальной идеи в этом вопросе и в продвижении концепции государственного патриотизма на уровень общественного сознания. Важным аспектом современной дискуссии является восприятие патриотизма через призму медиа, где ключевые идеи и ценности транслируются, перерабатываются и получают новый смысл.

В медиaprостранстве патриотизм нередко позиционируется как «модный» тренд, что вызывает вопросы о корректности использования таких характеристик в отношении ценностей, которые традиционно считаются фундаментальными и неизменными.

Так, одной из популярных стратегий продвижения патриотических идей в медийном дискурсе стала эксплуатация понятия моды. Характеризуя социальные категории и общественные процессы как «модные», авторы часто имеют в виду популярность того или иного понятия, не учитывая другие смыслообразующие его характеристики. Например, в отношении к предмету нашего исследования депутат Государственной думы РФ Владимир Бурматов сформулировал тезис: «Патриотизм должен быть модным, и патриотом должно быть очень модно» [29]. В средствах массовой информации можно найти множество примеров приложения понятия моды к такой важной социальной ценности как патриотизм [46; 49]. В данном исследовании мы кратко рассмотрим эволюцию концепции патриотизма в российской медиа-истории и обозначим соотношение моды и патриотических идей на современном этапе.

Основная часть. Понятие моды как социальной категории рассматривалось многими исследователями через социологические и культурологические подходы. Долгое время в науке превалировала точка зрения, что данный феномен соотносится исключительно с вестиментарной модой, т.е. модой в одежде. В этом ключе мода рассматривалась и как особая знаковая система в общественных отношениях, определенный код, сообщающий информацию о носителях определенного костюма. Пионером такого подхода стал Р. Барт [2; 3]. Однако еще раньше Георг Зиммель отмечал, что мода не может быть принята абсолютно всеми, поскольку отражает характеристики определенного временного отрезка. Исследователь подчеркивал, что именно быстротечный характер моды привлекателен для людей, мода «есть одновременно бытие и небытие, находится всегда на водоразделе между прошлым и будущим и, пока она в расцвете, дает нам такое сильное чувство настоящего, как немногие другие явления» [9, с. 275].

Как подчеркивают исследователи А.А. Жилина и С.М. Моор [8], понятие моды в определенной степени отражает общественные процессы и становится фактором, определяющим их появление и развитие. Принимая во внимание общественный характер «моды» как кросскультурной категории, Е.В. Васильева [4, с. 28–30] подчеркивает ее фундаментальную характеристику – рецепцию нового, при этом напоминая, что одним из основных признаков моды является ее изменчивость. В связи с этим возникают вопросы корректности конструирования ассоциаций между понятием «мода» и традиционными российскими духовно-нравственными ценностями, зафиксированными в государственных документах Российской Федерации [22], одной из которых является патриотизм.

Говоря о патриотизме как государственной идеологии, необходимо вспомнить, что в дореволюционной, советской и современной истории России отношение к патриотизму и принятие патриотической идеи на общественном и государственном уровнях не всегда было однозначным.

Само понятие, а значит, и начало общественных дискуссий вокруг него, фиксируется исследователями в античные времена с появлением слова. Важно разобраться в дефинициях *понятие* и *слово*. Мы придерживаемся точки зрения немецкого философа Райнхарта Козеллека, который отмечал, что понятие, несмотря на то что обозначено словом, всегда более многозначно: «Слово становится понятием, если в него целиком вмещается вся полнота общественно-политического контекста значений, в котором – и для которого – употребляется это слово» [14, с. 37].

Многие слова общественно-политического словаря пришли в нашу культуру из античности, зачастую значения их со временем уточнялись или трансформировались. Эти процессы произошли и со словом *патриот*.

В Древней Греции слово *πατριώτης* вмещало понятие ‘соотечественник, земляк’. Определение соотечественника в данном случае скорее географическое, не имеющее оценочной или эмоциональной характеристики, соотносимой с теми смыслами, которые мы привыкли вкладывать в слова *патриот*, *патриотизм*. В античности оно чаще всего использовалось по отношению к приезжим из другой страны.

Но понятие, к которому мы сегодня привыкли, включающее в себя ‘любовь к родине’, ‘защиту Отечества’, ‘гордость за страну’ и т.д., безусловно в Древней Греции существовало и более всего соотносилось со словом *φιλόπολις*, а кроме этого, даже соотносилось с добродетелью необходимой для благородного мужа *φιλόπολις ἀρετή*. Эта лексическая коллизия стала предметом полемики исследователей относительно характера различных «патриотизмов», имеющих отношение к городу-полису (*πολις*), к стране и государству [13; 19]. Несмотря на разное словоупотребление в классическом переводе «Истории» Фукидида [61], Г.А. Стратановский использует слово *патриотизм* для обозначения понятия, точно передающего контекст и понятие «земляк» в контексте произведения уже не играет никакой роли⁸ [59, с. 304].

В русском языке и российской истории можно проследить различное эмоциональное и содержательное отношение к понятию *патриотизм*.

В российской печати слово *патриот* впервые было использовано в XVIII веке в сочинении П.П. Шафирова, в котором автор в сноске расшифровал заимствование как «Отечества сын». Таким образом, возможно, впервые была зафиксирована синонимическая пара: *патриот* – *сын Отечества*. При этом, конечно, нельзя отрицать, что тема любви к Отечеству прослеживается еще в памятниках Древней Руси, например в таких произведениях как «Слово о погибели Земли русской», «Поучение» князя Владимира Мономаха, «Повесть о разорении Рязани Батыем» и т.п. Существует мнение, что под словосочетанием *русская земля* средневековые русские авторы имели в виду не государство, а некую христианскую общность [45]. Мы склонны понимать под этим словосочетанием метафорическую отсылку к понятию *родина*, поскольку было бы некорректно говорить о существовании русского государства в XIII веке.

⁸ Например: «И я надеюсь, что никто здесь не станет думать обо мне хуже оттого, что я, считавшийся в родном городе патриотом (*φιλόπολις ποτε δοκῶν εἶναι*), теперь, заодно со злейшими врагами, яростно нападаю на него, или же объяснять мои слова озлоблением изгнанника. Правда, я — изгнанник, но бежал от низости моих врагов, а не для того чтобы своими советами оказывать вам услуги. Злейшими врагами я считаю не вас, которые открыто на войне причинили вред неприятелю, а тех, кто заставил друзей Афин перейти в стан врагов. Пока я безопасно пользовался гражданскими правами, я любил отечество, но в теперешнем моем положении, после того как мне нанесли тяжелую и несправедливую обиду, я — уже не патриот (*τό τε φιλόπολι οὐκ ἐν ᾧ ἀδικοῦμαι ἔχω*). Впрочем, я полагаю, что даже и теперь я не иду против отечества, так как у меня его нет, но стремлюсь вновь обрести его. Ведь истинный друг своей родины (*φιλόπολις οὗτος ὀρθῶς*) не тот, кто, несправедливо утратив ее, не идет против нее, но тот, кто, любя родину, всячески стремится вновь обрести ее» [61, с. 304].

В XIX веке свою трактовку патриотизма предложил Н.М. Карамзин, противопоставив ее популярной в то время галломании. Свои идеи он описал в статье «О любви к Отечеству и народной гордости» [12, с. 177–184], утвердив тезис «кто самого себя не уважает, того, без сомнения, и другие уважать не будут».

В дальнейшем участники общественно-политического процесса в России начала-середины XIX века по-разному интерпретировали сущность понятие патриотизма. По мнению С.М. Сергеева, участники тайного общества декабристов понимали патриотизм как служение Отечеству, но не служение Царю, «их патриотизм – уже не династический, а националистический, патриотизм граждан, а не верноподданных» [20, с. 80]. А.И. Герцен подчеркивал, что для Николая I «религия, патриотизм были всего лишь средством укрепить самодержавие, народ никогда не обманывался насчет национализма Николая; ярчайшее выражение его царствования – девиз деспотизма: "Пусть погибнет Россия, лишь бы власть осталась неограниченной и нерушимой"» [6].

Такие идеи патриотизма контрастировали с пониманием патриотизма у власть предержащих. Понадобилась идея, которая объединила бы разные слои общества. Позже, в 1833 году, министр просвещения С.С. Уваров сформулировал основу правления Николая I в знаменитой идеологической триаде: «1) Православная Вера. 2) Самодержавие. 3) Народность» [21, с. 70–72].

До 1917 года государственная идея и вся жизнь в России были подчинены традициям национального патриотизма, что также соответствовало идеологиям европейских стран. В официальной идеологии государства преобладали национальный консерватизм, патернализм и ориентация на религиозную мораль. При этом подобный подход не являлся следствием европейской моды, а воспринимался как органичный, соответствующий духу времени и морали государственный конструкт.

События 1917 года стали катализатором нового витка общественной мысли. Патриотические идеи прошлого явились противоречием для новой государственной доктрины. Практики и теоретики построения нового мира взяли на вооружение тезис Карла Маркса, утверждая, что «рабочие не имеют отечества»: «У них нельзя отнять то, чего у них нет. Так как пролетариат должен прежде всего завоевать политическое господство, подняться до положения национального класса, конституироваться как нация, он сам пока еще национален, хотя совсем не в том смысле, как понимает это буржуазия» [17, с. 44].

Идеи классика учения развил В.И. Ленин в статье «Критические заметки по национальному вопросу»: «Может великорусский марксист принять лозунг национальной, великорусской, культуры? Нет. Такого человека надо поместить среди националистов, а не марксистов. Наше дело – бороться с господствующей, черносотенной и буржуазной национальной культурой великороссов, развивая исключительно в интернациональном духе и в теснейшем союзе с рабочими иных стран те зачатки, которые имеются и в нашей истории демократического и рабочего движения» [15, с. 122].

Можно ли говорить, что новая доктрина, нивелирующая любовь к Отечеству, бичующая какое бы то ни было национальное достояние, и последовавшая за этим топонимическая революция с разрушением «царских» памятников и переименованием городов и улиц – была следствием «моды» на марксизм и революцию? Очевидно, это была целенаправленная стратегия нового государства, без каких-либо ссылок на моду, тем более учитывая подражательный характер феномена «моды». Образец для подражания [18] в сфере строительства государств подобного типа просто

отсутствовал. Базисом для революции служили идеи классиков социально-философских учений, в основном, утопического характера.

Известно, что отрицание патриотической идеи на волне строительства «нового мира» продержалось недолго. Уже в 1918 году на фоне западной интервенции, гражданской войны и борьбы с Белым движением Ленин вернулся к идее «защиты Отечества». В стране вновь начали эксплуатироваться патриотические символы, от образов в наглядной агитации до головного убора красноармейцев – «богатырки», позже названной «буденовкой» [5].

Эволюция патриотической идеи в годы советской власти претерпела различные идеологические трансформации, которые диктовались прежде всего не желанием руководства страны навязать новую моду гражданскому обществу, но внешними причинами, серьезно влияющими на развитие страны, историческим курсом и безопасностью государства. Даже несмотря на заметное отрицание патриотического концепта в 1930 годах, настроение приверженности к отстаиванию национальных идеалов сохранялось. Наиболее яркие примеры эксплицитного отрицания патриотизма на государственном уровне находим в тезисах наркома образования А.В. Луначарского в докладе на I Всесоюзном учительском съезде «Задачи просвещения в системе советского строительства» [16, с. 260–292] в январе 1925 года: «идея "патриотизма" – идея насквозь лживая». Однако во время реальной угрозы государству в начале Великой Отечественной войны на параде уходящих на фронт войск И.В. Сталин призвал вдохновляться в сражениях «мужественными образами наших великих предков» – Александра Невского, Дмитрия Донского, Кузьмы Минина и Дмитрия Пожарского, Суворова и Кутузова.

Именно эта идеология на долгие годы советской власти и современной России стала образцом приверженности идеалам Отечества и сохранения исторической памяти.

В 2022 году президентом России В.В. Путиным был подписан указ «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [22]. Данным указом законодательно определено, которое долгое время вызывало споры в российской публицистике, – «нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан России, передаваемые от поколения к поколению, лежащие в основе общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства страны, укрепляющие гражданское единство». В список традиционных ценностей наряду с патриотизмом вошли жизнь, достоинство, права и свободы человека, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России.

Принимая во внимание эволюцию патриотического концепта на протяжении исторического пути развития России, можно проследить преемственность обобщенной идеи «любви к Отечеству» и в годы Древней Руси, и во времена Российской империи, и в СССР, и в современной России. Несмотря на нюансы толкования понятия, важно отметить вневременной характер патриотизма. При рассмотрении современных стратегий продвижения патриотизма в медиадискурсе возникает вопрос о продуктивности и целесообразности понятия моды по отношению к традиционным ценностям.

Анализируя тексты медиа, можно заметить, что современные публицисты, общественные и политические деятели часто используют вербальную конструкцию

«сделать что-либо модным» как риторический прием и инструмент привлечения аудитории для продвижения тех или иных идей. Вот только несколько примеров подобного словоупотребления:

- «Русский язык нужно сделать модным, он должен стать языком социальных сетей, считает вице-спикер Госдумы Борис Чернышов» [30];
- «Я считаю, что казахский нужно сделать модным, – заявляет Ерлан Рахимов» [42];
- «А в основу всех тренингов мы должны заложить основную идею: «Бизнес нужно сделать модным!», – поделился впечатлениями Александр Макаров» [27];
- «...чтобы молодежь пришла в бобслей, его нужно сделать более популярным, более модным», – заявил двукратный призер Олимпийских Игр, бобслеист Алексей Воевода в ходе пресс-конференции» [24];
- Волонтерство нужно сделать модным [34];
- «...нужно сделать модным трендом замену полиэтиленовых пакетов на многоразовые складные сумки-шоперы из переработанного пластика» [62];
- «По мнению Шефира, украинский язык нужно сделать модным» [39];
- «Занятия спортом нужно сделать модным трендом для россиян» [51];
- «Выход есть: чтение нужно сделать модным» [36];
- «Нужно сделать модным среди татар разговаривать на родном языке» [23];
- «Изучение башкирского языка нужно сделать модным» [56];
- «На мой взгляд, отдых в России нужно сделать модным и престижным» [40];
- «Я считаю, что отдельный сбор мусора нужно сделать модным и думать, как это поощрять, чтобы инициативы шли снизу» [35];
- «Прежде всего нужно продвигать чтение. Оно должно стать модным - как секс, наркотики и рок-н-ролл...» [41];
- «Светоотражающие элементы нужно сделать модным трендом» [58];
- «Нужно сделать модным быть многодетными» [52];
- «Сертификат вакцинации нужно сделать модным» [33];
- «Кроме того, нужно сделать модным интерес к посещению музеев» [57];
- «Нужно сделать модным благотворительное движение» [43];
- «Нужно сделать модным здоровый образ жизни, проводить профилактическую работу». [44];
- «На мой взгляд, просто нужно сделать модным пение вживую» [26];
- «Благоустройство нужно сделать модным» [57].

Приведем пример позиционирования патриотизма как «модной» стратегии: в программе Г.Г. Слышкина «Галактика языка» на телерадиоканале «Русский мир» общественный деятель Н.В. Локтева высказала мысль о продвижении патриотизма среди молодежи: «Я бы предложила разговаривать с нашей молодежью о патриотизме через референтные модели, которые могут быть модными, которым хочется подражать» [37].

Кроме этого, в медиа встречаются и другие конструкции, ассоциирующие моду с патриотизмом. Вот некоторые заголовки публикаций в сети Интернет:

- «Мода на патриотизм» [55];
- В чем особенности патриотического феномена в моде [32];
- Что должно произойти в России, чтобы мода на патриотизм исчезла? [63];
- В защиту моды на патриотизм. Зачем она нужна и как влияет на политику [31];

- Мода на патриотизм. Как символы объединяют народ в нацию, придают ему государственность [49];
- «Мы хотим сделать патриотизм модным», – Руслан Соколов [50];
- Зачем нужна гражданственность и как сделать патриотизм модным и современным? [48];
- Ток-шоу «Патриотом быть модно!». Сценарий мероприятия для школьников [58];
- Патриотизм – последний модный тренд в Москве [38];
- Андрей Норкин рассказал о стремлении сделать патриотизм модным [25];
- Мода быть патриотом [28].

Понятие *мода* вошло в русский язык еще в XVIII веке, по традиции чаще всего его употребляли по отношению к «миру вещей» (одежде и предметам искусства). Но в переносном значении о моде часто говорят как о волне популярности чего-либо не только в культуре, но и в других сферах общественной жизни. Исследователь Л.В. Алексеенко подчеркивает, что мода не только феномен общества, но и элемент социально-производственной системы, который откладывает отпечаток на развитие общества и оставляет свой след в динамике и направлении развития каждой из его сфер [1, с. 284].

Разные исследователи этого феномена подчеркивают, что одной из системообразующих характеристик моды является ее временность, изменчивость, стремление к трансформации и угасанию [7].

Представляется, что соотнесение настолько неустойчивого и преходящего феномена с традиционными ценностями, передаваемыми из поколения в поколение, не просто нарушает саму природу государственных принципов, но и нивелируют ценностное начало государственной политики. Безусловно, даже после формулирования роли и значения российских традиционных ценностей в президентском указе многие дефиниции требуют конкретизации, содержательного дополнения. Однако все они касаются цивилизационных, а значит, вневременных вопросов: укрепления российской государственности, национальной идентичности, геополитического позиционирования России в меняющемся мире. В медиаполе нет смысла конструировать ассоциации между модой и национальными ценностями, к которым не применимы категории государственности и даже цивилизованности, поскольку таким образом мы придаем этим ценностям характеристики быстротечности и изменчивости.

Для исследования социального поведения в медиаполе важно, на наш взгляд, дифференцировать отличия между долгосрочными социальными феноменами такими как патриотизм, вера, отношение к родителям и т.д., и временными культурными трендами, к которым относится понятие моды. Несмотря на то, что оба типа этих явлений влияют на общественные настроения, их природа, причины возникновения и степень общественного влияния различны.

Долгосрочные социальные феномены обладают глубокой исторической основой и выражают устойчивые на протяжении нескольких поколений чувства и идеи. Патриотизм – это любовь к родине, преданность национальным ценностям и идеалам, которая в разной форме проявляется на протяжении веков. Этот феномен развивается параллельно с развитием наций, государств и обществ. В общем значении патриотизм не имеет ярко выраженных временных рамок. Как явление, он становится частью идентичности нации, несмотря на политические и социальные обстоятельства.

Мода относится к категории временных трендов, быстро меняющимся под влиянием внешних условий. Тренды часто возникают спонтанно и могут исчезать так же быстро, как появились. Причем, культурные тренды, обладающие временным характером, могут быть не только в моде, но также в музыке, искусстве, образе жизни и т.д.

Патриотизм, как долгосрочный феномен, формируется через институциональные механизмы: государственные программы, образовательные системы, культурные и религиозные организации. Это явление, как правило, поддержано традициями, праздниками, символами, литературой и т.д. – медиа в этом случае становятся вторичным средством, помогающим продвинуть идеи на уровне массового сознания, придавая им легитимный характер.

Напротив, мода и культурные тренды в основе своей не привязаны к традиционному или национальному началу. Их источники тесно связаны с популярной культурой, медиаиндустрией и различными проявлениями субкультур. Новые тренды распространяются через массмедиа, социальные сети и лидеров мнений, и подвержены влиянию рекламных кампаний и знаменитостей. В последние десятилетия социальные сети ускорили распространение трендов, делая их глобальными, но короткоживущими. Например, вирусные интернет-феномены (мемы, челленджи) или феномены сериальной культуры могут захватывать внимание миллионов людей, но их жизнь зачастую ограничена неделями или месяцами, даже если они тематически имеют отношение к долгосрочным ценностям. Ярким примером этого можно считать российский телесериал «Родина» о майоре морской пехоты Алексее Брагине, освобожденном из плена террористов на Северном Кавказе. Сериал стал российской адаптацией американского сериала «Родина» («Homeland»), который в свою очередь являлся адаптацией израильской теленовеллы «Военнопленные» («Prisoners of War»). Российская и американские вариации имеют одинаковое название и основной сюжет. В сериале поднимались важные темы патриотизма, верности и предательства. Предполагалось, что сериал выдержит несколько сезонов. В американской версии сериал выдержал восемь сезонов, в России «Родину» закрыли после первого сезона. Оценки на сервисе «Кинопоиск» для американской версии при 64 750 отзывах составили 8,6 баллов [46]. О российском варианте сериала высказались 30105 зрителей, средняя оценка – 6,4 балла [47]. Возможно, в этом случае нельзя не учитывать художественные и технические особенности картины, но важно, что первая публикация российской «Родины» на телеканале «Россия» фиксировалась как очень успешная с долей в 20%.

Долгосрочные феномены, такие как патриотизм, устойчивы ко времени и изменениям социальных условий. Патриотизм может пережить политические кризисы, социальные изменения и даже войны, поскольку его корни лежат глубже, чем поверхностные социальные или экономические обстоятельства. Даже в условиях современной глобализации патриотизм адаптируется, принимая новые формы и сочетаясь с интернациональными ценностями, но его основа остается неизменной. Учитывать этот феномен стали многие иностранные компании, пришедшие на российский рынок со своим менеджментом, продуктовой линейкой и маркетинговой политикой, сохраняя при этом условно патриотические названия брендов, и успешно работающие в России до 2022 года. Так сок «Добрый» производила «Coca-Cola», шоколад «Российский» со слоганом «Россия – щедрая душа» принадлежал швейцарской компании «Nestle», конфеты «Белочка» и «Мишка

на севере» – норвежской компании «Orkla». Бренд кваса «Хлебный край» принадлежал датской фирме «Carlsberg».

Мода и культурные тренды не обладают такой устойчивостью. Например, в мире моды изменения происходят сезонно – то, что популярно сегодня, завтра может оказаться забытым. Культурные тренды возникают в результате изменений вкусов и предпочтений целевой аудитории. К примеру, популярность того или иного музыкального жанра может быть временным явлением, поддерживаемым лишь определённым контекстом (например, популярностью кинотреков или YouTube-трендов).

Патриотизм влияет на общественные структуры на уровне формирования гражданской идентичности, единства наций и социального мироустройства. Он часто служит основой для формирования государственной политики и межгосударственных отношений. В то время как мода влияет преимущественно на поведение, образ жизни и вкусы людей. Временные тренды редко влияют на основные общественные структуры, однако они могут отражать социальные настроения и запросы.

Например, тренды могут служить индикатором изменений в обществе. Мода 1960-х годов, связанная с культурой хиппи, отражала протест против традиционных устоев и продвижение идеалов свободы и мира. Однако даже в таких случаях, как только культурные тренды перестают быть актуальными, их влияние на общество ослабевает. Подобные модные тренды в наши дни легко проследить в медиасреде, где возникают, захватывая огромные аудитории сервисы, сайты и приложения, а через некоторое время становятся совершенно забытыми. К примеру, такие сервисы как LiveInternet, Livejournal, Clubhouse в свое время сформировали целые субкультуры, отражая общественные настроения и свободу интернет-дискуссий. В середине 2020-х годов, несмотря на охваты аудитории, они перестали быть актуальными и не получили никакого технологического развития.

Таким образом, акцент на признаках феномена моды в отношении национальных ценностей и государственных принципов может нивелировать важное значение последних. Декларируя ценности, важные для страны и существования нации, необходимо учитывать не актуальность, а неизменность и фундаментальность этих ценностей.

Тем не менее, вопрос о продвижении традиционных российских ценностей в общественном дискурсе по-прежнему актуален. Для медиа, охватывающих молодежную аудиторию, это одна из важных задач, направленных на упрочение исторической памяти, сохранение национальной безопасности и противостояние деструктивным информационным потокам.

При разработке продуктивных стратегий в вопросе продвижения идеи патриотизма, возможно, стоит обратиться к концептуальным подходам, использовавшимся в Советском Союзе. Например, советский кинематограф служил одним из мощных инструментов пропаганды и формирования патриотических ценностей. Стратегии продвижения патриотизма не рассматривались в контексте «модных», но на примерах исторических персонажей, отношений между людьми или демонстрации жанровых бытовых сцен показывали лучшие образцы гордости за страну и национальные идеалы. Фильм «Александр Невский» (1938) режиссера Сергея Эйзенштейна представил яркую иллюстрацию патриотической темы через героизацию исторических личностей. Александр Невский стал символом единства нации и борьбы за независимость против внешних врагов. «Летят журавли» (1957) Михаила Калатозова, на первый взгляд не имел вообще никакой пропагандистской направленности, но представил личные трагедии войны, показал ценности человеческих взаимоотношений и самоотверженности. Культовый фильм «Офицеры» (1971) обогатил русский язык крылатым выражением «Есть такая

профессия – Родину защищать», показав эстафету судеб людей, которые посвятили себя готовности к самопожертвованию ради общего блага.

Эти и другие фильмы стали классикой не только советского, но и мирового кинематографа, являя собой пример успешной стратегии продвижения патриотизма как категории, независимой от веяний времени и моды. Безусловно, подобные образцы кинематографа есть и в наши дни, патриотическим темам в кино уделяется много внимания, важно подчеркнуть, что одной темы в условиях жесткой мировой киноконкуренции недостаточно, необходимо также работать над художественными достоинствами работ.

Кинематограф, игровая индустрия, новые медиа и другие феномены современной медиакультуры благодаря ярким визуальным образам, интерактивности и персонализированности обладают огромным, еще не до конца изученным потенциалом для продвижения патриотизма в общественное сознание, развития чувства гордости и уважения к своему национальному наследию.

Заключение. Анализ понятия патриотизма в контексте попыток его ассоциирования с модой выявляет глубокие противоречия между этими категориями. Патриотизм по своей природе не может быть изменчивым или временным как это свойственно моде. Его содержание и направленность формируются, прежде всего, духовными и моральными устоями общества, историческим наследием, которое питает жизнь поколений. Важность патриотизма особенно возрастает в периоды исторических кризисов, когда общество сталкивается с вызовами, требующими максимального напряжения сил граждан: войны, социальные конфликты, революции и другие потрясения. В такие моменты патриотизм проявляется в благородных поступках и готовности к самопожертвованию.

Сегодня, когда в России продолжается процесс формирования национальной идеи, патриотизм рассматривается как ключевой компонент, способный объединить общество и укрепить государство. Патриотизм не сводится к временной или популярной тенденции; это искренняя и самоотверженная любовь граждан к своей стране, уважение к ее культуре, традициям и сохранению исторической памяти. Он выражается в последовательной защите законных интересов и прав всех граждан, в реальных действиях, направленных на благо каждого человека и всей нации.

Важность медийных каналов в формировании и продвижении патриотизма среди молодежи невозможно недооценить. Сегодня медиа играют ключевую роль в создании положительного имиджа страны и формировании гражданской идентичности. Однако подход к освещению патриотизма должен основываться на вечных и непреходящих ценностях, чтобы избежать дискредитации этого понятия через привязку к краткосрочным медийным трендам.

В медийном дискурсе при освещении проблем патриотизма необходимо выстраивать и продвигать ассоциации с понятиями, олицетворяющими вечные, незыблемые истины. Такой подход сможет обеспечить создание позитивного образа страны, привлечет внимание молодых людей и вдохновит их на активное участие в общественной жизни и развитии гражданского общества.

Долгосрочные социальные феномены, такие как патриотизм, и временные культурные тренды, такие как мода, представляют собой разные формы коллективного поведения и мышления. Первый – это устойчивое и глубокое явление, которое формирует и поддерживает основы социальных систем, а второй – это быстро меняющийся, но временный ответ на социальные, культурные и экономические

изменения. Оба явления важны для понимания структуры и динамики современного общества, однако их роли, влияние и устойчивость радикально отличаются.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеенко Л.В. Социология моды: классический социологический дискурс о моде / Л.В. Алексеенко // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2012. – №6. – С. 284–288.
2. Барт Р. Основы семиологии / Р. Барт // Французская семиотика. От структурализма к постструктурализму. – М.: 2000. – С. 247–311.
3. Барт Р. Система моды. Статьи по семиотике культуры / Р. Барт; пер. с фр., вступ. ст. и сост. С.Н. Зенкина. – М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2003. – 512 с.
4. Васильева Е. Стратегия моды: феномен нового и принцип устойчивости / Е. Васильева // Теория моды: тело, одежда, культура. – 2019. – №52. – С. 28–30.
5. Военная одежда вооруженных сил СССР и России (1917–1990) / М.М. Хренов, И.Ф. Коновалов, Н.В. Дементюк, М.А. Теровкин. – М.: Воениздат, 1999. – 448 с.
6. Герцен А.И. Собрание сочинений в тридцати томах. Том седьмой. О развитии революционных идей в России. Произведения 1851–1852 годов. – М.: Издательство Академии Наук СССР, 1956. – 469 с.
7. Демшина А.Ю. Мода как феномен культуры / А.Ю. Демшина // Вестник культурологии. – 2016. – №4 (79). – С. 148–152.
8. Жилина А.А. Современное понимание сущности моды / А.А. Жилина, С.М. Моор // Russian Journal of Education and Psychology. – 2015. – №6 (50). – С. 101–110.
9. Зиммель Г. Избранное. Т. 2. Созерцание жизни. – М.: Юрист, 1996. – 607 с.
10. Игнатенко Е.А. Эстетическая диалектика моды: к постановке проблемы / Е.А. Игнатенко // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. – 2023. – №4. – С. 111–122.
11. Ильин А.Н. Мода как тенденция массовой культуры и ее влияние на человеческую субъектность / А.Н. Ильин // Вестник ОмГУ. – 2009. – №2. – С. 25–33.
12. Карамзин Н.М. Избранные произведения / Н.М. Карамзин. – М.: Детская литература, 1966. – 272 с.
13. Карпюк С.Г. Два патриотизма в «Истории» Фукидида / С.Г. Карпюк // Вестник РГГУ. Серия «Исторические науки». – 2010. – 10. – С. 101–116.
14. Козеллек Р. Введение / Р. Козеллек // Словарь основных исторических понятий: Избранные статьи: в 2 т. – Т.1. – М.: Новое литературное обозрение, 2014. – 728 с.
15. Ленин В.И. Критические заметки по национальному вопросу // Полн. собр. соч., т. 24. / В.И. Ленин. – М.: Издательство политической литературы, 1973. – С. 113–150.
16. Луначарский А.В. о народном образовании. Статьи и речи за период 1919–1929 гг. Вступит. статья И. Каирова. М., Изд-во Акад. пед. наук РСФСР, 1958. 559 с.
17. Маркс К. Манифест Коммунистической партии / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М.: Политиздат, 1974. – 64 с.
18. Напсо М.Д. Мода как социальное явление / М.Д. Напсо // Философия и культура. – 2017. – №3. – С. 56–63.
19. Рунг Э.В. Понятие «Патриотизм» и его древнегреческие коннотации / Э.В. Рунг // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2013. – №2 (40). – С. 304–314.
20. Сергеев С.М. Восстановление свободы. Демократический национализм декабристов / С.М. Сергеев // Вопросы национализма. – 2010. – №2 (2). – С. 78–118.
21. Уваров С.С. О некоторых общих началах, могущих служить руководством при управлении Министерством Народного Просвещения. 1833 г. / С.С. Уваров // Река времен / редколлегия: С.Г. Блинов [и др.]. – Москва: Эллис Лак: Тов-во «Река времен», 1995. – С. 70–72.
22. Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Собрание законодательства Российской Федерации от 2022 г., № 46, ст. 7977; Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru) от 09.11.2022 г. (№ 0001202211090019). (дата обращения: 12.08.2024).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

23. Автономия татар Москвы: настоящее и будущее // Автономия татар Москвы [2021]. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://avtonomiya.tatar/автономия-татар-москвы-настоящее-и-бу/> (дата обращения: 12.08.2024).

24. Алексей Воевода: бобслей нужно сделать модным // Смотрим. Сетевое издание [2011]. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://smotrim.ru/article/2024042> (дата обращения: 12.08.2024).
25. Андрей Норкин рассказал о стремлении сделать патриотизм модным // Виралайф [2019]. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://viralife.mirtesen.ru/blog/43897588654/Andrey-Norkin-rasskazal-o-stremlenii-sdelat-patriotizm-modnyim> (дата обращения: 12.08.2024).
26. Артист должен петь честно // SB.ru: [2024]. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.sb.by/articles/artist-dolzhen-pet-chestno.html> (дата обращения: 12.08.2024).
27. Бизнес нужно сделать модным! // Нижний Новгород онлайн [2015]. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.nn.ru/text/gorod/2015/09/07/26213023> (дата обращения: 12.08.2024).
28. Братерский А. Мода быть патриотом // Газета «Культура» [2020]. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://portal-kultura.ru/articles/opinions/329778-moda-byt-patriotom> (дата обращения: 12.08.2024).
29. Бурматов: Патриотизм должен быть модным // Единая Россия [2024]. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://er.ru/activity/news/burmatov-patriotizm-dolzhen-byt-modnym> (дата обращения: 12.08.2024).
30. В Госдуме призвали сделать русский язык модным // РИА НОВОСТИ [2023]. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ria.ru/20230615/yazyk-1878267940.html> (дата обращения: 12.08.2024).
31. В защиту моды на патриотизм. Зачем она нужна и как влияет на политику // Военное обозрение [2014]. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://topwar.ru/41309-v-zaschitu-mody-na-patriotizm-zachem-ona-nuzhna-i-kak-vliyaet-na-politiku.html> (дата обращения: 12.08.2024).
32. В чем особенности патриотического феномена в моде // Be in open [2016]. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.be-in.ru/ideas/37005-chto-takoe-patriotizm-v-mode> (дата обращения: 12.08.2024).
33. Вокруг QR-кодов и ПЦР-тестов зародился новый этикет // Мк.ру [2021]. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.mk.ru/social/2021/07/09/vokrug-qrkodov-i-pcrtestov-zarodilsyanovyy-etiket.html> (дата обращения: 12.08.2024).
34. Волонтерство должно стать модным трендом // Школа социального волонтерства [2024]. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://volonter-school.ru/2017/12/volonterstvo-dolzno-stat-modnym-trendom> (дата обращения: 12.08.2024).
35. Воронежский губернатор призвал чиновников поощрять раздельный сбор мусора // РИА Воронеж [2017]. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://riavrn.ru/news/voronezhskiy-gubernator-prizval-chinovnikov-pooshchryat-razdelnyy-sbor-musora/> (дата обращения: 12.08.2024).
36. Выход есть: чтение нужно сделать модным // Библиотеки Архангельской области [2024]. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://biblioteka29.ru/collegs/contests/iii-oblastnoy-konkurs-biblioteknykh-proektov-biblioinitsiativa-> (дата обращения: 12.08.2024).
37. Галактика языка. Патриотическое воспитание // Телеканал «Русский мир» [2024]. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=Xsjm-OHlpGE> (дата обращения: 12.08.2024).
38. Демирджян К. Патриотизм – последний модный тренд в Москве / К. Демирджян // Inopressa.ru. [2022]. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.inopressa.ru/article/08Oct2014/wp/patriotism.html> (дата обращения: 12.08.2024).
39. Закон об украинском языке нужно отменить, считает бизнес-партнер Зеленского // РИА НОВОСТИ [2024]. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ria.ru/20190531/1555141110.html> (дата обращения: 12.08.2024).
40. Иванов В.В. // Национальный рейтинг. [2024]. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://russia-rating.ru/%D0%B8%D0%B2%D0%B0%D0%BD%D0%BE%D0%B2-%D0%B2-%D0%B2-2> (дата обращения: 12.08.2024).
41. Издатель Светлана Павелецкая: «Печатные издания не вымрут – люди дорожат тактильными ощущениями» // Коротко Про [2017]. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://kp.ua/culture/570650-yzdatel-svetlana-paveletskaja-pechatnye-yzdanyia-ne-vymrut-luidy-dorozhat-taktylnymy-oschuschenyamy> (дата обращения: 12.08.2024).
42. Казахский надо сделать модным – преподаватель // Казахстанская правда [2024]. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://kazpravda.kz/n/kazahskiy-nado-sdelat-modnym-prepodavatel>
43. Как благотворительность становится модной // НИУ ВШЭ [2017]. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.hse.ru/news/science/206078128.html> (дата обращения: 12.08.2024).
44. Как в Орске работают врачи скорой помощи? // Ура56.Ру [2024]. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ural56.ru/news/521506> (дата обращения: 12.08.2024).

45. Как правильно родину любить // Европейский университет в Санкт-Петербурге [2020]. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://eusp.org/news/kak-pravilno-rodinu-lyubit-istorik-mikhail-krom-rasskazal-o-patriotizme-v-rossii-i-ego-proyavleniyakh> (дата обращения: 12.08.2024).
46. Кириягин К. Патриотизм должен быть модным! / К. Кириягин // Аргументы и факты [2024]. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ural.aif.ru/society/situation/1458303> (дата обращения: 12.08.2024).
47. Мода на патриотизм // Телерадиоканал «Русский мир»: [сайт]. [2024]. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ruskiymir.ru/publications/142172> (дата обращения: 12.08.2024).
48. Мы хотим сделать патриотизм модным - Руслан Соколов // Advertology. Наука о рекламе [2007]. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.advertology.ru/article44601.htm> (дата обращения: 12.08.2024).
49. Наталья Локтева: Россию нужно сделать модной // Радио Комсомольская правда [2024]. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://radiokp.ru/podcast/vremya-novykh-moskva/733030> (дата обращения: 12.08.2024).
50. О гражданственности и модном патриотизме // Женщины за мир [2015]. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://women4peace.net/blog/2015/01/22/o-grazhdanstvennosti-i-modnom-patriotizme> (дата обращения: 12.08.2024).
51. Панов В. Мода на патриотизм / В. Панов // Столетие [2022]. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.stoletie.ru/obschestvo/moda_na_patriotizm_932.htm (дата обращения: 12.08.2024).
52. Первый форум многодетных и приемных семей // Ivanovo news [2015]. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: (<https://www.ivanovonews.ru/reports/1221897/>) (дата обращения: 12.08.2024).
53. Путин: Спорт должен стать модным трендом в жизни россиян // Российская газета [2024]. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rg.ru/2014/10/23/putin-anons.html> (дата обращения: 12.08.2024).
54. Радий Хабиров принял участие в закрытии Всероссийского съезда учителей // GTRK.TV [2024]. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [https://gtrk.tv/novosti/131469-radiy-habirov-prinyal-uchastie-zakrytii-vseros\[syiskogo-sezda-uchiteley](https://gtrk.tv/novosti/131469-radiy-habirov-prinyal-uchastie-zakrytii-vseros[syiskogo-sezda-uchiteley) (дата обращения: 12.08.2024).
55. Родина (сериал 2011 – 2020) // Кинопоиск. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.kinopoisk.ru/series/574688/> (дата обращения: 12.08.2024).
56. Родина (сериал 2015) Кинопоиск. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.kinopoisk.ru/series/838704/> (дата обращения: 12.08.2024).
57. Светлана Щербатых: «Благоустройство нужно сделать модным» // Официальный сайт Липецкого городского совета народных депутатов [2024]. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://oblsov.admlr.lipetsk.ru/news/smi/15391/> (дата обращения: 12.08.2024).
58. Светоотражающие элементы нужно сделать модным трендом // Северный город. Новости: [2024]. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://news.sgnorilsk.ru/2020/01/29/svetootrazhayushie-elementy-nuzhno-sdelat-modnym-trendom> (дата обращения: 12.08.2024).
59. Скульмовская Л.Г. Проектирование эмпирического исследования выпускной квалификационной работы / Л.Г. Скульмовская // Издательский дом «Среда» [2020]. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://phsreda.com/e-publications/e-publication-198.pdf> (дата обращения: 12.08.2024).
60. Ток-шоу «Патриотом быть модно!» // Образовательная социальная сеть [2022]. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://nsportal.ru/shkola/vneklassnaya-rabota/library/2022/06/11/tok-shou-patriotom-byt-modno> (дата обращения: 12.08.2024).
61. Фукидид. История / Пер. и примеч. Г.А. Стратановского. Отв. ред. Я.М. Боровский. – Л. : Наука, 1981. – 542 с.
62. Читатели портала поделились идеями по развитию нацпроектов // Национальные проекты [2024]. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://xn--80aapampemcchfmo7a3c9ehj.xn--p1ai/news/chitateli-portala-natsionalnyeproekty-rf-podelilis-svoimi-ideyami-po-razvitiyu-natsproektov> (дата обращения: 12.08.2024).
63. Что должно произойти в России, чтобы мода на патриотизм исчезла? // Давай потремим [2024]. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dzen.ru/a/XBOhRTTgSACrUOAb> (дата обращения: 12.08.2024).

REFERENCES

1. Alekseenko L.V. (2012). Sociologiya mody: klassicheskij sociologicheskij diskurs o mode. [Sociology of fashion. Classical sociological discourse on fashion]. Aktual'nye problemy gumanitarnyh i estestvennyh nauk. [Current problems of the humanities and natural sciences] (6), 284. (In Russian)

2. Bart R. (2000) Osnovy semiologii [Fundamentals of semiology]// Frantsuzskaya semiotika. Ot strukturalizma k poststrukturalizmu. [French semiotics. From structuralism to poststructuralism] – М.: 2000. (In Russian)
3. Bart R. (2003) Sistema mody. Stat'i po semiotike kul'tury. [The fashion system. Articles on semiotics of culture]. М.: Izd-vo im. Sabashnikovyxh.
4. Vasil'eva E. (2019). Strategiya mody: fenomen novogo i princip ustojchivosti [Strategy of Fashion: The Phenomenon of the New and the Principle of Sustainability]. Teoriya mody: telo, odezhdha, kul'tura. [Theory of fashion: body, clothing, culture] (52), 28-30. (In Russian)
5. Voennaya odezhdha Vooruzhyonnyh Sil SSSR i Rossii (1917–1990-e gody). (1999). [Military clothing of the Armed Forces of the USSR and Russia (1917–1990)]. Moscow, Russia: Voenizdat. (In Russian)
6. Gercen A.I. (1956). O razvitii revolyucionnyh idej v Rossii. Sobranie sochinenij v 30 tomah. Tom 7. Proizvedeniya 1851-1852 godov. [Herzen A.I. Collected works in 30 volumes. Vol. 7. On the development of revolutionary ideas in Russia. Works of 1851-1852] (7), 201. Moscow, Russia, Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR. (In Russian)
7. Demshina A.YU. (2016). Moda kak fenomen kul'tury [Fashion as a cultural phenomenon]. Vestnik kul'turologii [Herald of Culturology]. 4 (79), 148–152. (In Russian)
8. Zhilina A.A., Moor S.M. (2015) Sovremennoe ponimanie sushchnosti mody [Modern understanding of the essence of fashion]. Russian Journal of Education and Psychology. 6 (50), 101–108. (In Russian)
9. Zimmel G. (1996) Izbrannoe. T. 2. Sozercanie zhizni. [Simmel G. Favorites. T. 2. Contemplation of life]. Moscow, 607 p. (In Russian)
10. Ignatenko E.A. (2023) Esteticheskaya dialektika mody: k postanovke problemy [Aesthetic dialectics of fashion: towards a problem statement]. Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 7. Filosofiya [LOMONOSOV PHILOSOPHY JOURNAL]. 47 (4), 111–122 (In Russian)
11. Il'in A.N. (2009) Moda kak tendenciya massovoj kul'tury i ee vliyanie na chelovecheskuyu sub"ektnost' [Fashion as a direction of mass culture and its influence on human subjectivity] Vestnik OmGU [HERALD OF OMSK UNIVERSITY]. (2), 25–33 (In Russian)
12. Karamzin N.M. (1966) O lyubvi k Otechestvu i narodnoj gordosti [About love for the Fatherland and national pride]/ Izbrannye proizvedeniya [Selected works], 177-184. Moscow (In Russian)
13. Karpyuk S. G. (2010). Dva patriotizma v «Istorii» Fukidida [Two patriotism in Thucydides' "History"]. Vestnik RGGU [Herald of the Russian State University. The series "Historical Sciences". History. Studia classica et mediaevalia] 10(53), 16 (In Russian)
14. Kozellek R. (2014) Vvedenie [Introduction]. Slovar' osnovnyh istoricheskikh ponyatij: Izbrannye stat'i v 2 t. [Dictionary of basic historical concepts]. (1), 36-37. Moscow, Russia, NLO (In Russian)
15. Lenin V. I. (1973) Kriticheskie zametki po nacional'nomu voprosu [Critical remarks on the national issue] Poln. sobr. soch., t. 24. [The Complete Works]. (24), 122 (In Russian)
16. Lunacharskij A.V. (1958). O narodnom obrazovanii [About public education]. Stat'i i rechi za period 1919–1929 gg. Vstupit. stat'ya I. Kairova. [Articles and speeches from 1919-1929]. Pp. 260-292. (In Russian)
17. Marks K., Engel's F. (1974). Manifest Kommunisticheskoy partii. [The Manifesto of the Communist Party]. P. 44. Moscow, Politizdat (In Russian)
18. Napso M.D. (2017). Moda kak social'noe yavlenie [Fashion as a social phenomenon]. Filosofiya i kul'tura [Philosophy and culture], (3) (In Russian)
19. Rung E.V. (2013). Ponyatie «Patriotizm» i ego drevnegrecheskie konnotacii [The concept of "patriotism" and its ancient Greek connotations]. Problemy istorii, filologii, kul'tury [Problems of history, philology and culture]. 2 (40) (In Russian)
20. Sergeev S.M. (2010) Vosstanovlenie svobody. Demokraticeskij nacionalizm dekabristov [Restoration of freedom. The democratic nationalism of the Decembrists]. Voprosy nacionalizma [Issues of nationalism]. 2 (2), 80 (In Russian)
21. Uvarov S.S. (1995). O nekotoryh obshchih nachalah, mogushchih sluzhit' rukovodstvom pri upravlenii Ministerstvom Narodnogo Prosveshcheniya. 1833 g. [About some general principles that can serve as a guide in the management of the Ministry of Public Education. 1833]. Reka vremen [The River of Time]. (1), 70–72 (In Russian)
22. Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 09.11.2022 № 809 «Ob utverzhdenii Osnov gosudarstvennoj politiki po sohraneniyu i ukrepleniyu tradicionnyh rossijskikh duhovno-nravstvennyh cennostej» / Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii ot 2022 g. [Decree of the President of the Russian Federation No. 809 dated 11/19/2022 "On Approval of the Foundations of State Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values"] № 46, st. 7977 ; Oficial'nyj internet-portal pravovoj informacii. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202211090019> (In Russian)

Поступила в редакцию 29.08.2024 г.

ASSOCIATING PATRIOTISM AND FASHION AS COUNTERPRODUCTIVE MEDIA STRATEGY

A.A. Sorokin

The article deals with the study of the phenomenon of the association of patriotism and fashion in the context of media strategies used in modern Russian society. The author analyzes the historical evolution of patriotism in Russia, pointing out to the changes in its perception and promotion in various historical epochs. A special attention is paid to the analysis of modern attempts to associate and integrate patriotic themes into the fashion industry, which, according to the author, often leads to counterproductive results. The article critically examines examples when fashion is used as a tool for promoting patriotic ideas, and concludes that such approaches do not only fail to contribute to strengthening traditional spiritual and moral values, but can also lead to their devaluation. The author emphasizes the importance of understanding the differences between patriotism and fashion, pointing out to the risks associated with their incorrect combination within the framework of media discourse.

Keywords: media, fashion, patriotism, associations, development of Russia, traditional values, national idea, historical memory.

Сорокин Андрей Александрович

Эксперт научно-исследовательской лаборатории
«Лингвобезопасность и психология
информационного воздействия».

Российская академия народного хозяйства и
государственной службы при Президенте
Российской Федерации, г. Москва, Российская
Федерация.

ORCID 0000-0002-2432-4179

E-mail: andsorokin@mail.ru.

Sorokin Andrey Alexandrovich

Expert of Scientific Research Laboratory "Linguistic
Security and Psychology of Information Impact".

The Russian Presidential Academy of National
Economy and Public Administration, Moscow,
Russian Federation.

ORCID 0000-0002-2432-4179.

E-mail: andsorokin@mail.ru.

Научная статья

УДК 81'373

DOI: 10.5281/zenodo.13998154

СЛОВОСЛОЖЕНИЕ КАК СПОСОБ ТЕРМИНООБРАЗОВАНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ ВОЕННОЙ И ВОЕННО-ТЕХНИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛЕКСИКИ В РУССКОМ, АНГЛИЙСКОМ И ПЕРСИДСКОМ ЯЗЫКАХ)

© 2024 А. Хейдари¹, А. Хоссейни

Тегеранский государственный университет

¹ORCID 0009-0006-0172-0853

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru>

В фокусе рассмотрения настоящей статьи находятся образованные словосложением военные и военно-технические термины в русском, английском и персидском языках. Научная новизна заключается в изучении структуры сложных военных терминов в трех неродственных языках в сопоставительном виде. Актуальность темы состоит в том, что в настоящее время проблемы военной терминологии представляют собой одно из актуальных направлений лингвистических исследований. Целью статьи является изучение словообразовательных и структурно-семантических особенностей военных и военно-технических терминов. Реализация данной цели требует решения следующих задач: 1) определить характеристику словосложения; 2) выявить основные структурные типы словосложения; 3) описать структурные модели терминов, используемых в военных и военно-технических сферах; 4) выявить продуктивные словообразовательные модели словосложения в рассматриваемых языках. Для достижения поставленных задач были применены сопоставительный, структурно-словообразовательный, семантический методы. Сопоставительный метод применялся нами с целью выявления общих(сходства) и специфических(различия) свойств военной и военно-технической терминологии.

Ключевые слова: терминообразования, словосложение, сложные термины, военная терминология, русский язык, английский язык, персидский язык.

Для цитирования: Хейдари А. Словосложение как способ терминообразования (на материале военных и военно-технических терминологии в русском, английском и персидском языках) / А. Хейдари, А. Хоссейни // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. – 2024. – № 4. – С. 148–159. – <https://doi.org/10.5281/zenodo.13998154>.

Введение. Исследуемая нами военная терминология русского, английского и персидского языков при всей значимости и необходимости ее изучения до сих пор остается недостаточно исследованной областью лексики. Этот факт обуславливает актуальность нашего исследования. Целью статьи является изучение словообразовательных и структурно-семантических особенностей военных и военно-технических терминов на материале русского, английского и персидского языков. Реализация данной цели требует решения следующих задач: 1) определить сущностную характеристику словосложения как способ терминообразования; 2) выявить и охарактеризовать основные структурные типы словосложения в сопоставляемых языках; 3) описать структурные модели терминов, использованных в военных и военно-технических сферах; 4) выявить существующие продуктивные словообразовательные модели словосложения в рассматриваемых языках.

«В каждой области профессиональной деятельности, научной и технической отрасли существует много специализированных терминов, которые необходимы для эффективного общения между специалистами в процессе сотрудничества» [12, с. 6]. И военная сфера не является исключением. Постоянное развитие науки неизбежно сопровождается появлением новых специальных слов. В настоящее время происходит расширение и усложнение терминологии в различных областях военной науки. Анализ типов образования новых слов и их связей с другими типами может помочь понять развитие современной системы словообразования в языке. Также сравнение формирования слов в анализируемых языках может быть полезным методом обучения этим языкам как иностранным.

Изучая новые термины, важно заметить, что среди новых слов русского, английского и персидского языка существует большое количество сложных слов. Увеличение использования различных способов словообразования в современном русском, английском и персидском языках для создания сложных слов и растущий интерес к сравнительному анализу свидетельствуют о важности изучения этого явления.

Теория терминообразования посвящена изучению тенденций в формировании новых терминов в различных терминологических системах. По мнению С.В. Гринев-Гриневица, «при терминообразовании используются разные способы: семантические, морфологические, синтаксические, морфолого-синтаксические. Автор считает, что к морфолого-синтаксическим способам относятся словосложение, эллипсис и аббревиатура» [6, с. 123]. Как известно, в любой сфере языка существуют определенные способы терминообразования. Но, на наш взгляд, при формировании сложных военных и военно-технических терминов в сопоставляемых языках используется ограниченное количество моделей словосложения из общего набора языковых моделей. По словам В.М. Лейчика, «термины, образованные с помощью словосложения, являются оптимальным средством для выражения углубленного знания, так как основной семантической характеристикой сложных слов является обозначение объекта по сложному признаку или по совокупности признаков» [9, с. 53]. По нашему мнению, с учётом полученных результатов, подтверждающих мнение В.М. Лейчика, одним из наилучших и эффективных средств терминологической номинации является словосложение, которое точно и подробно отражает сложные военные понятия.

Материалы и методы исследования. Материалом для данной статьи являются военные и военно-технические термины, образованные словосложением в современном русском, английском и персидском языках.

Для решения запланированных задач с целью исследования в статье основными методами работы стали: 1) сопоставительный, используемый в целях выявления общих (сходства) и специфических (различия) свойств оформления единиц, образованных словосложением; 2) структурно-словообразовательный и семантический, применяемые при описании семантической структуры с целью выявления видов образования сложных терминов в сравниваемых языках.

Основная часть. Словосложение – это способ словообразования, когда два или более полных слова (или основы) объединяются в единый комплекс.

С точки зрения словообразовательных структур, сложное слово необходимо рассматривать в двух аспектах: в аспекте его способа образования и в аспекте его структуры (из каких частей речи оно состоит).

Рассмотрим, как образуются сложные военные и военно-технические термины в сопоставляемых нами языках.

Так, среди основных способов образования сложных военных и военно-технических терминов в русском языке следующие:

– с соединительной гласной: *самонаведение, самолетостроение, самооборона, взаимодействие, взаимозаменяемость, взаимообусловленность, взаимосвязь, амплитудно-импульсная (модуляция), амплитудно-модулированные (помехи), амплитудно-частотная (характеристика), аналого-цифровой (преобразователь), антенно-мачтовое (устройство), взлетно-посадочная (полоса), военно-воздушная база, военно-транспортный (самолет), воздушно-космическая (оборона), импульсно-временная (модуляция), материально-техническое (обеспечение), парашютно-десантный, поисково-спасательный (ЛА), помехозащищенный, приемно-передающая (радиостанция), узко-лучевая (антенна), учебно-тренировочный (самолет), частотно-временная (диаграмма), частотно-импульсная (модуляция), частотно-модулированный, широтно-импульсная (модуляция);*

– без соединительной гласной: *истребитель-перехватчик, мина-ловушка, самолет-амфибия, самолет-заправщик, разведчик-наблюдатель, запросчик-ответчик, диспетчер-получатель, истребитель-бомбардировщик, истребитель-бомбардировщик-торпедоносец, истребитель-бомбардировщик-штурмовик, истребитель-перехватчик, истребитель-разведчик, истребитель-разведчик-штурмовик, истребитель-штурмовик, лазер-дальномер, лётчик-испытатель, приемник-передатчик, ТПЛА-штурмовик, ТПЛА-перехватчик;*

– сращение (слияние) – лексико-синтаксический способ словообразования, при котором производное слово получается в результате слияния компонентов словосочетания, например: *мало + заметный → малозаметный, мало + высотный → маловысотный, мало + габаритный → малогабаритный, много + диапазонный → многодиапазонный, много + моторный → многомоторный, много + частотный → многочастотный, много + направленный → многонаправленный, одно + направленный → однонаправленный, низко + частотный → низкочастотный, низко + летящий → низколетящий, высоко + летящий → высоколетящий, высоко + мощный → высокомогучий, высоко + приоритетный → высокоприоритетный, высоко + точный → высокоточный, высокочастотный → высокочастотный, широко + полосный → широкополосный, широко + диапазонный → широкодиапазонный;*

– сложно-суффиксальный способ – образование сложных слов с помощью словосложения и присоединения суффикса ко второй основе, например: *дальномерщик, высотомерщик;*

– сложение в сочетании с нулевой суффиксацией – образование сложных слов с помощью словосложения и нулевой суффиксации. Нулевая суффиксация – образование новых слов (имен существительных) от производящей основы (глагола или имени прилагательного) без добавления аффиксов (образующая основа становится основой существительного). Производные слова этого типа выражают определенное действие или признак, например: *высотомер, дальномер, топливомер, координатомер, креномер, расходомер, угломер, уклономер.*

Способы образования сложных военных и военно-технических терминов в английском языке:

– без соединительной гласной: *airfield (аэродром), artilleryman (артиллерист), battleship (линейный корабль), cyberspace (киберпространство), callsign (позывной), aidman (санитар), aircraft (ЛА), airscrew (воздушный винт), airspace (воздушное*

пространство), *airstrip* (взлетно-посадочная полоса), *airway* (воздушная линия), *battlefield* (поле сражения), *flagship* (флагманский корабль), *radiointerference* (радиопомеха), *radiolocation* (радиолокация), *runway* (взлетно-посадочная полоса), *seaplane* (гидросамолет), *warhead* (боевая головка), *warship* (боевой корабль);

– при помощи дефиса: *cyber-espionage* (кибершпионаж), *cyber-threat* (киберугроза), *decoy-ship* (корабль-ловушка), *dog-fight* (воздушный бой), *field-gun* (полевая пушка), *interrogator-transponder* (запросчик-ответчик), *attack-fighter* (истребитель-штурмовик), *fighter-leader* (командир огневой группы), *single-engine (aircraft)* (одномоторный (самолет)), *receiver-transmitter* (приемник-передатчик), *scout-observer* (разведчик-наблюдатель), *spot-beam (antenna)* (узко-лучевая (антенна));

– сложно-суффиксальный способ: *rangefinder* (дальномер), *beamrider* (ракета, наводимая по лучу), *heightfinder* (высотомер), *afterburner* (форсажная камера), *fighter-bomber* (истребитель-бомбардировщик), *fighter-leader* (командир огневой группы), *attack-fighter* (истребитель-штурмовик).

В современном английском языке этот смешанный тип словообразования является довольно продуктивным, а слова, образованные таким образом, называются сложнопроизводными.

При образовании сложных терминов в персидской военной терминологии используются такие способы:

– без соединительной гласной:

توپخانه *tupkhāne* (артиллерия), *موج پیوسته* *tojpeyvaste* (непрерывная излучение), *بردمتوسط* *bordmotevasset* (средняя дальность), *آتشبار* *ātašbār* (батарея), *اسلحه خانه* *aslahekhāne* (оружейный склад), *جنگنده رهگیر* *janganderahgir* (истребитель-перехватчик), *جنگنده بمب افکن* *jangandebombafkan* (истребитель-бомбардировщик), *رزمناو* *razmnāv* (военный корабль), *ریز پرند* *rizparande* (малогабаритный БЛА), *ریز موج* *rizmoj* (микроволновый), *کمک خلبان* *komakkhalabān* (второй пилот), *گیرنده فرستنده* *girandeferestande* (приемник-передатчик), *ناوگروه* *nāvgru* (дивизион), *هوافضا* *havāfazā* (воздушно-космическое пространство), *هواناو* *havānāv* (судно на воздушной подушке), *آتش بس* *ātašbas* (прекращение огня), *ارتفاع بست* *ertefāpast* (низколетящий), *اولویت بالا* *olaviatbālā* (высокоприоритетный), *توان بالا* *tavānbālā* (высокомощный), *دقت بالا* *deqatbālā* (высокоточный), *دور برد* *durbord* (дальнее действие), *دوش پر تاب* *dušpartāb* (плечевое орудие), *عمود پرواز* *amudparvāz* (вертикальный взлет и посадки), *فرکانس بالا* *ferekānsbālā* (высокочастотный), *فرکانس پایین* *ferekānsrain* (низкочастотный), *کوتاه برد* *kutāhbord* (ближнее действие), *برد بلند* *bordbolānd* (дальнее действие);

– сложно-суффиксальный способ:

چندکاناله *čandkānāle* (многоканальный), *چندمنظوره* *čandmanzure* (многофункциональный; многоцелевой), *بین قاره ای* *beynghārei* (межконтинентальный), *باندگسترده* *bāndgostar* (широкодиапазонный; широкополосный), *چندوظیفه ای* *čandvazifei* (многофункциональный), *چندفرکانسه* *čandferekanse* (многочастотный), *چندموتوره* *čandmotore* (многомоторный), *رادیوالکترونیکی* *rādioelektroniki* (радиоэлектронный), *یکجهته* *yeckjahate* (Однонаправленный), *چندجهته* *čandjahate* (многонаправленный).

В английских и персидских сложных терминах не встречается интерфиксов (соединительных морфем). При словосложении в русском языке между двумя основа появляется соединительный гласный «-о-». Подобный тип сложных слов, в особенности сложных прилагательных, широко употребляется и является достаточно высокопродуктивным способом в современном русском языке.

С точки зрения структуры при образовании военных и военно-технических терминов с учётом частей речи слов в русской терминологии употребляются следующие модели:

– N + N → N: *истребитель-штурмовик, корабль-ловушка, диспетчер-получатель, запросчик-ответчик, истребитель-бомбардировщик, истребитель-перехватчик, истребитель-разведчик, лазер-дальномер, лётчик-испытатель, мина-ловушка, приемник-передатчик, самолет-амфибия, самолет-заправщик, самолет-разведчик, самолет-штурмовик, сигнал-помеха;*

– N + N + N → N: *истребитель-бомбардировщик-торпедоносец, истребитель-бомбардировщик-штурмовик, истребитель-разведчик-штурмовик;*

– N + V → N: *высотомер, дальномер, угломер, топливомер, координатомер, креномер, расходомер, уклономер;*

– N + V + suf → N: *дальномерщик, высотомерщик;*

– A + N → N: *взаимосвязь, взаимозаменяемость, взаимообусловленность, взаимодействие, скороподъемность, скорострельность;*

– Pron. + N → N: *самонаведение, самоконтроль, самооборона;*

– Pron. + A → N: *свой-чужой;*

– Abbr. + N → N: *ТПЛА-перехватчик, ИК-излучение, ЛА-разведчик, ЛА-цель, ТПЛА-штурмовик*

– N + A → A: *помехоустойчивый;*

– N + PII → A: *помехозащищенный, помехонасыщенный;*

– A + A → A: *аналого-цифровой (преобразователь), узко-лучевая (антенна), антенно-мачтовое (устройство), широтно-импульсная (модуляция), взлетно-посадочная (полоса), приемно-передающая (радиостанция), разведывательно-ударный (самолет), учебно-тренировочный (самолет), частотно-временная (диаграмма), частотно-импульсная (модуляция), воздушно-космическая (оборона), импульсно-временная (модуляция), материально-техническое (обеспечение);*

– A + PII → A: *частотно-модулированный, телеуправляемый;*

– Adv. + A → A: *высокочастотный, широкодиапазонный, высокомоощный, высокоприоритетный, широкополосный;*

– Adv. + PI → A: *низколетящий (аппарат), высоколетящая (цель);*

– Pron. + A → A: *всепогодный, всевысотный, всенаправленный, всеракурсный, всесторонняя (оборона);*

– No. + A → A: *однонаправленный, одноканальный, двухмоторный, малоразмерный, малозаметный, маловысотный, малогабаритный, многоканальный.*

В военной английской терминологии сложные термины образуются по следующим моделям:

– N + N → N: *airfield (аэродром), airway (воздушная линия), artilleryman (артиллерист), foxhole (заблаговременно оборудованный стрелковый окоп), field-gun (полевая пушка), flagship (флагманский корабль), radiointerference (радиопомехи), radiolocation (радиолокация), battlefield (поле сражения), cyber-espionage (кибершпионаж), cyber-threat (киберугроза), decoy-ship (корабль-ловушка);*

– N + V → N: *airdrop (сбрасывание с самолета), velometer (скоростемер), flowmeter (Расходомер);*

– N + V + suf → N: *rangefinder (дальномер), heightfinder (высотомер), radiolocator (РЛС), fighter-bomber (истребитель-бомбардировщик), fighter-leader (командир огневой*

группы), *beamrider* (ракета, наводимая по лучу), *attack-fighter* (истребитель-штурмовик);

– N + Adv. → N: *handover* (передача управления);

– N + prep. + N → N: *man-of-war* (военный корабль);

– Adv. + V + suf → N: *afterburner* (форсажная камера);

– A + Adv. → N: *blackout* (временная потеря сознания);

– N + N → A: *target-position (sensor)* (датчик местоположения (координат) цели), *target-acquisition (sensor)* (прибор обнаружения и захвата цели);

– N + A → A: *man-portable* (носимый);

– A + N → A: *low-altitude (surveillance radar)* (маловысотная обзорная РЛС), *low-coverage (radar)* (маловысотная РЛС), *low-target (acquisition radar)* (РЛС обнаружения низколетящих целей);

– N + prep. + N → A: *air-to-air (combat)* (воздушный бой), *air-to-ground (combat)* (действия авиации по поражению наземных целей), *point-to-point (communication)* ((прямая) связь между двумя пунктами), *air-to-air (missile)* ракета класса «воздух-воздух», *air-to-surface (missile)* (ракета класса «воздух-поверхность»);

– N + ПП → A: *frequency-modulated* (частотно-модулированный);

– A + ПП → A: *vertical-launched (missile)* (вертикально запускаемая (ракета));

– V + conj. + V → A: *fire-and-forget (missile)* (ракета типа «выстрелил – забыл»), *curve-of-pursuit (homing)* (самонаведение методом (по кривой) погони);

– Adv. + N → A: *after-operation (service)* (техническое обслуживание после боя);

– Adv. + ПИ → A: *fast-moving (target)* (быстродвижущаяся (цель)), *low-flying (aircraft)* (низколетящий(аппарат)).

При образовании сложных терминов в военной терминологии персидского языка используются такие модели:

– N + N → N: *توپخانه* *tupkhāne* (артиллерия), *آتشبار* *ātašbār* (батарея), *ناوگروه* *nāvgru* (дивизион), *هوافضا* *havāfazā* (воздушно-космическое пространство), *هواناو* *havānāv* (судно на воздушной подушке);

– N + A → N: *آتشبس* *ātašbas* (прекращение огня);

– A + N → N: *سیاه‌غش* *siyāhqaš* (временная потеря сознания)

– N + No. → N: *ستواندوم* *sotvāndovvom* (лейтенант), *ستوانیکم* *sotvānyekom* (старший лейтенант);

– Adv. + A → N: *زیردریایی* *zirdaryāyi* (подводная лодка);

– N + A → A: *برد بلند* *bordboland* (дальнее действие), *بردمتوسط* *bordmotevasset* (средняя дальность) *موج پیوسته* *tojpeyvaste* (непрерывное излучение), *فرکانس بالا* *ferekānsbālā* (высокочастотный), *فرکانس پایین* *ferekāns-pāyin* (низкочастотный);

– A + N → A: *عمودپرواز* *amudparvāz* (вертикальный взлет и посадки), *کوتاه‌برد* *kutāhbord* (ближнее действие);

– Adv. + N → A: *میان‌برد* *miyānbord* (средняя дальность);

– Adv. + A → A: *بین‌قاره‌ای* *beynqārei* (межконтинентальный);

– Pron. + A → A: *همه‌هوایی* *hamehavāi* (всепогодный);

– No. + N + suf → A: *چندفرکانسه* *čandferekānse* (многокочастотный), *چندباند* *čandbānde* (многодиапазонный), *چندمنظوره* *čandmanzure* (многофункциональный).

Наш сопоставительный анализ показывает, что самыми распространенными комбинациями частей речи при образовании сложных военно-технических терминов являются: в русском языке: N + N → N, A + A → A, в английском: N + N → N, N + prep. + N → N, N + V + suf → N, в персидском: N + N → N, N + A → A и структура N + N → N в анализируемых языках является самым распространенным и подобным моделью.

Таблица 1

Разнообразие сложных существительных структур в русской, английской и персидской языках в военной терминологии

Типы структур	Русский язык	Английский язык	Персидский язык
N + N → N	+	+	+
N + N + N → N	+	–	–
N + A → N	–	–	+
N + V → N	+	+	–
N + V + suf → N	+	+	–
N + Adv. → N	–	+	–
N + No. → N	–	–	+
N + prep. + N → N	–	+	–
A + N → N	+	–	+
Pron. + N → N	+	–	–
Abbr. + N → N	+	–	–
Adv. + A → N	–	–	+
Pron. + A → N	+	–	–

Таблица 2

Разнообразие сложных прилагательных структур в русской, английской и персидской языках в военной терминологии

Типы структур	Русский язык	Английский язык	Персидский язык
N + N → A	–	+	–
N + A → A	+	+	+
N + prep. + N → A	–	+	–
N + ПИ → A	+	+	–
A + N → A	–	+	+
A + A → A	+	–	–
A + ПИ → A	+	+	–
V + conj. + V → A	–	+	–
Adv. + N → A	–	+	+
Adv. + A → A	+	–	–
Adv. + ПИ → A	+	+	–
No. + N + suf → A	–	–	+
No. + A → A	+	–	–
Pron. + A → A	+	–	+

В данной классификации представлены только самые распространенные комбинации частей речи. Как показало исследование, сложные термины представлены двумя частями речи: именем существительным и именем прилагательным, активно участвующими в оформлении сложных военных и военно-технических терминов.

Следующие модели при образовании сложных военных и военно-технических терминов в сопоставляемых языках являются подобными (см. Табл.1, 2):

– N + N → N: рус. истребитель-штурмовик, англ. *callsign* (позывной), перс. آتشبار *ātašbār* (батарея);

– N + A → A: рус. помехоустойчивый, англ. *man-portable* (носимый), перс. بردمتوسط *bordmotevasset* (средняя дальность).

В русской и английской военной терминологии встречаются сложные термины, состоящие из трех компонентов, например:

– N + N + N → N: истребитель-разведчик-штурмовик;

– N + prep. + N → N: *man-of-war* (военный корабль);

– N + prep. + N → A: *air-to-air* (combat) (воздушный бой);

– V + conj. + V → A: *fire-and-forget* (missile) (ракета типа «выстрелил – забыл»).

Такие модели (состоящие из трех компонентов) обозначают задачи и способности каждого прибора.

С точки зрения словообразовательного значения, сложные термины-существительные в сфере военной терминологии выделяются на следующие:

а) имена деятеля;

б) имена действия.

Имена деятеля с учетом словообразовательных значений в анализируемых языках группируются на: 1) производитель действия (лицо) 2) орудийности (прибор) (см. Табл. 3)

Таблица 3

Сложные термины с точки зрения словообразовательных значений лица (деятели)

Термины	значение производителя действия (лицо)	значение орудийности (прибора)
Русские	вертолетчик, дальномерщик, выотомерщик, лётчик-испытатель, разведчик-наблюдатель, диспетчер-получатель, офицер-зенитчик, офицер-корректировщик(стрельбы), офицер-топограф, авиадиспетчер	приемник-передатчик, запросчик-ответчик, истребитель-перехватчик, истребитель-разведчик, ЛА-разведчик, ТПЛА- штурмовик, шумоглушитель, истребитель-бомбардировщик, истребитель-бомбардировщик-торпедоносец, истребитель-бомбардировщик-штурмовик, истребитель-разведчик, истребитель-разведчик-штурмовик, истребитель-штурмовик, торпедосбрасыватель,
Английские	<i>artilleryman</i> (артиллерист), <i>radarman</i> (оператор РЛС), <i>aidman</i> (санитар), <i>airman</i> (авиатор), <i>scout-observer</i> (разведчик-наблюдатель)	<i>heightfinder</i> (высотомер), <i>rangefinder</i> (дальномер), <i>jet-fighter</i> (истребитель), <i>helicopter</i> (вертолет), <i>fighter-bomber</i> (истребитель-бомбардировщик), <i>transmitter-receiver</i> (приемник-передатчик), <i>interrogator-transponder</i> (запросчик-ответчик), <i>strike-fighter</i> (Ударный истребитель), <i>fighter-leader</i> (командир огневой группы), <i>afterburner</i> (форсажная камера), <i>beamrider</i> (ракета, наводимая по лучу), <i>radiolocator</i> (РЛС)
Персидские	کمک‌خلبان <i>komakxhalabān</i> (второй пилот), ستوانیکم <i>sotvānyekom</i> (старший лейтенант), ستواندوم <i>sotvāndovvom</i> (лейтенант),	جنگندهمب‌افکن <i>janganderahgir</i> (истребитель-перехватчик), جنگندهبم‌افکن <i>jangandebombafkan</i> (истребитель-бомбардировщик), ناوگروه <i>nāvgru</i> (дивизион), گیرندهفرستنده <i>girandeferestande</i> (приемник-передатчик), هواناو <i>havānāv</i> (судно на воздушной подушке) رزح‌ناو <i>dušpartāb</i> (плечевое орудие), رزح‌ناو <i>razmānāv</i> (военный корабль)

Имена действия с учетом словообразовательных значений в сравниваемых языках группируются на: 1) процесс действия; 2) результат действия (см. Табл. 4)

Таблица 4

Сложные термины с точки зрения словообразовательных значений действия

Термины	значение процесса действия	значение результата действия
Русские	<i>целеуказание, самонаведение, фоторазведка, аэрофоторазведка, ИК-излучение, самолетостроение, бомбометание, самопроверка, самоконтроль</i>	<i>кибератака, целераспределение</i>
Английские	<i>radiomonitoring (радиомониторинг), bomb-dropping (бомбометание)</i>	<i>lock-on (захват), shutdown (выключение), take-off (взлет), shutoff (отсечка), blackout (временная потеря сознания), airdrop (сбрасывание с самолета), handover (передача управления)</i>
Персидские	<i>خودآزمایی khodāzmai (самопроверка, самоконтроль)</i>	<i>آتش‌بس ātašbas (прекращение огня), سیاه‌غش siyāhqaš (временная потеря сознания)</i>

Заключение. По результатам проведенного исследования были сформулированы следующие выводы:

– в русской и английской военных терминологиях словосложение занимает более активную позицию, чем в персидской;

– для всех трех языков характерно словосложение на основе знаменательных частей речи. Самыми распространенными комбинациями частей речи при словосложении являются:

– N + N → N;

– N + A → A;

– для словосложения в персидском языке не характерен трехсоставный тип военной терминологии. Основные комбинации в классификации анализируемых языков являются двухсоставными;

– В персидской терминологии отсутствует использование причастий при образовании сложных терминов, в отличие от русской и английской терминологии.

– сложное слово часто имеет иное значение, чем составляющие его слова;

– в отличие от английских и персидских сложных военных терминов в русской терминологии используются соединительные гласные;

– сложные термины в русской и английской терминологиях образуются с помощью общих моделей, которые не используются в персидской терминологии:

– N + V → N: *высотомер, airdrop (сбрасывание с самолета)*;

– N + V + suf → N: *дальномерщик, hightfinder (высотомер)*;

– N + PII → A: *помехозащищенный, frequency-modulated (частотно-модулированный)*;

– A + PII → A: *частотно-модулированный, vertical-launched (missile) (вертикально запускаемая (ракета))*;

– Adv. + PI → A: *высоколетящая (цель), fast-moving (target) (быстродвижущаяся (цель))*.

– доля значения орудийности (прибора) во всех трех языках примерно одинаковая;

– в сопоставляемых языках значением лица (деятеля) является более продуктивный чем значение действия;

– при словосложении в персидском языке термины-существительные со значениями производителя действия (лица) и процесса действия имеет малый вес по сравнению с русским и английским (см. Табл. 3, 4).

Подводя итог нашему исследованию, следует отметить, что словосложение является важным средством пополнения словарного состава языка и совершенствования его строя и отражает особенности языка. В настоящем исследовании военной и военно-технической терминологии русского, английского и персидского языков мы попытались выявить общие закономерности формирования терминов данной предметной области и установить сходства и различия в способе словосложения терминологической номинации в разнотерминологических языках.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Алдиева М.Ш. Особенности функционирования военной терминологии в системе современного английского языка / М.Ш. Алдиева // Гуманитарные и социальные науки [Электронный ресурс]. – 2022. – № 94 (5). – С. 10–15. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-funktsionirovaniya-voennoy-terminologii-v-sisteme-sovremennogo-angliyskogo-yazyka> (дата обращения: 15.04.2024).
2. Алексеева Л.М., Василенко Д.В. Системность терминологии / Л.М. Алексеева, Д.В. Василенко // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология [Электронный ресурс]. – 2015. – № 4 (32). – С. 5–13. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sistemnost-terminologii> (Дата обращения: 15.04.2024).
3. Аракин В.Д. Сравнительная типология английского и русского языков [Электронный ресурс] / В.Д. Аракин. – М. : Физматлит, 2005. – 232 с. – Режим доступа: <https://www.twirpx.com/file/768429/> (дата обращения: 15.04.2024).
4. Банман П.П., Леглер А.А. Военная терминология и военный перевод [Электронный ресурс] / П.П. Банман, А.А. Леглер. – Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2015. – 186 с. – Режим доступа: <https://www.twirpx.com/file/3849651/> (Дата обращения: 15.04.2024).
5. Бидеркесен Д. Военная лексика как особый элемент лексической системы языка / Д. Бидеркесен // Казанский лингвистический журнал [Электронный ресурс]. – 2020. – № 1 (3). – С. 5–16. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/voennaya-leksika-kak-osobyy-element-leksicheskoy-sistemy-yazyka> (Дата обращения: 15.04.2024).
6. Гринев-Гриневич С.В. Терминоведение [Электронный ресурс] / С.В. Гринев-Гриневич. – М. : Издательский центр (Академия) Академия, 2008. – 304 с. – Режим доступа: <https://www.twirpx.com/file/2019893/> (Дата обращения: 15.04.2024).
7. Данькова Т.Н., Загоровская О.В. Проблемы современной терминологии [Электронный ресурс] / Т.Н. Данькова, О.В. Загоровская. – Воронеж : ФГБОУ ВО «Воронежский ГАУ», 2018. – 219 с. – Режим доступа: <https://www.twirpx.com/file/2818332/> (Дата обращения: 15.04.2024).
8. Зеремская Ю.А., Солодовникова О.В., Сахарова О.В. Основные лексические способы словообразования потенциально новых слов в современном английском языке / Ю.А. Зеремская, О.В. Солодовникова, О.В. Сахарова // Филологические науки. Вопросы теории и практики [Электронный ресурс]. – 2019. – № 12 (12). – С. 246–250. – Режим доступа: <https://www.gramota.net/materials/2/2019/12/48.html> (Дата обращения: 15.04.2024).
9. Лейчик В.М. Терминоведение: предмет, методы, структура [Электронный ресурс] / В.М. Лейчик. – М. : Либроком, 2009. – 256 с. – Режим доступа: <https://www.twirpx.com/file/835428/> (Дата обращения: 15.04.2024).
10. Мартемьянова М.А. Основные способы образования терминов нанотехнологии / М.А. Мартемьянова // Вестник Челябинского государственного университета [Электронный ресурс]. – 2010. – № 21 (202). – С. 58–61. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-sposoby-obrazovaniya-terminov-nanotekhnologii> (Дата обращения: 15.04.2024).
11. Мурдускина О.В. Лексикология и терминоведение [Электронный ресурс] / О.В. Мурдускина. – Тольятти: Изд-во ТГУ, 2016. – 130 с. – Режим доступа: <https://www.twirpx.com/file/2603929/> (Дата обращения: 15.04.2024).

12. Росянова Т.С. Теория и практика терминоведения [Электронный ресурс] / Т.С. Росянова. – СПб. : Изд-во СПбГЭУ, 2018. – 192 с. – Режим доступа: <https://www.twirpx.com/file/2723648/> (Дата обращения: 15.04.2024).

13. Юаньцэ Ч. Особенности изучения военной терминологии в русском языке / Ч. Юаньцэ // Филология и культура [Электронный ресурс]. – 2023. – № 1 (71). – С. 89–93. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-izucheniya-voennoy-terminologii-v-russkom-yazyke> (Дата обращения: 15.04.2024).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

14. Буренка В.М. Толковый словарь в области военного управления, связи и информационных технологий [Электронный ресурс] / В.М. Буренка. – М. : РАРАН, 2017. – 232 с. – Режим доступа: <https://www.twirpx.com/file/2815884/> (Дата обращения: 15.04.2024).

15. Дождиков В.Г. Большой толковый словарь по радиоэлектронике [Электронный ресурс] / В.Г. Дождиков. – М. : Издательство «ДИВО», 2002. – 429 с. – Режим доступа: <https://www.twirpx.com/file/2866136/> (Дата обращения: 15.04.2024).

16. Киселев Б.В. Англо-русский словарь военной и сопутствующей лексики [Электронный ресурс] / Б.В. Киселев. – М. : АСТ: Восток-Запад, 2005. — 263 с. – Режим доступа: <https://www.twirpx.com/file/1479809/> (Дата обращения: 15.04.2024).

17. Киселев Б.В. Англо-русский словарь военно-технических терминов и сокращений с комментариями Часть I: А–R [Электронный ресурс] / Б.В. Киселев. – 2018. — 123 с. – Режим доступа: <https://www.twirpx.com/file/2556646/> (Дата обращения: 15.04.2024).

18. Киселев Б.В. Англо-русский словарь военно-технических терминов и сокращений с комментариями Часть II: S–Z, сокращения, комментарии [Электронный ресурс] / Б.В. Киселев. – 2018. — 191 с. – Режим доступа: <https://www.twirpx.com/file/2556647/> (Дата обращения: 15.04.2024).

19. Multitran [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.multitran.com/> (Дата обращения: 15.04.2024).

20. Словарь военных терминов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rus-military-terms-dict.slovaronline.com/> (Дата обращения: 15.04.2024).

21. Судзиловский Г.А. Англо-русский военный словарь: около 70 000 терминов, ТОМ 1, А–L [Электронный ресурс] / Г.А. Судзиловский, В.М. Полюхин, В.Н. Шевчук и др. – 3-е изд. перераб. и доп. – М. : Воениздат, 1987. – 655 с. – Режим доступа: <https://www.twirpx.com/file/2667431/> (Дата обращения: 15.04.2024).

22. Судзиловский Г.А. Англо-русский военный словарь: около 70 000 терминов, ТОМ 2, M–Z [Электронный ресурс] / Г.А. Судзиловский, В.М. Полюхин, В.Н. Шевчук и др. – 3-е изд. перераб. и доп. – М. : Воениздат, 1987. – 688 с. – Режим доступа: <https://www.twirpx.com/file/2667427/> (Дата обращения: 15.04.2024).

23. اصول و ضوابط واژه‌گزینی. واژه‌های مصوب فرهنگستان زبان و ادب فارسی / تهران، 1387 – 26 ص.

24. امی، فتح‌اله فرهنگ هوافضا انگلیسی – روسی – فارسی بیش از 5000 واژه / فتح‌اله امی. تهران: جهاد دانشگاهی، 1384. 328 ص.

25. فرهنگ واژه‌های نظامی مصوب فرهنگستان زبان و ادب فارسی / تهران، 1391 – 400 ص.

REFERENCES

1. Aldiyeva M.Sh. (2022) Osobennosti funktsionirovaniya voyennoy terminologii v sisteme sovremenno angliyskogo yazyka [Features of the functioning of military terminology in the system of modern English] in Gumanitarnyye i sotsial'nyye nauki [Humanities and social sciences], № 94 (5), 10–15. (In Russian)

2. Alekseyeva L.M., Vasilenko D.V. (2015) Sistemnost' terminologii [Systematicity of terminology]. Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya [Bulletin of Perm University. Russian and foreign philology], № 4(32), 5–13. (In Russian)

3. Arakin V.D. (2005) Sravnitel'naya tipologiya anglijskogo i russkogo yazykov [Comparative typology of English and Russian languages]. Moscow : Fizmatlit. 232 p. (In Russian)

4. Banman P.P., Legler A.A. (2015) Sravnitel'naya tipologiya anglijskogo i russkogo yazykov [Military terminology and military translation]. Stavropol' : Izd-vo SKFU. 186 p. (In Russian)

5. Biderkesen D. (2020) Voyennaya leksika kak osobyy element leksicheskoy sistemy yazyka [Military vocabulary as a special element of the lexical system of language] in Kazanskiy lingvisticheskiy zhurnal [Kazan linguistic journal], № 1(3), 5–16 (In Russian)

6. Grinev-Grinevich S.V. (2008) Terminologiya [Terminology]. Moscow : Izdatel'skiy tsentr (Akademiya) Akademiya. 304 p. (In Russian)

7. Dan'kova T.N., Zagorovskaya O.V. (2018) Problemy sovremennoj terminologii [Problems of modern terminology]. Voronezh : FGBOU Vo Voronezhskiy GAU. 219 p. (In Russian)

8. Zeremskaya Yu.A., Solodovnikova O.V., Sakharova O.V. (2019) Osnovnyye leksicheskiye sposoby slovoobrazovaniya potentsial'no novykh slov v sovremennom angliyskom yazyke [Basic lexical methods of word formation of potentially new words in modern English] in Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki [Philological sciences. Questions of theory and practice], № 12(12), 246–250. (In Russian)
9. Leychik V.M. (2009) Terminovedenie: predmet, metody, struktura [Terminology: subject, methods, structure]. Moscow : Librokom. 256 p. (In Russian)
10. Martem'yanova M.A. (2010) Osnovnyye sposoby obrazovaniya terminov nanotekhnologii [Basic methods of forming nanotechnology terms] in Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Chelyabinsk State University], № 21 (202), 58–61 (In Russian)
11. Murduskina O.V. (2016) Leksikologiya i terminologiya [Lexicology and terminology]. Tol'yatti : Izd-vo TGU. 130 p. (In Russian)
12. Rosyanova T.S. (2018) Teoriya i praktika terminovedeniya [Theory and practice of terminology]. St Petersburg : Izd-vo SPbGEU. 192 p. (In Russian)
13. Yuan'tsze Ch. (2023) Osobennosti izucheniya voyennoy terminologii v russkom yazyke [Features of studying military terminology in the Russian language] in Filologiya i kul'tura [Philology and culture], № 1 (71), 89–93 (In Russian)

Поступила в редакцию 16.07.2024 г.

COMPOUNDING AS A METHOD OF TERM FORMATION (BASED ON MILITARY AND MILITARY-TECHNICAL TERMINOLOGY IN RUSSIAN, ENGLISH AND PERSIAN LANGUAGES)

A. Heydari, A. Hosseini

This article discusses complex terms formed by word formation in the field of military and military-technical terminology in Russian, English and Persian. Scientific novelty - the article examined the characteristics of word formation in the analyzed languages. The relevance of the topic lies in the fact that currently the problems of military terminology represent one of the current areas of linguistic research. The purpose of the article is to study the word-formation and structural-semantic features of military and military-technical complex terminology. The implementation of this goal requires solving the following tasks: 1) determine the characteristics of word composition 2) identify the main structural types of word composition; 3) description of structural models of terms used in military and military-technical fields; 4) identify productive word-formation models of word formation in the languages under consideration. To achieve the set objectives, comparative, structural word-formation, and semantic methods were used. We used the comparative method to identify general (similarities) and specific (differences) features of the design of terminology. From the considered Russian, English and Persian military terminology formed by compounding, it is understood that in Russian and English terminologies compounding takes a more active position than in Persian.

Key words: terminology formation, compounding, complex terms, military terminology, Russian language, English language, Persian language.

Хейдари Арсалан.

Тегеранский государственный университет,
г. Тегеран, Иран.
Аспирант кафедры русского языка.
ORCID 0009-0006-0172-0853.

E-mail: arsalanheydari68@gmail.com.

Хоссейни Амир.

Кандидат филологических наук.
Тегеранский государственный университет,
г. Тегеран, Иран.
Профессор кафедры русского языка факультета
иностранных языков и литературы.
E-mail: amhoseini@ut.ac.ir.

Heydari Arsalan.

Tehran University; Tehran, Iran.
Postgraduate Student of the Department of Russian
Language.
ORCID 0009-0006-0172-0853.

E-mail: arsalanheydari68@gmail.com.

Hosseini Amir.

Cand. Sci (Philology).
Tehran University, Tehran, Iran.
Professor of the Department of Russian Language of
the Faculty of Foreign Languages and Literatures of
E-mail: amhoseini@ut.ac.ir.

Научная статья

УДК 81.23

DOI: 10.5281/zenodo.13998186

ЭТИКЕТ НАРОДНОЙ РЕЧИ: ДИАЛОГОВАЯ ФОРМА

© 2024 А.А. Чекина

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет»

ORCID 0009-0008-5866-6442

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru>

В статье на материале полевых экспедиционных записей архива «Духовная культура Русского Севера в народной словесности» (СДК) кафедры русского языка СПбГУ анализируются особенности построения этикетной диалогической речи. Сопоставляются общеизвестные научные термины «минимальная диалогическая единица (МДЕ)», «диалогическое единство», «диалоговое единство», в связи с чем выявляется специфика этикетного диалога народной речи, который всегда ситуативно и тематически обусловлен. При анализе особое внимание уделяется структурно-семантическим особенностям формулы реплики-стимула (в функции приветствия, благопожелания, прощания и др.) и формулы реплики-реакции в их вариативном многообразии. Предлагается классификация этикетного диалога по типу ответной реплики: диалог-«спасибо», диалог-конструктор, цепной диалог. С учетом результатов анализа подобных конструкций используется термин «диалогический текст», который дает возможность отразить принципиальные отличительные черты диалоговой формы народноречевого этикета. Статья выполнена в этнолингвистическом аспекте.

Ключевые слова: этикет народной речи, диалоговая форма речи, этикетный диалог, реплика-реакция, реплика-стимул, диалогический текст.

Для цитирования: Чекина А.А. Этикет народной речи: диалоговая форма / А.А. Чекина // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. – 2024. – № 4. – С. 160–169. – <https://doi.org/10.5281/zenodo.13998186>.

Введение. Диалоговая форма речи является характерной особенностью устной коммуникации, представляющей собой обмен «высказываниями-репликами, на языковой состав которых влияет непосредственное восприятие, активизирующее роль адресата в речевой деятельности адресанта» [14, с. 135]. Диалог может принимать разные структурно-содержательные формы: «вопрос – ответ», «просьба – согласие / возражение», «приветствие – ответное приветствие» и под. Диалог обусловлен наличием одной темы.

Существуют разные номинации диалоговой формы речи и разные подходы к ее описанию. Так, А.Н. Баранов и Г.Е. Крейдлин предлагают термин «минимальное диалогическое единство» (МДЕ), или «минимальный диалог» [1, с. 84] для обозначения – в рамках теории речевых актов – обмена репликами в ситуации иллокутивного вынуждения, при которой первая из них (реплика-стимул) должна быть обязательно независимой, а последующая (реплика-реакция) – зависимой. При этом «верхняя граница реплик», регулирующая их количество, является в МДЕ открытой. Для обозначения похожего явления рядом ученых используется термин «диалогическое единство», под которым в словаре Т.В. Жеребило понимается «структурно-смысловая

общность, текст двух или более участников речи», которая «обеспечивается наличием одной темы, согласием или несогласием собеседников» [14, с. 92].

Наряду с уже имеющимися научными терминами, обозначающими диалогическую речь, открытым остается вопрос: как именовать диалоговую форму народноречевого этикета? Совершенно очевидно, что в народной речи этикетный диалог занимает особое место. Исследователь вологодских диалектных благопожеланий Л.Ю. Зорина предлагает для обозначения этого явления термин «диалоговое единство», под которым понимает «блок, единство, состоящее из реплики-стимула и реплики-реакции» [4, с. 29]. Некоторые исследователи, например М.Л. Ковшова использует общепринятый термин «вопросно-ответная структура» [5, с. 116], но очевидно, что для этикетного диалога такое обозначение не совсем релевантно, поскольку этикетный диалог в традиционной коммуникации редко начинается с вопросной реплики, кроме случаев когда имеется в виду ритуал-диалог, подробно рассмотренный Н.И. Толстым [9, с. 313–410], С.М. Толстой, Л.Н. Виноградовой [7, с. 166–197].

В настоящей статье представляется возможным обозначить диалоговую форму этикетной народной речи диалогическим текстом, характеризующимся (как и любой текст) смысловой цельностью (наличие одной темы), грамматической связностью, относительной завершенностью (факт контактоустановления), определённой социально-коммуникативных ролей участников общения, ситуативной обусловленностью и культурной маркированностью.

Материал и методы исследования. На материале полевых записей, хранящихся в архиве кафедры русского языка СПбГУ «Духовная культура Русского Севера в народной словесности», рассматриваются текстовые варианты этикетного диалога. Методом синтаксического анализа исследуются структурно-семантические особенности построения диалогического текста традиционной коммуникации. С помощью лексико-семантического анализа выявляется как сугубо лексическая семантика ключевых слов этикетных формул в совокупности всех внеязыковых фактов, вызвавших к жизни эту формулу, так и культурная их семантика. Метод этнолингвистического анализа предполагает рассмотрение собственно языковых фактов как единиц культуры, в том числе – способов речевого выражения традиционных поведенческих моделей.

Основная часть. Большинство этикетных ситуаций традиционного общения, предполагающих двух или более коммуникантов, имеет форму диалогической речи, при которой принято выделять реплику-стимул и реплику-реакцию, что в целом по своей форме прежде всего представляет собой диалогический текст: *Когда едят, то заходят и говорят: «Хлеба исть!». А отвечают: «Спасибо!». (Жердь, Мез., Арх., СДК-31, 1986).* Реплики в свою очередь всегда объединены одной темой, обусловлены одной прагматической ситуацией, имеющей, как правило, идентификационную функцию по шкале «свой – чужой». При этом адресат может быть явленно не обозначен.

На уровне диалогического текста (записи интервью) ясно, что почти во всех коммуникативно-прагматических ситуациях участвуют два субъекта говорения: S1 и S2, однако в условиях полевой записи важным оказывается и S3 (нарратор), в конкретно заданной ситуации не участвующий, но свидетельствующий и нередко толкующий «сюжет» типично бытовой ситуации, предполагающий произнесение конкретной этикетной формулы:

Как идешь, да чай пьют, скажи: «Чай с сахаром!». А обедают-то, дак: «Хлеб с солью!». А хозяин: «Спасибо». (Прилук, Пин., Арх., СДК-23, 1985).

Говорили: «Будь здоров!». От отвечает: «Спасибо!». И все. (Лампожня, Мез., Арх., СДК-29, 1986).

Если идешь да нагоняешь кого-нибудь, скажешь: «Мир дороге!». А тебе «спасибо» ответят. (Средние Чудьи, Череп., Волог., СДК-41, 1987).

Когда идешь, кто-то работает, ты ему говори: «Труд в пользу!». Или: «Бог на помощь!». От отвечает: «Спасибо». (Лампожня, Мез., Арх., СДК-29, 1986).

Когда полощешь белье в воде, а вдруг кто-то проходит мимо, дак он сказать должен: «Бело на воде!», а ты и ответишь: «Спасибо!». (Средние Чудьи, Череп., Волог., СДК-41, 1987).

Ну, вот там человек работает, сейчас, правда, они так не говорят, идет сосед, он должен сказать: «Помогай Бог...!» А он должен сказать: «Спасибо!». (Новый поселок, Лодейнопол., Лен., СДК-62, 1999).

«Труд на пользу» можно было сказать, и мы до сих пор <...> если кто-то там близкий работает, так скажешь, чего, это не грешно ведь. — А что ответить нужно на это? — «Спасибо» скажут. (Никольское, Тотем., Волог., ОРЗ-СДК, 2023).

Непосредственные участники коммуникации (S1 и S2) произносят реплики согласно установкам традиционного этикета, который регламентируется ситуативностью и регулятивностью. Эти реплики, что вполне закономерно для устной речи, представляют собой краткие эллиптические высказывания: *Чай с сахаром! Будь здоров! Труд в пользу! Бог на помощь! Бело на воде!* и т.д. Реплика-стимул чаще всего выражается эллиптическим высказыванием с общим оптативным значением ‘пусть будет так, как я скажу и сделаю’, в прагматическом значении – ‘как свойственно лицу (лицам), как делает, поступает лицо (делают, поступают лица)’. Ответная реплика может быть представлена разными вариантами, а может и отсутствовать вовсе.

Обращает на себя внимание синтаксическое оформление рассказчиком (информантом) введения в текст коммуникантов. Реплика-стимул, как правило, «присваивается» обобщенному лицу, что следует из обобщенно-личной конструкции (*скажешь*); нередко используется и неопределенно-личные конструкции (*говорили*) или вовсе безличные модально-авторизующие конструкции (*можно сказать, надо сказать*). Реплика-стимул так же «безлична» (*обедают, пьют, отвечает*), она может быть адресована кому угодно. В деревенском социуме, как отмечает Н.И. Формановская, принято «здороваться даже с незнакомыми, посылая им знак доброжелательства» [10, с. 46]. В наших материалах нарраторы – в попытке описать типичную, обычную для них ситуацию – обозначают (всякого / любого) субъекта действия неопределенным местоимением или существительным с обобщенным значением: *кто-то работает, человек работает, нагоняешь кого-нибудь* и под.

Интересен контекст-комментарий к этикетной ситуации, записанный в Вологодской области в 2023 году: *Если кто-то там близкий работает, так скажешь, чего, не грешно ведь это.* Из чего становится ясно, что формулу «трудового благопожелания» [4, с. 62] *Труд на пользу!* адресуют преимущественно человеку близкому, хорошо знакомому, который воспримет этот вербальный жест правильно, в соответствии с традицией. Однако единственная запись такого замечания не позволяет категорично формулировать этот вывод.

Следует учитывать и модальность подобных конструкций. В некоторых случаях есть указание на обязательность вербального высказывания, выраженная модальностью долженствования, причем как в реплике-стимуле (*должен сказать*), так и в реплике-реакции (*нужно ответить*), и модальностью возможности воспроизведения этикетной формулы (*можно сказать*) и под., что свидетельствует о строгих этикетных правилах

традиционной коммуникации и отличает этикетный диалог от общепринятого понимания диалогического явления.

Подобные этикетные диалоги прежде всего по своей форме выстраиваются в диалогический текст, структура которого может отличаться. Как видно из приведенных примеров, репликой-реакцией в подобных конструкциях чаще всего выступает общепринятый ответ *Спасибо!*: *Ну, вот там человек работает, сейчас, правда, они так не говорят, идет сосед, он должен сказать: «Помогай Бог...!» А он должен сказать: «Спасибо!»* (Новый поселок, Лодейнопол., Лен., СДК-62, 1999). Как самый распространенный, он может быть использован почти в любой ситуации повседневного речевого общения. В некоторых случаях ответ может быть более развернутым, с уточнением, за что благодарят, нередко – шутливым, например, в ситуации чихания: *Когда замучит, чихат и чихат, ему говорят: «Спица в нос!». А он отвечает: «Спасибо на мягкой затычке!»*. (Лампожня, Мез., Арх., СДК-29, 1986); *Чихат, чихат, надоест. Говорили ему: «Спица в нос да пара колос!». От отвечал: «Спасибо на доброй затычке!»*. (Лампожня, Мез., Арх., СДК-29, 1986).

Такие диалоговые структуры включают в себя приветствие и благопожелание. Реплика-стимул является одновременно приветственной, поскольку везде уточняется, что человека встречают или видят в первый раз, на семантику пожелания же указывает лексическая наполняемость реплики. Подобные этикетные диалоги, где в качестве реплики-реакции выступает «спасибо», можно обозначить как **диалог-«спасибо»**.

Другой тип этикетного диалога имеет схожую структуру, однако ответом на реплику-стимул является рифмованная или ритмообразующая реплика-реакция. Связь реплик в этом случае осуществляется «через параллельность, однотипность строения» [14, с. 92], что в целом не противоречит общей теории диалогического единства:

Зайдешь, а там обедают, скажешь: «Хлеб с солью». А скажут: «Лоб с мозолью». Хлеб да соль, ем да свой. (Прилук, Пин., Арх., СДК-23, 1985).

Когда тке сидит, скаже: «Сто локот на пришивицу!». А она, как девка, ответит: «Сто женихов под окошко!». (Прилук, Пин., Арх., СДК-23, 1985).

Если ткачиха затыкала, а в это время кто зайдет, то говорили: «Сиденье вашему!». А она и ответит: «Сидеть по-нашему!». Гость и садился, чтоб полотно хорошо садилось. (Николо-Раменье, Череп., Волог., СДК-41, 1987).

Если место готовишь, а кто чужой и вошел, то говорит: «Спорынья в кашню!». А ты отвечаешь: «Сто рублей в мошну!». (Николо-Раменье, Череп., Волог., СДК-41, 1987).

«Бог в помощь!». Ответ: «Бог да Бог, да и сам будь неплох!». (Никольское, Тотем., Волог., ОРЗ-СДК, 2023).

Интересно, что в диалогах, которые произносятся в ситуации доения коровы, почти везде наблюдается модальность долженствования (*сказать должен, надо сказать*) – такая обязательность наводит на мысль о границе этикета и обряда: доение коровы как некое ритуализованное действие должно обязательно сопровождаться рядом «заклинательных» реплик, чтобы впоследствии получить хороший результат и не навредить корове как «одному из основных домашних животных, обеспечивающих человека продуктами питания» [16, с. 608].

Как видно, ситуации, при которых используется тот или иной этикетный диалог, могут быть самыми разными. Очевидно и то, что реплики диалогического текста заранее predeterminedены традицией. При этом для каждой ситуации все же существует определенный набор вариантов, прежде всего, реплики-стимула.

Реплики, словно пазлы, встраиваются друг в друга, причем не на семантическом уровне (поскольку этикетная пропозиция не меняется), а на уровне грамматическом прежде всего. Иными словами, эти реплики-пазлы связаны между собой «грамматической» и «звуковой инерцией» [10, с. 328–329], где ответная реплика является зеркальной, как в структурном, так и в звуковом плане, что, помимо прочего, обеспечивает ритм и благозвучие диалогической речи: *Сиденье вашему! – Сидеть по-нашему!*

Грамматическая инерция может выражаться в «нанизывании одинаковых грамматических форм имени или глагола и обычно сочетаться в рамках грамматического параллелизма со словообразовательным, синтаксическим и другими видами нанизывания» [8, с. 327]: *Сто локот на пришивицу! – Сто женихов под окошко!* (числ. + сущ. Р.П. + сущ. В.П.); *Хлеб с солью – Лоб с мозолью!* (сущ. + сущ. Тв.П.); *Спорынья в квашню! – Сто рублей в мошну!* (сущ. В.П. + сущ. В.П.). Как видно, структура взаимосвязанных реплик одного этикетного диалога грамматически отражают друг друга. Эти же реплики взаимосвязаны, как уже указывалось, и звуковой инерцией, на что указывает созвучие окончаний некоторых слов: *вашему – по-нашему; в квашню – в мошну; с солью – с мозолью.*

В заговорных текстах подобная организация прагматически мотивирована: ритмическое повторение заклинательных формул является сильным воздействием на источник различного рода опасности. Вполне возможно, что эти приемы в этикетных диалогах (особенно если они близки к ритуальным диалогам) тоже имеют похожую прагматическую функцию. Однако, как кажется, в этикетном восприятии такие конструкции служат для эстетизации диалога и его быстрой воспроизводимости, нередко в шутовском виде. Подобный тип этикетного диалога обозначим как **диалог-конструктор**.

Хотелось бы отдельно подчеркнуть, что существование ответной вербализированной реплики дает возможность говорить о «прагматически правильном диалоге» [2, с. 96], где последовательно расположенные реплики объединены одной темой и предполагают доброжелательный межличностный контакт. Однако отсутствие такой реплики не противоречит характеристикам диалогического текста, и такая конструкция может тоже считаться диалогом. В записях Архива СДК встречаются диалоги разного типа и без вербализированного ответа, но, безусловно, его подразумевающего, поскольку имплицитно, в условиях традиционной коммуникации, ответ предполагается. Такие этикетные диалоги присущи тем же бытовым ситуациям:

Будь здоров да счастлив! (Кимжа, Мез., Арх., СДК-28, 1986);

Бох на помочь! (Еркино, Пин., Арх., СДК-2007);

Дак труд на пользу говорят! (Шотова, Пин., Арх., СДК-2008);

Счастливый путь! (перед дальней дорогой). (Григорьево, Бат., Новг., СДК-1988);

Если едят – «Хлеб да соль!». Когда чай пьют: «Чай с сахаром». А то – «Помогай Бог». (Засурье, Пин., Арх., СДК-26, 1985). В таких случаях предполагается, скорее всего, благодарственный ответ на благопожелание.

Анализируемый материал фиксирует ещё один тип диалогического текста, при котором реплика-стимул и реплика-реакция связаны семантическим взаимопроникновением лексем:

Если заходишь в дом, а там корову доят, то надо сказать: «Море под коровой», а хозяйка отвечает: «Река молока». (Сковятино, Череп., Волог., СДК-41, 1987);

Если хозяйка в хлеву доит корову, а зашел кто-то, то он сказать должен: «Море под коровой», а хозяйка-то отвечает: «Река молока». (Сковятино, Череп., Волог., СДК-41, 1987).

Раньше в дом приходили, перекрещиваются, у порога стоят и говорят: «Мир дому!». Им отвечают: «Принимаем мир!». (Тотьма, Волог., СДК-2000).

Заметно, что обе реплики повторяют друг друга с помощью одной лексемы (*мир* – *мир*) или лексем одной лексико-семантической группы (*море* – *река*), что усиливает смысловую связь этикетной формулы-благопожелания с ответной формулой. Так, например, в ситуации доения коровы хозяйке желают получения большого количество молока. Именно с этим соотносится и само слово *море* в значении ‘огромное количество, чрезвычайное обилие чего-л’. В мифопоэтической традиции славян море предстаёт как символ безграничного пространства, безбрежности, его огромной величины – всё это в значении ‘много’ [17, с. 299]. Море зачастую соотносится с реками. Это проявляется в ответной реплике диалогического текста. Река обозначается как ‘непрерывно движущийся поток чего-л’. Семантика реки определяется такими свойствами, как «быстрое течение, подвижность, протяженность в пространстве, извилистость (искривленность русла)» [18, с. 416]. В этом случае такая связь слов-символов имеет партитивное прагматическое значение.

Подобный тип диалога может быть обозначен как **цепной диалог**.

Примечателен довольно распространенный этикетный диалог, близкий к обрядовому: *На охоту пойдешь, тебе скажут: «Ни пуха ни пера!». Ты ему отвечаешь: «К черту! К черту! К черту!». Три раза обязательно.* (Лампожня, Мез., Арх., СДК-29, 1986); *Как охотник идет в лес, ему же говорят? – «Ни пуха ни пера!». Он тоже должен сказать: «Иди ты к черту!».* (Никольское, Тотем., Волог, ОРЗ-СДК, 2023). Как видим, в речевой ситуации отправления на охоту проявляется глубокая мифологическая составляющая вербальной организации диалога, а именно – «прагматика отрицания» [8, с. 343], заложенная в первой реплике диалога *Ни пуха ни пера!*. Эта реплика является заклинательной, выполняющей одну из наиболее важных функций отрицания в заговорах и заклинаниях – «магическое уничтожение злых сил» [8, с. 343]. Подтверждением тому становится ответная реплика *К черту!*, произнесение которой предполагает ограждение от злых сил идущего на охоту. Поскольку лес является сакральным местом обитания разной нечисти (лешего, черта, бабы яги и др.) [13], то человеку, как правило, крещеному, нужно было отказаться от своей веры, чтобы благополучно находиться в этом пространстве и успешно получить добычу (те самые «пух и перья»), именно поэтому в таком случае охотник должен ответить: *К черту!*, чтобы показать духу лесу свое отречение от христианства [3].

Похожий диалог с прагматикой отрицания воспроизводится в сходной ситуации отправления на рыбалку: *Ни чешуйки ни хвоста! А он тя должен послать: «К черту!».* (Никольское, Тотем., Волог, ОРЗ-СДК, 2023); *Ни рыбы, ни хвоста! – Иди к чёрту!* (Крутик, Любим., Яросл., СДК-2024). Следует отметить, что во всех вариантах такого диалога наличествует модальность долженствования (*должен сказать, должен послать*), в одном случае даже с символической числовой выраженностью (*три раза обязательно*), – как известно, число три в народноречевом мифологическом сознании сакрально. Вполне допустимо, на наш взгляд, назвать такой тип этикетного диалога **ритуализированным диалогом**.

До сих пор были проанализированы прагматически правильные этикетные диалоги, которые подразумевают коммуникацию только между людьми (человек + человек). Как известно, для традиционной коммуникации характерно, что «в качестве

партнера по коммуникативному акту может выступать не только человек, но и практически любой другой объект, который приобретает человеческие атрибуты в акте общения. Происходит своеобразная «тотальная антропоморфизация» природы. Таким образом, правила этикета могут соблюдаться не только по отношению к другому человеку, но и по отношению к зверю, дереву, земле, а также духам предков, персонажам народной демонологии и т.д.» [1, с. 7]. Нередко встречается коммуникативная ситуация, при которой диалог происходит, например, между человеком и домовым (человек + мифологический патрон). Это может случиться при переезде в новый дом (в ситуации новоселья), когда человек обязан «проситься» у домового, обращаясь к нему:

Дедушко-домовой есь. Когда в новый дом переедешь, надо проситься, покланяйся: «Дедушко-домовой, пусти!». Покланяйся. Не попросишься – так говоря, будет пугать. Ночью ходит по дому, чуешь, что ходит, а ведеть-то не ведеши. (Кеврола, Пинеж., Арх., СДК-1984).

Когда идёшь в дом, надо сказать: «Дедушко, пусти на проживание». А я вот не просилась, мне и говорят: ты так и живёшь плохо, что не попросилась. (Немнюга, Пинеж., Арх., СДК-1984).

Попросишься у домовейки: «Пой, корми, на меня на хозяйку не надейся». Не попросилась-то я крёсница, да корова вся мокра, домовейка муцил (Жердь, Мез., Арх., СДК-31, 1986).

В новый дом, значитсё, говоришь: «Дедушко-доможирушко, пусти нас пожить с хлебом, с солью и с третьей любовью». В каждый угол поыспать соль-хлеб, во все комнаты, угол в тот-тот-тот (показывает в четыре угла). (Пиринемь, Пин., Арх., СДК-2008).

У дедушка просятя: «Дедушка-доможирушка, пусти скотинку на подворьё, пой, корми сытёхонько, гладь, дрочи гладёхонько, на меня на хозяйку не надейся» – вот так. (Марьина, Пин., Арх., СДК-2008).

Или в ситуации вхождения в новый дом (хлев) скотины:

Скотинушку заводят: «Дедушко-домовеюшко, пусти на подворице», – если во свой хлев везут (Жердь, Мез., Арх., СДК-31, 1986).

Дедушко-домовеюшко, пусти пожить, да ты не обижай, да скотину не тревожь (Петрово, Мез., Арх., СДК-30, 1986).

Дедушка-домовеюшко, пой, корми, по шерсти гладь (Петрово, Мез., Арх., СДК-30, 1986).

А скотину заводили, я слыхала: «Дедушко-домовеюшко, возьми мою скотинушку, прими, пой, корми и люби». Морочили сами себе (Жердь, Мез., Арх., СДК-31, 1986).

Кроме взаимодействия с домовым возможны обращения к:

а) дворовому (в некоторых случаях соотносится с домовым, в некоторых – нет):

Хлебца отрежь кусочек, в угол положи – и скажи: «Хозяин-дворовой, прими подарочек, чтоб корова домой ходила». (Чёрная, Бат., Новг., 1988).

б) духу леса, лесовому:

Говорят, надо идти выбрать место, спросить хозяина: «Хозяин-лесовой, пусти меня не ночь ночевать, а век вековать». (Чёрная, Бат., Новг., 1988).

в) полевому:

Вот подают тебе кусок, подают тебе денюжку, вот только и скажут, с какого пола отпускала скотинушку, через лево плечо кидай кусок и денюжку. И скажи, что: «Батюшка-полевой, отпусти мою коровушку домой», – и всё. (Красный Берег, Волог., Волог., СДК-2005).

Очевидно, что подобный тип «диалога» по своим признакам условен, поскольку не наблюдается ответной реплики. В этом случае диалог приобретает форму **диалогизированного приговора** (в отличие от диалогического текста), включающего в себя обязательное обращение к мифологическому патрону. Таких формул-обращений в нашем материале встречается немного; они требуют отдельного рассуждения [см., например, 11, с. 119–125].

Заключение. Диалогический текст в традиционной коммуникации характеризуется совокупностью принципиальных дискурсивных особенностей. С одной стороны, он близок к общенаучному пониманию термина «диалогическое единство», которое «обеспечивается наличием одной темы, согласием или несогласием собеседников. Д.е. – последовательность взаимосвязанных реплик, объединенных: 1) накоплением информации по данной теме; 2) мотивированностью форм (*модальностью, адресованностью* – А.Ч.); 3) сцеплением, опорой на предыдущую или последующую реплики» [14, с. 92]. С другой – для этикетного диалогического текста принципиально важно, что каждая реплика является зависимой, вынужденной, поскольку имеется крепкая связь с ситуацией говорения, типами коммуникантов (человек, мифологический патрон) и культурно-мифологическим контекстом, обуславливающим быт участником коммуникации, в отличие от «быстрого разговора на обыденные или деловые темы», в котором «компоненты не имеют особой заданности» [3, с. 27]. Адресат и адресат в диалогическом тексте имеют отчетливое представление о том, что дословно (с небольшими вариациями) нужно произнести в той или иной ситуации.

Диалогический текст в традиционной коммуникации редко выстроен в форме вопросно-ответной структуры. Такие структуры в нашем материале единичны: *Откуда ты такая явилась? – Из тех ворот, откуда весь народ.* (Твер. Осташк. СДК-1991). Для этикетного диалога характерным является наличие утвердительной реплики-восклицания в функции приветствия (*Море под коровой!*), благословения (*Помогай Бог!*), прощания (*Счастливого пути!*) и под., на которую следует соответствующий утвердительный ответ (*Спасибо!*). Диалог в этих случаях всегда воспроизводится в рамках одной тематической ситуации.

Этикетный диалог по своей текстовой форме можно разделить на несколько типов, выделяя их по особенностям функционирования ответной реплики, который даёт материал Архива СДК: диалоги-«спасибо», диалоги-конструкторы, цепные диалоги. Отдельно отмечаются ритуализированный диалог и диалогизированные приговоры.

Диалоговая форма речи свойственна народному этикету. В этикетном диалоге заложено кросс-культурное восприятие действительности, что четко проявляется на лингвистическом уровне. Ритмическая структура диалогических текстов влияет и на эстетическое восприятие коммуникантов. Кроме того, такая выраженность непосредственно связана с прагматикой устноречевого этикетного взаимодействия: этикетный диалог воспроизводится зачастую для достижения прагматической цели (пожелания успешного завершения дела, приятного аппетита, здоровья и др.), поскольку «важно не только то, как сказать красиво, но и то, как сказать правильно» [6, с. 14]. Этикетный диалог, превращаясь в культурный знак, основывается на этом же принципе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Байбурин А.К., Топорков А.Л. У истоков этикета. – Л. : Наука, 1990. – 168 с.
2. Баранов А.Н. Иллокутивное вынуждение в структуре диалога / А.Н. Баранов, Г.Е. Крейдлин // Вопросы языкознания. – 1992. – № 2. – С. 84–99.

3. Зеленин Д.К. Табу слов у народов восточной Европы и северной Азии. – Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1929. – 152 с.
4. Зорина Л.Ю. Вологодские диалектные благопожелания в контексте народной культуры / Л.Ю. Зорина. – Вологда: ВПГУ, 2012. – 216 с.
5. Ковшова М.Л. Лингвокультурологический анализ идиом, загадок, пословиц и поговорок. Антропонимический код культуры / М.Л. Ковшина. – М.: URSS, 2022. – 400 с.
6. Колесов В.В. Слово и дело: из истории русских слов / В.В. Колесов. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2004. – 703 с.
7. Малые формы фольклора : сборник статей памяти Г.Л. Пермякова / сост. Т.Н. Свешникова. – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1995. – 384 с.
8. Толстая С.М. Образ мира в тексте и ритуале / С.М. Толстая. – М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2015. – 528 с.
9. Толстой Н.И. Очерки славянского языкознания / Н.И. Толстой. – М.: ИНДРИК, 2003. – 624 с.
10. Формановская Н.И. Речевой этикет и культура общения / Н.И. Формановская. – М.: Высш. шк., 1989. – 159 с.
11. Чекина А.А. «Дедушко-домовеюшко, полюби мою семеюшку»: обрядово-этикетные формулы обращения к домовым в регионах Русского Севера / А.А. Чекина // Вестник Донецкого национального университета. – Вып. 3. – 2023. – С. 119–125.
12. Черепанова О.А. Мифологическая лексика Русского Севера. – Л.: Изд-во Лен. ун-та, 1983. – 168 с.
13. Якубинский Л.П. О диалогической речи / Л.П. Якубинский // Язык и его функционирование : Избранные работы. – М.: Наука, 1986. – С. 17–59.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

14. Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов / Т.В. Жеребило. – Назрань : ООО «Пилигрим», 2010. – 486 с.
15. Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В.Н. Ярцевой. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 685 с.
16. Славянские древности. Этнолингвистический словарь: в 5 т. – М.: Международные отношения, 1995–2012. – Т. 2. – 608 с.
17. Славянские древности. Этнолингвистический словарь: в 5 т. – М.: Международные отношения, 1995–2012. – Т. 3. – 700 с.
18. Славянские древности. Этнолингвистический словарь: в 5 т. – М.: Международные отношения, 1995–2012. – Т. 4. – 689 с.

REFERENCES

1. Bajburin A.K., Toporkov A.L. (1990). U istokov jetiketa [At the origins of etiquette.] (168 p.) Leningrad : Nauka. (In Russian)
2. Baranov A.N., Krejdlin G.E. (1992). Illokutivnoe vynuzhdenie v strukture dialoga [Illocutionary compulsion in the structure of dialogue] in Voprosy jazykoznanija [Questions of linguistics], 2 (pp. 84–99) (In Russian)
3. Zelenin D.K. (1929). Tabu slov u narodov vostochnoj Evropy i severnoj Azii [Taboo of words among the peoples of Eastern Europe and Northern Asia]. (152 p.). Leningrad : Izd-vo Akademii nauk SSSR (In Russian)
4. Zorina L.Ju. (2012). Vologodskie dialektnye blagopozhelanija v kontekste narodnoj kul'tury [Vologda dialect benevolence in the context of folk culture]. (216 p.). Vologda: VPGU (In Russian)
5. Kovshova M.L. (2022). Lingvokul'turologičeskij analiz idiom, zagadok, poslovic i pogovorok. Antroponimičeskij kod kul'tury [Linguistic and cultural analysis of idioms, riddles, proverbs and sayings. The anthroponymic code of culture], (400 p.) Moscow: URSS (In Russian)
6. Kolesov V.V. (2004). Slovo i delo: Iz istorii russkih slov [Word and deed: from the history of Russian words] (703 p.). SPb.: Izd-vo S.-Peterb. un-ta (In Russian)
7. Malye formy fol'klora: sbornik statej pamjati G.L. Permjakova [Small forms of folklore : a collection of articles in memory of G.L. Permyakov] (1995) by T.N. Sveshnikova, (384 p.). Moscow: Izdatel'skaja firma «Vostochnaja literatura» RAN (In Russian)
8. Tolstaja S.M. (2015). Obraz mira v tekste i ritual [The image of the world in text and ritual] (528 p.). Moscow: Russkij fond sodejstvija obrazovanija i nauke. (In Russian)
9. Tolstoj N.I. (2003). Očerki slavjanskogo jazykoznanija [Essays on Slavic linguistics] (624 p.) Moscow: Indrik (In Russian)

10. Formanovskaja N.I. (1989). Rechevoj jetiket i kultura obshhenija [Speech etiquette and culture of communication] (159 p.). Moscow: Vyssh, shk (In Russian)
11. Chekina A.A. (2023). «Dedushko-domovejushko, poljubi moju semejushku»: obrjadovo-jetiketnye formuly obrashhenija k domovym v regionah Russkogo Severa ["Dedushko-domoveyushko, love my family": ritual and etiquette formulas for addressing brownies in the regions of the Russian North] in Vestnik Doneckogo nacional'nogo universiteta [Bulletin of Donetsk National University.], 3 (pp. 119–125) (In Russian)
12. Cherepanova O.A. (1983). Mifologicheskaja leksika Russkogo Severa [Mythological vocabulary of the Russian North] (168 p.). Leningrad: Izd-vo Len. un-ta (In Russian)
13. Jakubinskij L.P. (1986). O dialogicheskoi rechi [On dialogic speech] in Jazyk i ego funkcionirovanie: Izbrannye raboty [Language and its functioning: Selected works.]. (pp. 17–59). Moscow: Nauka (In Russian)

Поступила в редакцию 23.08.2024 г.

FOLK SPEECH ETIQUETTE: DIALOGUE FORM

A.A. Chekina

The article analyzes the peculiarities of the construction of dialogic speech in the form of an etiquette dialogue on the material of field expedition records of the archive "Spiritual Culture of the Russian North in Folk Literature" (SDK) of the Department of Russian Language at St. Petersburg State University. The well-known scientific terms «minimal dialogic unit (MDU)», «dialogicheskoe edinstvo», «dialogovoe edinstvo» are compared, in connection with which the specificity of the etiquette dialogue of folk speech, which is always situationally and thematically conditioned, is revealed. In the analysis, a special attention is paid to the structural and semantic features of the replica-stimulus formula (in the function of greeting, benediction, farewell, etc.), and the replica-reaction formula in their variant variety. The classification of the etiquette dialogue according to the type of response is proposed: "thank you" dialogue, constructor dialogue, chain dialogue. Taking into account the results of the analysis of such constructions, the concept of "etiquette dialogic unity" (EDU) is introduced, which makes it possible to reflect the principal distinguishing features of the dialogic form of etiquette folk speech. The article is carried out in ethnolinguistic aspect.

Key words: etiquette of folk speech, dialogical form of speech, etiquette dialogue, replica-reaction, replica-stimulus, dialogic text.

Чекина Анастасия Артемовна.

ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет», Российская Федерация, г. Санкт-Петербург.

Аспирант кафедры русского языка.

Младший научный сотрудник филологического факультета.

СУНЦ «Академическая гимназия им. Д.К. Фаддеева СПбГУ».

Преподаватель

ORCID 0009-0008-5866-6442

E-mail: fillinfolk@gmail.com.

Chekina Anastasiya Artemovna.

Saint-Petersburg State University,

Russian Federation, Saint-Petersburg

Post-graduate Student of the Russian Language Department.

Junior researcher at the Faculty of Philology.

Academic Gymnasium named after D.K. Faddeev of SPbSU.

Teacher

ORCID 0009-0008-5866-6442

E-mail: fillinfolk@gmail.com.

ПСИХОЛОГИЯ

Научная статья

УДК 159.9

DOI: 10.5281/zenodo.13998314

ПРОБЛЕМА ПОМОЩИ СЕМЬЕ В АРТ-ТЕРАПИИ

© 2024 А.А. Кудряшова

Государственное автономное образовательное учреждение дополнительного профессионального образования «Московский центр качества образования»

ORCID 0009-0005-9246-691X

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru>

В статье рассматриваются психотерапевтический и психокоррекционный ресурсы в помощи семье на занятии по арт-терапии. Образ семьи и семейных проблем в художественных произведениях является продуктивным материалом для организации занятий по библиотерапии и сказкотерапии. Структура статьи представляет собой план организации и содержания занятий со студентами, образец для выстраивания арт-терапевтического занятия, а также рабочий материал для практического занятия по семейной арт-терапии. Теоретико-методологической базой для организации занятия являются труды пионеров семейной зарубежной и отечественной психотерапии и арт-терапии, арт-терапевтические подходы и задачи к проведению занятия, а также классические труды В.Я. Проппа о сказочном каноне. Материалом для анализа стал компьютерно-анимационный музыкальный фильм «Тайна Коко». Анализ ключевых фрагментов сюжета мультфильма убедительно доказывает неразрывную связь с традицией сказочного жанра, на чём и сделан основной акцент в статье. Ознакомление студентов и магистрантов со спецификой проведения арт-терапевтического занятия расширяет профессиональные возможности будущих специалистов психологов и педагогов, а также обогащает их личный опыт.

Ключевые слова: арт-терапия, эстетическая коммуникация, сюжет, конфликт, инициация, сказочное двоемирие, герой.

Для цитирования: Кудряшова А.А. Проблема помощи семье в арт-терапии / А.А. Кудряшова // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. – 2024. – № 4. – С. 170–179. – <https://doi.org/10.5281/zenodo.13998314>.

Введение. Проблема помощи семье никогда не теряет своей актуальности. Особенно важным становится применение арт-терапевтических методик в современной психотерапевтической и психокоррекционной помощи семье. Процесс изучения арт-терапевтических техник студентами и магистрантами актуален не только в расширении их профессиональных возможностей, но и в обогащении личного опыта.

К теме помощи семье в арт-терапии мы обращались неоднократно на занятиях по библиотерапии и сказкотерапии, используя психотерапевтический и психокоррекционный ресурс художественных произведений. Арт-терапевтический эффект достигается через *катарсическое* (от греч. *катарсис* ‘очищение’) (здесь и далее выделено нами – А.К.) отреагирование, через переживание и проживание проблематики художественного произведения.

Так, например, образ семьи нами рассматривался на материале изучения рассказа В.Г. Короленко «В дурном обществе» (1881–1884) или варианте для детского чтения,

который был назван «Дети подземелья» (1885). В повести «Слепой музыкант» (1886) Короленко создает идеальную модель семьи, воспитывающих слепого ребенка. Особой драматургии взаимоотношений в семье посвящен и рассказ А.П. Гайдара «Голубая чашка» (1936).

Кратко обозначим ключевые задачи в разборе произведений.

1. Психотерапевтические задачи реализуются как поддержка, которую читатель «считывает» в художественном произведении. Психотерапевтический эффект кратко характеризуется двумя основными положениями. Во-первых, универсальность той или иной проблемы, переживания, которые ярко раскрываются в художественном произведении: вербальная метафора переживание от слова пережить (корень -жив-). Во-вторых, универсальность чувственного переживания в художественном произведении рождает у читателя чувство одиночества: «ты не одинок! эту проблему, кризис, ситуацию переживали и проживали задолго до тебя».

2. Психокоррекционная задача реализуется в умении «считывать» в тексте различные стратегии поведения, анализировать их в сюжетном развитии и оценивать те или иные мотивы в чувствах и поступках героев произведения с позиции конструктивности/деструктивности.

Рассмотрим примерные направления разбора произведений. Универсальной проблематикой произведений с ключевым образом семьи является утрата целостности. В рассказе В.Г. Короленко «В дурном обществе» на поверхности событие смерти матери, которая определяет отчуждение во взаимоотношениях отца и сына. Однако тонкий психолог Короленко подчеркивает, что проблема лежит гораздо глубже: «Он слишком любил ее, когда она была жива, не замечая меня из-за своего счастья. Теперь меня закрывало от него тяжелое горе» [12].

Так, и счастье, и горе уравниваются в потери близости отца с сыном, а метафорой их отношений становится «какая-то непреодолимая стена» [12]. В повести «Слепой музыкант» причиной дисгармонии и нарушения естественного порядка жизни семьи также становится глобальное событие – рождение слепого мальчика – событие, выходящее за рамки повседневности. В рассказе А.П. Гайдара мотив ревности и обиды инициирует семейный конфликт и становится причиной ухода героев (папы с шестилетней дочерью) из дома.

В рассказе «В дурном обществе» образ семьи вписывается в социум. Символично, что социальная оценка раскрывается уже в семантике названия, однако именно в этом обществе главный герой мальчик Вася из семьи судьи (то есть он сын уважаемого человека в городе) преодолевает одиночество, приобретает настоящую дружбу и любовь. Короленко выстраивает четкую композицию в системе семейных образов. С одной стороны, семья уважаемого в городе пана судьи, сына Васи и дочери Сони, с другой стороны, семья «проблематической натуры» Тыбурция с мальчиком Валеком и девочкой Марусей, в которой, как подчеркивает автор, реальный ли Тыбурций является отцом неизвестно:

– Тыбурций тебе отец?

– Должно быть, отец, – ответил он задумчиво, как будто этот вопрос не приходил ему в голову.

– Он тебя любит?

– Да, любит, – сказал он уже гораздо увереннее. – Он постоянно обо мне заботится и, знаешь, иногда он целует меня и плачет...

– И меня любит и тоже плачет, – прибавила Маруся с выражением детской гордости.

– *А меня отец не любит, – сказал я грустно. – Он никогда не целовал меня... Он нехороший.*

– *Неправда, неправда, – возразил Валек, ты не понимаешь. Тыбурций лучше знает. Он говорит, что судья – самый лучший человек в городе, и что городу давно бы уже надо провалиться, если бы не твой отец, да еще поп, которого недавно посадили в монастырь, да еврейский раввин [12].*

Не менее интересно выстраивает Короленко модель семьи в повести «Слепой музыкант». Образ матери пани Попельской полон драматизма и переживаний, вместе с тем она чутко улавливает и сердцем понимает, что нужно ее слепому сыну Петрусу. Она готова примириться, что ему больше понравилась «хохлацкая дудка» Иохима, а не рояль, на который она возлагала большие надежды, она готова отпустить повзрослевшего сына «просить милостыньку». Эти поступки Анны Михайловны ярко раскрывают ее самоотверженную любовь к сыну.

Другим, не менее важным воспитателем Петра, является дядя Максим. В прошлом он отчаянный борец и забияка, теперь инвалид на костыле. Характерно, что Короленко выстраивает систему образов дядя Максим – Петрусь по принципу подобия: *«Гм... да, – задумчиво сказал он (Максим) однажды, искоса поглядывая на мальчишку, – этот малый тоже инвалид. Если сложить нас обоих вместе, пожалуй, вышел бы один лядащий (лядащий – слабосильный, невзрачный) человечико» [13].*

И наконец, девочка Эвелина, ставшая для Петруся любовью всей его жизни. Известно, что так звали мать Короленко и многие черты ее характера воплотились в образе Эвелины: *«Есть натуры, будто заранее предназначенные для тихого подвига любви, соединенной с печалью и заботой, – натуры, для которых эти заботы о чужом горе составляют как бы атмосферу, органическую потребность» [13].*

Особое место в творчестве А.П. Гайдара занимает рассказ «Голубая чашка». Критика упрекала писателя в недетскости рассказа. С одной стороны, действительно, взрослый адресат считывает мотив ревности, который является сюжетообразующим, с другой стороны, в рассказе есть и фольклорные элементы (песни, сказочные мотивы), которые адресованы ребенку-читателю. Итак, в центре повествования распря, семейная ссора мамы Маруси, папы и дочери Светланки.

Гайдар нарочито драматизирует завязку рассказа. Папа со Светланкой полны ожиданий от дачной жизни: купаться, ходить в лес и пр., а *«пришлось подметать двор, подправлять ветхие заборы, протягивать веревки, заколачивать костыли и гвозди» [11].* Финалом неоправдавшихся ожиданий становится желание всем вместе пойти гулять, но к *«пришел к Марусе ее товарищ – полярный летчик» [11],* с которым они долго сидели в саду под вишнями, а потом она пошла его провожать. С досады герои стали мастерить вертушку. Иницирует завязку сюжета следующее событие: «негодные люди» (папа со Светланкой) разбили в чулане любимую голубую чашку мамы. Не останавливаясь подробно на месте хранения любимой чашки, упомянем, что архетип чаши связан с вместилищем чего-то ценного, однако Гайдар семантически снижает образ-символ чаши до бытового предмета чашки, хотя ее ценность при этом не утрачивается. Ассоциативно прочитывается образ и семейной чаши, таким образом подчеркивается, что в семье утрачено нечто ценное.

Семейное нестроение раскрывается и преодолевается в сюжете этих произведений. Драматизм взаимоотношений отца и сына в рассказе «В дурном обществе», путь от отчуждения к любви и доверию между отцом и сыном является сюжетообразующим. Социальный конфликт дурного / хорошего (уважаемого) миров и

возможность их взаимодействия поверяется в рассказе дружбой детей. Особая роль в восстановлении целостности семьи принадлежит Тыбурцию.

В повести «Слепой музыкант» представлена идеальная модель взаимоотношений в семье, которая воспитывает ребенка-инвалида. Апофеозом жизненного пути героя, любви и поддержки его семьи становится духовное преодоление недуга в финале повести. Максим слышит, как играет Петрусь на концерте, и думает: «*Да, он прозрел... На место слепого и неутомимого эгоистического страдания он носит в душе ощущение жизни, он чувствует и людское горе, и людскую радость, он прозрел и сумеет напомнить счастливым о несчастных...*» [13].

Гайдар в рассказе «Голубая чашка» ведет своих героев (а вместе с ними и читателей) особым путем: мотив обиды обуславливает уход папы с дочерью из дома, а сюжет рассказа соплагается сказочному канону, где герои проходят испытания, преодолевают обиду, учатся прощать, приобретают новый опыт и знания и в финале возвращаются домой. Так, путь от обиды и распри к восстановлению любви и целостности семьи становится нервом сюжетной коллизии.

Мы кратко охарактеризовали наш предыдущий опыт работы с различными моделями семьи в художественных произведениях, который убедительно свидетельствует о психотерапевтическом и психокоррекционном ресурсе данных произведений. Предметом рассмотрения в данной статье является организация и содержание тренинга по арт-терапии, направленного на эффективное решение психотерапевтических и психокоррекционных задач в помощи семье.

Материалом для исследования стал компьютерно-анимационный музыкальный фильм «Тайна Коко» 2017 года, созданный американской студией Pixar Animation Studios. Лента была удостоена ряда наград, в том числе двух премий «Оскар» – в категориях «Лучший анимационный полнометражный фильм» и «Лучшая песня к фильму».

Цель исследования заключалась в анализе содержания мультфильма с точки зрения психотерапевтической и психокоррекционной помощи семье.

Организация и содержание психолого-педагогического тренинга позволяло решить следующие *задачи*:

- выявить структурные компоненты сюжетосложения мультфильма и сопоставить их со сказочным каноном волшебной сказки;
- выявить характерные особенности образа героя-мальчика и сопоставить с героем волшебной сказки.

Определим понятийный аппарат исследования. Рассмотрим подробнее.

1. **Инициация.** По В.Я. Проппу, в основе сюжета волшебной сказки лежит архаичный обряд инициации [7], который носит сакральный характер взросления личности. **Инициация**, по М. Элиаде, – это «... совокупность обрядов и устных наставлений, цель которых – радикальное изменение религиозного и социального статуса посвящаемого. К концу испытаний неопит обретает совершенно другое существование, чем до посвящения: он становится другим» [10, с. 12–13]. Здесь важен внутренний аспект предназначения инициации – познание и совершенствование себя, постижение истины.

2. **Семья**, как пишет отечественный специалист В.В. Ткачева, – «микросоциум, в котором ребенок не только живет, но в котором формируются его нравственные качества, отношение к миру людей, представления о характере межличностных и социальных связей. Семья рассматривается как системообразующая детерминанта в

социально-культурном статусе ребенка, предопределяющая его дальнейшее психофизическое и социальное развитие» [9].

3. **Семейные психотерапевты.** Не останавливаясь подробно на теоретико-методологических основах зарубежной и отечественной семейной терапии в рамках данной статьи, назовем наиболее значимые имена. В подготовке психолого-педагогического тренинга мы опирались на фундаментальные труды пионеров семейной психотерапии: **Мюррей Боуэн** (1913–1990) автор работ «Использование теории семейных систем в клинической практике» (1966) [2]; «Семейная психотерапия в клинической практике» (1978); **Вирджиния Сатир** (1916–1988) – создатель «Семейной карты», в которой исследовались значимые события в семье на протяжении нескольких поколений, автор книги «Психотерапия семьи» [8]. В результате клинического опыта Сатир пришла к выводу: «поведение всякого индивида определяется сложной системой зачастую неосознаваемых правил, которыми руководствуется его семья» [8, с. 2]. В истории семейной психотерапии особое место **Ханна Квятковская**, польский психотерапевт и арт-терапевт, которая первой начала применять арт-терапию при работе с семьями [3]. Отечественная традиция семейной психотерапии связана с именами **Эдмонда Георгиевича Эйдемиллера** (1943–2020), **Александра Ивановича Захарова** (1940–2008). Особое место среди современных ученых, исследующих стратегии помощи семье, воспитывающих детей с особыми потребностями, занимает профессор **Виктория Валентиновна Ткачева**, докторская диссертация которой была посвящена «Системе психологической помощи семьям, воспитывающих детей с отклонениями в развитии» (2005) [9].

4. **Эстетическая коммуникация**, согласно М.М. Бахтину, – **сотворческий диалог** автора, героя и читателя (зрителя), в основе которой лежит понимание механизмов воздействия художественного произведения на читателя, зрителя.

5. Мультфильм мы трактуем с точки зрения **семиотики** как знаковую систему. Согласно Ю.М. Лотману, под **семиотикой** следует понимать науку о коммуникативных системах и знаках, используемых в процессе общения. Так, используя расширительное толкование, мы рассматриваем мультфильм как художественный текст, адресованный ребенку. Особое внимание уделяется и двойному адресату (взрослому и ребенку) в подобных текстах. По мнению современного ученого И.Г. Минераловой, детская литература представляет собой неразрывную связь искусства и педагогики [6]. Назидательный урок раскрывается через художественный образ. Еще В.Г. Белинский в статье «Подарок на новый год. Две сказки Гофмана...» размышлял о важности художественного образа [1], который выступает в произведении не только как средство коммуникации, но и как способ эмоционального воздействия. Именно художественный образ рождает необходимые для читателя: **сопереживание – соразмышление – сотворчество**, благодаря которым и усваивается назидательный урок.

Оговоримся, использование мультипликационного фильма в качестве материала для психолого-педагогического тренинга определяется общими механизмами и подходами, а также решением единых задач, которые были нами сформулированы в учебно-методическом пособии «Арттерапия в специальном образовании. Психокоррекционная и психотерапевтическая работа с детьми с нарушениями развития» [4], в статье «Современная детская литература как психотерапевтический ресурс» [5] и др.

Структура статьи представляет собой рабочий план организации и содержания занятий со студентами, образец для выстраивания арт-терапевтического занятия, а также рабочий материал для практического занятия по семейной арт-терапии.

Основная часть. Рассмотрим основные этапы работы. На первоначальном этапе домашним заданием для студентов был самостоятельный просмотр мультфильма «Тайна Коко».

Основной этап тренинга был посвящен просмотру ключевых эпизодов мультфильма с точки зрения сюжетосложения: экспозиции, завязке, развитию действия, кульминации и развязке, а также постановке проблемных вопросов для обсуждения.

Мультфильм начинается с экспозиции, которая является важным элементом сюжетосложения. В ней главный герой – мальчик Мигель рассказывает о семейной истории, драматизирующей сюжет и имеющей ключевое значение для развития интриги. Семейная история повествует о драме семьи Ривера, в которой прапрадедушка и прапрабабушка (т.е. речь идет о пятом поколении) любили друг друга, но расстались. Прапрабабушка родила дочь Коко, и вся ее жизнь теперь была связана с дочерью. Согласно семейной легенде, рождение дочери не изменило планов прапрадеда, он продолжал мечтать о музыке и славе. Так семья распалась. Прапрабабушка Имельда буквально выбросила все, что напоминало ей о бывшем муже и музыке, и занялась сапожным делом, чтобы прокормить дочь Коко. Это ремесло становится семейным делом и передается из поколения в поколение, так же, как и семейная история, в которой не осталось место для музыки.

Вопросы для обсуждения:

1. Какое символическое значение приобретают музыка и сапоги в семейной истории дома Ривера?
2. Как прием антитезы помогает раскрыть идею семейной драмы для ребенка-адресата?
3. Какое значение имеет Праздник День мертвых с точки зрения этнокультурного контекста мультфильма, а также идеи мультфильма?
4. Какой выбор делает прапрабабушка?
5. Какие черты характера раскрываются в выборе прапрадеда, желавшего покорить мир (согласно семейной легенде)?
6. Были ли в Вашей жизни, практике (жизни) были подобные ситуации?

Таким образом, внимание студентов акцентируется на семейной драме: табуирование музыки. С одной стороны, запрет транслируется из поколения в поколение и охватывает пять поколений семьи Ривера, с другой, он инициирует развертывание сюжета мультфильма.

Следующий эпизод для анализа связан с завязкой сюжета и образом главного героя. Он же является и рассказчиком, о чем мы упомянули выше. Герой, двенадцатилетний мальчик Мигель, мечтает стать музыкантом в отличие от остальных членов семьи. Особое внимание в организации тренинга уделяется композиции мультфильма, которая связана со сказочным каноном двоимирия (мир условно реальный/мир чужой, чудесный) и обрядом инициации. Мигель мечтает найти своего прапрадеда и совершает чудесное путешествие в мир мертвых. Сказочный сюжет драматизируется, чтобы вернуться назад в мир живых Мигелю нужно получить благословение от родных. Это становится условием его возвращения в мир живых.

Следующим эпизодом для разбора семейной истории является встреча прапрабабушки Имельды и праправнука Мигеля, которая развивает сюжетную коллизию. Имельда выдвигает условие: она благословит Мигеля, но он должен забыть о музыке. В разгар их ссоры, когда Мигель в отчаянии убегает от нее, она вдруг начинает петь. Так впервые, через песню, раскрывается иная грань характера Имельды,

и зритель вместе с Мигелем видит ее настоящей, подлинной, когда она признается мальчику, как когда-то больше всего любила музыку и пение. Так, с песней связано не только чудесное преобразование Имельды, но и чудесная возможность диалога с правнуком. С другой стороны, этот эпизод важен и с точки зрения арт-терапевтической особенности: когда все слова сказаны, а конфликт так и остался непреодолимым, то чудесным образом может помочь музыка.

Вопросы для обсуждения:

1. Что значимого происходит в разговоре Мигеля с Имельдой?
2. Что нового узнает Мигель о семейной истории?
3. Какую точку зрения на семейную историю высказывает Мигель?
4. Какую роль играет песня в диалоге прапрабабушки и праправнука?
5. Какое значение раскрывается в песне и музыке в жизни прапрабабушки?

Ожидаемо, что следующий сюжетный поворот будет связан с разговором Мигеля с прапрадедом, однако сюжет драматизируется, а события принимают неожиданный поворот. Образ Эрнесто нарочито эпатажен и нарциссичен, единственное, что интересует его в жизни, – это собственный успех. В разговоре мальчика с Эрнесто де ла Крусом происходит разоблачение кумира, оказывается, он не является прапрадедом Мигеля. Так мальчик понимает, что утратил не только родного человека, но и своего кумира. Сказочный урок раскрывается в простой истине: утрачивая что-то, ты открываешь новое. Так Мигель узнает, кто его настоящий прапрадед. Это несчастный, всеми гонимый Гектор, с которым Мигель путешествует в царстве мертвых. Композиция образов Де ла Круса и Гектора построена на ярком контрасте, что также близко и понятно адресату-ребенку.

Де ла Крус	Гектор
Мнимый прадед.	Настоящий дед, не покидает и поддерживает Мигеля в путешествии по миру мертвых.
<ul style="list-style-type: none"> • Звезда • Успешный • Знаменитый • Богатый 	<ul style="list-style-type: none"> • Неудачник • Несчастный • Одинокий • Все его гонят

Так взросление мальчика связано с принятием и узнаванием настоящего прапрадеда, а также освобождением от прежних иллюзий.

Следующий важный эпизод сюжета – встреча Имельды с Гектором. Иронично раскрывается не прекращающаяся и в смерти распря между мужем и женой.

Вопросы для обсуждения:

1. Что изменяется в мальчике?
2. Какие мысли и переживания мальчика раскрывают его инициацию?
3. Что изменяется в поведении взрослых?
4. Как раскрывается психологизм эпизода, связанный с решением Имельды?

Следующий этап тренинга связан с кульминацией сюжетной интриги, которая сопоставляется сказочному жанру. Мотив погони и опасности нагнетает сюжет мультфильма. В момент наивысшей опасности ситуацию спасает именно двенадцатилетний мальчик. Он говорит прапрабабушке: «Пой», – а прапрадеду дает гитару. Так их песня чудесным образом не только персонифицируется и становится силой, побеждающей злые козни Эрнесто де ла Круса, но и помогает преодолеть

семейную распрю. По сути, песня выполняет функцию чуда: Имельда и Гектор вспоминают свое «золотое время» и заново переживают чувство любви. Внимание студентов акцентируется на мотиве спасения в кульминации сюжета.

Обратим внимание студентов на то, что ситуацию спасает ребенок, поэтому важен комментарий: именно взрослые должны искать и находить пути к преодолению конфликта и восстановлению целостности семьи.

Следующая параллель со сказочным каноном реализуется в мотиве вознаграждения героя. Долгожданное благословение Мигелю дает не прапрадед музыкант, а прапрабабушка Имельда. Ожидаемое ребенком табуирование музыки оборачивается единственным условием – никогда не забывать, как его любят. Таким образом, перед зрителем разворачивается история безусловной любви и принятия. Инициация Мигеля заключается в его изменении: он с честью прошел испытания в царстве мертвых. Согласно В.Я. Проппу [7], Мигель является «истинным героем», он становится спасителем семьи Ривера, благодаря ему распря пяти поколений семьи преодолена.

Финальный эпизод мультфильма также связан со сказочным каноном. Мигель возвращается домой, но его испытания еще не закончены. Теперь важно напомнить ничего не помнящей Коко (прабабушка Мигеля) о ее отце Гекторе. Мотив чудесного опять проигрывается через песню, Мигель и Коко поют дуэтом песню. Символично, что название песни «Не забывай», она была написана для маленькой Коко ее отцом (обратим внимание, что Де ла Крус сделал эту песню своей визитной карточкой, хотя он вносил совсем иной контекст в содержание песни «Не забывай»).

Теперь Коко, которая до этого ничего не помнила, вдруг подхватывает эту песню, узнает свою дочь и показывает всей семье фотографию отца, которую, оказывается, она хранила всю жизнь. Таким образом, начало и финал мультфильма закольцовывается. В развязке раскрывается тайна Коко и возвращает зрителя к символике названия мультфильма, которая заключается в памяти и любви к отцу, хранимой всю ее жизнь. Сказочный хеппи-энд раскрывается в развязке сюжета.

Национальный праздник Мексики – День мертвых – становится финальным аккордом и завершающим кадром: музыка и песня объединяет счастливое семейство Ривера, в котором мертвые и живые вместе.

Завершением психолого-педагогического тренинга становится этап рефлексии, в котором обсуждаются ключевые идеи мультфильма с точки зрения психотерапевтического и психокоррекционного ресурса: преодоление семейной распри; чудесная сила любви и прощения; ценность памяти, важность разоблачения мифов. Особое внимание студентов можно уделить деликатному раскрытию идеи смерти для адресата-ребенка.

Заключение. Таким образом, анализ произведений, посвященных семье и семейным проблемам является продуктивным материалом для организации занятий по библиотерапии и сказкотерапии. Организация и содержание психолого-педагогического тренинга позволяет говорить о решении двойных задач: психотерапевтической и психокоррекционной помощи семье в процессе разбора мультфильма «Тайна Коко». Катарсическое переживание и проживание сюжетобразующих эпизодов обогащает новым чувственным опытом в разрешении семейных конфликтов. Структурные компоненты мультфильма ярко раскрывают связь с архаичным обрядом инициации, сказочным пространством двоимирия (мир живых и мир мертвых), обязательной победе добра над злом. Отметим и семантическое сближение образа героя-ребенка, его взросление и преодоление всех препятствий с

понятием «истинного героя» В.Я. Проппа. Такая неразрывная связь современного мультфильма с фольклорной традицией позволяет говорить не только о вечном сказочном жанре, но и об эффективности арт-терапевтической техники в помощи семье, о методе сказкотерапии, которые позволяют продуктивно решать семейные проблемы и преодолевать семейные конфликты. Совместный анализ ключевых эпизодов мультфильма со студентами и магистрантами становится важным ресурсом для расширения профессиональных возможностей будущих специалистов психологов и педагогов, а также обогащению личного опыта в гармонизации внутрисемейных отношений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белинский В.Г. Подарок на новый год. Две сказки Гофмана... / В.Г. Белинский [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://az.lib.ru/b/belinskij_w_g/text_3700.shtml (дата обращения 25.07.2024)
2. Боуэн М. Теория семейных систем Мюррея Боуэна: основные понятия, методы и клиническая практика / М. Боуэн. – М. : Когито-Центр, 2022. – 496 с.
3. Kwiatkowska H. Family Therapy and Evaluation Through Art / H. Kwiatkowska. – Thomas Publisher, T.H.E. The Limited, Charles C., 1978. – 304 p.
4. Кудряшова А.А. Арттерапия в специальном образовании. Психокоррекционная и психотерапевтическая работа с детьми с нарушениями развития / А.А. Кудряшова. – М., 2009. – 96 с.
5. Кудряшова А.А. Современная детская литература как психотерапевтический ресурс / А.А. Кудряшова // Современная дефектология: междисциплинарный подход к теоретическим и практическим проблемам нарушений развития у детей. Сборник материалов IV Международной научной конференции. Под общей редакцией Т. Г. Визель. – М., 2022. – С. 37–43.
6. Минералова И.Г. Детская литературы : Учебник и практикум для академического бакалавриата / И.Г. Минералова. – М. : Юрайт, 2016. – 333 с.
7. Пропп В.Я. Русская сказка / В.Я. Пропп. – М.: Лабиринт, 2008. – 384 с.
8. Сатир В. Психотерапия семьи / В. Сатир. – СПб.: Питер, 2018. – 280 с.
9. Ткачева В.В. Система психологической помощи семьям, воспитывающим детей с отклонениями в развитии : Дисс.... док.псих.наук / В.В. Ткачева. – М., 2005. – 439 с.
10. Элиаде М. Тайные общества. Обряды инициации и посвящения / пер. с фр. Г.А. Гельфанд; науч. ред. А.Б. Никитин / М. Элиаде. – М.; СПб. : Университетская книга, 1999. – 356 с.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

11. Гайдар А.П. Голубая чашка / А.П. Гайдар [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://az.lib.ru/g/gajdar_a_p/text_0100.shtml (дата обращения: 06.08.2024).
12. Короленко В.Г. В дурном обществе / В.Г. Короленко [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://az.lib.ru/k/korolenko_w_g/text_0059.shtml (дата обращения: 06.08.2024).
13. Короленко В.Г. Слепой музыкант / В.Г. Короленко [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://az.lib.ru/k/korolenko_w_g/text_0240.shtml (дата обращения: 06.08.2024).

REFERENCES

1. Belinskii V.G. Podarok na novii god. Dve skazki Gofmana... [New Year Present. Two fairy tales by Hoffmann] (In Russian)
2. Bowen M. (2022). Teoriya semeinih sistem Myurreya Bouena_ osnovnie ponyatiya_ metodi i klinicheskaya praktika. [Family Theory by Murray Bowen: basic definitions, methods and clinical practice] M. Kogito Centr. 496 p. (In Russian)
3. Kwiatkowska H. (1978). Family Therapy and Evaluation Through Art. Thomas Publisher. T.H.E. The Limited Charles C. 304 p. (In English).
4. Kudryashova A.A. (2009). Artterapiya v specialnom obrazovanii. Psihokorrekcionnaya i psihoterapevticheskaya rabota s detmi s narusheniyami razvitiya. [Art Therapy in special education. Psycho-correctional and psychotherapeutic treatment of children with development disorders.] M. 96 p. (In Russian)
5. Kudryashova A.A. (2022). Sovremennaya detskaya literatura kak psihoterapevticheskii resurs. Sbornik materialov IV Mejdunarodnoi nauchnoi konferencii. [Modern children's literature as psychotherapeutic resource. Digest of IV International scientific conference] pod obschei redakciei T.G. Vize. [Edited by T.G. Vize] M. pp. 37–43 (In Russian)

6. Mineralova I.G. (2016). Detskaya literaturi. Uchebnik i praktikum dlya akademicheskogo bakalavriata. [Children's literature. Textbook and workbook for bachelor students.] M. Yurait. 333 p. (In Russian)
7. Propp V.Ya. (2008). Russkaya skazka. [Russian fairy tale] M. Labirint. 384 p. (In Russian)
8. Satir V. (2018). Psihoterapiya semi. [Family Psychotherapy] Spb. Piter. 280 p. (In Russian)
9. Tkacheva V.V. (2005). Sistema psihologicheskoi pomoschi semyam vospitivayuschim detei s otkloneniymi v razvitii. [Methods of psychological care for families with children with development disorders] Diss.... dok.psih.nauk. [Phd dissertation] M. 439 p. (In Russian)
10. Eliade M. (1999). Tainie obschestva. Obryadi iniciacii i posvyascheniya [Secret societies. Initiation ceremonies] / per. s fr. G.A. Gelfand; nauch. red. A.B. Nikitin [translated from French by G.A. Gelfand; academic edit. A.B. Nikitin.] M. Eliade. M.; SPb. Universitetskaya kniga. 356 p. (In Russian)

Поступила в редакцию 26.07.2024 г.

TO PROBLEM OF HELPING FAMILIES IN ART THERAPY

A.A. Kudryashova

The article addresses psychotherapeutic and psycho-corrective resources aimed at helping families. The resources in question can be used during art therapy classes for undergraduates and master's students. The research theoretical and methodological fundamentals are grounded on the works by foreign and Russian family psychotherapy and art therapy pioneers, as well as on art therapeutic approaches, and goals for conducting lessons, and on classical works by Vladimir Propp on fairy tale canon, in particular. The animated musical *Coco* is used as material for the analysis. The analysis of key fragments of the animated movie plot proves conclusively its unbreakable connection with the tradition of the fairy tale genre, which is the main focus of the article. Introducing key features of conducting art therapy classes to undergraduates and master's students expands their professional capabilities as future psychologists and teachers, and enriches their personal experience.

Keywords: art therapy, aesthetic communication, plot, conflict, initiation, fairy tale world duality, character.

Кудряшова Александра Артуровна.
Доктор филологических наук, доцент.
Московский центр качества образования.
Ведущий специалист.
ORCID 0009-0005-9246-691X.
E-mail: alekshvan@yandex.ru.

Kudryashova Aleksandra Arturovna.
Doctor of Philology.
Moscow Centre for Education Excellence.
Leading specialist.
ORCID 0009-0005-9246-691X.
E-mail: alekshvan@yandex.ru.

Научная статья

УДК 159.923

DOI: 10.5281/zenodo.13998509

ИНТЕРНЕТ-АДДИКЦИЯ ПОДРОСТКОВ В СОВРЕМЕННОМ ЦИФРОВОМ МИРЕ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

© 2024 *Е.Н. Рядинская*¹, *В.В. Волобуев*², *М.О. Вялышева*³

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донбасская аграрная академия»

ORCID¹ 0000-0002-9924-881X

ORCID² 0000-0001-6093-660X

ORCID³ 0009-0004-9069-3484

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru>

В данной статье рассмотрены теоретические основы исследований феномена интернет-зависимости, определены мотивы и признаки характерные для аддиктивного поведения, сформулированы рекомендации по профилактике интернет-аддикции у подростков. Установлено, что для появления интернет-зависимости нужна определенная личностная предрасположенность и набор личностных качеств, в числе которых: низкая самооценка, склонность к мечтаниям, закрытость, наличие социальной тревожности, фобии, ощущение недостатка внимания или социального положения. Для подростков Интернет служит не только источником информации и средством для общения, но также зачастую выступает как способ убежать от реальности или получить удовольствие. В связи с этим, в последнее время, особенно актуально исследовать Интернет-зависимость, выявляя ее особенности и принимая меры по ее профилактике среди подростков, так как именно в этой возрастной категории обнаруживается наибольшее количество Интернет-зависимых людей.

Ключевые слова: зависимое поведение, интернет-аддикция, личность, коммуникация, подростковый возраст.

Для цитирования: Рядинская Е.Н. Интернет-аддикция подростков в современном цифровом мире / Е.Н. Рядинская, В.В. Волобуев, М.О. Вялышева // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. – 2024. – № 4. – С. 180–189. – <https://doi.org/10.5281/zenodo.13998509>.

Введение. В современной цифровой эпохе подростки сталкиваются с новыми вызовами и возможностями, которые им предоставляют новые технологии. Однако вместе с этим возникает проблема аддиктивного поведения подростков в цифровом мире.

Интернет-зависимость становится одной из самых значимых проблем среди современных подростков. Это явление возникает на фоне стремительного развития технологий и повсеместного распространения доступа к интернету. Подростки, находясь в критическом периоде своего развития, становятся особенно уязвимыми к влиянию цифрового мира. Они проводят все больше времени в сети, что оказывает значительное влияние на их психическое, эмоциональное и социальное благополучие [5].

Интернет-аддикция среди подростков стала одной из наиболее серьезных проблем современного общества. В силу своих негативных последствий, вызываемых у подростков, она требует немедленного внимания. Эта зависимость представляет вызов как родителям, так и педагогам, а также специалистам, которые разрабатывают стратегии для борьбы с данной проблемой.

В отечественных исследованиях изучение зависимости от интернета обсуждалось достаточно широко и было представлено в работах А.Ю. Акопова, Н.В. Дмитриевой, А.В. Котлярова, С.В. Красновой, И.В. Леоновой, О.Р. Маслова, Р.М. Юсупова и других. Из зарубежных исследователей данную проблему рассматривали М. Гриффит, Дж. Грохол, Дж. Морей-хан-Мартин, М. Фенишэл, К. Янг и другие.

Цель исследования: осуществить теоретический анализ интернет-аддикции подростков в современном цифровом мире.

Методы исследования. В данном исследовании были использованы методы теоретического анализа, сравнение, обобщение, а также систематизация научной литературы по рассматриваемой проблеме.

Основная часть. Психолог и эксперт К. Янг, основательница первой в мире клиники по интернет-зависимости, считает, что характерными проявлениями интернет-зависимости являются:

- обострение тревожности при нахождении в реальном мире;
- продолжительное нахождение в интернете, в результате чего подростки склонны скрывать или искажать информацию о количестве проведенного времени в сети, в сторону уменьшения;
- снижение активности в реальном мире;
- многократные, но безуспешные попытки сократить использование интернета;
- использование сети для изменения эмоционального состояния [10].

Данные признаки часто приводят к депрессии, социальной изоляции, разрушению семейных взаимоотношений, неудачам в учебе, финансовым трудностям и потере работы.

Наиболее полное описание специфического поведения при интернет-зависимости можно найти в трудах А.Е. Войскунского [3]. Он выделяет следующие признаки:

- сильное нежелание и неспособность даже на короткий срок отвлечься от использования интернета;
- раздражение и чувство неудовлетворенности при вынужденных перерывах, и присутствие навязчивых мыслей об онлайн-активности в такие моменты;
- желание тратить неограниченные денежные средства на интернет, вплоть до использования сбережений, предназначенных для других целей;
- склонность скрывать от друзей и семьи реальные масштабы использования интернета, занижая частоту и продолжительность сеансов онлайн;
- стремление избавиться от чувства беспомощности, вины, депрессии или тревоги через пребывание в интернете, испытывая эмоциональный подъем и эйфорию;
- готовность мириться с потерей друзей, разрушением семейных связей и круга общения из-за зависимости от интернета;
- игнорирование собственного здоровья;
- снижение физической активности, пренебрежение личной гигиеной и отказ от своевременного приема пищи из-за непреодолимого желания проводить время онлайн;
- злоупотребление тонизирующими напитками [4].

По классификации К. Янг [10], существует пять основных категорий Интернет-аддикции:

- киберотношения. Постоянное общение через мессенджеры и социальные сети, активное участие в группах по интересам. Зависимость от виртуальных

дружеских связей, формируемых в чатах, видеоконференциях и играх, заменяющих реальное общение с семьей и друзьями;

- киберсексуальная зависимость. Влечение к киберпорнографии или общение в интимных чатах, обмен личными фотографиями и демонстрация сексуальных отклонений.

- компьютерная зависимость. Самая распространенная среди подростков форма зависимости от интернета, которая выражается в навязчивом желании проводить время за компьютерными играми и за программированием;

- информационная перегрузка. Частое использование новостных сайтов и ресурсов для получения информации и исследования данных. Это состояние сопровождается страхом «упущенных возможностей», если подросток лишен доступа к интернету;

- сетевая вовлеченность. Увлечение азартными играми и аукционами в интернете, постоянное желание совершать онлайн-покупки, многочасовой выбор товаров и добавление их в корзину без намерения купить.

Мотивы, которые побуждают людей проводить большую часть своего времени в интернет-пространстве, проанализировал Р.М. Юсупов и сделал вывод, что интернет для большинства пользователей выступает в качестве площадки для общения (поиск знакомых, единомышленников, сайты знакомств, форумы), развлечения (фильмы, музыка, книги, игры), самообразования (дистанционные тренинги, курсы, статьи, видеоуроки, изучение языков), развития творческих способностей (кулинарные сайты, блоги мастеров по рукоделию), места для сделок и покупок (интернет-магазины, денежные операции), а также как средства заработка (веб-дизайн, программирование, создание фотографий и иллюстраций, наполнение сайтов контентом) [9]. Другим ученым, занимающимся этой тематикой, был профессор М. Гриффит, который провел серию исследований о влиянии компьютерных игр на психическое здоровье молодежи. Несмотря на достаточный уровень разработанности и изученности проблемы, её исследование остаётся актуальным из-за стремительного развития современных технологий, который создаёт новые предпосылки для формирования цифровой зависимости [11].

Если проанализировать Интернет-аддикцию в сравнении с другими видами зависимостей, можно заметить много общих черт. Многие специалисты сходятся во мнении, что интернет-зависимым человека делает не сам интернет, а человек с предрасположенностью к зависимостям находит в Интернете какую-либо деятельность, как объект своей зависимости. Некоторые исследователи считают, что существует так называемый зависимый тип личности, и такие люди находятся в группе риска.

К характерным чертам этого типа можно отнести: зависимость от других и несамостоятельность, неспособность сказать «нет» из-за страха отвержения, повышенную чувствительность, безответственность; всё это формирует пассивное отношение к жизни, когда человек не стремится первым вступить в контакт с окружающими и избегает принятия самостоятельных решений. Обычно эти черты наиболее выражены в подростковом возрасте.

Подростковый возраст – это период, характеризующийся противоречиями и сложностью для молодых людей. Изменения происходят стремительно, и не всегда гладко: физиологические перестройки, взрыв эмоций, поиск собственного «Я» и, конечно, желание вырваться из-под родительской опеки – все это создает взрывоопасную смесь, провоцирующую конфликты и непонимание. Подросток ищет свое место в мире, пытаясь понять, кем он хочет стать, что ему интересно. Это проявляется в

экспериментировании с образом, в поиске новых увлечений и интересов, а также в поиске способов удовлетворения собственных потребностей. В этот период значимость родителей и учителей уходит на второй план, уступая место друзьям, кумирам и идеалам. Подросток стремится к принятию, к ощущению принадлежности своему кругу, что может привести к ссорам с близкими из-за несовпадения мнений и убеждений.

Небольшой социальный опыт, неуверенность в себе и низкий уровень коммуникативных навыков становятся источниками конфликтов с ровесниками. Это приводит к тому, что, получив новые эмоции и информацию, подростки удовлетворяют свои коммуникативные потребности в относительно безопасных условиях Интернета, становясь его частыми пользователями и проводя в сети всё свободное время, забыв про реальный мир. В результате этого процесса быстро развивается устойчивая интернет-зависимость [1, с. 501]. Зависимое поведение от интернета у подростков способствует появлению и обострению следующего ряда проблем: конфликты с окружающими, депрессия, предпочтение виртуальной реальности перед настоящей жизнью, трудности в социальной адаптации, неразвитость волевых качеств, чувство дискомфорта при отсутствии возможности доступа к Интернету, инфантильность и страх прямых контактов в общении и т.д. [1, с. 508].

Многие подростки проводят большую часть своего времени онлайн, поглощенные социальными сетями, играми и видео. Они теряют контроль над своим временем и эмоциональным состоянием, часто отказываясь от социальной активности в реальной жизни в пользу виртуального мира [1].

Зависимость от виртуальной реальности — это не просто прихоть, а сложный психоэмоциональный феномен, формирующий особую «аддиктивную личность». Аддиктивная личность – это человек, чья жизнь сосредоточена вокруг одного объекта или действия, которое обеспечивает ему чувство удовлетворения, «заполняет пустоту» и позволяет забыть о реальных проблемах. Восприятие и мировоззрение аддиктивной личности охватывает все – от самого себя и других, до системы ценностей, предпочтений, принимаемых решений, мышления, эмоций и мечтаний. Виртуальный мир становится реальностью, а реальная жизнь кажется тусклой и неинтересной [6]. Формирование аддиктивной личности – это сложный процесс, который нередко начинается с детства. Если ребенок испытывает нехватку любви, внимания, поддержки в семье, у него может возникнуть ощущение неполноценности, депрессии, тревоги. В этом случае виртуальный мир становится убежищем, где он может найти утешение и удовлетворение своих потребностей. По мнению психолога Н.В. Дмитриевой, причин возникновения интернет-зависимости у подростков несколько:

- недостаток общения и теплых эмоциональных отношений в семье. Если родители или близкие родственники не уделяют ребенку достаточно времени, чтобы искренне участвовать в его жизни, не интересуются его внутренним миром, не проявляют интереса к его мыслям и чувствам, не слушают его, это может привести к чувству одиночества и неприятия;
- отсутствие увлечений и интересов, не связанных с компьютером. Подросток, не имеющий увлечений и хобби вне компьютера, легко может попасть в ловушку виртуального мира;
- неспособность подростка устанавливать желаемые контакты с окружающими, отсутствие друзей. Это часто встречается у застенчивых подростков или у тех, кто имеет видимые физические недостатки или черты характера, мешающие налаживанию дружбы: закрытость, жестокость и агрессивность, алчность, злопамятность, обидчивость;

- общая неудачливость. Плохая успеваемость в школе, напряженные отношения со сверстниками и родителями. Если подростка это не устраивает, он может уйти в виртуальный мир, где он - герой и победитель. В интернете такой ребенок может создать себе другую личность, противоположную реальной: другое имя, внешность, успешная самопрезентация;

- наличие тяжелой инвалидности или серьезного заболевания. Если подросток-инвалид учится на дому, ограничен в общении, редко или вовсе не выходит из дома - компьютер становится единственным средством общения, получения информации и развлечения. К физическим недостаткам, мешающим общению, относятся отсутствие слуха или зрения, ДЦП, затрудненная речь, тяжелая эпилепсия, атрофия мышц и т.п. [6].

Аддиктивная личность — это не просто человек, сидящий за компьютером. Это человек, испытывающий глубокие психологические проблемы, которые он пытается решить с помощью аддикции. Важно понимать, что аддиктивное поведение – это симптом, а не причина.

Интернет как сфера аддиктивного поведения весьма уникален, но для появления интернет-зависимости нужна определенная личностная предрасположенность. Вот определенные качества, которые могут предрасполагать к интернет-зависимости: низкая самооценка, неудовлетворенность собой, склонность к мечтаньям, закрытость, застенчивость, наличие социальной тревожности, фобии, ощущение недостатка внимания или социального положения (А.Е. Войскунский) [3].

Сегодня у подростков есть постоянный доступ к смартфонам, планшетам и другим электронным устройствам. Интернет становится бесконечным источником знаний, где подростки могут находить учебные материалы, обучающие видео, выполнять исследования и расширять свой кругозор. Доступ к электронным библиотекам, онлайн-курсам и образовательным платформам значительно облегчает процесс обучения и делает его более увлекательным и интерактивным.

Кроме того, Интернет открывает двери для развития творческих способностей и самовыражения. Подростки имеют возможность создавать и публиковать собственные произведения, будь то тексты, музыка, видео или произведения изобразительного искусства. Социальные сети и специализированные платформы предоставляют площадки для демонстрации своих талантов, обмена идеями и получения обратной связи от широкой аудитории. Это способствует развитию уверенности в себе и стимулирует дальнейшее развитие творческого потенциала.

Однако, безграничный доступ к информации несет в себе и определенные риски. Одним из основных является проблема информационной перегрузки. Подростки могут сталкиваться с огромным количеством противоречивой и недостоверной информации, что может вызывать путаницу и затруднения при принятии решений [9]. Еще одной серьезной проблемой является доступ к негативному контенту. В Интернете можно натолкнуться на сцены насилия, агрессии, а также на ресурсы, пропагандирующие вредные привычки и антисоциальное поведение. Подростки, находясь в процессе формирования собственной личности и моральных принципов, могут быть особенно подвержены влиянию такого контента. Большинство подростков признаются, что тайно посещают запрещенные ресурсы. Это создает у них впечатление вседозволенности и безнаказанности, что подталкивает подростка к нарушению прав человека и может вести к обесцениванию моральных принципов [4].

Интернет-зависимость у подростков характеризуется постоянной потребностью в подключении к сети. Многие из них не могут представить себе день без доступа к интернету. Это приводит к нарушению режима сна: подростки сидят в интернете

ночью, что отрицательно сказывается на их здоровье и успеваемости. Постоянные отвлечения, неспособность контролировать время, проводимое в сети, и многозадачность, связанные с использованием интернета, снижают способность подростков концентрироваться на учебных материалах. Это способствует снижению уровня знаний и умственных способностей. Кроме того, чрезмерное использование интернета может подрывать мотивацию к учебе, так как виртуальные развлечения часто являются более привлекательными и доступными.

В первую очередь интернет-зависимость сдерживает развитие психологического и эмоционального состояния подростков. Психологическое развитие детей с Интернет-зависимостью может замедляться или искажаться вследствие недостатка живого общения и физической активности. В раннем возрасте, когда активно формируются когнитивные функции, постоянное взаимодействие с гаджетами может ограничить развитие мелкой моторики, творческого мышления и воображения [3]. Детям становится труднее сконцентрироваться на учебных задачах, так как они привыкают к быстрому, поверхностному потреблению информации. В области эмоционального развития и состояния у подростков также есть свои особенности. Постоянное ожидание мгновенного удовлетворения потребностей в виртуальной среде приводит к снижению терпимости к фрустрации, что в будущем может вылиться в трудности при столкновении с реальными жизненными проблемами. Дети могут испытывать острое чувство одиночества и тревоги, когда не имеют доступа к Интернету, что препятствует формированию устойчивой самооценки и эмоциональной зрелости.

Основная угроза зависимости от интернета особенно касается тех, кто использует компьютерные сети как единственный способ общения [2]. Повседневное и чрезмерное использование интернета и увлечение виртуальным миром и играми может привести к социальной изоляции, ощущению одиночества, отсутствию коммуникации и плохому самочувствию. Подростки, страдающие от интернет-зависимости, теряют интерес к взаимодействию с реальным миром и предпочитают жить в виртуальной среде, что приводит к ограничению реальных межличностных взаимодействий [7]. В результате подростки могут испытывать трудности в общении лицом к лицу, что отражается на их способности строить и поддерживать близкие отношения.

Дополнительно интернет-зависимость создает значительные проблемы в области здоровья у детей и подростков. Они могут сидеть до поздней ночи за компьютером или смартфоном, что приводит к недостаточному количеству сна и, как следствие, хронической усталости. Длительное использование гаджетов без перерыва приводит к развитию синдрома компьютерного зрения. У подростков начинаются проблемы с фокусировкой, они ощущают сухость и раздражение глаз, что в будущем может привести к более серьезным осложнениям. Еще одной важной проблемой является недостаток физической активности. Поглощенные виртуальными играми и социальными сетями, подростки все меньше времени проводят на свежем воздухе, занимаются спортом, в больших количествах употребляют не полезные продукты, либо пренебрегают приемами пищи. Это приводит к проблемам с лишним весом, нарушению осанки, мышечной слабости и ухудшению общего состояния.

Помимо этого, социальные медиа становятся центром подростковой жизни, где они ищут признание и поддержку. Подростки часто стремятся к одобрению через лайки и комментарии, что может привести к развитию низкой самооценки и психологической зависимости от мнения окружающих. Такие платформы, как Instagram, TikTok и Snapchat, могут вызывать чувство тревоги и депрессии из-за постоянного сравнения себя с другими. Важно отметить, что интернет-зависимость также подвергает

подростков риску попасть в виртуальный мир с негативным содержанием. Подростки могут столкнуться с онлайн-издевательствами (кибермоббинг, кибербуллинг, диффамация, интернет-травля или угрозы), контентом, связанным с насилием, или даже просто участие в незаконных видах деятельности. Это создает серьезную угрозу для их благополучия и безопасности, поскольку подростки могут стать жертвами или начать проявлять асоциальное поведение в обществе [5].

Чтобы справиться с вызовами интернет-зависимости среди подростков, необходимо разработать комплексные и систематические меры. Родители, школьные педагоги и медицинские специалисты должны работать вместе, чтобы предоставить подросткам альтернативы и поддержку. Это может включать в себя ограничение времени, проводимого в интернете, проведение семейных мероприятий, акцент на развитии социальных навыков и осведомленности о безопасности в онлайн-среде. Подросткам нужно помочь осознать, как контролировать время, проводимое в цифровом мире. Важно научить их балансировать между онлайн-активностями и реальной жизнью, поощрять участие в физической активности, общении с друзьями и семьей лицом к лицу.

Учитывая все вышеперечисленные особенности подростков с зависимостью от Интернета, можно выделить некоторых правил, которым следует придерживаться родителям:

- в семейных отношениях необходимо придерживаться честности и уметь признавать собственные ошибки;
- нельзя унижать, оскорблять и кричать на ребенка или его друзей;
- родителям следует быть для своих детей друзьями и помощниками. Подход «Я - старший, поэтому слушайся» не создаст доверительных отношений;
- важно, чтобы ребенок мог доверять родителям в любой ситуации и при любых обстоятельствах;
- не стоит скрывать свои эмоции от ребенка, если родителя огорчает его компьютерное поведение. Это поможет ему увидеть в родителях союзников и близких людей, которые тоже нуждаются в заботе, а не врагов;
- если возник конфликт, и родители требуют прекратить сидеть за компьютером, не стоит вступать в торги с ребенком: «Сначала сделай уроки, потом можешь играть» [6].

Даже если частично соблюдать эти рекомендации, со временем ребенок поймет, что родители желают ему добра и являются его друзьями. Большинство подростков уверены, что родители создают им препятствия намеренно, в следствии чего начинают плохо думать о себе, и, как результат, это может привести к низкой самооценке и проблемам в общении.

Ниже приведены несколько советов, которые помогут родителям в предотвращении Интернет-аддикции у детей:

- всегда оговаривайте время, отведенное на игру ребенка за компьютером, и строго придерживайтесь этих рамок. Временное ограничение следует выбирать исходя из возраста ребенка;
- больше общайтесь с ребенком, развивайте его эмоциональную сферу, посещайте различные мероприятия вместе;
- запрещается играть в игры за компьютером перед тем, как идти спать;
- прививайте ребенку любовь к активным играм и физическим упражнениям, чтобы он наслаждался движением, ведь компьютерные игры не обеспечивают необходимой физической активности;

- следите за тем, чтобы компьютерные игры не заменяли живое общение со сверстниками и друзьями;
- показывайте ребенку положительный пример [7].

Образовательные учреждения также играют значительную роль в преодолении зависимости подростков от цифровых технологий. Прежде всего, учителям следует научить ребенка находить необходимую ему информацию и проверять ее достоверность в том числе с помощью взрослых, а также внимательно следить за приобретением платных услуг через интернет [4]. Нужно создать перечень полезных, интересных и безопасных ресурсов для использования; проинформировать ребенка о возможностях и рисках, связанных с интернетом, объяснить, что в сети, как и в реальной жизни, можно встретить как доброжелательных, так и неблагонадежных людей, поэтому, столкнувшись с негативным поведением или насилием, следует немедленно сообщить об этом близким.

Стремясь к взаимодействию с подростками, важно создавать для них безопасные и насыщенные офлайн и онлайн-ресурсы. Это включает в себя организацию досуговых и спортивных мероприятий, развитие сообществ и форумов, которые помогут подросткам найти другие интересы и увлечения, а также научиться общаться и взаимодействовать в сетевом пространстве без потери связи с реальностью.

Заключение. Таким образом, можно заключить, что благодаря интернету подростки удовлетворяют свои фундаментальные потребности, прежде всего, социальные – общение, стремление быть нужным и любимым, потребность в признании, а также стремления, связанные с личностным ростом – познание, понимание, самореализация. Победы и успехи в виртуальном мире компенсируют неудачи в реальной жизни. В интернете человеку предоставляется возможность выразить те мысли, чувства и эмоции, которые в реальной жизни он бы не проявил. В отличие от реального мира, общение в интернете обладает большей конфиденциальностью, возможностью для обсуждения различных проблем, что позволяет снять психологическое напряжение. Выход в Интернет и безграничный доступ к информации предоставляет подросткам невероятные возможности для обучения, творчества, самореализации и социального взаимодействия и т.п. Однако, вместе со всеми преимуществами, он приносит и вызовы, связанные с информационной перегрузкой, доступом к негативному контенту, усталостью, низкой физической активностью, изменением самовосприятия, эмоционального состояния, характера социального взаимодействия и т.д. Важно учитывать эти аспекты и стремиться к тому, чтобы использование Интернета не усугубляло, а наоборот способствовало всестороннему развитию подростков. Интерактивные технологии сами по себе не являются злом, и при правильном подходе могут стать мощным инструментом для обучения и развития. Однако, внимание к потенциальным рискам и осознанное, грамотное использование Интернета в повседневной жизни поможет избежать негативных последствий и содействовать полноценному психологическому и эмоциональному развитию подрастающего поколения.

Для борьбы с интернет-зависимостью необходимо вовлечь в процесс решения как самих подростков, так и их родителей, педагогов и психологов. Необходимо проводить информационные кампании, занятия и тренинги для подростков, родителей и учителей, нацеливаясь на осознанное использование цифровых устройств, развитие навыков самоконтроля, коммуникации, повышения самооценки и самосознания личности подростка. Только путем совместных усилий и осознания важности этой проблемы есть возможность преодолеть интернет-зависимость среди подростков и обеспечить их

максимальное физическое, психологическое и социальное благополучие. В итоге здоровый баланс между виртуальной и реальной жизнью поможет подросткам гармонично развиваться и сохранять психическое здоровье.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Божович Л.И. Проблемы формирования личности / Л.И. Божович. – М.: Изд-во Директ-Медиа, 2008. – 612 с.
2. Варламова С.Н. Интернет-зависимость молодёжи мегаполисов: критерии и типология / С.Н. Варламова, Е.Р. Гончарова, И.В. Соколова // Мониторинг общественного мнения. – 2015. – № 2 (126). – С. 165–182. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2015.2.11>
3. Войскунский А.Е. Поведение в киберпространстве: психологические принципы / А.Е. Войскунский // Человек. – 2016. – № 1. – С. 36–49.
4. Войскунский А.Е. Психология киберсреды: два исследовательских подхода // Экопсихологические исследования – 6: экология детства и психология устойчивого развития: сборник научных статей / отв. ред. В.И. Панов. – М.: ФГБНУ «Психологический институт РАО»; Курск: Университетская книга, 2020. – С. 439–443.
5. Егоров А.Ю. Интернет-зависимое поведение у подростков с психическими расстройствами / А.Ю. Егоров, Д.И. Чарная, Ю.В. Хуторянская, А.В. Павлов, С.В. Гречаный // Обзорение психиатрии и медицинской психологии имени В.М. Бехтерева. – 2018. – № 4. – С. 35–45. <https://doi.org/10.31363/2313-7053-2018-4-35-45>
6. Короленко Ц.П. Социодинамическая психиатрия / Ц.П. Короленко, Н.В. Дмитриева. – М.: Академический проект, 2000. – 460 с.
7. Маслов О.Р. Психика и реальность: типология виртуальности / О.Р. Маслов // Российская ассоциация искусственного интеллекта. Прикладная психология. – 1998. – № 6. – С. 41–49.
8. Саглам Ф.А. Интернет-аддикция подростков как форма проявления отклоняющегося поведения / Ф.А. Саглам // Педагогическое образование и наука. – 2009. – № 5. – С. 88–91.
9. Юсупов Р.М. Научно-методологические основы информатизации / Р.М. Юсупов, В.П. Заболотский. – СПб.: Наука, 2000. – 455 с.
10. Янг К. Диагноз – Интернет-зависимость / К. Янг // МирИнтернет. – 2000. – № 2. – С. 24–29.
11. Griffiths M.D. A “components” model of addiction within a biopsychosocial framework / M.D. Griffiths // Journal of Substance Use. – 2005. – № 10. – P. 191–197.

REFERENCES

1. Bozhovich L.I. (2008). Problemy` formirovaniya lichnosti [Problems of personality formation]. Moskva: Izd-vo Direkt-Media, 612 p. (In Russian)
2. Varlamova, S.N. Goncharova E.R. & Sokolova I.V. (2015). Internet-zavisimost` molodyozhi megapolisov: kriterii i tipologiya [Internet addiction of young people in megacities: criteria and typology] in Monitoring obshhestvennogo mneniya [Monitoring of public opinion], 2 (126), pp. 165-182. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2015.2.11> (In Russian)
3. Vojskunjij A.E. (2016). Povedenie v kiberprostranstve: psihologicheskie principy [Behavior in cyberspace: psychological principles] in Chelovek [Human], 1, pp. 36–49 (In Russian)
4. Vojskunjij A.E. (2020). Psihologiya kibersredy: dva issledovatel'skih podhoda [Psychology of cyber environments: two research approaches] in Ekopsihologicheskie issledovaniya – 6: ekologiya detstva i psihologiya ustojchivogo razvitiya: sbornik nauchnyh statej [Ecopsychological Research – 6: Ecology of Childhood and Psychology of Sustainable Development: Collection of Scientific Articles], pp. 439-443 (In Russian)
5. Egorov A.Yu., Charnaya D.I., Hutoryanskaya Yu.V., Pavlov A.V. & Grechanyj S.V. (2018). Internet-zavisimoe povedenie u podrostkov s psihicheskimi rasstrojstvami [Internet addictive behavior in adolescents with mental disorders] in Obozrenie psihiatrii i medicinskoj psihologii imeni V.M. Bekhtereva [V.M. Bekhterev Review of Psychiatry and Medical Psychology], 4, pp. 35-45. <https://doi.org/10.31363/2313-7053-2018-4-35-45> (In Russian)
6. Korolenko C.P. Dmitrieva N.V. (2000). Sociodinamicheskaya psihiatriya [Sociodynamic psychiatry] Moskva: Izd-vo Academicheskii proekt, 460 p. (In Russian)

7. Maslov O.R. (1998). Psixika i real'nost': tipologiya virtual'nosti [Psikhika and reality: typology of virtuality] in Rossijskaya asociaciya iskusstvennogo intellekta. Prikladnaya psixologiya [Russian Association of Artificial Intelligence. Applied psychology], 6, pp. 41-49 (In Russian)
8. Saglam F.A. (2009). Internet-addikciya podrostkov kak forma proyavleniya otklonyayushhegosya povedeniya [Internet addiction of adolescents as a form of manifestation of deviant behavior] in Pedagogicheskoe obrazovanie i nauka [Pedagogical education and science], 5, pp. 88-91 (In Russian)
9. Yusupov P.M. (2000). Nauchno-metodologicheskie osnovy` informatizacii [Scientific and methodological foundations of informatization]. Sankt-Peterbur: Nauka, 455 p. (In Russian)
10. Yang K. (2000). Diagnost – Internet-zavisimost` [Diagnosis – Internet addiction] in Mir Internet, 2, pp. 24-29 (In Russian)
11. Griffiths M.D. (2005). A "components" model of addiction within a biopsychosocial framework ["Component" model of addiction in a biopsychosocial framework] in Zhurnal upotrebleniya psixoaktivny`x veshhestv [Journal of Substance Use], 10, pp. 191–197 (In English).

Поступила в редакцию 30.08.2024 г.

INTERNET ADDICTION OF ADOLESCENTS IN TODAY'S DIGITAL WORLD: THEORETICAL ANALYSIS

Ye.N. Ryadinskaya, V.V. Volobuev, M.O. Vyalysheva

This article deals with theoretical research basics of the phenomenon of Internet addiction. The motives and characteristic features of addictive behavior are determined. Recommendations for the prevention of Internet addiction in adolescent are formulated. It has been found out, that for Internet addiction to develop, a certain personality predisposition and a set of personality traits are needed, among them are low self-esteem, a tendency to daydream, isolation, social anxiety, phobia, a feeling of lack of attention or social status. The Internet proves to be not only a source of information and a means of communication for teenagers, but also a way of escaping from reality or of having fun. Therefore, addressing Internet addiction seems to be topical today. It is highly relevant to identify its characteristic features, and to take measures to prevent it among teenagers, since this age group is the most prone to Internet addiction.

Key words: addictive behaviour, Internet addiction, personality, communication, adolescence.

Рядинская Евгения Николаевна.

Доктор психологических наук, доцент.
Донбасская аграрная академия, Российская
Федерация, г. Макеевка.
Заведующая кафедрой психологии.
ORCID 0000-0002-9924-881X.
E-mail: muchalola@mail.ru.

Волобуев Вахтанг Вячеславович.

Кандидат медицинских наук.
Донбасская аграрная академия, Российская
Федерация, г. Макеевка.
Доцент кафедры психологии.
ORCID 0000-0001-6093-660X.
E-mail: goodpsychologist@gmail.com.

Вяльшева Мария Олеговна.

Донбасская аграрная академия, Российская
Федерация, г. Макеевка.
Магистрант 2 курса обучения.
ORCID 0009-0004-9069-3484.
E-mail: owlikkm@gmail.com.

Ryadinskaya Yevgenia Nikolayevna.

Doctor of Psychology, Associate Professor.
Donbass Agrarian Academy, Russian Federation,
Makeyevka.
Head of Psychology Department.
ORCID 0000-0002-9924-881X.
E-mail: muchalola@mail.ru.

Volobuev Vakhtang Vyacheslavovich.

Candidate of Medicine.
Donbass Agrarian Academy, Russian Federation,
Makeyevka.
Associate Professor of Psychology Department.
ORCID 0000-0001-6093-660X.
E-mail: goodpsychologist@gmail.com.

Vyalysheva Maria Olegovna.

Donbass Agrarian Academy, Russian Federation,
Makeyevka.
2nd year master degree student.
ORCID 0009-0004-9069-3484.
E-mail: owlikkm@gmail.com.

Научная статья

УДК 159.9

DOI: 10.5281/zenodo.13998548

ЛИЧНОСТНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ КОММУНИКАТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ ПОДРОСТКОВ СО СКЛОННОСТЬЮ К АГРЕССИИ

© 2024 Т.И. Куликова

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого».

ORCID 0000-0001-8655-1599.

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International <https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru>

Проблематика коммуникативного поведения является сегодня одной из значимых в психологии. Интерес исследователей к данной проблеме обусловлен тем, что именно в подростковом возрасте особенно ярко проявляются отдельные личностные качества и свойства – повышенная эмоциональность и импульсивность, нетерпимость и агрессивность. Склонность к агрессии неизбежно приводит к формированию деструктивного коммуникативного поведения. Целью нашего исследования стало изучение личностных характеристик коммуникативного поведения подростков со склонностью к агрессии. В эмпирическом исследовании приняли участие ученики девятого класса в количестве 87 человек из двух общеобразовательных учреждений г. Тулы. В качестве диагностического материала были применены следующие методики: шкала враждебности; методика диагностики потенциала коммуникативной импульсивности; тест на определение коммуникативных умений; опросник коммуникативной толерантности и методика исследования уровня эмпатии. Результаты исследования позволяют констатировать, что коммуникативное поведение подростков со склонностью к агрессии определяется во многом личностными качествами самих подростков – импульсивностью проявления эмоциональных реакций, сочетанием высоких значений цинизма и враждебности с крайне низкими значениями коммуникативной толерантности в процессе общения, низкой способностью к эмоциональному отклику.

Ключевые слова: коммуникативное поведение, подростки, личностные качества, склонность к агрессии.

Для цитирования: Куликова Т.И. Коммуникативное поведение подростков со склонностью к агрессии / Т.И. Куликова // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. – 2024. – № 4. – С. 190–200. – <https://doi.org/10.5281/zenodo.13998548>.

Введение. Подростковый возраст – один из сложных периодов жизни, когда ребенок хочет стать взрослым, ощутить себя свободным и независимым от родительского слова. Главной задачей для подростка является поиск своего места и позиции среди сверстников, так как в противном случае это может привести подростка к социальной неадаптированности и противоправным действиям [3]. Основным средством построения социальных контактов для подростка выступает коммуникативное поведение. Отношение подростка к своему окружению можно рассматривать как результат и уровень успешного освоения коммуникативного поведения.

Коммуникативное поведение – неотъемлемая часть процесса коммуникации, которая определяет любую человеческую жизнь. Человек является социальным существом, нуждающимся в постоянном контакте с другими людьми, поэтому

реализовать свой потенциал ему необходимо через коммуникативное поведение. Традиционно коммуникацию представляют в трех направлениях изучения: коммуникация как вид деятельности (М.Я. Басов, А.А. Леонтьев, С.Л. Рубинштейн); коммуникация как процесс общения (В.П. Конецкая, М.И. Лисина, А.В. Соколов); коммуникация как поведение (И.А. Стернин, Е.Б. Чернышова) [9].

Термин «коммуникативное поведение» впервые введен И.А. Стерниным. В широком смысле ученый рассматривает его как поведение личности или группы лиц в процессе общения, регулируемое нормами и традициями общества [11]. Оно основано на сложившихся в обществе общепринятых социальных нормах. Стоит отметить, что автор делает акцент на двух составляющих коммуникативного поведения: вербальном и невербальном. Коммуникативное поведение транслируется не только с помощью слов, но и мимики, жестов, необходимых для осуществления процесса общения. Стоит заметить, что И.А. Стернин определяет развитие коммуникативного поведения в рамках коммуникативной сферы личность. В данном подходе коммуникативное поведение рассматривается с точки нормативности и отвечает на вопрос: «Нарушает ли коммуникативное поведение нормы, принятые в обществе, или нет?». В соответствии с этим конкретное коммуникативное поведение, которое демонстрирует индивид, можно охарактеризовать как нормативное или ненормативное [10].

В зарубежной психолого-педагогической литературе многие ученые (Ч. Бергер, Дж. Грин, Дж. Диллард и др.) раскрывают «коммуникативное поведение» с точки зрения межличностной коммуникации. Коммуникативное поведение рассматривается не только как социальное явление, но и как внутриличностное. Уделяется внимание уже не столько группе, сколько личности, ее коммуникативным процессам и особенностям. Успешность коммуникативного взаимодействия зависит от умения выстраивать диалог, сопереживать и понимать чувства другого человека, быть терпимым к точке зрения собеседника.

Коммуникативное поведение, регулируемое индивидуальными нормами, может вызывать как негативные ситуации, так и позитивные. По своей сути оно характеризует столкновение точек зрения на определенные вещи двух или более людей, при котором каждый видит мир со своей стороны «правильности». Коммуникативное поведение может характеризоваться эгоцентричной позицией по отношению к партнеру, либо естественным желанием понять другого человека, расположить его для дальнейшего диалога и т.д. В этом случае мы говорим, что коммуникативное поведение включает эмпатию, которая выступает двигателем успешного положительного межличностного взаимодействия [6].

В исследованиях возрастного коммуникативного поведения (И.А. Стернин, Е.Б. Чернышова) присутствует мысль о том, что коммуникативное поведение есть отражение коммуникативного сознания личности. Путем изучения коммуникативного поведения можно выявить особенности коммуникативного сознания человека. И.А. Стернин включает в данную структуру коммуникативные категории, обозначающие знания человека об общении и нормах его осуществления. Примером коммуникативных категорий, определяющих коммуникативное поведение, автор предлагает выделять вежливость, толерантность, грамотность, хорошую / плохую речь, коммуникативный идеал. Совокупность механизмов сознания индивида, регулирующих его коммуникативную деятельность, определяется как коммуникативное сознание. Здесь имеют место и коммуникативные установки личности, которые отражают готовность реагировать

определенным образом на действия собеседника, и система коммуникативных норм и правил поведения, сформировавшихся в результате предыдущего опыта общения, переживаний, оценок и взглядов [4].

Коммуникативное поведение всегда стоит рассматривать в рамках определенного возраста, потому как оно проявляется по-разному в зависимости от возрастного этапа, а также в контексте межличностного взаимодействия. В подростковом возрасте общение выступает источником построения социальных контактов, нахождения людей со схожими интересами, важными для самого подростка мыслями. Коммуникативное поведение подростков формируется под влиянием общепринятых норм, стереотипов уверенного поведения, примера, который подает известная личность, являющаяся авторитетом [6].

В подростковом возрасте происходят заметные изменения во многих сферах личности подростка: эмоциональной, морально-нравственной, межличностной и др. Подросток становится либо замкнутым, либо слишком общительным, очень грубым или непривычно ласковым, чересчур агрессивным или удивительно спокойным. У него обостряется эмоциональность, для него становится свойственно проявление импульсивности, и он не всегда может себя контролировать. Часто могут возникать конфликтные ситуации, в которых подросток придерживается таких форм реагирования, которые для него самого являются приемлемыми. Вышеперечисленные обстоятельства могут повлиять на поведение подростка – стремительно усиливаются агрессивные реакции.

Одной из причин широкого распространения агрессии среди подростков является недостаточная осознанность и изученность особенностей собственного коммуникативного поведения. В первую очередь это проявляется в том, что подросток не способен объективно оценивать свою речь, пытаться корректировать или контролировать свое вербальное поведение. Неумение правильно выстраивать свое коммуникативное поведение связано и с тем, что подростка не обучают социально-приемлемым формам реагирования на фрустрацию и способам борьбы со стрессом, подбору оптимального выхода и разрешения конфликтных ситуаций, умению адекватно реагировать на проявление агрессивного поведения со стороны собеседника и избегать агрессию в собственном.

Ю.В. Щербина выделяет основные черты подростков, склонных к проявлению агрессии в коммуникативном поведении: такие учащиеся отличаются резкой сменой настроения (от активной общительности к полному игнорированию собеседника), высокой степенью тревожности (проявляется в физической активности в ходе урока), а также чувством страха и неуверенности в себе [13]. Стоит отметить, что агрессия выступает одним из основных способов решения проблем, связанных с сохранением индивидуальности, с защитой и отстаиванием личных границ, самооценки, усилением контроля над важным для подростка окружением [7].

А.А. Ушанова отмечает, что чем выше уровень проявления агрессии, тем ниже уровень адаптации к новому и малознакомому окружению. Это сопровождается неумением находить общий язык со сверстниками, трудностями в проявлении инициативы при общении с другими людьми. У подростков, склонных к проявлению агрессии, отмечается снижение уровня эмпатийности. Они не стремятся проявлять сочувствие и вникать во внутренний мир другого человека, в его чувства, мысли, ожидания, стремления, страхи, радости. Для них свойственна категоричность во мнении, когда не существует иной, противоположной, точки зрения. В ситуации спора ярко проявляется обида, мстительность, отсутствие

сопереживания и игнорирование чужих чувств и эмоций, отказ от следования общепринятых правил и норм [5].

Л.И. Бочанцева выделяет особенности коммуникативного поведения подростков со склонностью к агрессии:

–во-первых, это неумение пользоваться правилами этикета, игнорирование моральных и социальных норм, принятых в обществе;

–во-вторых, частое применение вербальной агрессии, которая усложняет способы построения общения с окружающими;

–в-третьих, неумение поддерживать уже устоявшиеся социальные контакты из-за склонности к агрессии;

–в-четвертых, несформированность знаний о методах убеждения других людей, частое применение различных форм грубости и унижения по отношению к собеседнику;

–в-пятых, неумение перестраивать свое коммуникативное поведение в различных ситуациях (непредвиденных, спонтанных), негибкость средств коммуникации;

–в-шестых, неумение располагать к себе людей (тем самым не вызывая доверия с их стороны) в силу отсутствия навыков гармоничного построения межличностных отношений с окружающими [1].

Проведенный обзор научных работ позволяет констатировать, что поведение обязательно определяется рядом норм и характеризуется как нормативное или ненормативное, а его становление происходит именно в подростковом возрасте. Склонность к агрессии, проявляемой подростками в межличностном общении, неизбежно приводит к формированию деструктивного коммуникативного поведения.

Все вышесказанное и определило цель нашего исследования – изучение личностных характеристик коммуникативного поведения подростков со склонностью к агрессии. Задачи исследования: изучить особенности нормативного коммуникативного поведения; определить личностные характеристики коммуникативного поведения подростков со склонностью к агрессии. Мы предположили, что коммуникативное поведение подростков со склонностью к агрессии характеризуется импульсивностью проявления эмоциональных реакций, сочетанием высоких значений цинизма и враждебности с крайне низкими значениями коммуникативной толерантности в процессе общения, низкой способностью к эмоциональному отклику.

Материалы и методы исследования. Эмпирическое исследование было проведено на базе двух общеобразовательных учреждений г. Тулы. В подготовительном этапе, предполагающем выявление подростков со склонностью к агрессии, приняли участие ученики девятого класса (15–16 лет) в количестве 87 человек (из них 49 девочек и 38 мальчиков). Родителям испытуемых была предложена экспресс-анкета «Признаки агрессивности». Анкетирование проводилось в режиме онлайн на сайте «Психологические тесты онлайн» (<https://psyttests.org/>). В результате в эмпирическую выборку вошли 63 подростка, у которых выявлен средний и высокий уровень агрессивности. В дальнейшем исследовании были использованы методики: шкала враждебности (У. Кук, Д. Медлей) для оценки уровня выраженности по шкалам цинизма, агрессивности и враждебности; методика диагностики потенциала коммуникативной импульсивности В.А. Лосенкова для выявления потенциала коммуникативной импульсивности личности; тест «Коммуникативные умения» (Л. Михельсон; перевод и адаптация Ю.З. Гильбуха) на определение уровня коммуникативной

компетентности; опросник «Диагностика коммуникативной толерантности» (В.В. Бойко) для изучения толерантных и интолерантных установок личности, проявляющихся в процессе межличностного взаимодействия; методика для исследования уровня эмпатии (И.М. Юсупов, Е.М. Никиреев).

Результаты и обсуждение. Применяв методику «Шкала враждебности» У. Кука – Д. Медлей, были получены данные о количестве испытуемых по шкалам цинизма, агрессивности и враждебности (Рис. 1, 2 и 3).

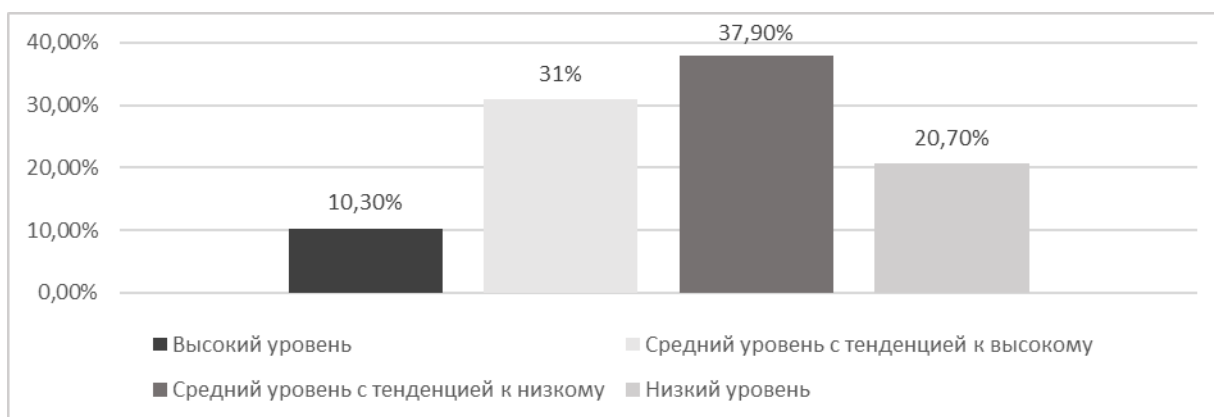

Рис. 1. Распределение испытуемых по уровням шкалы цинизма У. Кука – Д. Медлей

Результаты методики позволяют подтвердить соответствие состава эмпирической выборки цели нашего исследования по изучению особенностей коммуникативного поведения подростков со склонностью к агрессии.

По шкале цинизма у 10,3 % подростков выявлен высокий уровень данного показателя. Такие подростки бывают нетерпимы к мнению собеседника, потому как у них своя точка зрения; их не волнуют общепринятые нормы. У 31 % подростков был выявлен средний показатель с тенденцией к высокому. Полученные данные позволяют сделать вывод, что у большинства испытуемых высокий и средний с тенденцией к высокому уровни цинизма, что выражается в стремлении пренебрежительно и презрительно относиться к общепринятым нормам морали. Такое поведение чревато тем, что из-за отрицания существующих норм подросток не может полноценно строить отношения с окружающими его людьми: отсутствие чувства сострадания, стыда и сочувствия чаще всего неприятно собеседнику, поэтому люди могут отдаляться от такого человека.

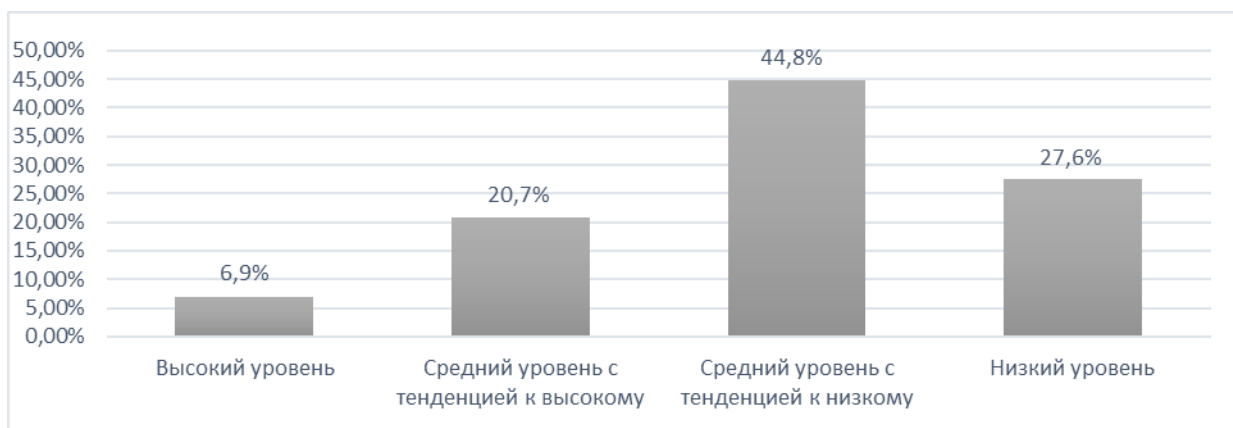

Рис. 2. Распределение испытуемых по уровням шкалы агрессивности У. Кука – Д. Медлей

По шкале агрессивности у 6,9 % подростков выявлен высокий уровень, т.е. такие подростки нередко обостряют конфликтные ситуации, стремясь к применению физической силы. У 20,7 % подростков был выявлен средний показатель с тенденцией к высокому. Полученные данные позволяют сделать вывод, что у четвертой части испытуемых преобладают средний с тенденцией к высокому и высокий уровни агрессивности. Это отрицательно сказывается не только на самом подростке, но и на его окружении: отсутствие самоконтроля способно разрушить уже имеющиеся отношения, а также осложнить выстраивание новых полноценных отношений. Склонность к агрессии приводит к деструктивному общению, наполненное конфликтными ситуациями.

По шкале враждебности у 3,4 % подростков выявлен высокий уровень по шкале враждебности (Рис.3).

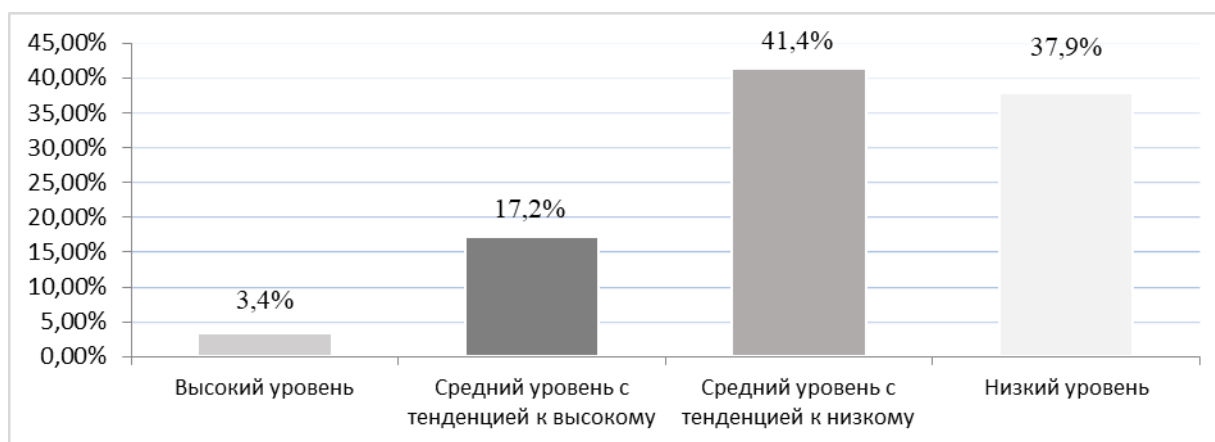

Рис. 3. Распределение испытуемых по уровням шкалы враждебности У. Кука – Д. Медлей

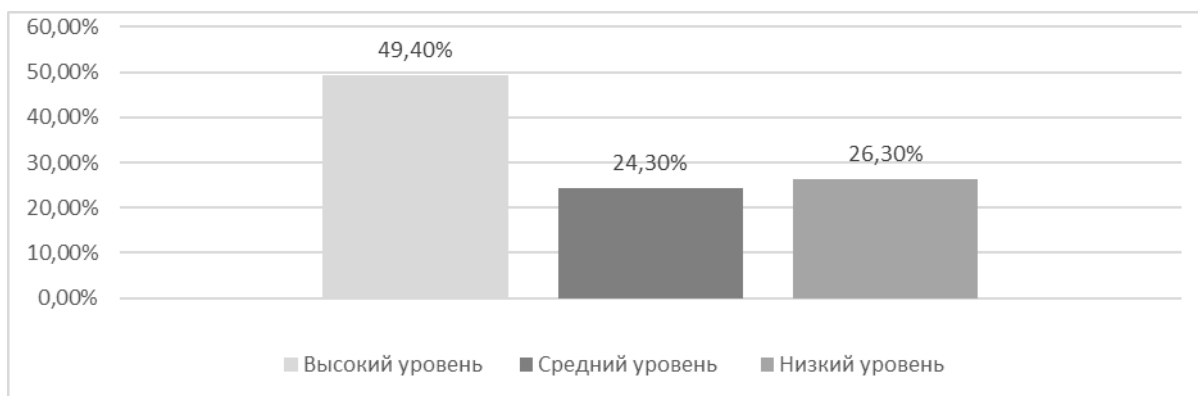
Подростки с высоким уровнем враждебности часто испытывают негативные эмоции по отношению к окружающим людям: злость, ненависть, раздражение, делают грубые замечания другим. У 17,2 % подростков был выявлен средний показатель с тенденцией к высокому.

Опираясь на результаты, можно заключить, что у меньшей части выражены средний с тенденцией к высокому и высокий уровни враждебности. Негативное восприятие окружающих людей может стать причиной возникновения проблем с выстраиванием коммуникации со сверстниками, педагогами и родителями. Это состояние обуславливается слабой силой воли, а также низким уровнем самоконтроля.

Для выявления потенциала коммуникативной импульсивности личности применялась методика В.А. Лосенкова. В психологии импульсивность рассматривается как особенность поведения человека, заключающаяся в склонности действовать по первому побуждению, под влиянием внешних обстоятельств или эмоций. Импульсивность проявляется в необдуманности слов, действий и поступков человека. У подростков импульсивность часто является следствием повышенной эмоциональной возбудимости, характерной для этого возраста. Результаты определения выраженности уровня импульсивности у подростков со склонностью к агрессии представлены на рисунке 4.

Анализ данных на рисунке 4 свидетельствует о том, что из числа респондентов эмпирической выборки преобладают подростки с высоким уровнем коммуникативной

импульсивности (49,4 %), средний уровень диагностирован у 24,3 % подростков,

низкий уровень выявлен у 26,3 % испытуемых.

Рис. 4. Распределение испытуемых по выраженности уровня импульсивности (по методике В.А. Лосенкова)

Высокий уровень импульсивности характеризует подростка с недостаточным самоконтролем в общении и деятельности. Импульсивность или склонность к слишком быстрым, необдуманным действиям проявляется как в повседневной жизни, так и в ситуации общения и деятельности. В любой ситуации у таких подростков импульсивность берет верх над рассудительностью и сдержанностью [12].

Тест коммуникативных умений Л. Михельсона (перевод и адаптация Ю.З. Гильбуха) предназначен для определения уровня коммуникативной компетентности и качества сформированности основных коммуникативных умений. В тесте предполагается некий эталонный вариант поведения, который соответствует компетентному, уверенному, партнерскому стилю. В случае неправильных ответов определяются стили некомпетентного поведения. Результаты исследования по выявлению стилей поведения в межличностном взаимодействии по тесту «Коммуникативные умения» Л. Михельсона можно представить на рисунке 5.

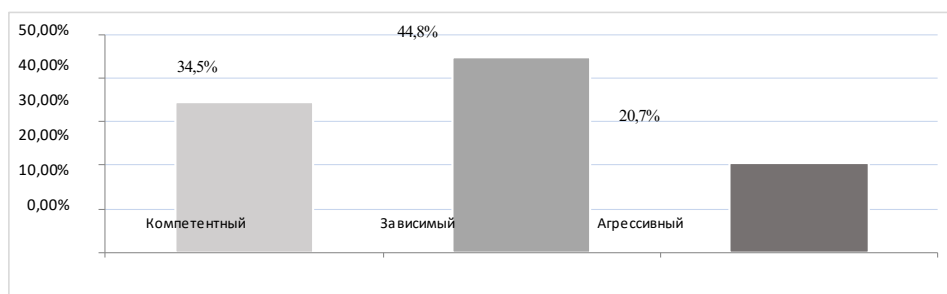

Рис. 5. Распределение испытуемых по стилям некомпетентного поведения в межличностном взаимодействии (методика Л. Михельсона)

Полученные данные показывают, что для 20,7 % испытуемых характерен агрессивный стиль поведения в межличностном общении. Подростки не способны реагировать на критику объективно; реагируют на провоцирующее поведение со стороны; им сложно вступать в диалог с другими людьми. Для 44,8 % испытуемых

характерен зависимый стиль поведения в межличностном общении – это выражается в пассивности, подчиняемости, внушаемости и конформизме.

Результаты исследования по выявлению уровня развития толерантных установок личности, которые проявляются в общении, по опроснику «Диагностика коммуникативной толерантности» В.В. Бойко представлены на рисунке 6.

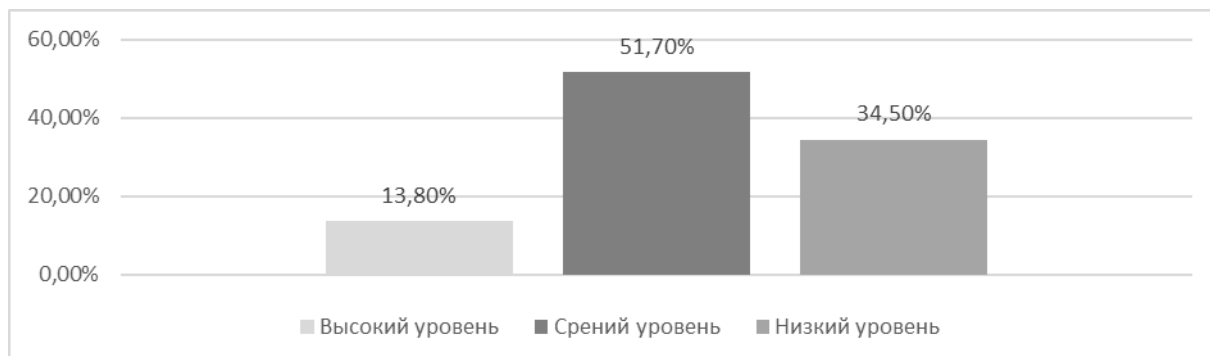

Рис. 6. Распределение испытуемых по уровням коммуникативной толерантности (по методике В.В. Бойко)

Проблема толерантной коммуникации особенно остро возникает в подростковом сообществе, особенно среди подростков со склонностью к агрессии. Показателями коммуникативной толерантности являются: уровень эмпатии, эмоциональная устойчивость, общительность, справедливость и склонность к компромиссу. Критерии оценки уровня сформированности коммуникативной толерантности выражаются в количественных и качественных характеристиках на низком, среднем и высоком уровнях [8]. В нашем исследовании низкий уровень толерантности в общении выявлен у 34,5 % респондентов – это более трети респондентов. Подростки не скрывают неприятных чувств, возникающих при взаимодействии с другим человеком; плохо приспосабливаются к характерам, привычкам собеседника.

Еще одной важной характеристикой нормативного коммуникативного поведения является эмпатия, способствующая сбалансированности межличностных отношений и социальной адекватности поведения человека [2]. Результаты методики И.М. Юсупова и Е.М. Никиреева по определению уровня эмпатии позволяют констатировать, что 34,5 % испытуемых характеризуются проявлением низкого уровня эмпатийности, а 13,8 % испытуемых демонстрируют очень низкий уровень эмпатийности (Рис.7).

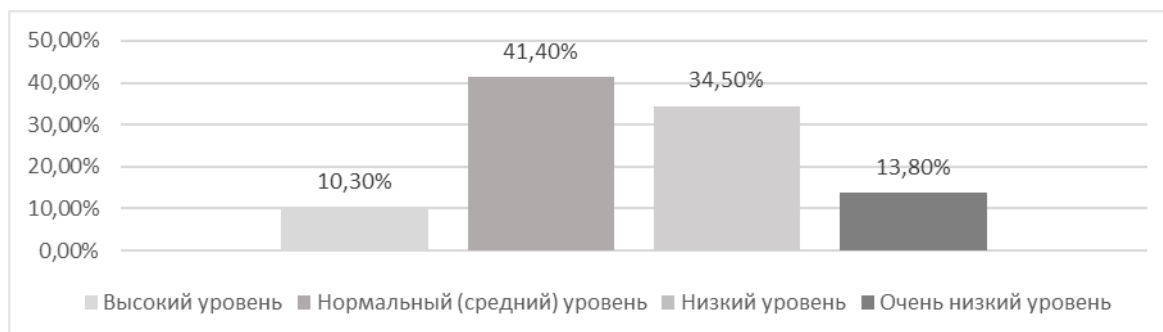

Рис. 7. Распределение испытуемых по уровням эмпатийности (по методике И.М. Юсупова и Е.М. Никиреева)

Человек с минимальным уровнем эмпатии не способен на сопереживание или сочувствие. Эмоциональный фон при низком уровне эмпатии находится на критически низком уровне, поэтому человек может проявлять нетерпимость и даже агрессию по отношению к другому.

Таким образом, анализ полученных данных позволяет сделать вывод о том, что в большей степени (58,6%) выборка по разным показателям отражает склонность к агрессии: низкий уровень эмпатии, толерантности, высокие и средние с тенденцией к высокому показателю по цинизму, агрессивности и враждебности.

Заключение. Одним из важнейших условий эффективного управления поведением является коммуникация, так как она выполняет ведущую роль в развитии и становлении личности. Проблема формирования коммуникативного поведения в онтогенезе является наиболее актуальной. Нормы коммуникативного поведения отражают, прежде всего, индивидуальную культуру, личностные качества и коммуникативный опыт индивида.

Актуальной проблемой подросткового возраста является развитие коммуникативной компетентности. Оказываясь в ситуации социального взаимодействия, подросток нередко демонстрирует ненормативные формы поведения, иными словами, нарушает социальную норму. Некоторые формы ненормативного поведения в ситуации социального взаимодействия, например, проявление агрессии, носят устойчивый характер.

Проведенное исследование позволяет констатировать, что коммуникативное поведение подростков со склонностью к агрессии определяется во многом личностными качествами самих подростков – импульсивностью проявления эмоциональных реакций, сочетанием высоких значений цинизма и враждебности с крайне низкими значениями коммуникативной толерантности в процессе общения, низкой способностью к эмоциональному отклику.

Беря во внимание тот факт, что у более 40% испытуемых показатели личностных качеств, характеризующих коммуникативное поведение, соответствуют норме, можно сделать вывод о присутствии в личности и поведении подростков проявлений негативной и позитивной агрессии, т.е. агрессивное поведение подростков может быть не связано с намерением обиды или оскорбления.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бочанцева Л.И. Влияние социально-психологического тренинга на развитие коммуникативных способностей старшеклассников с агрессивным поведением / Л.И. Бочанцева // Проблемы современного образования. – 2018. – № 3. – С. 68–79.
2. Елеференко И.О. Эмпатия как основание коммуникации / И.О. Елеференко // Культурная жизнь Юга России. – 2010. – № 4 (38). – С. 33–36.
3. Ковалев Л.Г. Психология личности подростка / Л.Г. Ковалев. – М. : Владос, 2008. – 322 с.
4. Корнеева А.В. Коммуникативное поведение и коммуникативное сознание как механизмы межкультурного взаимодействия / А.В. Корнеева // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2017. – Т. 15. – № 4. – С. 78–86.
5. Меньшикова Т.И. Специфика агрессивного поведения подростков / Т.И. Меньшикова // Вестник Таганрогского института имени А.П. Чехова. – 2017. – № 3. – С. 106–114.
6. Мякотина Т.А. Особенности коммуникативного поведения учащихся 7-х классов / Т.А. Мякотина // Вестник Таганрогского института имени А.П. Чехова. – 2013. – № 2. – С. 40–46.
7. Науменко М.В. Взаимосвязь форм агрессии с коммуникативными способностями подростков-спортсменов / М.В. Науменко // Интернет-журнал «Мир науки». – 2018. – Т. 6. – № 5. – С. 1–9.
8. Русакова С.В. Сущностные характеристики коммуникативной толерантности: происхождение понятия / С.В. Русакова // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова.

Сер.: 202 Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика. – 2013. – Т. 19. – № 1. – С. 10–13.

9. Самосват О.И. Значимость социального одобрения для подростков в условиях социальных сетей / О.И. Самосват, А.И. Ахметзянова // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. – 2016. – № 7. – С. 181–189.

10. Стернин И.А. Теоретические проблемы описания коммуникативного поведения / И.А. Стернин, У.Д. Камбаралиева // Коммуникативные исследования. – 2018. – № 2(16). – С. 20–34.

11. Стернина М.А. Исследования коммуникативного поведения в трудах И.А. Стернина / М.А. Стернина // Коммуникативные исследования. – 2022. – Т. 9. – № 3. – С. 517–528.

12. Федяева М.В. Исследование коммуникативных свойств личности в подростковом возрасте / М.В. Федяева, Н.И. Волчкова // Психология, социология и педагогика. – 2012. – № 6 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://psychology.snauka.ru/2012/06/834> (дата обращения: 15.05.2024).

13. Щербинина Ю.В. Вербальная агрессия в школьной речевой среде / Ю.В. Щербинина. – Дис. ... канд. пед. наук. – М., 2001. – 300 с.

REFERENCES

1. Bochantseva L.I. (2018). Vliyanie sotsial'no-psikhologicheskogo treninga na razvitie kommunikativnykh sposobnostei starsheklassnikov s agressivnym povedeniem [The influence of socio-psychological training on the development of communicative abilities of high school students with aggressive behaviour] in Problemy` sovremennogo obrazovaniya [Problems of Modern Education], 3, 68–79 (In Russian)

2. Eleferenko I.O. (2010). Empatiya kak osnovanie kommunikatsii [Empathy as the basis of communication] in Kul'turnaya zhizn` Yuga Rossii [Cultural life of the South of Russia], 4(38), 33–36 (In Russian)

3. Kovalev L.G. (2008). Psikhologiya lichnosti podrostantka [Psychology of the personality of a teenager] (322 p). Moscow : Vlos. (In Russian)

4. Korneeva A.V. (2017). Kommunikativnoe povedenie i kommunikativnoe soznanie kak mekhanizmy mezhkul'turnogo vzaimodeistviya [Communicative behaviour and communicative consciousness as mechanisms of intercultural interaction] in Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya [Bulletin of Novosibirsk State University. Series: Linguistics and intercultural communication], 15(4), 78–86 (In Russian)

5. Men'shikova T.I. (2017). Spetsifika agressivnogo povedeniya podrostantkov [Specifics of aggressive behaviour of adolescents] in Vestnik Taganrogskogo instituta imeni A.P. Chexova [Bulletin of A.P. Chekhov Taganrog Institute], 3, 106–114 (In Russian)

6. Myakotina T.A. (2013). Osobennosti kommunikativnogo povedeniya uchashchikhsya 7-kh klassov [Features of communicative behaviour of 7th grade students] in Vestnik Taganrogskogo instituta imeni A.P. Chexova [Bulletin of A.P. Chekhov Taganrog Institute], 2, 40–46 (In Russian)

7. Naumenko M.V. (2018). Vzaimosvyaz' form agressii s kommunikativnymi sposobnostyami podrostantkov-sportsmenov [Relationship between the forms of aggression and communicative abilities of teenage athletes] in Internet-zhurnal «Mir nauki» [Internet journal "World of Science"], 6 (5), 1–9 (In Russian)

8. Rusakova S.V. (2013). Sushchnostnye kharakteristiki kommunikativnoi tolerantsnosti: proiskhozhdenie ponyatiya [Essential characteristics of communicative tolerance: the origin of the concept] in Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.A. Nekrasova. Ser.: 202 Pedagogika. Psixologiya. Social'naya rabota. Yuvenologiya. Sociokinetika [Bulletin of N.A. Nekrasov Kostroma State University. Ser.: 202 Pedagogy. Psychology. Social work. Juvenology. Sociokinetics], 19(1), 10–13 (In Russian)

9. Samosvat O.I., Akhmetzyanova A.I. (2016). Znachimost' sotsial'nogo odobreniya dlya podrostantkov v usloviyakh sotsial'nykh setei [Significance of social approval for teenagers in the conditions of social networks] in Voprosy journalistiki, pedagogics, linguistics [Issues of journalism, pedagogy, linguistics], 7, 181–189. (In Russian)

10. Sternin I.A., Kambaraliev U.D. (2018). Teoreticheskie problemy opisaniya kommunikativnogo povedeniya [Theoretical problems of describing communicative behaviour] in Kommunikativnye issledovaniya [Communicative Studies], 2(16), 20–34. (In Russian)

11. Sternina M.A. (2022). Issledovaniya kommunikativnogo povedeniya v trudakh I.A. Sternina [Studies of communicative behaviour in the works of I.A. Sternin] in Kommunikativnye issledovaniya [Communicative Studies], 9(3), 517–528 (In Russian)

12. Fedyaeva M.V., Volchkova N.I. (2012). Issledovanie kommunikativnykh svoistv lichnosti v podrostantkovom vozraste [Research of communicative properties of personality in adolescence] in Psixologiya, sociologiya i pedagogika [Psychology, Sociology and Pedagogy], 6. (In Russian)

13. Shcherbinina Yu.V. (2001). Verbal'naya agressiya v shkol'noi rechevoi srede [Verbal aggression in school speech environment] (Dissertation ... Cand. ped. sciences). – Moscow (In Russian)

PERSONALITY CHARACTERISTICS OF COMMUNICATIVE BEHAVIOUR OF ADOLESCENTS WITH TENDENCY TO AGGRESSION

T.I. Kulikova

Different issues related to communicative behaviour are considered to be very important in psychology today. At present, the studies of peculiarities of normative communicative behaviour in adolescence come to the foreground in psychological science. It is accounted for by the fact that it is at this age that certain personal qualities and features manifest themselves. Among them are increased emotionality and impulsiveness, intolerance and aggressiveness. The tendency to aggression, shown by adolescents in interpersonal communication, inevitably leads to the formation of destructive communicative behaviour. The purpose of the research was to study personal characteristics of communicative behaviour of adolescents with a tendency to aggression. Eighty seven 15-16 year old ninth grade students (49 girls and 38 boys) from two general education institutions of Tula took part in the empirical study. A scale of hostility, a technique for diagnosing the potential of communicative impulsiveness, a test to determine communicative skills, a questionnaire of communicative tolerance, and a technique to study the level of empathy were used as a diagnostic material. The results obtained enable to state, that the communicative behaviour of adolescents with a tendency to aggression is largely determined by the personal qualities of the adolescents themselves, among them is impulsiveness of emotional reactions, a combination of high values of cynicism and hostility with extremely low values of communicative tolerance in the process of communication, low ability to emotional response.

Key words: communicative behaviour, adolescents, personality traits, propensity to aggression.

Поступила в редакцию 26.06.2024 г.

Куликова Татьяна Ивановна.

Кандидат психологических наук, доцент.
Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого, Россия, г. Тула.
Доцент кафедры специальной психологии, дефектологии и социальной работы.
ORCID 0000-0001-8655-1599.
E-mail: tativkul@gmail.com.

Kulikova Tatiana Ivanovna.

Candidate of Philology, Associate Professor.
Tula State Pedagogical University named after L.N. Tolstoy, Russia, Tula.
Associate Professor at Department of Special Psychology, Defectology and Social Work.
ORCID 0000-0001-8655-1599.
E-mail: tativkul@gmail.com.

Научная статья

УДК 159.9

DOI: 10.5281/zenodo.13998575

ЛИЧНОСТНЫЕ И СИТУАЦИОННЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПАТРИОТИЗМА РОССИЙСКОГО ПОТРЕБИТЕЛЯ

© 2024 М.Ю. Рогозина¹, М.В. Першина²

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донецкий государственный университет»

ORCID¹ 0009-0002-9398-3482

ORCID² 0009-0006-0048-6698

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru>

В работе рассматриваются личностные и ситуационные детерминанты экономического патриотизма российского потребителя. Актуальность работы обусловлена необходимостью формирования у потребителя системы экономических ценностей, способствующих развитию экономики России в ситуации внешнеполитического давления и экономических санкций. В процессе исследования применялись различные методы и приемы: теоретические (анализ и синтез), психодиагностические (методики для определения патриотизма, смысловых ориентаций, личностные опросники), интерпретационные (методы математической статистики, контент-анализ, корреляционный анализ). Сделаны выводы о том, что личностными детерминантами формирования экономического патриотизма российского потребителя являются ценностно-смысловые ориентации, направленные на широту взглядов, высокую степень целеполагания, уверенность в своих силах; актуальные межличностные потребности, а к ситуационным детерминантам можно отнести регион проживания и сферу занятости личности.

Ключевые слова: патриотизм, экономический патриотизм, российский потребитель, личностные детерминанты, ситуационные детерминанты

Для цитирования: Рогозина М.Ю. Личностные и ситуационные детерминанты экономического патриотизма российского потребителя / М.Ю. Рогозина, М.В. Першина // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. – 2024. – № 4. – С. 201–211. – <https://doi.org/10.5281/zenodo.13998575>.

Введение. Актуальность изучения экономического патриотизма обуславливается экономической ситуацией в России и мире. Введенные против России санкции в сочетании с торгово-экономической блокадой позволяют говорить о необходимости формирования определенной системы экономических ценностей у каждого россиянина. Экономический патриотизм может оказывать существенное влияние на экономику конкретного государства. Граждане, проникнутые экономическим патриотизмом, склонны выбирать отечественные товары и услуги, что способствует созданию дополнительных рабочих мест, развитию отечественного производства и экономики в целом, укреплению национальной безопасности и стимулированию экономического роста [2].

Формирование экономического патриотизма следует изучать с применением системного подхода, чтобы сделать этот процесс предметом изучения не только экономической науки, но других отраслей научного знания, в частности, педагогики и психологии.

Феномен патриотизма изучается в различных гуманитарных науках, что вызывает сложности его четкого определения. Данный феномен рассматривается в философии,

социологии, истории, политических науках, педагогике, социальной психологии, культурологии, психологии личности, филологии как социальное, историческое и духовное явление, кроме того, патриотизму уделяется значительное внимание в политической жизни, художественной литературе, публицистике, религии, искусстве и т.д. В целом патриотизм рассматривается как идея, идеология, групповая идентификация личности, как объект или проявление личного переживания, как ценность общества и ценностная ориентация личности.

В современной психологии патриотизм рассматривается с позиций нескольких подходов: как нравственное качество личности (Б.С. Братусь, В.В. Гонева, О.А. Журавлева, Г.О. Флоровский и др.); как личностная и социальная ценность (В.Г. Алексеева, О.А. Журавлев, У.Л. Колб, В.И. Руденко и др.); как ценностно-смысловое образование (А.Г. Асмолов, А.В. Битюева, Л.Е. Душацкий, Д.А. Леонтьев и др.); как направленность личности (А.И. Агеев, И.М. Бровер, В.А. Быков, А.В. Голубев, С.Т. Смольков, М.О. Шкарата и др.); как потребность и мотив (Р.Р. Бибрих, И.А. Васильева, Л.Е. Душацкий, С.Б. Каверин, В.Л. Позняков и др.); как отношение (Л.И. Божович, Н.И. Ильин, Н.А. Левина, В.Н. Косырев, М.И. Старов и др.).

Патриотизм – это чувство преданности и привязанности человека к своей родине, его готовность отдать свои силы, способности для защиты ее интересов, свободы и независимости [8]. Большинство исследователей относят патриотическую эмоцию к сфере позитивных, конструктивных, созидательных эмоций – сфере любви, красоты, нравственности, а не ненависти, подозрительности, страха, цинизма, жестокости, которая основывается на рационалистичном понимании долга – знании человеком того, что он делать должен, а что не должен [4].

Д.Т. Жовтун отмечает, что патриотизм проявляется в единстве личности и социальной системы, то есть в социальной солидарности, включающей все уровни солидарности между личностью и институтами, личностью и государством, межличностной солидарности. Автор подчеркивает, что такая солидарность (патриотизм) достигается лишь при устойчивой системе социальных ценностей и не является явлением постоянным. В обществе может быть нарушен ценностный механизм достижения социальной солидарности с развитием массового нигилизма в отношении социальных ценностей, что может приводить к исчезновению патриотизма. Исследователь отмечает, что все российские реформы (начиная с Петра I) обязательно включали в себя период массового ценностного нигилизма, что приводило к негативными для патриотического сознания последствиям.

Несмотря на то, что в своих истоках понятие «патриотизм» увязывается прежде всего с термином «отечество», одним из вариантов его развития стал феномен экономического патриотизма, к анализу которого обратились только в XXI в. Под экономическим патриотизмом понимают стремление защитить национального производителя, предпочесть отечественные товары импортным (Вербицкая Н.О., Оринина Л.В) [1; 11]. Как отмечают авторы, экономический патриотизм – это осознанное, основанное на личных убеждениях отношение человека к окружающей реальности, в основе которого лежит стремление к защите и продвижению экономических интересов своего социума, а также поведение личности, соответствующее этому отношению. Экономический патриотизм можно рассматривать с двух сторон: экономический патриотизм производителя и экономический патриотизм потребителя. В дальнейшем в данной работе мы будем рассматривать именно экономический патриотизм потребителя.

В психологии экономической патриотизм рассматривается в контексте существования взаимосвязи между психологическими факторами и экономическим поведением граждан в отношении экономики своей страны. В процессе изучения феномена экономического патриотизма потребителей в современных исследованиях доказана и проанализирована его связь с психологическими факторами, такими как ценностно-смысловая сфера личности, актуальные потребности, лояльность, идентичность, чувство обязанности и страх потери, так как данные факторы могут влиять на решения потребителей и их участие в экономической жизни своей страны [2; 9; 10; 15].

Л.В. Ориной и Е.А. Овсянниковой была предложена структурная модель экономического патриотизма, которая состоит из когнитивного, рефлексивно-оценочного, мотивационного и деятельностного компонентов [12]. Когнитивный компонент предполагает наличие у человека информации об экономической ситуации в государстве, позитивного экономического мышления и экономической грамотности, интереса к экономическим событиям. По мнению авторов, экономическая грамотность и экономическое мышление – это понимание личностью сущности экономических законов, процессов и явлений в рамках экономической системы государства, способность анализировать экономические процессы, владеть основами хозяйственной деятельности.

Рефлексивно-оценочный компонент представляет собой совокупность таких психологических составляющих, как вера в свою страну, ее позитивное экономическое и политическое будущее; толерантность к временным кризисам, в том числе экономическим; высокий уровень адаптированности к стрессовым факторам, связанным с экономическим благополучием.

Мотивационный компонент экономического патриотизма проявляется в сформированных у человека мотивах и намерениях, связанных с ориентацией на отечественного производителя и продукцию, наличии системы ценностей, связанных с поддержкой отечественных производителей товаров и услуг, убеждение в экономически благоприятном будущем государства. Е.Ю. Новикова отмечает, что экономический патриотизм связан с развитием у личности следующих ценностей: осознание своей принадлежности к гражданской общности; отождествление себя с гражданами государства; наличие чувства общности, подкрепляющего образ «мы», чувство солидарности; понимание ответственности за экономику государства; ценности, характеризующие привязанность к стране [14].

Деятельностный компонент экономического патриотизма проявляется в выборе личностью поведенческих стратегий, связанных с поддержкой отечественного предпринимательства.

В современных исследованиях, посвященных рассмотрению феномена экономического патриотизма, встречаются только отдельные упоминания о факторах, способствующих формированию такого вида патриотизма у личности. К ним относят: ценности и смысло-жизненные ориентации, формируемые в процессе семейного воспитания; включенность в образовательные институты; социальную среду, в которой развивается человек; СМИ и коммуникации, включая телевидение, радио, интернет и социальные сети; историческое и культурное наследие страны; экономическое развитие и благосостояние как государства в целом, так и конкретного человека. Эти факторы имеют различную природу, взаимодействуют между собой и могут различаться в зависимости от культурных, исторических и социальных особенностей каждого общества. Поэтому проблема изучения детерминант экономического патриотизма современного российского потребителя является достаточно актуальной.

Цель данной работы состоит в изучении личностных и ситуационных детерминант экономического патриотизма российского потребителя.

В психологических исследованиях под детерминантами понимают факторы, влияющие на формирование личности. В.В. Казаневская отмечает, что детерминация любого объекта или явления может быть рассмотрена на его различных уровнях и в более или менее обобщенном виде, при этом могут быть использованы различные методологические принципы или приемы [6]. В ходе исследования мы предполагали, что внутриспихическая и социальная детерминация формирования экономического патриотизма личности может быть доказана путем выявления различий в характеристиках компонентов экономического патриотизма у людей с высоким и низким уровнем его сформированности, а также в существовании связи между характеристиками отдельных компонентов экономического патриотизма личности и определенными личностными и ситуационными детерминантами.

К изучаемым личностным детерминантам экономического патриотизма были отнесены особенности ценностно-смысловой сферы личности, отдельные психологические особенности и актуальные потребности потребителей. Ситуационные детерминанты – это факторы, которые определяют поведение в зависимости от информации о текущей ситуации. Анализ работы А.Д. Карнышева позволяет предположить, что к ситуационным детерминантам экономического патриотизма могут относиться регион проживания и сфера занятости потребителя [7].

Основная часть. В настоящем исследовании приняли участие 62 человека (45 женщин и 17 мужчин), возраст которых 20–58 лет. Территориально испытуемые проживали в Ростовской, Тульской, Московской областях, в Чувашской Республике и Донецкой Народной Республике. Испытуемые имели различные сферы занятости: государственные предприятия, самозанятость, частное предпринимательство и небюджетные организации.

В ходе исследования применялись следующие психодиагностические методики: для исследования ценностно-смысловой сферы испытуемых использовалась методика «Ценностные ориентации» М. Рокича и тест «Смыслжизненные ориентации» Д.А. Леонтьева; для исследования актуальных потребностей испытуемых применялся тест в модификации И.А. Акиндиновой «Диагностика степени удовлетворения основных потребностей»; для исследования личностных особенностей испытуемых был взят «Пятифакторный личностный опросник» Р. МакКрае, П. Коста.

Для выявления уровня экономического патриотизма испытуемых использовались следующие методики: опросник «Патриограмма» С.И. Кудинова, А.В. Потемкина, методика измерения этноцентризма М.Г. Стадникова, авторская анкета «Экономический патриотизм». Авторская анкета «Экономический патриотизм» предназначалась для выявления представлений и склонности к проявлению экономического патриотизма среди испытуемых. Испытуемым было предложено ответить на 11 вопросов анкеты. Данные анкеты обрабатывались в баллах согласно ключу, а также методом контент-анализа.

Апробация авторской анкеты проводилась согласно процедуре апробации Д.В. Каунина, Т.П. Васильева, С.В. Русских. Согласно данной процедуре апробации, внутренняя согласованность вопросов анкеты измерялась α -коэффициентом Кронбаха. α -коэффициент Кронбаха для авторской анкеты «Экономический патриотизм» составил 0,787, что соответствует приемлемому результату ($0,6 \leq \alpha < 0,7$).

Также результаты авторской анкеты «Экономический патриотизм» использовались в корреляционном анализе с данными методики С.И. Кудинова,

А.В. Потемкина «Патриограмма». В методике «Патриограмма» рассматривались шкалы, которые соответствуют компонентам экономического патриотизма из модели Н.О. Вербицкой – Л.В. Ориной. В результате анализа были выявлены значимые положительные связи склонности к проявлению экономического патриотизма с когнитивным компонентом, а именно с осмысленностью ($r = 0,512$, $p \leq 0,01$) и осведомленностью ($r = 0,679$, $p \leq 0,01$); с рефлексивно-оценочным компонентом, а именно со стеничностью ($r = 0,678$, $p \leq 0,01$); а также с мотивационным компонентом, а именно с эгоцентризмом ($r = 0,631$, $p \leq 0,01$) и социцентризмом ($r = 0,534$, $p \leq 0,01$).

Таким образом, авторская анкета «Экономический патриотизм» удовлетворяет стандартным требованиям методик. Проведенная апробация и последующая валидизация разработанной данной анкеты позволили определить уровень склонности к проявлению экономического патриотизма среди российских потребителей.

На основании полученных данных выборка была разделена на две группы: первую выборку, с выраженным экономическим патриотизмом, составили 28 человек, которые имели высокий уровень склонности к проявлению экономического патриотизма по результатам авторской анкеты «Экономический патриотизм» в сочетании с высоким уровнем когнитивного, рефлексивно-оценочного, а также мотивационного компонентов экономического патриотизма (методика «Патриограмма» С.И. Кудинова, А.В. Потемкина) и средним или высокими уровнем этноцентризма (методика М.Г. Стадникова).

Вторую выборку, без выраженного экономического патриотизма, составили 34 человека. Испытуемые данной группы имели средний и низкий уровень склонности к проявлению экономического патриотизма по результатам авторской анкеты «Экономический патриотизм», низкий уровень когнитивного, рефлексивно-оценочного, а также мотивационного компонентов экономического патриотизма, с низкие показатели этноцентризма. С целью проверки достоверности полученных различий использовался U-критерий Манна-Уитни, были выявлены значимые различия всех перечисленных показателей ($p \leq 0,01$).

Одной из задач исследования было выявление различий в компонентах экономического патриотизма у людей с разным уровнем его развития. Особенности проявления когнитивного компонента экономического патриотизма в двух группах проявлялись в следующем: испытуемые с высоким уровнем экономического патриотизма обладали информацией и системой компетенций относительно экономической ситуации в стране, а также высоким уровнем экономической культуры и позитивным экономическим мышлением, высоким уровнем познавательного (когнитивного) интереса к экономическим и социально-политическим событиям своей страны.

Особенности когнитивного компонента испытуемых без выявленного экономического патриотизма выражались в недостаточных навыках вычленения и систематизации информационного потока, что не способствовало принятию соответствующих решений в пользу поддержки отечественных производителей.

Исходя из данных контент-анализа, можем сделать вывод о том, что потребителям, склонным проявлять экономический патриотизм, импонирует ценовая политика производимых в стране товаров и услуг, их качество, потребители данной категории испытывают гордость за экономическую деятельность своего государства. Ценовую политику зарубежного производителя они оценивают, как несколько завышенную, отмечают дефицит деталей в случае поломки, при этом они отмечают в качестве положительной характеристики внимательность к деталям зарубежного производителя и приятное оформление упаковки.

Потребители, не склонные проявлять экономический патриотизм, относят отечественные товары в категорию товаров для бедных слоев населения, при этом отмечают как низкое качество деталей, так и недостаточную прочность товаров, отмечают оправданность ценовой политики зарубежных товаров и услуг, хорошее качество, упоминают байеров и службу доставки СДЭК как способ получить зарубежные товары в новых экономико-политических условиях.

В характеристиках когнитивного компонента патриотизма в исследуемых группах были выявлены статистически значимые различия. Существование различий в показателях потребностной сферы испытуемых может объясняться именно наличием либо отсутствием у человека определенных знаний. Различия в показателях потребности в безопасности ($U = 302,5$, $p \leq 0,01$) и материальных потребностях ($U = 426$, $p \leq 0,05$) в исследуемых группах могут быть обусловлены условиями быстро трансформируемой реальности существования человечества на данном историческом этапе, в таких условиях чем больше человек осведомлен, тем более он хочет себя обезопасить. Выявленные значимые различия в показателях экстраверсии-интроверсии ($U = 315,5$, $p \leq 0,05$) могут быть связаны с тем, что испытуемые с выраженным экономическим патриотизмом не склонны действовать импульсивно, зная исторические истоки своей родины, они подвергают окружающие события осмыслению и поэтому могут много времени уделять образованию и работе.

Особенности проявления рефлексивно-оценочного компонента экономического патриотизма в исследуемых группах: в группе испытуемых с выявленным экономическим патриотизмом данный компонент проявляется в наполненности человека верой в свою страну, толерантностью к временным кризисам, в том числе экономического характера; достаточным уровнем адаптивности к стрессовым факторам жизни; в группе без выявленного экономического патриотизма отмечалось отсутствие толерантности к временным кризисам, а также некоторый негативизм относительно своего будущего и будущего своих сограждан.

Выявленные значимые различия исследуемых групп по показателям целей жизни ($U = 4$, $p \leq 0,01$), локус контроля-Я ($U = 2,5$, $p \leq 0,01$) и локус контроля-Жизнь ($U = 2$, $p \leq 0,01$) и результативность ($U = 170,5$, $p \leq 0,01$) характеризуют рефлексивно-оценочный компонент экономического патриотизма, который проявляется в наполненности человека верой в свою страну, толерантностью к временным кризисам, в том числе экономического характера; достаточным уровнем адаптивности к стрессовым факторам жизни.

Особенности проявления мотивационного компонента экономического патриотизма в двух группах состояли в следующем. В группе с выявленным экономическим патриотизмом у испытуемых существует выстроенная система ценностей и в итоге мировоззренческая позиция, включающая в себя принципы, связанные с поддержкой отечественных производителей товаров и услуг, убеждение в экономически благоприятном будущем страны, а следовательно, и своем личном благополучии внутри страны. В группе испытуемых без выявленного экономического патриотизма данный компонент проявляется в неблагоприятном расценивании возможностей для преодоления экономического кризиса и сомнения в том, что своя страна может стать экономически процветающей державой.

Анализируя ценностную сферу испытуемых, можно сделать вывод о том, что испытуемые двух групп на первые места при ранжировании поставили общечеловеческие, гуманистические ценности, однако при этом испытуемые с выраженным экономическим патриотизмом среди значимых ценностей выделяют ответственность и широту взглядов

($U = 232$, $p \leq 0,01$), это может быть обусловлено историко-экономической рефлексией личности, испытуемые данной группы ответственные люди, которые ценят широту взглядов, стремятся разобраться в причинно-следственных исторических связях, влияющих на экономическое положение своей страны.

Особенности проявления деятельностного компонента экономического патриотизма в двух группах можно охарактеризовать следующим образом. В группе с выявленным экономическим патриотизмом данный компонент проявляется в выборе человеком поведенческих стратегий, связанных с поддержкой отечественных производителей товаров и услуг, а также активном участии в экономической жизни страны. Потребители данной категории считают, что их страна достигает успехов в экономической сфере и обеспечивает своим гражданам комфортную жизнь. В группе без выявленного экономического патриотизма данный компонент проявляется в творческом приспособлении российских потребителей к новым экономическим реалиям, когда некоторые привычные зарубежные товары и услуги оказались недоступны. Потребители данной группы предпочли бы приобрести зарубежные товары и услуги, однако в условиях санкций им приходится приобретать отечественную продукцию или искать частных поставщиков зарубежных товаров. Приоритет не отдается продукции и услугам, произведенным внутри страны.

Выявленные значимые различия в показателях привязанности-обособленности ($U = 123$, $p \leq 0,01$) могут быть связаны со сформированностью деятельностного компонента экономического патриотизма. Так, люди с высокой степенью сформированности данного компонента, поддерживают коллективные мероприятия и чувствуют ответственность за общее дело, добросовестно и ответственно выполняют взятые на себя поручения, что может способствовать экономическому благосостоянию общества.

Так как формирование экономического патриотизма – сложный процесс, на который могут оказывать влияние различные факторы, был применен корреляционный анализ для выявления связи между компонентами экономического патриотизма и отдельными личностными особенностями российских потребителей. На основании проведенного корреляционного анализа можем говорить о существовании значимых связей личностных факторов (экстраверсия-интроверсия, привязанность-обособленность, самоконтроль-импульсивность, экспрессивность-практичность), ценностно-смысловожизненных ориентаций (активная деятельная жизнь, широта взглядов, честность, цели в жизни, процесс жизни, результативность жизни, локус контроля-Я, локус контроля -Жизнь), актуальных потребностей (материальные, потребность в безопасности, признании, самовыражении, социальные и межличностные потребности) со всеми компонентами экономического патриотизма (когнитивным, рефлексивно-оценочным, мотивационным, деятельностным).

Анализируя ситуационные детерминанты экономического патриотизма российских потребителей, можно сделать следующие обобщения. Наиболее высокий уровень экономического патриотизма, определяемый при помощи методик, обозначенных выше, отмечен у потребителей – испытуемых, проживающих в центральных районах России (Московская и Тульская области), наименьший – у испытуемых, проживающих в Чувашской Республике. Подобные результаты, по-видимому, связаны с различным уровнем доходов в этих регионах. Сущность данной связи отражена в работе А.Д. Карнышева, который отмечает, что наличие незначительной собственности или полное ее отсутствие ведет к отсутствию привязанности человека к месту проживания и снижает его региональный

экономический патриотизм, а владение относительно «нормальным» уровнем недвижимости и денежных средств позитивно влияет на привязанность к месту проживания и повышает уровень экономического патриотизма [7].

Интересно отметить, что у потребителей исследуемой выборки, проживающих в Донецкой Народной Республике, уровень экономического патриотизма только немного ниже, чем у жителей центральных регионов. Данный факт может объясняться тем, что сам феномен патриотизма в целом и экономического, как его частного варианта, тесно связан с осознанием личностью гражданской идентичности. Для жителей Донецкой Народной Республики в настоящее время осознание своей принадлежности и идентичности с Российской Федерацией являются значимой ценностью, что приводит к повышению уровня их общего и экономического патриотизма.

Таким образом, регион проживания с его особенными экономическими, этническими и политическими характеристиками может быть ситуационной детерминантой экономического патриотизма потребителя.

Следующей ситуационной детерминантой, которая рассматривалась в нашем исследовании, была сфера занятости потребителя. Было доказано, что испытуемые, имеющие наибольшие показатели сформированности компонентов экономического патриотизма, работают на государственных предприятиях различной направленности либо являются самозанятыми, а наименьшим экономическим патриотизмом обладают потребители, которые задействованы на негосударственных предприятиях (IT-сфера, «бьюти» сфера, СММ, маркетинговая сфера). Возможно, такие различия объясняются тем, что экономический патриотизм отражает степень соотношения интересов личности и государства, а в случае занятости на государственных предприятиях эти интересы совпадают.

Заключение. Таким образом, в данной работе была сделана попытка выявить личностные и ситуационные детерминанты экономического патриотизма. Формирование экономического патриотизма у российского потребителя возможно при определенных личностных детерминантах, к которым можно отнести: отдельные черты личности (привязанность, самоконтроль, экспрессивность, этноцентризм); ценностно-смысловые ориентации (направленные на активную деятельную жизнь, широту взглядов, честность, на процесс жизни, результативность жизни, локус контроля-Я и локус контроля-Жизнь), актуальные потребности (материальные, потребность в безопасности, признании, самовыражении, социальные и межличностные потребности); а также при определенных ситуационных детерминантах, к которым относятся регион проживания, государственная сфера занятости и самозанятость российских потребителей. Данные детерминанты целесообразно учитывать при разработке и внедрении целостной программы по формированию у молодежи экономического патриотизма, что может повысить уровень экономической ответственности и в целом экономической культуры граждан Российской Федерации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вербицкая Н.О. Анализ понятия «экономический патриотизм» в современной России: системно-феноменологический подход / Н.О. Вербицкая // *Фундаментальные исследования*. – 2014. – № 11. – С. 2248–2252.
2. Бельских И.Е. Проблемы развития потребительского патриотизма в России и деловая этика / И.Е. Бельских // *Теоретическая и прикладная экономика*. – 2020. – № 4. – С. 99–113.
3. Древицкая И.Ю. Инновационные подходы к формированию экономического патриотизма у молодежи / И.Ю. Древицкая, И.В. Древицкая // *Сервис Plus*. – 2020. – Т. 14. – № 3. – С. 59–64.
4. Жовтун Д.Т. Подходы к научному определению патриотизма / Д.Т. Жовтун, В.И. Меркушин // *Социология власти*. – 2006. – №1. [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

<https://cyberleninka.ru/article/n/podhody-k-nauchnomu-opredeleniyu-patriotizma> (дата обращения: 21.08.2024).

5. Ивченков С.Г. Ценностные ориентиры и их влияние на восприятие патриотизма у молодёжи / С.Г. Ивченков, Е.В. Сайганова // Вестник Института социологии. – 2020. – Том 11. – № 2. – С. 106–125.

6. Казаневская В.В. Категория «Детерминация» в психологии личности / В.В. Казаневская // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. – 2007. – №1. [Электронный ресурс]. – <https://cyberleninka.ru/article/n/kategoriya-determinatsiya-v-psihologii-lichnosti> (дата обращения: 02.09.2024).

7. Карнышев А.Д. Экономический патриотизм: государственные, этнорегиональные и личностные аспекты / А.Д. Карнышев // Известия БГУ. – 2016. – №3. [Электронный ресурс]. – <https://cyberleninka.ru/article/n/ekonomicheskij-patriotizm-gosudarstvennye-etnoregionalnye-i-lichnostnye-aspekty> (дата обращения: 01.09.2024).

8. Кобылянская М.С. «Экономический патриотизм» в Российской Федерации: формирование гражданской позиции молодёжи / М.С. Кобылянская, Е.А. Матышевская, И.В. Березина // Молодой учёный. – 2016. – № 17. – С. 416–419.

9. Лебедев А.Н. Теоретические и методологические вопросы изучения патриотизма как социального чувства и социально ориентированного поведения / А.Н. Лебедев, О.В. Гордякова // Психология массовых явлений и коммуникаций. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. – № 17. – С. 23–40.

10. Медведева Т.В. Анализ экономического патриотизма с точки зрения системно-феноменологического подхода и социально-экономических реалий современности / Т.В. Медведева, Т.Н. Егорушкина, Т.Б. Белякова // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2015. – Т. 7. – С. 21–25.

11. Оринина Л.В. Формирование экономического патриотизма у студентов технического университета в период экономических санкций в России / Л.В. Оринина // Международный журнал экспериментального образования. – 2016. – № 2-2. – С. 287–290.

12. Оринина Л.В. Экономический патриотизм учащейся молодежи: анализ понятия в психолого-педагогической теории и практике / Л.В. Оринина, Е.А. Овсянникова // Экономика и управление. – 2017. – №6 (140). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekonomicheskij-patriotizm-uchascheysya-molodezhi-analiz-ponyatiya-v-psihologo-pedagogicheskoy-teorii-i-praktike> (дата обращения: 01.09.2024).

13. Орлова М.А. Неопределенность экономической среды и бизнесриски в условиях глобализации / М.А. Орлова // Вестник Российской экономической академии им. Г.В. Плеханова. – 2010. – №4 (34). – С. 21–27.

14. Новикова Е.Ю. Социокультурный анализ экономического патриотизма / Е.Ю. Новикова // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. – 2020. – № 3 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsiokulturnyy-analiz-ekonomicheskogo-patriotizma> (дата обращения: 02.09.2024).

15. Солдатова Н.Ф. Классификация факторов влияния на потребительское поведение в новых экономических условиях / Н.Ф. Солдатова // Экономика, предпринимательство и право. – 2022. – Т. 12. – № 4. – С. 1393–1404.

REFERENCES

1. Verbitskaya N.O. (2014). Analiz ponyatiya «ekonomicheskij patriotizm» v sovremennoj Rossii: sistemno-fenomenologicheskij podhod [Analysis of the concept of "economic patriotism" in modern Russia: system-phenomenological approach] in Fundamental'ny'e issledovaniya [Fundamental research], 11, pp. 2248–2252 (In Russian)

2. Belskikh I.E. (2020) Problemy razvitiya potrebitel'skogo patriotizma v Rossii i delovaya etika [Problems of development of consumer patriotism in Russia and business ethics] in Teoreticheskaya i prikladnaya ekonomika [Theoretical and Applied Economics], 4, pp. 99–113 (In Russian)

3. Drevitskaya I.Yu. & Drevitskaya I.V. (2020) Innovacionnye podhody k formirovaniyu ekonomicheskogo patriotizma u molodyozhi [Innovative approaches to the formation of economic patriotism among young people] in Servis Plus [Service Plus], 14(3), pp. 59–64 (In Russian)

4. Zhovtun D.T. & Merkushin V.I. (2006) Podhody k nauchnomu opredeleniyu patriotizma [Approaches to the scientific definition of patriotism] in Sociologiya vlasti [Sociology of power], 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/podhody-k-nauchnomu-opredeleniyu-patriotizma> (In Russian)

5. Ivchenkov S.G. & Saiganova E.V. (2020) Cennostnye orientiry i ih vliyaniye na vospriyatiye patriotizma u molodyozhi [Value orientations and their influence on the perception of patriotism among young people] in

Vestnik Instituta sociologii [Bulletin of the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences], 11 (2), pp. 106–125 (In Russian)

6. Kazanovskaya V.V. (2007) Kategoriya «Determinatsiya» v psikhologii lichnosti [The category of "Determination" in personality psychology] in Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv [Bulletin of the Kemerovo State University of Culture and Art], 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kategoriya-determinatsiya-v-psikhologii-lichnosti> (In Russian)

7. Karnyshev A.D. (2016) Ekonomicheskij patriotizm: gosudarstvennye, etnoregional'nye i lichnostnye aspekty [Economic patriotism: state, ethnoregional and personal aspects] in Izvestiya BGU [Izvestiya BSU], 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekonomicheskij-patriotizm-gosudarstvennye-etnoregionalnye-i-lichnostnye-aspekty> (In Russian)

8. Kobylyanskaya M.S., Matushevskaya E.A. & Berezina I.V. (2016) «Ekonomicheskij patriotizm» v Rossijskoj Federacii: formirovanie grazhdanskoj pozicii molodyozhi ["Economic patriotism" in the Russian Federation: formation of the civic position of youth] in Molodoj uchyonyj [A young scientist], 17, pp. 416–419 (In Russian)

9. Lebedev A.N. & Gordyakova O.V. (2016) Teoreticheskie i metodologicheskie voprosy izucheniya patriotizma kak social'nogo chuvstva i social'no orientirovannogo povedeniya [Theoretical and methodological issues of studying patriotism as a social feeling and socially oriented behavior] in Psihologiya massovyh yavlenij i kommunikacij, Psihologiya massovyh yavlenij i kommunikacij [Psychology of mass phenomena and communications], 17, pp. 23–40 (In Russian)

10. Medvedeva T.V., Egorushkina T.N. & Belyakova T.B. (2015) Analiz ekonomicheskogo patriotizma s tochki zreniya sistemno-fenomenologicheskogo podhoda i social'no-ekonomicheskikh realij sovremennosti. [Analysis of economic patriotism from the point of view of a systemic phenomenological approach and socio-economic realities of modernity] in Nauchno-metodicheskij elektronnyj zhurnal «Koncept» [Scientific and methodological electronic journal "Concept"], 7, pp. 2125 (In Russian)

11. Orinina L.V. (2016) Formirovanie ekonomicheskogo patriotizma u studentov tekhnicheskogo universiteta v period ekonomicheskikh sankcij v Rossii [Formation of economic patriotism among students of the Technical University during the period of economic sanctions in Russia] in Mezhdunarodnyj zhurnal eksperimental'nogo obrazovaniya [International Journal of Experimental Education], 2(2), pp. 287–290 (In Russian)

12. Orinina L.V. & Ovsyannikova E.A. (2017) Ekonomicheskij patriotizm uchashchejsya molodezhi: analiz ponyatiya v psihologo-pedagogicheskoy teorii i praktike [Economic patriotism of students: an analysis of the concept in psychological and pedagogical theory and practice] in Ekonomika i upravlenie [Economics and management], 6 (140). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekonomicheskij-patriotizm-uchaschejsya-molodezhi-analiz-ponyatiya-v-psihologo-pedagogicheskoy-teorii-i-praktike> (In Russian)

13. Orlova M.A. (2010) Neopredelennost' ekonomicheskoy sredy i biznesriski v usloviyah globalizacii [Uncertainty of the economic environment and business risks in the context of globalization] in Vestnik Rossijskoj ekonomicheskoy akademii im. G.V. Plekhanova [Bulletin of the Plekhanov Russian Academy of Economics], 34, pp. 21–27 (In Russian)

14. Novikova E.Y. (2020) Sociokul'turnyj analiz ekonomicheskogo patriotizma [Socio-cultural analysis of economic patriotism] in Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Obshchestvennye nauki [Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Social sciences], 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsiokulturnyy-analiz-ekonomicheskogo-patriotizma> (In Russian)

15. Soldatova N.F. (2022) Klassifikatsiya faktorov vliyaniya na potrebitel'skoe povedenie v novykh ekonomicheskikh usloviyah [Classification of factors influencing consumer behavior in new economic conditions] in Ekonomika, predprinimatel'stvo i pravo [Economics, entrepreneurship and law.], 12 (4), pp. 1393–1404 (In Russian)

Поступила в редакцию 06.08.2024 г.

PERSONAL AND SITUATIONAL DETERMINANTS OF RUSSIAN CONSUMER'S ECONOMIC PATRIOTISM

M.Y. Rogozina, M.V. Pershina

The paper deals with personal and situational determinants of Russian consumer's economic patriotism. The relevance of the work is due to the need to form in the consumer a system of economic values that contribute to the development of the Russian economy in the situation of foreign policy pressure and economic sanctions. The following methods and techniques have been used in the study: theoretical (analysis and synthesis), psychodiagnostic (methods for determining patriotism, life-meaning orientations, personality

questionnaires), interpretational (methods of mathematical statistics, content analysis, correlation and variance analysis). Conclusions are made that the personal determinants of the formation of economic patriotism of the Russian consumer are value-meaning orientations aimed at breadth of views, a high degree of goal-setting, self-confidence; current interpersonal needs. Situational determinants include the region of residence, and the individual's sphere of employment.

Key words: patriotism, economic patriotism, Russian consumer, personal determinants, situational determinants

Рогозина Марина Юрьевна.

Кандидат педагогических наук.
Донецкий государственный университет.
Доцент кафедры общей психологии.

ORCID 0009-0002-9398-3482.

E-mail: muysan@mail.ru.

Першина Мария Вадимовна.

Магистр.
Донецкий государственный университет.
ORCID 0009-0006-0048-6698.
E-mail: maripersina693@gmail.com.

Rogozina Marina Yuryevna.

Candidate of Pedagogy.
Donetsk State University.
Associate Professor at Department of General Psychology.

ORCID 0009-0002-9398-3482.

E-mail: muysan@mail.ru.

Pershina Maria Vadimovna.

Master degree student.
Donetsk State University.
ORCID 0009-0006-0048-6698.
E-mail: maripersina693@gmail.com.

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

1. Для публикации в журнале «Вестник Донецкого национального университета. Серия Д: Филология и психология» принимаются оригинальные научные работы, содержащие результаты исследований, относящихся к следующим отраслям наук:

5.9. Филология:

5.9.1. Русская литература и литература народов Российской Федерации;

5.9.3. Теория литературы;

5.9.5. Русский язык. Языки народов России;

5.9.6. Языки народов зарубежных стран;

5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика;

5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика.

5.3. Психология:

5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии;

5.3.5. Социальная психология, политическая и экономическая психология.

2. Статьи, опубликованные ранее в других журналах, а также статьи, не соответствующие редакционным требованиям или тематике журнала, к рассмотрению не принимаются. В журнале публикуются исключительно актуальные, написанные в год подачи в редколлегию материалы.

3. Решение о публикации выносится редакционной коллегией журнала после рецензирования. Если рецензия положительная, но содержит замечания и пожелания, редакция направляет статью авторам на доработку вместе с замечаниями рецензента. Автор должен ответить рецензенту по всем пунктам рецензии. После такой доработки редколлегия принимает решение о публикации статьи. В случае отклонения статьи редакция направляет авторам либо рецензии или выдержки из них, либо аргументированное письмо редактора. Редколлегия не вступает в дискуссию с авторами отклонённых статей, за исключением случаев явного недоразумения. Статья, задержанная на срок более трёх месяцев или требующая повторной переработки, рассматривается как вновь поступившая. Редакция оставляет за собой право проводить редакционную правку текстов. Корректурa статей авторам не высылаётся.

4. Редакция не взимает плату с авторов за подготовку, размещение и печать материалов.

5. На адрес редколлегии (vi.terkulov@mail.ru) во вложениях к письму присылаются следующие документы:

5.1. **Электронный текст статьи** (в формате WORD или RTF и параллельно в формате pdf), не превышающий диапазона **7-15** страниц (от **20000** до **40000** знаков). Список литературы, список источников, references, сведения об авторе и перевод аннотации в объём текста исследования не включаются. **Название файла электронного текста статьи:** «(Фамилия автора)_статья», например, «Дьякова_статья».

5.2. **Текст для оглавления.** В отдельном файле и на отдельном листе подаются фамилия и инициалы автора, а также название статьи на русском и английском языках. При этом фамилия и инициалы автора набираются курсивом через неразрывный пробел и с разреженным межбуквенным интервалом (3 пт). Точка в конце текста не ставится

(название файла «(Фамилия автора)_для_оглавления», например, «Дьякова_для_оглавления»).

Образец

Дьякова Т. А. Историзмы как лингвистические реалии с социокультурным компонентом в текстовом пространстве Михаила Матусовского

Diakova T. A. Historicisms as Linguistic Realias with Sociocultural Component in Works by Mikhail Matusovsky

5.3. **Согласие на обработку данных** (высылается автору после приёма статьи к публикации).

6. **ВНИМАНИЕ! ОБЯЗАТЕЛЬНЫЕ ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ:**

1. **Основной текст статьи** — шрифт Times New Roman, размер 12 пт., с выравниванием по ширине;

2. **Аннотация, список литературы, таблицы, подрисуночные подписи, информация об авторах** — шрифт Times New Roman, размер 10 пт.

3. **Поля зеркальные:** верхнее — 20 мм, нижнее — 25 мм, слева — 30 мм, справа — 20 мм. Междустрочный интервал — одинарный.

4. Абзацный отступ — 1 см.

5. Текст набирается **без** автоматической расстановки переносов (выравнивание по ширине);

6. В тексте допускаются выделения курсивом, жирным шрифтом, разрядкой (**но не подчёркиванием**). Для выделения примеров в тексте используется только курсив, например: Слово *прилагательное* – субстантивированное прилагательное. При необходимости выделения примеров в пределах набранного курсивом предложения, а также для акцентирования внимания на какие-то из примеров – полужирный курсив: *Я памятник себе **воздвиг** *нерукотворный**; слова категории состояния: *хорошо, **можно**, пора*;

7. Для названий произведений используются «угловые» кавычки: «Война и мир»;

8. Цитирование, прямая речь и т.д. оформляются угловыми кавычками вида «...»; при необходимости использовать кавычки внутри цитаты, внешними должны быть «угловые» кавычки: «..."..."...»;

9. Необходимо правильно употреблять тире (–) и дефис (-); различие заключается в размере и наличии пробелов перед и после тире: Жуковский – поэт-романтик; первый знак пунктуационный, второй орфографический;

10. Для обозначения страничных, временных и других интервалов используется не отделённое пробелами от смежных знаков тире: с. 24–26;

11. Если стихотворные тексты печатаются как включение в текст, то стихи разделяются наклонной чертой, а строфы – двумя наклонными чертами:

Ты этого хотел. – Так. – Аллилуйя. / Я руку, бьющую меня, целую. // В грудь, оттолкнувшую – к груди тяну, / Чтоб, удивясь, прослушал тишину. (М. Цветаева. Пригвождена...);

12. Если стихи воспроизводятся с соблюдением строфического оформления, то необходимо использовать следующие параметры: размер шрифта – 12, межстрочный интервал одинарный, абзацный отступ – 4 см.:

*В нем пуши и войны кипит всегдашний жар,
На Марсовых полях он грозный был воитель.
Друзьям он верный друг, красавицам мучитель,*

И всюду он гусар.

(А. Пушкин. К портрету Каверина);

13. Неразрывный пробел (Ctrl+Shift+пробел) обязательно используется:

а. между инициалами и фамилией (между инициалами имени и отчества пробел не используется): В.И. Супрун, Супрун В.И., В. Супрун, Супрун В.

б. после знака «с.» (страница) перед номером страницы (страничным интервалом): в тексте статьи – с. 212, с. 212–218; в библиографическом описании – С. 212–218;

в. после указания на количество страниц в библиографическом описании: 418 с.;

г. в сочетаниях и т.д., и т.п.

7. Текст рукописи должен быть построен по следующей схеме:

– Перед УДК отдельной строкой слева указывают тип статьи, например: Научная статья, Обзорная статья, Краткое сообщение, Рецензия и т. д.

– Индекс УДК в верхнем левом углу страницы (без абзацного отступа и без выделения).

– Текст DOI: (индекс DOI присваивается редколлегией).

– **НАЗВАНИЕ** статьи — полужирный, по центру (прописными буквами без переноса слов); в случае, если необходимо привести благодарность или указание на источник финансирования статьи, это делается в пристраничной сноске к названию.

– Через строчку: копирайт ©, год (точка после года не ставится) (полужирный), (три пробела), инициалы и фамилия (фамилии)

– На следующей строке: полное официальное название организации (курсив).

– На следующей строке ORCID автора.

– Через строчку: аннотация на русском языке (10 кегль) объёмом не менее 100 и не более 150 слов, которая должна кратко отражать **проблему, методы, материал и основные результаты исследования. Ключевые слова:** (это словосочетание – полужирным курсивом) (8–15 слов).

– Через строчку: Для цитирования (10 кегль, в соответствии с ГОСТ 7.1-2003 «Библиографическая запись. Библиографическое описание» и ГОСТ 7.05-2008 «Библиографическая ссылка»).

Образец оформления начала статьи:

Научная статья

УДК 81:112

DOI:

**ИСТОРИЗМЫ КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ
С СОЦИОКУЛЬТУРНЫМ КОМПОНЕНТОМ В ТЕКСТОВОМ
ПРОСТРАНСТВЕ МИХАИЛА МАТУСОВСКОГО**

© 2024 *Т.А. Дьякова*

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Луганская государственная академия культуры и искусств имени М. Матусовского»

ORCID 0000-0002-8440-7806.

В работе рассматриваются историзмы из произведений М. Матусовского, представляющие интерес как источники социокультурной информации. Актуальность исследования обусловлена

необходимостью изучения этого слоя словаря писателя для адекватного восприятия культурно-исторических, социально-бытовых аспектов литературных произведений, отражающих различные периоды развития общества. В процессе исследования текстов применялись различные методы и приемы: анализ и синтез, сплошная выборка единиц определенной группы, культурологический, этимологический, исторический комментарий. Историзмы, использованные писателем, объединены для анализа в несколько групп: одежда и ее детали; приборы, технические средства; музыкальные инструменты и звуковоспроизводящие аппараты; осветительные приборы и приспособления; ткани и др. Сделаны выводы о целях использования устаревших слов. В текстах они служат для создания культурно-исторического и социально-бытового колорита, обеспечения эмоционально-экспрессивного фона повествования. Историзмы применяются как детали портретных характеристик персонажей, используются как художественные средства выразительности.

Ключевые слова: историзм, социокультурный компонент, лексема, лингвистическая реалья, культурно-исторический колорит, социально-бытовой колорит, портретная характеристика.

Для цитирования: Дьякова Т.А. Историзмы как лингвистические реалии с социокультурным компонентом в текстовом пространстве Михаила Матусовского / Т.А. Дьякова // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. – 202X. – № X. – С. XX-XX. – <https://doi.org/>

Для создания отделяющих линий используется инструмент «Границы».

– Через строчку – текст статьи (12 кегль), который включает введение, основную часть и заключение. Каждый из указанных разделов должен быть озаглавлен (не курсив, выделение полужирным).

Введение. Постановка проблемы в общем виде и связь с важнейшими научными и практическими задачами, краткий анализ последних исследований и публикаций, в которых начато решение данной проблемы и на которые опирается автор, выделение нерешённых ранее частей общей проблемы, которым посвящена статья, формулировка цели и задач статьи.

Материалы и методы исследования. Описание используемых материалов с указанием их точных характеристик, в том числе количественных и статистических, обоснованием репрезентативности выборки; описание методов исследования с изложением их значимых инструментов и процедур.

Основная часть. Основные материалы исследования с полным обоснованием полученных научных результатов; как правило, содержит такие структурные элементы: постановка задачи, представление пути решения, анализ результатов.

Заключение. Констатация решения поставленных во введении задач, перспективы дальнейших изысканий в данном направлении.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И СПИСОК ИСТОЧНИКОВ (10 кегль без абзачного отступа). Списком литературы считается список научных работ, на которые ссылается автор, а Списком источников – список источников иллюстративного материала (словари, источники примеров: художественные произведения, тексты СМИ, тексты из национального корпуса русского языка и т.д.). Список источников приводится только в том случае, если в тексте есть примеры из словарей, национального корпуса русского языка, произведений художественной литературы и т.п.

Список литературы и список источников приводятся общим списком (со сквозной нумерацией) после Заключения в алфавитном порядке на языке оригинала (сначала – работы на русском языке, затем – на иностранных) в соответствии с ГОСТ 7.1-2003 «Библиографическая запись. Библиографическое описание» и ГОСТ 7.05-2008 «Библиографическая ссылка». Во всех случаях, когда у цитируемого материала есть DOI, его необходимо указывать в самом конце библиографической ссылки.

Ссылка на источник даётся в тексте в квадратных скобках и оформляется по модели [номер в списке литературы, запятая, с., страница]: [4, с. 23].

Ссылки допускаются только на опубликованные работы.

Необходимо включение в список как можно больше свежих первоисточников по исследуемому вопросу (не более чем трёх–четырёхлетней давности). Не следует ограничиваться цитированием работ,

принадлежащих только одному коллективу авторов или исследовательской группе. Желательны ссылки на современные зарубежные публикации. Корректными считаются не более двух ссылок на работы автора статьи.

Минимальное количество источников в списке литературы, на которые в обязательном порядке должны быть ссылки в тексте статьи, – 10.

Словосочетания **СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ** и **СПИСОК ИСТОЧНИКОВ** (Полужирный) выравнивается по левому краю без абзаца:

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арсеньева М.Г. О тождестве слова / М. Г. Арсеньева, Т. В. Строева, А. П. Хазанович // Научные доклады высшей школы: филологические науки. – 1965. – № 2. – С. 59-68.

2. Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс / Н.Д. Арутюнова // Теория метафоры. – М.: Наука, 1990. – С. 5–33.

3. Белозерова Е.В. Текстовые реализации лингвокультурных концептов / Е.В. Белозерова // Профессиональная коммуникация: проблемы гуманитарных наук : [сб. науч. тр.]. – Волгоград : ВГСХА, 2005. – Вып. 1. Филология, лингвистика, лингводидактика. – С. 10–17.

4. Богданова Е.А. Лексика свадебного обряда в воронежских говорах : этнолингвистический аспект : дисс. канд. филол. наук : 10.02.01 Русский язык / Богданова Елена Александровна ; ВГУ. – Воронеж, 2019. – 324 с.

5. Леонтьев А.А. Психолингвистические особенности языка СМИ [Электронный ресурс] / А.А. Леонтьев. – Режим доступа: http://www.genhis.philol.msu.ru/article_286.shtml (дата обращения: 25.10.2024).

6. Магера Т.С. Текст политического плаката: лингвориторическое моделирование (на материале региональных предвыборных плакатов): автореф. дисс. ... канд. филол. наук : спец. 10.02.01 «Русский язык» / Т.С. Магера. – Барнаул, 2005. – 18 с.

7. Николаева Т.А. Социокультурный аспект гендерной маркированности якутских фразеологизмов / Т.А. Николаева, Л.М. Готовцева // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. – 2024. – Вып. 1 (43). – С. 20-31. – <http://doi.org/10.23951/2307-6119-2024-1-20-31>.

8. Теркулов В.И. Парадигматика сложносокращённого слова как средство прогнозирования эквивалентностных отношений / В.И. Теркулов // Русистика. – 2023. – Т. 21. № 1. – С. 79–96. – <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2023-21-1-79-96>.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

9. Ипатова О. Золотая жрица Ашвинов / О. Ипатова // Ольгердово копые: романы. – Минск: Беллитфонд, 2002. – С. 3–299.

10. Словарь русских народных говоров. Вып. 8. Дер–Ерепеничь / Гл. ред. Ф.П. Филин. – Л. : Наука, Ленинградское отд., 1972. – 370 с.

После Списка источников или Списка литературы (в случае, если список источников отсутствует) даётся список **References**, в котором используется формат АРА с обязательной транслитерацией и переводом кириллических названий (за исключением названий периодических изданий). Слово **REFERENCES** (Полужирный) выравнивается по левому краю без абзаца. Если статья подается на английском языке, то список литературы сразу же выполняется в формате АРА. Дублировать следует только рубрику **Список литературы**. Для публикаций, имеющих DOI, необходимо указывать соответствующую ссылку.

Названия изданий на языке, использующем не латинский алфавит (например, кириллицу), должны быть транслитерированы и переведены на английский язык, при этом в качестве основного названия используется транслитерация оригинального названия, а английский перевод дается в квадратных скобках сразу после неё. Примеры оформления:

REFERENCES

1. Abaev, V.I. (1979). Skifo-sarmatskie narechiia [Scytho-Sarmatian languages]. In V. S. Rastorgueva (Ed.), *Osnovy iranskogo iazykoznaniiia. Drevneiranskii iazyki* [Elements of Iranian Linguistics. Ancient Iranian Languages] (pp. 272–346). Moscow: Nauka. (In Russian)

2. Berezovich, E.L. (2007). *Iazyk i traditsionnaia kul'tura: etnolingvisticheskie issledovaniia* [Language and Traditional Culture: Ethnolinguistic Studies]. Moscow: Indrik. (In Russian)

3. Blasco Ferrer, E. (1993). Tracce indeuropee nella Sardegna nuragica? [Indo-European Traces in Nuragic Sardinia?]. *Indogermanische Forschungen*, 98, 177–185. <http://doi.org/10.1515/9783110243390.177> (In Italian)
4. Sprache [Electronic Dictionary of the German Language]. Retrieved from <http://www.dwds.de/>. (In German).
5. Gammeltoft, P. (2005). Islands Great and Small: A Brief Survey of the Names of Islands and Skerries in Shetland. In P. Gammeltoft, C. Hough & D. Waugh (Eds.), *Cultural Contacts in the North Atlantic Region: The Evidence of Names* (pp. 119–126). Lerwick: NORNA.
6. Harvalík, M. (2004). Synchronní a diachronní aspekty české onymie [Synchronic and Diachronic Aspects of Czech Proper Names]. Praha: Academia. (In Czech).
7. Kleiber, G. (1992). Quand le nom propre prend l'article: le cas des noms propres métonymiques [When A Proper Name Takes An Article: The Case of Metonymic Proper Names]. *Journal of French Language Studies*, 2, 185–205. (In French).
8. Koznetsov, S. A. (Ed.). (2000). *Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo iazyka* [A Great Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Saint Petersburg: Norint. (In Russian)
9. Lysova, E. V. (2002). *Ornitoniimiiia Russkogo Severa* [Ornithonymy of the Russian North] (Doctoral dissertation). Ural State University, Ekaterinburg. (In Russian)
10. Pharies, D. (2002). The Origin and Development of the Spanish Suffix -azo. *Romance Philology*, 56 (1), 41–50. <http://doi.org/10.1484/J.RPH.2.304495> (In English).
11. Room, A. (1988). *Bloomsbury Dictionary of Place-Names in the British Isles*. London: Bloomsbury.
12. Zaliznyak, A. A., & Yanin, V. L. (2003). *Berestianye gramoty iz novgorodskikh raskopok 2002 g.* [Birch Bark Manuscripts from Novgorod Excavations in 2000]. *Voprosy yazykoznaniiya*, 4, 3–11. (In Russian)

– После курсивом (10 кегль, выравнивание по правой стороне) делается запись: *Поступила в редакцию xx.xx.20xx г.*

- Далее приводится аннотация на английском языке (10 кегль), включающая:
 - название статьи (полужирный шрифт – выравнивание по центру),
 - через строку: инициалы и фамилия автора (авторов) (полужирный курсив – выравнивание по левому краю, без абзаца),
 - через строку: аннотация, ключевые слова (словосочетание **Key words**: – полужирный курсив) – выравнивание по ширине, с абзацем 1 см.

HISTORICISMS AS LINGUISTIC REALIAS WITH SOCIOCULTURAL COMPONENT IN WORKS BY MIKHAIL MATUSOVSKY

T.A. Diakova

The work examines historicisms from the works of M. Matusovsky as linguistic realias with a socio-cultural component. The historicisms used by the writer are classified into several groups: clothes and their parts; devices, hardware and apparatus; musical instruments and sound reproducing apparatus; lighting devices and gear; fabrics. Conclusions about the purposes of using historical lexemes are drawn. In the texts, they serve to create a cultural, historical and social atmosphere, to convey the temporal and local characteristics of the described epoch, to provide the narrative emotionally expressive background. Historicisms are used as means of character drawing and function as various tropes.

Key words: historicism, socio-cultural component, lexeme, linguistic realia, cultural and historical atmosphere, social and everyday atmosphere, portrait characteristic.

– В конце статьи обязательно параллельно в таблице на русском и английском языках указываются (10 кегль, выравнивание левой стороне, без абзацного отступа) следующие сведения об авторах (для каждого автора – отдельная строка):

- Фамилия, имя, отчество полностью (полужирный);
- Ученая степень и звание (без выделения).
- Полное название организации – места работы каждого автора, страна, город (**без всяческих ФГБОУ ВО** и без выделения).
- Должность (без выделения).
- ORCID
- Адрес электронной почты.

В конце каждой строки ставится точка.

Образец:

Дьякова Татьяна Алексеевна.

Кандидат филологических наук, доцент.

Луганская государственная академия культуры и искусств имени М. Матусовского, Российская Федерация, г. Луганск.

Доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин.

ORCID 0000-0002-8440-7806.

E-mail: diako122@rambler.ru

Diakova Tatiana Alekseevna.

Candidate of Philology, Associate Professor.

State Culture and Art Academy of Lugansk named after M. Matusovsky, The Russian Federation, Lugansk.

Associate Professor of Department of Social and Humanitarian Disciplines.

ORCID 0000-0002-8440-7806.

E-mail: diako122@rambler.ru

8. Студенты, магистранты, аспиранты и соискатели вместе со статьёй подают рецензию научного руководителя.

9. Авторы научных статей несут персональную ответственность за наличие элементов плагиата в текстах статей, а также за содержание и достоверность фактов, цитат, имён собственных и других сведений.

10. Контактная информация:

283001, г. Донецк, ул. Университетская, 24, 1 корпус, Филологический факультет (ауд. 451, 452).

Ответственный редактор: **Теркулов Вячеслав Исаевич**, д-р филол. наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка Донецкого государственного университета (E-mail: vi.terkulov@mail.ru).

Ответственный секретарь: **Вильдгрубе Светлана Александровна**, канд. психол. наук, доцент кафедры психологии ДонГУ (E-mail: s.vildgrube@mail.ru).

Научное издание

Вестник Донецкого национального университета

Серия Д. Филология и психология

Научный журнал

2024. – № 4

На русском и английском языках

Технический редактор: **Д.И. Борозенец**